

Ежемесячный научный журнал**№ 2 / 2014***ЧАСТЬ 2***Редакционный совет**

Ответственный редактор — д.ф.-м.н. Филесин Т.А.
Секретарь конференции — д.ю.н. Аракелян Л.Т.
Редакционная коллегия
Березин Л.С.
Гордиенко С.В.
Дочев Д.Т.
Ильинский В.И.
Киварова В.М.
Миронина Т.С.
Невский А.А.
Опарина В.П.
Оленин К.А.
Параска Б.Д.
Рыжков Л.П.
Симоненко Д.К.
Тимофеев В.Г.
Трошев А.Е.

Ответственный редактор

д.ф.-м.н. Филесин Т.А. (Российская Федерация)

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: 620144, г. Екатеринбург, улица Народной Воли, 2, оф. 44

Адрес электронной почты: info@national-science.ruАдрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель Национальная ассоциация ученых (НАУ)

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург, улица Народной Воли, 2, оф. 44

Редакционный совет

Ответственный редактор — д.ф.-м.н. Филесин Т.А.
Секретарь конференции — д.ю.н. Аракелян Л.Т.
Редакционная коллегия
Березин Л.С.
Гордиенко С.В.
Дочев Д.Т.
Ильинский В.И.
Киварова В.М.
Миронина Т.С.
Невский А.А.
Опарина В.П.
Оленин К.А.
Параска Б.Д.
Рыжков Л.П.
Симоненко Д.К.
Тимофеев В.Г.
Трошев А.Е.

Художник: Венерская Виктория Александровна

Верстка: Коржев Арсений Петрович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Международные индексы:

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авдеев Д.А.

РЕСПУБЛИКА И МОНАРХИЯ ИЛИ ЖЕ ПОЛИКРАТИЯ
И МОНОКРАТИЯ 6

Бит-Шабо И.В.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ 9

Чепус А.В.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ 11

Чернядьева Н.А.

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ 13

Чуклина Э.Ю.

ПРЕВЕНТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗА-
ПРЕТА КАК ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ ... 17

Душакова Л.А.

ИНСТИТУТ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ:
НЕОБХОДИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ..... 18

Габдрахманова Э.Ф.

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕ-
НИЕМ ЛИЦЕНЗИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ
ЭКОНОМИКИ 20

Гаджихмедова А.Г.

КОНЦЕПЦИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В
СФЕРЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ
РФ 23

Груздев В.В.

О СТРУКТУРЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА И ЕЕ РОЛИ
В ПОНИМАНИИ СУЩНОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ
ЗАЩИТЫ 25

Карнишина Е.В.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ОРГАНАМИ
КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ 28

Карпов Н.О.

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО
УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ИЗГОТОВЛЕНИЕМ
ПОДДЕЛЬНЫХ БАНКОВСКИХ КАРТ 32

Майборода В.А.

ИНСТИТУТ АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬ ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННО-
СТИ 34

Максуров А.А.

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ДЕФИНИЦИИ ПРАВОПРОЕКТИРОВА-
НИЯ (НА ПРИМЕРЕ КООРДИНАЦИОННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ
ТЕХНОЛОГИИ)..... 37

Малинин В.Б.

НОВАЯ – СТАРАЯ ТЕОРИЯ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ В УГОЛОВ-
НОМ ПРАВЕ 40

Павлов С.Ю.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА В XX
ВЕКЕ 42

Шагимуратова З.А.

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО С
УЧАСТИЕМ АДВОКАТА..... 45

Шмыков Д. В.

ПОРНОГРАФИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ 46

Тимохов В.П.

УНИФИКАЦИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКЕ КАК ФАКТОР
ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВО-
ПРИМЕНЕНИЯ..... 50

Толеубекова Б.Х.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНО-
ДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЗОВАНИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
В КОНТЕКСТЕ ПОЛОЖЕНИЙ ДОГОВОРА «О ЕВРАЗИЙСКОМ
ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ» 52

Васюков С.В.

ЗАКОН О ЗАПРЕТЕ ЗАЁМНОГО ТРУДА: ИСТОРИЯ ПРИНЯ-
ТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ..... 55

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Антомонова Ю.А. ВЗГЛЯДЫ НА ПОСТРОЕНИЕ ГАРМОНИЧНОГО ОБЩЕСТВА В КИТАЕ ДИНАСТИЙ ЦИНЬ-ХАНЬ (III В. ДО Н.Э - III В. Н.Э), ВЭЙ-ЦЗИНЬ (220-420Г. Н.Э.) 59	Иванова Е.В. ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «РЕЛИГИОЗ- НАЯ МИФОЛОГИЯ» ONTOLOGICAL BASIS OF THE NOTION OF «RELIGION MYTHOLOGY» 75
Бутенко Т.А. ПАРАДОКС САМОПОЗНАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ УРОВ- НЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ 61	Наместникова И.В. СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ.. 78
Фархитдинова О.М. ТИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ: ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ ВНЕНАУЧНОГО ЗНАНИЯ 63	Рябчикова Е.П. ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В КОНЦЕПЦИИ И.А.ИЛЬИНА КАК ПУТЬ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ 81
Герасимов С.В. МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА 65	Самойлова Е.О. ЧЕЛОВЕК КАК «ЗНАК» В СЕТИ ИНТЕРНЕТ 83
Годун П.А. ВОСТОК И ЗАПАД – ДВЕ ФОРМЫ СОЗНАНИЯ. ИСТОРИКО- ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД..... 67	Ситникова Е.А. ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА 85
Исхаков Р.Л., Корсаков А.Н. К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ УММЫ..... 70	Тупицин А.А. РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ 87
	Закирова Т.В. СИМВОЛ И СИМУЛЯКР 89

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Большакова Л.С. ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРЫ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА НА ФОРМИРОВА- НИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА 91	Ржанова С.А. КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФИННО-УГОРСКИХ ГАЗЕТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕЧАТИ МОРДОВИИ) 106
Халина Н.В. ЛОГИКО-ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕКСТОВОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ МИРА СВЯЗЕЙ В.М. ШУКШИНА: ЧТО-ЗНАНИЕ (TH-KNOWLEDGE) И КАК-ЗНАНИЕ (WH-KNOWLEDGE) 93	Савицкая Е.В. ЛАКУНЫ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ 108
Королева О.П. ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАПАЗОН МЕЖДОМЕТИЙ В ЛЕК- СИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА 96	Савостина Д.А. ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ПРЕДИКАТИВА СО ЗНАЧЕ- НИЕМ СХОДСТВА / ПОДОБИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1 ТРЕТИ XX ВЕКА..... 111
Митрофанова Г.Г. СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ, ВХОДЯЩЕЙ В СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОБРАЗОВАНИЕ» 98	Сипкина Н.Я. НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЛИРИКЕ Р.И. РОЖДЕ- СТВЕННОГО 113
Новикова А.А., Орлова С.Н. К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ РЕЛИГИЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ АЛЁШИ КАРАМАЗОВА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ» 100	Томская Л.М. РУССКИЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ ИЗМЕНЕНИЙ: ПОСТУЛАТЫ ПРОШЛОГО И ПРОБЛЕМЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ..... 116
Олейник С.А. ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ 103	

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Чернышёва О.В.

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ:
ВКЛАД ЕВРОПЕЙСКИХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ
В ЕЕ РАЗВИТИЕ 119

Дроздовский А.К.

СВЯЗЬ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СВОЙСТВ
НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ, ТЕМПЕРАМЕНТОВ
И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ 122

Фурсова Д.В.

УЧЕБНАЯ УСПЕШНОСТЬ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ
РАЗНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ..... 126

Калинина Н.В.

ДЕТИ ГРУППЫ РИСКА ПО ФОРМИРОВАНИЮ РАССТРОЙ-
СТВА ЛИЧНОСТИ И ПОВЕДЕНИЯ В ПОСЛЕДСТВИЕ
БОЛЕЗНИ, ПОВРЕЖДЕНИЯ И ДИСФУНКЦИИ
ГОЛОВНОГО МОЗГА 128

Моисеева С.Н.

КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЕ РОДИТЕЛЬНИЦ УМСТВЕННО
ОТСТАЛОГО РЕБЕНКА, В СИТУАЦИИ ВОСПИТАНИЯ
ОДНОГО И ДВОИХ ДЕТЕЙ 133

Мурзина Е.Б.

ВЗГЛЯД И.А. СИКОРСКОГО НА ДЕТСКУЮ РЕЧЬ
И ЕЕ РАЗВИТИЕ 135

Шагивалеева Г.Р., Бильданова В.Р.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИО-
НАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ВУЗА 138

Сорокоумова С.Н., Егорова П.А., Щелоков С.А.

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
ПОДГОТОВКА КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПЕДАГОГА..... 140

Степанова Н.В.

ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ
МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА 143

Забегалина С.В., Чигарькова А.В.

ПРОГНОЗ И РАЗВИТИЕ СПОСОБНОСТЕЙ И ХАРАКТЕРА
В ХОДЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ
ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 144

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Григорьева И.Е.

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ НА СОЦИАЛЬНОЕ
НЕРАВЕНСТВО В КИТАЕ..... 147

Малахова Ю.В., Хохлова В.В., Штольц М.В.

ГЕНДЕРНЫЙ ЭФФЕКТ 150

Кобыляцкий Н.Г.

УПРАВЛЕНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ..... 155

Макарова Н.С.

КРИТЕРИИ И ФАКТОРЫ СЕГМЕНТАЦИИ РЫНКА
СТРАХОВЫХ УСЛУГ 157

Поленин В.И.

СМЕНА ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ПРИНЦИПА РАЗВИТИЯ
ОБЩЕСТВА – СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ..... 160

Поленин В.И.

ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ В РОССИИ 162

Русанов В.А.

НАЦИОНАЛИЗМ И СОЦИУМ: ОТ ДЕВИАНТНОСТИ
К МНОГООБРАЗИЮ..... 168

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

РЕСПУБЛИКА И МОНАРХИЯ ИЛИ ЖЕ ПОЛИКРАТИЯ И МОНОКРАТИЯ

Авдеев Дмитрий Александрович

Кандидат юридических наук, доцент, Тюменский Государственный Университет, г. Тюмень

REPUBLIC AND THE MONARCHY OR POLYCRATES AND MONOKRATIYA

Avdeev Dmitry, Candidate of Science, assistant professor of Tyumen State, University, Tyumen

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются виды монархической и республиканской формы правления. Анализируются те или иные основания классификации формы правления. При сопоставлении различных видов форм государственного правления автором выявляются как общие закономерности их эволюционного развития, так и прогнозируется дальнейшее развитие республиканской и монархической форм правления. Автор использовал метод анализа и синтеза, формально-юридический метод и сравнительно-правовой метод исследования.

Формулируются выводы о том, что классификация форм правления на монархии и республики себя изживает.

ABSTRACT

In this article are analyzed types of monarchic and republican forms of governing. Analyzed some basis of the form of governing classification. The Author compares different types of forms of the state governing which help to discern general tendencies of their evolutionary development and prognoses further development of monarchic and republican forms of governing. The author used a method of analysis and synthesis, formal-legal method and comparative legal method of research

The author concludes that the classification of forms of government on the monarchy and the republic is becoming obsolete

Ключевые слова: форма правления, монархия, республика, монархия, поликратия, классификация, виды
Key words: form of governing, monarchy, republic, monokratiya, Polycrates classification, types

В настоящее время все государства по форме правления можно классифицировать на две группы: республики и монархии. Следует иметь ввиду, что еще в античности формы правления подразделялись на правильные и неправильные. По мнению нашего современника Б.А. Осипяна «все правомерные и неправомерные типы государства можно условно подразделить на монархии и парламентские республики, которые, в свою очередь, подразделяются на соответствующие им разновидности» [1; 25].

В чем же заключается принципиальное отличие республики от монархии? «Юридическое различие между монархией и республикой, - подчеркивал русский юрист Ф. Кистяковский, - нужно искать не в компетенции правительственной власти, а в ее организации, именно в юридическом положении носителя этой власти» [2, 298]. В свою очередь Н.М. Коркунов, рассматривал в качестве основного признака при классификации формы правления на монархии и республики политическую ответственность главы государства. «Именно в этом различии ответственности и безответственности, - писал он, - заключается различие президента республики и монарха, а не в объеме или характере их функций. Президент Северо-Американских Соединенных Штатов пользуется большей властью, нежели английская королева; но президент ответственен перед конгрессом и потому не монарх; английская королева, напротив безответственна и потому. Несмотря на всю ограниченность своей власти, остается все же монархиней» [3, 255].

На наш взгляд, деление форм правления на две основные группы – монархии и республики является консервативным, устаревшим и такая классификация изжила себя. С учетом современного развития государства как такового, полагаем, назрела необходимость в разработке новых подходов к классификации форм правления, что позволит провести определенного рода их систематизацию. Ведь порой возникают некоторые сложности в идентификации формы правления того или иного государства, а способ формирования главы государства как основное отличие республики от монархии утратил, по нашему мнению, свое былое значение. Нельзя не согласиться с мнением З.Н. Курдюковой, что различие между монархией и республикой по критериям выборности, коллегиальности, краткосрочности, подотчетности весьма условно [4, 60].

Основанием классификации форм правления могут служить разного рода критерии. Так, к числу ключевых, как правило, относят *способ формирования главы государства* – получение власти в результате выборов или же в порядке престолонаследия, *срочность* нахождения у власти и *юридическая ответственность* главы государства [5].

Еще большую сложность и порой путаницу вызывают попытки классификации разновидностей республиканской и монархической форм правления. Так, республики, несмотря на наличие общих признаков, традиционно подразделяют на президентские и парламентские. Классическими видами монархии являются абсолютные

(неограниченные), дуалистические и конституционные (ограниченные).

Встречаются и иные классификации формы правления. Несмотря на обилие выделяемых форм правления, полагаем, что, по сути, основными, т. е. «классическими» видами являются парламентская и президентская республики, остальные же выступают теми или иными их разновидностями. По нашему мнению, новая разновидность формы правления образуется за счет смешения некоторых признаков «классических» ее видов, в результате чего и появляются «полупрезидентские», «полупарламентские», «суперпрезидентские», монархические республики, выборные монархии и т. д. В частности, М.В. Баглай различает парламентскую, президентскую и полупрезидентскую республики. Отдельно им выделяется парламентско-президентскую, которая близка к полупрезидентской, но отличается от нее более значительной ролью парламента, в том числе и при формировании правительства [6, 141]. В.Е. Чиркин наряду с президентской и парламентской называет полупрезидентскую-полупарламентскую, президентско-монархическую суперпрезидентскую, и милитарно-президентскую. При этом, например, полупрезидентско-полупарламентарную республика характеризуется большей ответственностью правительства и ограниченной ответственностью министров перед парламентом при повышении качества последнего (в том числе за счет изменения палат и их соотношения) и укреплении его роли [7, 134].

Таким образом, заимствование признаков президентской и парламентской республики, приводит к появлению новых их моделей (разновидностей), а это в свою очередь осложняет проблемы их систематизации и идентификации. Новые виды форм правления синтезируют элементы различных основных форм правления, в связи с чем нами предлагается именовать их как *синтетические*.

Президентская и парламентская республики, как классические виды республиканской формы правления, имеют свои разновидности, к числу которых следует отнести полупарламентскую и полупрезидентскую модели. Однако следует иметь в виду, что выделяемые в отечественной науке модели как президентской, так и парламентской республик не получили всеобщего признания и не имеют четких критериев разграничения их между собой.

Критерии, по которым предлагаются классифицировать республики, различны. Так, М.М. Рассолов называет порядок формирования исполнительной власти, то есть в президентской республике исполнительную власть возглавляет президент, в парламентской – глава правительства [8, 84]. Различие президентской республики от парламентской, по мнению О.И. Зазнаева заключается в том, что в парламентской республике Глава государства не избирается всенародно, правительство ответственно перед парламентом. Президентская республика та, в которой глава государства избирается всенародно и правительство не несет ответственности перед парламентом. В свою очередь полупрезидентская характеризуется тем, что Глава государства избирается всенародно и правительство ответственно перед парламентом, а для полупарламентской республики свойственно неизбрание

главы государства всенародно и правительство не несет ответственности перед парламентом [9, 367].

Если брать за основу принцип разделения властей, то, как считал В.С. Нерсисянц, следует выделять президентскую и парламентскую республики [10, 248]. А.С. Автономов классифицирует все республики на парламентские, президентские (дуалистические), республики со смешанной формой правления (полупрезидентские) и монархические [11, 252-256].

В. Иванов опираясь исключительно на практику современных государств (а также учитывая традицию разделения парламентских, президентских и смешанных республик), предлагает выделять следующие виды форм республиканского правления: 1) парламентско-правительственную, 2) парламентскую, 4) президентскую, 5) президентско-парламентскую, 6) централистскую, 7) богословскую, 8) «народную» («государство масс») [16].

Используемые различного рода термины со словом «президент», например, милитарно-президентская, полупрезидентско-полупарламентская президентско-клерикальная, парламентско-президентская, республики и т. д., как считает З.Н. Курдюкова, используются для характеристики особенностей политико-правового режима отдельных президентских республик [4, 62]. Однако, по нашему мнению, это не политико-правовые режимы, а скорее всего, модели организации президентской и парламентской республики, то есть синтетические их виды.

Такое многообразие разновидностей республиканской формы правления объясняется следующими обстоятельствами. Во-первых, синтезирование признаков одного вида республики с другими приводит к появлению новой разновидности республиканской формы правления. Во-вторых, в настоящее время используются различные критерии для классификации республик.

Обращает на себя тот факт, что некоторые республики и монархии имеют «родственные» начала. Так, например, парламентская республика, по сути, обладает признаками характерными для парламентской монархии. Основное их отличие заключается в способе формирования главы государства (соответственно выборный и наследственный), хотя номинальность главы государства и парламентская ответственность правительства характерна для обеих форм. Видимо поэтому подобные формы правления именуют как парламентские. Более того, границы между республикой и монархией стираются благодаря преобразованию признаков одного вида формы правления другим, в результате чего появляются так называемые смешанные (гибридные) формы правления.

На наш взгляд, *способ формирования правительства, его политическая ответственность и концентрация властных полномочий в одном или нескольких органах* также следует отнести к ключевым критериями, позволяющими различать виды форм правления друг от друга. Так, если правительство формируется (назначается) президентом, то оно подотчетно и ответственно перед ним, как избранным внепарламентским способом главой государства и главой исполнительной власти по должности. Если же правительство формируется парламентом, то оно подотчетно ему и перед ним несет ответственность, а президент избирается парламентским способом и не

участвует в процедуре формирования правительства. Следовательно, в первом случае речь идет о президентской, а во втором о парламентской республике. Если же правительство формируется президентом совместно с парламентом, правительство несет двойную ответственность (как перед президентом, так и перед парламентом) и президент избирается внепарламентским способом, то речь идет о смешанной республике.

Однако полагаем, что используемый в настоящее время критерий различия республики и монархии – способ замещения главы государства (престолонаследие или избрание) утратил своего бывшего значения и не играет существенной роли при определении вида формы правления. На наш взгляд, главное не каким образом (способом) формируется глава государства, а *как происходит распределение властных полномочий, как осуществляется публичная власть, и в чьих руках она сосредоточена*. Отсюда и вытекает существенное различие монархии (единовластия) от республики (общего дела). Если монархическая форма правления подразумевает сосредоточение государственной власти в одних руках (как правило, единоличного монарха), то республика олицетворяет собой распределение властных полномочий между монархом и парламентом (его нижней палатой).

Монократию можно определить как форму правления, основанную на принципах единовластия и централизации, характеризующийся концентрацией властных прерогатив в лице одного органа; дисбалансом в распределении властных полномочий между высшими органами государственной власти, в отсутствии системы сдержек и противовесов. В свою очередь *поликратия* характеризуется распределением на сбалансированной основе властных полномочий между двумя (или несколькими) высшими органами власти с учетом системы сдержек и противовесов, несущими взаимную друг перед другом ответственность по публичному управлению делами государств. Поэтому целесообразнее вести разговор не о республиках и монархиях, а о **монократических** и **поликратических** формах правлениях, как основных, и их разновидностях (моделей). Синтезирование признаков (элементов) монократических и поликратических форм правления позволяют конструировать многообразные модели организации власти.

Таким образом, классификация форм правления на республику и монархию изжила себя и ее следует признать устаревшей. Способ формирования главы государства не дает полного представления о форме правления того или иного государства. По сути, республика от монархии отличается лишь степенью концентрации (сосредоточением) властных полномочий по управлению делами в государстве. Изменение способа формирования главы государства (избрание взамен престолонаследования) не решает проблемы распределения властных полномочий. История и современность показывают, что способ формирования главы государства не является единственным

критерием в характеристике и различии форм правления. Так, например, стиль управления, политический (государственный) режим, степень концентрация полномочий в руках президента в некоторых странах демонстрирует схожесть с монархической формой правления.

Из вышеизложенного следует, что критерии классификации форм правления нуждаются в совершенствовании. Заимствование признаков республики и монархии, в целях совершенствования государственного управления, приводит к появлению новых (смешанных) видов (моделей) форм правления, что, в конечном счете, затрудняет их идентификацию. Всё это позволяет говорить о необходимости разработки новой системы критериев, отвечающей требованиям времени и реалиям уровня развития государственного управления.

Список литературы

1. Осипян Б.А. Причины разнообразия форм государственного правления и устройства // Современное право. 2009. № 1.
2. Кистяковский Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 1912.
3. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. — СПб., 1894.
4. Курдюкова З.Н. Теоретические проблемы политической формы современного государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2010. № 4.
5. См.: Авдеев Д.А. Классификация форм правления: новый взгляд или поиск критериев // Вестник Тюменского государственного университета. 2013. № 3. С. 114-121.
6. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М.В. Баглай. — 6-е изд., изм. и доп. — М.: Норма, 2007.
7. См.: Чиркин В.Е. Конституция: российская модель. — М.: Юрист, 2004.
8. Рассолов М.М. Актуальные проблемы теории государства и права: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / М.М. Рассолов, В.П. Малахов, А.А. Иванов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010.
9. Зазнаев О.И. Полупрезидентская система: теоретические и прикладные аспекты. Казань, 2006.
10. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. Учебник для юридических вузов и факультетов. — М.: НОРМА-ИНФРА, 2002.
11. Автономов А.С. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Учебник. — М.: ТК Велби, Проспект, 2005.
12. Иванов В. О форме государственного правления // <http://raikkonen2007.livejournal.com/74948.html>

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ВНЕБЮДЖЕТНЫХ ФОНДОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Бит-Шабо Инесса Витальевна

кандидат юридических наук, доцент кафедры финансового, банковского и таможенного права
ФГБОУ ВПО «Саратовская государственная юридическая академия»

THE PROBLEMS OF THE STATE OFF-BUDGET FUNDS FUNCTIONING IN RUSSIAN FEDERATION: LEGAL AND POLITICAL ASPECTS
Bit-Shabo Inessa, PhD in Law, associate professor of the finance, banking and tax department of Saratov State Law Academy

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу правовых проблем, возникающих в деятельности социальных государственных внебюджетных фондов. Анализируются позиции ученых и исследуются задачи государства в сфере пенсионного обеспечения, выделяются институциональные недостатки в функционировании в исследуемых фондах. Предлагаются пути решения озвученной проблемы путем модернизации государственной финансово-правовой и социальной политики.

ABSTRACT

The article is devoted to the legal problems of the state off-budgets funds functioning. The author analyses the scholars' views and state priorities in the sphere of the pension provision in Russian Federation. Institutional defects of that system are made known in the article. The author's solution is given as the way of the state financial legal and social policy modernization.

Ключевые слова: социальные государственные внебюджетные фонды, пенсионное обеспечение, социальное страхование, финансово- правовая и социальная политика, финансовая ответственность, проблемы правовое регулирования.

Key words: social state off-budgets funds, pension provision, social insurance, financial legal and social policy, financial responsibility, problems of legal regulation

Анализ сложившегося положения в системе пенсионного, медицинского и социального страхования и обеспечения позволяет констатировать наличие ряда проблем, базирующихся на правовой, экономической, политической платформах, ведущих вследствие своего наличия к подрыву существования Российской Федерации как социального государства. Принципиально важно в рамках данной статьи выявить существующие проблемные группы, представив возможные направления их решения.

При этом следует отметить, что в силу специфики исследования обнаружению и изучению в большей степени подвергнутся проблемы правового регулирования функционирования социальных государственных внебюджетных фондов, однако, в контексте сложившейся экономической и политической ситуаций.

Неоспоримой является позиция Т.В. Муравлевой о том, что «главными задачами государства в области пенсионного обеспечения является создание условий для формирования гражданами соответствующих пенсионных накоплений и повышения меры своей ответственности перед пенсионерами...оно должно гарантировать каждому гражданину достойный минимальный уровень пенсионного обеспечения от уровня его доходов, создать условия для формирования населением достаточных пенсионных накоплений как с помощью механизма обязательных платежей, так и путем развития самообеспечения граждан»[4,с.67-68].

Одну из основных проблем в рассматриваемой сфере озвучил А.В. Сигарев. «Проблема реализации конституционного положения о социальном государстве видится даже не в том, что на протяжении почти двух десятилетий государство сокращало социальные функции и

социальные гарантии, а в формировании особого кулуарного стиля принятия таких решений, без обсуждения, без объективного обоснования, на основе закулисных политических договоренностей»[7].

Действительно, культура принятия законодательных основ в рассматриваемой сфере должна отвечать высочайшим требованиям беспристрастности, объективности, социальной справедливости и равенства. Однако сформировать указанную культуру в современной гражданине Российской Федерации способно только законодательство, имеющее весь необходимые арсенал средств стимулирования, поощрения и наказания.

Следует отметить, что не без основания представители экономической науки обратили внимание не только на имеющиеся проблемы в рассматриваемой сфере, но и на причины возникновения таких проблем, среди которых выделяют:

«1. Несоблюдение принципов эквивалентности страховых взносов страховым выплатам и ответственности работников за свое материальное положение при наступлении страхового случая, порождающее незаинтересованность в осуществлении обязательного социального страхования его участников, и как следствие, низкую собираемость страховых платежей.

2. Невыполнение органами государственной власти своих обязательств по передаче финансовых ресурсов внебюджетным социальным фондам, что приводит к несоответствию размеров социальных выплат размерам доходов застрахованных граждан, которые они должны компенсировать при наступлении страхового события.

3. Закрепление в законодательной базе, регламентирующей деятельность внебюджетных социальных

фондов, положений противоречащих друг другу, в результате чего, ряд прав и полномочий внебюджетных социальных фондов носит декларативный характер»[1,с.23-24].

Ряд других ученых называют следующие факторы, препятствующие динамичному развитию страховых отношений, в том числе и в области обязательного пенсионного, медицинского и социального страхования:

- низкие доходы граждан;
- отсутствие свободных оборотных средств у большинства коммерческих предприятий;
- неразвитость активной страховой политики государства как инструмента расширения инвестиций из страховой отрасли экономики, с одной стороны, и социальной гарантированной защиты населения за счет консолидированных страховых фондов, облегчающих бремя бюджетных и внебюджетных ресурсов, - с другой;
- слабость законодательной базы в стимулировании страхового дела как для страховщиков, так и для страхователей, особенно в сфере налогообложения, формирования конкурентной среды, размещения страховых резервов;
- неразвитость традиций страховой культуры населения;
- финансово-экономическая нестабильность с высоким уровнем инфляции;
- слабая концентрация страхового капитала и страховых организаций при невысокой надежности и финансовой устойчивости страховой системы, испытывающей большие трудности с размещением страховых резервов и другие[2,с.388-389].

Ряд ученых выделяет институциональные недостатки в современной системе социального страхования:

«1. Низкий уровень страховой защиты, не обеспечивающий достойную жизнь в старости, в случае болезни, инвалидности и утраты кормильца. Значительная часть пенсионеров, инвалидов, лиц, утративших кормильца, получают пенсии и пособия, которые ниже прожиточного минимума. Особенно обострена эта проблема в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях.

2. Преобладание перераспределительных подходов и механизмов в ущерб страховым, когда до 30- 40% финансовых средств используется для целей социальной помощи в пользу лиц, не имеющих прав на страховые выплаты, что в два, а то и в три раза превышает аналогичные пропорции в развитых странах»[3,с.386].

Одним из способов решения проблем в области социального обеспечения С. Нагиев видит установление системы государственных минимальных социальных стандартов. «Существование системы государственных минимальных стандартов – важнейшее направление улучшения управления социальными процессами, преодоления кризиса социальной сферы и осуществления социальных реформ. С помощью стандартов создается механизм, позволяющий перейти в основном к подушевому финансированию расходов на социальные нужды, что обеспечивает значительное повышение эффективности использования бюджетных и внебюджетных средств»[5].

Следовательно, на основании приведенной научной позиции можно предположить важность и значимость правового закрепления указанных стандартов в современной действующем законодательстве.

В качестве одной из основных проблем современного правового регулирования в области функционирования социальных государственных внебюджетных фондов следует обозначить низкую результативность, выражающуюся в правовом допущении взыскания в рамках законодательно закрепленной процедуры недоимки по страховым взносам без учета ее размера. Данная ситуация на практике приводит к тому, что затраты государства на взыскание такой недоимки в разы выше, чем истребуемая сумма.

При этом учеными и практикующими юристами предлагались пути решения озвученной проблемы[6].

Думается, что отправной точкой решения имеющихся проблем следует считать модернизацию проводимой государством финансово-правовой и социальной политики в области функционирования социальных государственных внебюджетных фондов, осуществляться которая должна исключительно эволюционным путем.

Современная финансово-правовая и социальная политика в области функционирования социальных государственных внебюджетных фондов очень затратна в силу высокой степени участия в ней государства. На сегодняшний день подавляющая часть расходов и ответственности в рассматриваемой сфере лежит именно на нем. При этом фактически отсутствуют стимулы к участию отдельно взятой личности в процессе собственного социального обеспечения, а имеющиеся обладают слабой эффективностью.

Однако исходя из исторических особенностей и сформировавшегося массового сознания в области социальной политики радикальное изменение ее направления, выражающееся в переложении бремени финансовой ответственности на отдельно взятого гражданина даже в части, не приведет к улучшению сложившейся ситуации, а наоборот породит социальные конфликты и недовольство в обществе, угрозу социально-экономической и политической стабильности и разрушения системы демократии в целом.

Список литературы:

1. Белоусова А.Г. Финансовый механизм формирования и использования внебюджетных социальных фондов. Дисс. ...канд. экон. наук. Иркутск, 2009.
2. Государственные и муниципальные финансы: Учебник. Изд. 2-е, доп. и перераб. / Под общ. ред. И.Д. Мацкуляка, М.: Изд-во РАГС, 2007.
3. Кокуева В.В. Теоретические аспекты системы социального страхования // Современные исследования социальных проблем. 2010. № 4.1 (04).
4. Муравлева Т.В. Проблемы пенсионной реформы в России // Реализация финансовой, банковской и таможенной политики: современные проблемы экономики и права: сборник научных трудов по материалам межвузовской научно-практической конференции, Саратов, 18 апреля 2008 г.) / Под ред. Е.В. Покачаловой, О.Ю. Бакаевой; ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия

- права». Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права».
5. Нагиев С. К вопросу о гарантиях финансовой системы обязательного социального страхования // Социальное и пенсионное право. 2009. № 3. Справочная правовая система «Консультант-Плюс».
6. Сивакова И.В., Соколов И.Н. Взыскание страховых взносов в Пенсионный Фонд Российской Федера-

ции: необходимость совершенствования правового регулирования // Социальное и пенсионное право. 2013. № 4. Справочная правовая система «КонсультантПлюс».

7. Сигарев А.В. Социальное государство как конституционно-правовая проблема // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 12. Справочная правовая система «Консультант-Плюс».

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СУБЪЕКТНОГО СОСТАВА ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ В РОССИИ

Чепус Алексей Викторович

кандидат юридических наук, докторант, доцент Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва.

THEORETICAL AND LEGAL BASES OF SUBJECT STRUCTURE OF EXECUTIVE POWER IN RUSSIA

Chepus Aleksey Viktorovich, Candidate of jurisprudence science, the doctorate student, the docent Russian academy of the national economy and state service by the President of the Russian Federation (Moscow).

АННОТАЦИЯ

Научная цель статьи представляет собой рассмотрение теоретических и правовых основ современного института ответственности исполнительной власти. В статье рассматриваются особенности субъектного состава применения юридической ответственности в отношении исполнительных органов власти, а также основные проблемы, возникающие при реализации такой ответственности. Излагается авторское видение на проблемы ответственности исполнительной власти в теории разделения властей, а так же предлагаются пути их преодоления.

Ключевые слова: теория ответственности; исполнительная власть; субъекты; правоотношения.

SUMMARY

The scientific purpose of article represents consideration of theoretical and legal bases of modern institute of responsibility of executive power. In the article there are considered features of subject structure of application of legal responsibility concerning executive bodies of the power, and also the main problems arising at realization of such responsibility. There are offered author's vision on problems of responsibility of executive power in the theory of division of the authorities and as ways of their overcoming.

Keywords: responsibility theory; executive power; subjects; legal relationship.

Определяя субъектов конституционной ответственности Правительства РФ можно разделить их на две группы. К первой группе отнесем тех, на кого распространяется ответственность в виде претерпевания негативного воздействия в связи с совершением того или иного деликта. Во вторую группу можно включить субъекты, «которые привлекают других к ответственности, т.е. лица, определяющие конкретную меру конституционной ответственности» [1, с. 367]. Таких субъектов в юридической литературе предлагают считать «инстанции». Инстанцией конституционно-правовой ответственности является субъект конституционно-правовых отношений, в компетенцию которого входит участие в решении вопросов о применении конституционно-правовых санкций к тем, кто совершил конституционные деликты [1].

В юридической литературе существуют разные подходы к вопросу о Правительстве РФ как субъекте конституционной ответственности. Одна группа исследователей не без оснований считают, что правительственную ответственность традиционно относят к ответственности

конституционной (конституционно-правовой), которая является ответственностью за ненадлежащее осуществление публичной власти, субъектами которой выступают преимущественно носители публично-властных полномочий [3, с.78; 4, с. 89]. Другие же ученые отмечают, что правительство, выступая субъектом конституционной ответственности, должно соответствовать определенным признакам. «Во-первых, субъект конституционной ответственности является участником конституционных правоотношений, т.е. обладает конституционной правосубъектностью (право- и дееспособностью). Во-вторых, на него возложена обязанность отвечать за свое юридически значимое поведение. В-третьих, в конституционном праве предусматривается возможность претерпевания им особых ограничений негативного воздействия норм конституционного права (то есть субъект обладает конституционной деликтоспособностью)»[2]. Выступая как субъект конституционной ответственности Правительство РФ, а так же его члены должны обладать деликтоспособностью, т.е. способностью нести юридическую ответственность за

свои противоправные проступки. Это будет выступать первым и основным критерием характеристики Правительства и его членов.

Имея ввиду коллегиальный характер Правительства РФ, возникают определенные сложности, которые связаны с проблемой разграничения ответственности, например за те или иные принятые решения между главой правительства, его заместителями и министрами от ответственности в целом всего органа исполнительной власти. Практика свидетельствует о двояком подходе выказанного недовольства парламентом как в отношении отдельных министров (отставка всех руководителей всего силового блока в июне 1995 г.), так и работой и деятельностью председателя правительства, который определяет правительственную политику.

То, что по словам Приймак Д.Ю. субъектом правительственной ответственности выступает в первую очередь глава правительства, доказывается хотя бы тем, что правительственная отставка сама по себе не предполагает замену министров, но всегда предполагает смену премьер-министра. Глава государства, отставляя правительство, может назначить тех же министров в состав нового кабинета, однако он обязательно должен назначить нового премьера с тем, чтобы отставка юридически состоялась [6, с. 120]. Подтверждая данное высказывание, отметим, что ответственность премьер-министра перед главой государства выражается в отставке Правительства РФ по решению Президента РФ без каких-либо объяснений, в любое время и по его собственному желанию (часть 2 статьи 117 Конституции), т.е. отставки принудительной, а, соответственно, такая отставка порождает в основном политическую ответственность, хотя может и юридическую, как мы уже писали – зависит от оснований. Такую отставку следует отличать от принятого добровольного коллективного решения всего правительства и предусматривается частью 1 статьи 117 Конституции.

Не менее важной проблемой, по мнению многих юристов-правоведов, является распределение бремени конституционной ответственности между членами Правительства, принимающими коллективное решение. Отставка правительства – санкция, направленная против коллективного субъекта ответственности, в результате чего неблагоприятные последствия будут отражаться на всех его членах. Здесь остро встает вопрос о справедливости такого наказания, ведь противоправное решение Правительства может быть поддержано не всеми его членами, равно как не все его члены имеют одинаковые возможности влиять на его принятие. Таким образом, распределение власти и ответственности между членами Правительства при принятии совместных решений является фундаментальной и базовой проблемой [7, с. 143].

Между тем, разрешение данной проблемы было предложено в отношении английского правительства в связи с распределением бремени ответственности еще в 1988 году. Приведем цитату английского ученого Майкла Доуэрти по данному вопросу: «Доктрина ответственности министров в общем и целом подразделяется на индивидуальную и коллективную ответственность. Под коллективной ответственностью подразумевается то обстоятельство, что правительство, не имеющее должной

поддержки Парламента, должно уйти в отставку. Для сегодняшнего дня большее значение имеет идея о том, что правительству следовало бы практиковать общее единогласие; министры не должны публично высказывать свое несогласие с линией правительства; любой министр, не желающий разделить ответственность за политику правительства, должен уйти в отставку. Премьер-министр может потребовать отставки несогласного, и, если это окажется необходимым, требование может быть обращено к главе государства с целью реализации его прерогативного полномочия по отстранению министра от должности (в нашем случае силовых министров, назначаемых и снимаемых Президентом страны). Предание обществу сути возникшего разногласия разрешается только после отставки. Система публичного единогласия привлекательна для правительства, так как она позволяет ему работать согласованно. Внутри самого Кабинета утверждается, что обсуждение, согласованная политика и ее реализация представляют собой систему, в которой точки зрения его членов могут быть выражены без опасности предания их гласности. Часть указанной доктрины состоит в том, что министры не должны раскрывать детали Кабинетных дискуссий, и это ограничение применимо к ним до той поры, пока они не покинут свои должности» [8].

Суть всех предложений как раз и затрагивает вопросы ответственности органов государственной власти в целом и исполнительной власти в частности, сводящимся к четырем главным пунктам: а) ограничение полномочий Президента РФ; б) усиление контрольных функций парламента; в) расширение компетенции и самостоятельности Правительства РФ ограниченной ответственностью; г) формирование кабинета министров на коалиционной основе; д) утверждение парламентом вице-премьеров и ключевых министров с целью индивидуальной ответственности каждой из перечисленных политических фигур [5, с. 32].

Таким образом, разрешения вопроса и звучащих проблем в отношении неопределенности применении коллективной или индивидуальности ответственности к Правительству РФ или его членам, в рамках предложенной доктрины, на наш взгляд полностью исчерпано. Важно здесь учесть и тот факт, что любой член Правительства РФ, и, в первую очередь министры как субъекты конституционной ответственности, должен нести ответственность за собственные действия и изданные правовые акты, в рамках отведенной ему компетенции. На наш взгляд, необходимо при инициировании коллективной ответственности Правительства РФ, устанавливать степень участия каждого министра или члена правительства в совершении противоправного деяния, с целью сохранения деловой репутации т.е. оценки деятельности, некоего «доброго имени», а так же данных, неблагоприятно влияющих на его статус. В будущем при наличии оценки степени участия каждого из членов правительства (положительном или отрицательном), возможно вести речь о вхождении такого министра в новый состав правительства или занятии данным субъектом другой государственной или выборной должности.

Литература

1. Виноградов В.А. Ответственность в механизме конституционного строя. М., 2005. С.367.
2. Данные вопрос затрагиваются Виноградовым В.А. в следующих работах: Виноградов В.А. Ответственность в механизме охраны конституционного строя. М., 2005. С. 183-362; Виноградов В.А. Конституционная ответственность: вопросы теории и правовое регулирование. М., 2000. С. 107.
3. Габричидзе Б.Н., Чернявский А.Г. Юридическая ответственность: Учебное пособие. М., 2005. С. 78.;
4. Ю.А. Дмитриев, В.Ш. Измайлова. Проблемы контроля и ответственности в деятельности органов государственной власти // Государство и право. 1996. № 4. С. 89.
5. Мамитова Н.В., Чепус А.В. Проблемы законодательного регулирования парламентской ответственности Правительства РФ // Юрист-правовед. 2014 г. № 2.
6. Приймак Д.Ю. Конституционно-правовой статус председателя Правительства Российской Федерации. Дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар 2008 С. 120.
7. А.Л. Сергеев. Конституционная ответственность федеральных органов государственной власти Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. М. 2006 С. 143.
8. Doherty M. Prime-ministerial power and ministerial responsibility in the Thatcher era. // Parliamentary Affairs. 1988, Vol.41, No.1. P.51.

ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ТЕРРОРИЗМА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Чернядьева Наталья Алексеевна

Кандидат юр. наук, доцент, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь

CAUSES AND CONDITIONS OF THE MODERN INTERNATIONAL TERRORISM

Cherniadeva N.A., Associate Professor, Perm State National Research University

АННОТАЦИЯ Статья посвящена исследованию детерминант современного международного терроризма. Автор показывает системность и вариативность причин и условий современного международного терроризма. Особое место в работе занимает анализ политических факторов. Активизация международного терроризма второй половины XX в. вызвана, прежде всего, кризисными процессами в мировой политической системе. Диверсификация мировых властных отношений вывела на политическую арену негосударственных субъектов, участвующих в насильственных отношениях, создающих качественно иные вызовы для цивилизации.

ABSTRACT The article investigates the determinants of modern international terrorism. The author shows a systematic variation and the causes and conditions of contemporary international terrorism. A special place in the work devoted to the analysis of political factors. Intensification of international terrorism to the second half of the twentieth century caused the crisis in the global political system. Diversification of world power relations brought into the political arena non-state actors involved in an abusive relationship, creating a qualitatively challenges to civilization.

Ключевые слова: международный терроризм, организованная преступность, предпосылки и факторы становления терроризма.

Keywords : international terrorism, organized crime, preconditions and factors of formation of terrorism.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований, проект № 14-03-00128

Причины, условия (детерминанты) терроризма анализировались российскими и зарубежными исследователями. Однако, как это неоднократно отмечалось в работах, до настоящего времени не удалось выделить научно обоснованный классификационный ряд причин терроризма в целом и международного терроризма как его вида.[8, 47; 7; 27-29] Такое положение дел обусловлено отсутствием единообразного понимания явления международного терроризма в науке, динамичностью его развития, многообразием его жизненных проявлений, вариативностью факторов его становления и развития. Фон, на основе которого возник и развивался международный терроризм, отличается богатством условий, либо способствующих, либо необходимых для его появления и эволюции. В связи с этим в правовой науке существует достаточно большое количество позиций авторов по поводу

причин и условий возникновения терроризма вообще и международного терроризма в частности.

В террологии популярна идея выделения основных, конституирующих для феномена терроризма детерминант. Сторонники такого подхода считают, что возможно выделить «коренные» причины, ликвидация которых обеспечит исчезновение терроризма. [1, 182; 15, 5] В целом, согласившись с идеей базовых детерминант терроризма, нельзя не отметить, что чрезмерное внимание к ним и игнорирование иных менее значимых факторов не способно сформулировать безусловный рецепт борьбы с терроризмом. Например, глобализация, являясь важнейшей детерминантой возникновения терроризма, представляет собой закономерный, объективный этап развития человеческой цивилизации. Ее игнорирование, как и возврат к предыдущему историческому варианту нашего

общества, невозможно. Кроме того, глобализация, как явление, не может быть оценена исключительно положительно или отрицательно. Ее воздействие на общественное развитие зависит от конкретной комбинации факторов, может нести как негативные последствия, так и придавать мощные позитивные импульсы. В целом, условия социальной среды, являясь объективными условиями и предпосылками возникновения терроризма, органически не порождают терроризм.

Анализ исследований причин и условий возникновения терроризма позволяет сделать вывод об отсутствии «монопричины» его генезиса. Терроризм порождается комплексом детерминант как объективного, так и субъективного характера. При целостном анализе терроризма как социально-политического явления необходимо учитывать синергетичность факторов в причинном комплексе. Это означает важность системного учета вариативного, в зависимости от набора в данной конкретной ситуации, действия факторов в развитии исследуемого явления.

Таким образом, подытожим: возникновение терроризма в целом и его международной формы обусловлено комплексом детерминант (первичные детерминанты), носящим как общий для развития преступности того периода времени, так и специальный для данного вида криминального деяния характер. В дальнейшем, в связи с выделением международного терроризма в самостоятельное явление, можно обособить специальные причины и условия его генезиса (вторичные или эволюционные детерминанты).

К первичным детерминантам, носящим террористическую окраску, можно отнести следующие факторы: социализация политического насилия, распространение идей демократизации и либерализации, создание мирового «информационного» общества и начало процесса манипуляции массовым сознанием, трансформация идеи личности в социальном сознании и формирование атмосферы социальной напряженности и страха. Международная форма терроризма стала возможной, в том числе, и в связи с рядом негативных глобализационных факторов: транснационализации преступности, превращением цивилизационных противоречий в фактор мировой политики и конфликтом традиционных ценностных парадигм.

Вторичными детерминантами международного терроризма будем считать: кризис Вестфальской системы (попытка пересмотра принципов организации мирового сообщества, трансформация их трактовки и понимания, последствия падения колониальной системы и сложившийся вслед за этим рост национального и религиозно-фундаменталистского сепаратизма, падение биполярного мира и создание новой архитектуры мировых связей), диверсификацию мировых властных отношений, выход на международную арену негосударственных субъектов и неготовность мирового сообщества к этому, тенденции антиглобализма и децентрализации (фрагментации), вестернизацию мира.

Частично данные факторы были рассмотрены исследователями, и им была дана оценка как террористическим детерминантам. Остановимся на анализе тех, которые не получили в литературе достаточного освещения,

несмотря на их важную роль в становлении и развитии международного терроризма.

Важнейшим условием возникновения терроризма, причем, порождающее преимущественно его международный вариант, может считаться сложившаяся неравномерность цивилизационного развития. Следствием ее стали групповая (по этническому, религиозному признакам) дискриминация в универсальном масштабе, отказ «молодых развивающихся» обществ от традиционных социокультурных ценностей (как необходимость в связи с моделью догоняющего передовые государства развития). В такой ситуации предсказуем разрыв между политической системой и родным для нее обществом, столкновение новых, формально установленных ценностей (политико-правовых норм, институтов) и исконных, обычных для данной социальной группы морально-этических ориентиров, религиозных правил. Согласно исследованию К. Стрита в странах третьего мира, где присутствует состояние гражданского конфликта, в четыре раза увеличивается риск терактов. [18] Чем ярче выражен конфликт ценностей, противоречие между социумом и государственными структурами, тем более нестабильной и склонной к политическому насилию будет действительность.

В условиях кризиса национальной идентичности, недоверия к существующим государственным структурам и вектору политико-социального развития главенствующую идеолого-оппозиционную функцию берет на себя религия, причем, с учетом существующей напряженности, в своем наиболее радикальном варианте. Она ориентирует на фундаментальный разрыв с официальными социо-политическими ценностями, поощряет нетерпимость к политическим оппонентам, упрощает действительность до уровня дихотомного деления по принципу «свои – чужие», направляя накопившуюся социальную агрессию во внешнюю, виновную в сложившейся ситуации, среду.

Отметим, что религия, как одна из наиболее прочных и инерционных национально-культурных традиций, не является непосредственным фактором, порождающим терроризм. Таковым является ее толкование, часто субъективное, превращающее стандарты поведения в жесткие обязательные стереотипы.

Современная активизация террористического движения вызвана, прежде всего, изменением геополитической обстановки. Мир в новейшей истории претерпел серьезные трансформации: пала колониальная система и на политической карте появилось более сотни новых государств, создалась система «баланса сил» западной демократии и социалистического лагеря. Это изменило архитектуру мировой политики, нарушило традиционную систему политико-правовых связей в универсальном масштабе. В предыдущем разделе работы анализировались начала международного правопорядка, заложенные еще Вестфальским трактатом и развитые в следующих многосторонних международных договорах (Сан-Стефанском, Версальском, Берлинском и т.д.), которые невольно сыграли роль условий для транснационального террора. Изменения международного политико-правового масштаба второй половины XX в. (такие как распад колониализма, исчезновение социалистического блока государств), по мнению ряда исследователей, можно охарактеризовать

как глубинный кризис Вестфальской системы, приведший, в том числе, и к тому, что терроризм из второстепенных факторов мировой политики вышел на первое место среди глобальных вызовов мировому сообществу. [6, 6; 5, 36]

Так, Б. Дженкинс, Дж. Каплан видят корни международного терроризма в падении колониальной системы и в борьбе новых государств за политический авторитет на международной арене. [15, 5; 16, 101] Действительно, новые государства стали территорией внешнеполитической борьбы за влияние среди крупных держав. Одним из методов установления иностранной гегемонии стала поддержка национальных группировок стран третьего мира (по терминологии В. Иноземцева, Г.А. Дробот «падающих» или «несостоявшихся» [3,]), использующих террористические методы. Кроме того, современная практика показывает, что недавно созданные государства нередко создают условия, причем, как осознанно, так и невольно, в связи с невозможностью полного контроля своей территории, для существования баз транснационального террора. Дополнительным следствием падения колониальной системы и причиной роста мировой политической нестабильности стало возвышение, в терминологии Б.К. Мартыненко, «полупереферий». [9, 8] Новые молодые и амбициозные субъекты международного процесса (Пакистан, Индия, арабские страны и др.) все более смело предъявляют претензии на передел сфер влияния в мире. Они в качестве инструментов политического участия допускают нетрадиционные пути достижения целей, способны использовать спорные методы и средства, тайно поддерживая силы и организации, задачами которых является причинение ущерба современным лидерам мировой политики.

Достаточно часто, особенно в англоязычной литературе, доминантой международного терроризма называют крах биполярного мира и распад СССР. [12, 9; 17, 630; 13, 16] Универсальная система правоотношений традиционно предусматривает противостояние и баланс сил мировых держав как основополагающую идею миропорядка. В последние десятилетия она реализовывалась посредством взаимного сдерживания и противовеса США и Советского Союза. [4, 208-210] Трансформация одного из элементов системы (СССР) и последовавшая за этим неограниченная американская гегемония повлекли за собой масштабный протест, радикализацию насилия, террор со стороны социумов и государств, ранее входивших в зону советского влияния. В зоне поражения оказалась та часть нашего мира, которая наполнена ценностями американского типа и представляет образ западной цивилизации. Представляется, что это может служить объяснением концентрации актов международного терроризма преимущественно в американо-европейском секторе универсума.

Распад мировой биполярности повлек за собой диверсификацию властных отношений и смену парадигмы международной безопасности. На протяжении последних нескольких веков цель международной политики и права заключалась, прежде всего, в недопущении (или максимальной локализации) вооруженного конфликта между

великими державами. Современный миропорядок, осознавая губительность для цивилизации возможной мировой войны, больше не ориентирован на межгосударственное противостояние. Так, после «холодной войны» на мировой арене не появилось ни одного военно-политического союза, направленного против державы или коалиции держав. Сейчас главный вызов стабильности и безопасности исходит от негосударственных субъектов. В качестве примера приведем статью 1 Хартии Шанхайской организации сотрудничества, которая, призвана противодействовать «трем злам» – терроризму, сепаратизму и экстремизму. При этом, согласно статье 2 данного документа, ШОС не направлена против других государств и международных организаций. Р. Хаас считает неправительственных игроков (международные организации, террористические группировки, средства массовой информации, транснациональные корпорации), доминирующими субъектами современного мира. По его мнению, они своими возможностями и динамикой развития превосходят традиционную конструкцию государства, ставят под вопрос его компетенцию и объем государственного суверенитета. Поэтому, полагает исследователь, наступает эра универсальной неуправляемости и непредсказуемости. [14]

Наибольшую опасность в плане международной террористической угрозы представляют частные военизированные организации. М.М. Лебедева пишет, что во время военной операции США в Ираке в 2003 г. каждый десятый человек, вовлеченный в нее с американской стороны, был из, так называемых, частных компаний по обеспечению безопасности. [6, 8] Само по себе появление подобных субъектов, обеспечивающих «приватную» безопасность, является еще одним свидетельством размывания Вестфальско-традиционной системы политико-правовых связей, где сфера безопасности – прерогатива государства. Частные военные компании, как более гибкие, мобильные образования, демонстрируют свои преимущества перед официальными вооруженными силами. Благодаря техническому и технологическому прогрессу, развитию средств массовой коммуникации они быстро реагируют на новые веяния и способны оказаться «в нужном месте и в нужное время». В этом таится серьезная опасность: не являясь легитимным субъектом международно-правового пространства, поскольку их статус и деятельность не входит в сферу международного права, они могут оказывать силовое воздействие на политическую систему мира, бросить вызов даже самым сильным в экономическом и военном отношении государствам, создать прямую угрозу их безопасности. Сейчас негосударственные военизированные системы контролируют «серые зоны» - территории ряда стран (Афганистан, Мьянма, Сомали и т.д.), выведенные из-под фактического контроля центральных правительств и трансформированные в базы повстанческих движений и организованной преступности. Дж. Арас, А. Маруев считают, что именно частные военные компании стали основной социальной базой современного международного терроризма. [2, 59; 10]

Представляется, что государства оказались неготовыми к подобным новым вызовам и угрозам, показали свою уязвимость по отношению к опасности, исходящей

от противника, находящегося на иной политико-правовой ступени. Диверсификация власти, в контексте создания террористических структур и подрыва как коллективной, так и национальной государственной монополии на применение принуждающего насилия, дестабилизирует сложившийся мировой порядок. Таким образом, можно констатировать нестабильность современного миропорядка. А. Бергесен и О. Лизардо уподобляют тенденцию роста частного военизированного сектора в интернациональном пространстве с поведением канарейки в шахтерском штреке, когда она почувствовала утечку газа: оба случая сигнализируют о неизбежной беде. [11, 48]

Устав ООН заложил легальную, единую для всех государств правовую базу, основанную на идеях равноправия, суверенитета, мирного сосуществования на основе угрозы взаимного гарантированного уничтожения. Современная ситуация в сфере международной безопасности показывает недостаточность существующих правовых механизмов в условиях новых, негосударственных вызовов и угроз. Принципиальная основа миропорядка и разработанная на его основе правовая база показывают неэффективную работу легальных инструментов, приспособленных для регулирования межгосударственных отношений, если их применяют для снятия угрозы, исходящей от актора, действующего не от имени государства.

Есть ли решение проблемы террористической угрозы со стороны негосударственных акторов? Думается, что оно лежит в плоскости активизации деятельности и расширения полномочий институтов, осуществляющих функции в сфере международной коллективной безопасности. Ведущая роль, как представляется, в этом процессе должна принадлежать ООН. Создание универсальной модели безопасности, имеющей легальную основу, признаваемой большинством государств мира, позволит четко дифференцировать допустимые и криминальные методы участия негосударственных субъектов в международных отношениях, установит механизмы привлечения их к ответственности. Не меньшее значение имеют такие меры применительно к региональным структурам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., Щит-М, 1998. – 306 с.
2. Арас Дж. Терроризм вчера, сегодня и навеки. – Баку. 2003 г. – 109 с.
3. Дробот Г.А. История мировой политики // URL: [Электронный ресурс] <http://rudocs-exdat.com/docs/index171133.html> (Дата обращения 13.05.2014)
4. Золотарев П.С. Международный терроризм – истоки возникновения и перспективы развития// Социальные и математические средства измерения потенциала общественной безопасности в субъектах Российской Федерации. – М. – 2006. – С. 208 – 220.
5. Картунов С. В. Национальная и международная безопасность: концептуальные основы // Мировая политика в условиях кризиса. Учебное пособие. – М. – 2010. – С. 36- 63.
6. Лебедева М.М. Мировая политика: политическая реальность и предметное поле дисциплины. // Мировая политика в условиях кризиса. Учебное пособие. – М. – 2010. – С. 4-19
7. Лепешкин Н.Я. Психологические основы терроризма и антитеррористической деятельности в современных условиях : учебно-методическое пособие. – Хабаровск. – 2008 – 348 с.
8. Макуев Р.Х. Трансформация терроризма в условиях глобализации // Миграционное право. – 2006. – N 4. – С. 45-49.
9. Мартыненко Б.К. Этиология политического насилия // Северо-Кавказский юридический вестник. – № 3. – 2011. – С. 7 – 12.
10. Маруев А. Международный терроризм: под вопросом будущее человечества // Красная Звезда. 17-23 октября 2007 г.
11. Bergesen A. J., Lizardo O. International Terrorism and the World-System // Sociological Theory. – Vol. 22. – N. 1. – P. 38-52.
12. Carrillo-Salcedo J.A. Terrorism and General Principles of International Law// International Legal Dimension of Terrorism. Edited by Pablo Antonio Fernandez-Sanchez. – Leiden/Boston. – 2009. – P. 9-1.
13. Farer T. J. Confronting Global Terrorism and American Neo-Conservatism. Oxford. Oxford University Press. 2008, 272 p.
14. Haass R. The Age of Nonpolarity. What Will Follow U.S. Dominance. //Foreign Affairs. – May/June 2008. // URL: [Электронный ресурс] <http://www.foreignaffairs.org/20080501faessay87304/richard-n-haass/the-age-of-nonpolarity.html?mode=print>. (Дата обращения 15.03.2014).
15. Jenkins B.M. International terrorism: a new kind of warfare. – Santa Monica. California. – 1974. – 16p.
16. Kaplan J. History and Terrorism // The Journal of American History. – June 2011. – P. 101-107.
17. LaFree G. Morris N. A. Dugan L. Cross-National Patterns of Terrorism Comparing Trajectories for Total, Attributed and Fatal Attacks, 1970–2006 // British Journal of Criminology. – 2010. – 50 (4). – P. 622-649.
18. Street C. The Origin of Terror: Affluence, Political Freedom, and Ideology. An Empirical Study of the Risk Factors of International Terrorism.Economics Honors Thesis . College of the Holy Cross. Spring 2008// URL [Электронный ресурс]: academics.holycross.edu/files/econ_accounting/ (Дата обращения 15.01.2014).

ПРЕВЕНТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА КАК ОСНОВАНИЕ КРИМИНАЛИЗАЦИИ ДЕЯНИЙ

Чуклина Елена Юрьевна

Аспирант, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону

A PREVENTIVE POTENTIAL OF CRIMINAL PROHIBITIONS AS THE REASON OF CRIMINALIZATION

Chuklina Elena, Postgraduate student, Southern Federal University, Rostov on Don

АННОТАЦИЯ

Предметом исследования в статье является криминологическая обоснованность недавно внесенных в Особенную часть Уголовного кодекса РФ дополнений. Изучение принятых норм посвящено выявлению особенностей криминализации запрещенных ими деяний. Метод аналитического исследования установил, что данные нормы выступают в качестве норм с двойной превенцией. В статье раскрываются особенности превентивного механизма каждой из рассматриваемых норм, направленных на уменьшение возможностей совершения преступления.

ABSTRACT

The object of studies in this article involves criminological substantiation of the recent amendments into the Special Part of the Criminal Code of Russian Federation. The study of the passed rules is devoted to uncovering the specific features of criminalization of acts prohibited by them. The method of analytical study allowed to establishing that these norms are double prevention norms. The article discusses the specific features of preventive mechanism for each of the rules, which are aimed at lowering the amount of possibility for committing crimes.

Ключевые слова: криминализация, криминологическая обоснованность, двойная превенция, преступная мотивация.

Keywords: criminalization, criminological substantiation, double prevention, criminal motivation.

Целесообразность введения и эффективность эксплуатации уголовно-правовых запретов следует оценивать с точки зрения их криминологической обоснованности, что означает соответствие норм уголовного законодательства данным криминологическим исследованиям о причинах преступности, личности преступника и мерах предупреждения преступности [6, с. 39].

Констатация такого соответствия осуществляется в рамках криминологической экспертизы - познавательной деятельности, направленной на получение достоверной информации о количественно-качественных показателях преступности, ее детерминантах и результатах противодействия преступным проявлениям, на основании чего формулируются предложения и рекомендации законодательной власти [4, с. 62].

Принято считать, что наибольшую значимость криминологическая экспертиза приобретает на этапе криминализации деяний, под которой следует понимать объявление в уголовном законе деяния общественно опасным, виновным и наказуемым [2, с. 28-29].

Анализ нововведений уголовного законодательства, произведенных в период с 2011 г. и до настоящего времени, позволяет сделать вывод об изменении криминологических предпосылок криминализации деяний.

В частности, изучение норм, предусмотренных ст. 151.1, 205.3 – 205.5, 217.1, 217.2, 280.1, 322.2, 322.3 Уголовного кодекса РФ, выявило ярко выраженную предупредительную направленность данных норм.

Так, установленный в ст. 151.1 УК РФ запрет на розничную продажу несовершеннолетним алкогольной продукции призван способствовать борьбе с алкоголизмом среди лиц, не достигших 18 лет, и тем самым обеспечивать снижение уровня совершаемых под влиянием алкогольного опьянения преступлений.

По данным официальной статистики уровень зарегистрированных преступлений террористической направленности увеличился с 581-го в 2010 г. до 661-го в 2013 г. Перманентно фиксированный рост терроризма послужил катализатором для введения законодателем уголовно-правовых норм, которые запрещают действия, способствующие осуществлению террористических акций. Таковыми деяниями были признаны «Прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности» (ст. 205.3 УК РФ), «Организация террористического сообщества и участие в нем» (ст. 205.4 УК РФ) и «Организация деятельности террористической организации и участие в деятельности такой организации» (ст. 205.4 УК РФ).

Цель недопущения совершения преступлений террористической направленности преследуют и нормы, закрепленные в ст. 217.1 и 217.2 УК РФ, которые устанавливают уголовное наказание за нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса, а также за заведомо ложное заключение экспертизы промышленной безопасности. В данном случае законодатель стремится воздействовать на лиц, на которых возложена ответственность по обеспечению защищенности объектов промышленности, что, в свою очередь, должно предупредить более опасные посягательства со стороны злоумышленников.

В рамках уголовного законодательства появилась норма, предусматривающая уголовно-правовой запрет на публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности России (ст. 280.1 УК РФ). По мнению законодателя, такая норма способна предупредить возможные сепаратистские тенденции и призывы к действиям по уступке частей территории России иностранным государствам, а также

пресечь распространение сведений, оправдывающих эти действия.

Реальная криминологическая обстановка вызвала необходимость криминализации таких распространенных действий, как фиктивная регистрация по месту пребывания или по месту жительства в жилом помещении в Российской Федерации, а также фиктивная постановка на учет по месту пребывания в жилом помещении в Российской Федерации. Статистические данные демонстрируют высокую преступную активность мигрантов на территории Российской Федерации. Так, в 2013 г. иностранными гражданами и лицами без гражданства было совершено 47 тысяч преступлений.

Введение данных норм (ст. ст. 322.2, 322.3 УК РФ) не только лишает источника незаконного обогащения граждан Российской Федерации за названные в диспозиции действия, но и представляет значительный вклад в борьбу с нелегальными мигрантами, часть из которых совершает общественно опасные посягательства в пределах границ Российской Федерации.

Обзор приведенных в настоящем исследовании норм демонстрирует смещение процесса криминализации на более ранние стадии преступной деятельности. Иными словами, законодатель постепенно отходит от традиционной парадигмы, лежащей в основе принятия решения об установлении уголовно-правового запрета (повышенная степень общественной опасности, большая распространенность, адекватность применения уголовной репрессии) и объявляет деяния преступными, исходя из превентивного потенциала такого запрета.

Рассмотренные уголовно-правовые нормы обладают очевидным предупредительным эффектом, т.е. способствуют недопущению реализации более тяжких преступных посягательств. Превентивный эффект новых норм УК РФ достигается не только в результате их применения, но и посредством психологического воздействия на лиц, не нарушающих уголовное законодательство под угрозой уголовного наказания [3, с. 170-171].

Кроме того, намечается тенденция криминализации деяний, которые сами по себе не представляют существенной общественной опасности, однако служат подспорьем в реализации другой преступной деятельности,

причиняющей значительный вред гражданам и государству. К примеру, совсем недавно принят закон, устанавливающий уголовную ответственность за неправомерное задержание государственным регистрационным знаком транспортного средства, совершенное из корыстной и иной личной заинтересованности. Как поясняет законодатель, подобная норма направлена на профилактику тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых с использованием похищенных государственных регистрационных знаков транспортных средств.

Таким образом, в настоящее время криминологическими предпосылками криминализации деяний выступают научно обоснованные выводы о признании того или иного деяния в качестве фактора, способствующего осуществлению преступной деятельности. Данный подход активно использует превентивный потенциал уголовного законодательства и в значительной мере служит охране прав и интересов личности, а также государства.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации, 17.06.1996, № 25, ст. 2954
2. Общая часть уголовного права: состояние законодательства и научной мысли / под ред. Н.А. Лопашенко. СПб. 2011. С. 28-29
3. Ображиев К.В. Уголовно-правовые нормы с двойной превенцией // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. 2010. № 3. С. 170-171
4. Пинчук Л.В. Криминологическая экспертиза законопроектов: дисс ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 62
5. Портал правовой статистики crimestat.ru
6. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. Монография / Милюков С.Ф. – СПб. 2000. С. 39
7. Сайт Федеральной службы государственной статистики www.gks.ru

ИНСТИТУТ ОЦЕНКИ РЕГУЛИРУЮЩЕГО ВОЗДЕЙСТВИЯ: НЕОБХОДИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Душакова Леся Анатольевна,

кандидат юр.наук, доцент, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, г. Ростов-на-Дону

INSTITUTE OF THE ASSESSMENT OF REGULATING INFLUENCE: NEED OF RESEARCH

Dushakova Lesya Anatolyevna, candidate юр.наук, associate professor, Southern Russian institute of management

– RANEP branch, Rostov-on-Don

АННОТАЦИЯ

Оценка регулирующего воздействия достаточно новый правовой институт, который находится в стадии становления. В настоящее время отсутствуют комплексные системные исследования понятия, сущности и содержания этого правового института, а также его места в нормативном конструировании технологии создания

нормативного правового акта и его влияние на провореализацию. Соответственно, в настоящей статье актуализируется необходимость исследования оценки регулирующего воздействия как правового института.

SUMMARY

Assessment of regulating influence rather new legal institute which is in a formation stage. Now there are no complex system researches of concept, essence and the maintenance of this legal institute, and also its place in standard designing of technology of creation of the regulatory legal act and its influence on a provorealization. Respectively, in the present article need of research of an assessment of regulating influence as legal institute is staticized.

Ключевые слова: оценка регулирующего воздействия, эффективность управления, эффективность правового регулирования.

Keywords: assessment of regulating influence, management efficiency, efficiency of legal regulation.

Оценка регулирующего воздействия (далее – ОРВ) направлена на повышение качества и эффективности государственного и муниципального управления и связана с качеством и эффективностью законотворческой, подзаконной нормотворческой и правоприменительной деятельности.

В настоящее время можно констатировать становление нового для российской правовой системы института ОРВ, выступающего элементом общего механизма создания нормативного правового акта и его реализации. В то же время пока еще отсутствуют комплексные системные исследования понятия, сущности и содержания этого правового института, а также его места в нормативном конструировании технологии создания нормативного правового акта и его влияние на провореализацию, в частности, правоприменение.

ОРВ (англ. – regulatory impact assesment) – это способ оценки позитивных и негативных эффектов существующего или вводимого регулирования. Она может применяться как на предварительном этапе формирования модели регулирования (латин. – ex-ante, оценки предполагаемого воздействия), так и в качестве текущей и последующей оценки принятой модели регулирования (латин. – ex-post, оценки реального воздействия).

Регулирующее воздействие измеряется поставленными целями, обеспечивая минимальный уровень административных и экономических затрат, обеспечивающих адекватное функционирование объекта регулирования. При этом очевидно, что принятая модель регулирования, а также последующие изменения в ней могут привести к безусловным выгодам либо, наоборот, к издержкам в социально-экономической составляющей объекта регулирования, что и обуславливает необходимость непрерывной оценки позитивных и негативных эффектов регулирования, а также мониторинга изменений в принятой модели регулирования. Соответственно, оценка регулирующего воздействия призвана идентифицировать издержки и выгоды, а также формировать альтернативные модели эффективной реализации целей государственной политики.

Конструкция института ОРВ во многом основана на рецепции мировой практики. При этом вряд ли можно говорить об унифицированной модели ОРВ, поскольку в большей степени соответствующие практики, подходы и технологии учитывают национальные особенности организации государственного и муниципального управления и организации правовых систем¹.

В доктрине российского права имеются основы и предпосылки формирования национальной модели ОРВ в контексте исследований эффективности права. Конструкция эффективности в целом базируется на соотношении между фактически достигнутым, действительным результатом и той целью, для достижения которой была принята соответствующая модель регулирования. Специалистами выдвигались различные подходы к определению эффективности и способам оценки результатов, однако единая комплексная методика так и не была предложена.

В настоящее время формирование института ОРВ осуществляется как с точки зрения нормативно-правовой, так и с точки зрения институциональной составляющей. Институциональное закрепление ОРВ обеспечивается Министерством экономического развития Российской Федерации².

В рамках российской правовой системы можно говорить о последовательном формировании законодательства области ОРВ и экспертизы нормативных правовых актов (ОРВ взаимосвязана с экспертизой нормативных правовых актов, которая в пределах предметной области ОРВ, по сути, ОРВ и является). Основы института ОРВ коррелируют Конституции Российской Федерации. Проведение ОРВ также предусмотрено, в частности, Регламентом Правительства РФ³, а также Правилами подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации⁴.

Фактически, активное формирование института ОРВ в российской правовой системе осуществляется с 2012 г. Первым документом по ОРВ можно считать Постановление Правительства Российской Федерации от 2 мая 2012 г. № 421 «О мерах по совершенствованию подготовки нормативных правовых актов федеральных органов

¹<http://www.goskontrol-rspp.ru/analytical-materials/20-opyt-stran-organizacii-jekonomicheskogo-sotrudnichestva-i-razvitija-po-ocenke-regulirujuwego-vozdjeystvija.html>

²Приказ Минэкономразвития РФ от 30 сентября 2011 г. № 534 «Об образовании Консультативного совета по оценке регулирующего воздействия при Министерстве экономического развития Российской Федерации» \\\ Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.

³Постановление Правительства РФ от 1 июня 2004 г. № 260 «О

Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» \\\ Собрание законодательства РФ. 2004. № 23. Ст. 2313.

⁴Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» \\\ Собрание законодательства РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

исполнительной власти, устанавливающих не относящиеся к сфере технического регулирования обязательные требования»⁵.

ОРВ является проявлением эмпирического подхода к принятию управленческих решений. В основе - систематическое последовательное изучение потенциального воздействия решений органов публичного управления, а также распределение его нагрузки между акторами, что делает крайне необходимым исследование института ОРВ в контексте транзакционного регулирования общественных отношений в сфере государственного управления, складывающихся в процессе взаимодействия органов государственного управления и граждан и организаций.

Литература:

1. Постановление Правительства РФ от 1 июня 2004 г. № 260 «О Регламенте Правительства Российской Федерации и Положении об Аппарате Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 23. - Ст. 2313.
2. Постановление Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил

подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // Собрание законодательства РФ. - 1997. - № 33. Ст. - 3895.

3. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 мая 2012 г. № 421 «О мерах по совершенствованию подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, устанавливающих не относящиеся к сфере технического регулирования обязательные требования» // Собрание законодательства РФ. - 2012. - № 20. - Ст. 2530.
4. Приказ Минэкономразвития РФ от 30 сентября 2011 г. № 534 «Об образовании Консультативного совета по оценке регулирующего воздействия при Министерстве экономического развития Российской Федерации» // Документ опубликован не был. Доступ из СПС КонсультантПлюс.
5. <http://www.goskontrol-rspp.ru/analytical-materials/20-opyt-stran-rganizacii-jekonomicheskogo-sotrudnichestva-i-razvitiya-po-ocenke-regulirujewego-ozdejstvija.html>

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЛИЦЕНЗИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ

Габдрахманова Эльмира Фаритовна

Выпускница Санкт-Петербургского юридического института (филиала) ФГКОУ ВПО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», г. Йошкар-Ола

ORGANIZATION OF PROSECUTOR'S SUPERVISION OVER THE IMPLEMENTATION OF THE LICENSING LEGISLATION IN THE SPHERE OF ECONOMY

Gabdrakhmanova Elmira Faritovna, graduate of the St. Petersburg law Institute (branch) of FGCO VPO "Academy The Prosecutor General of the Russian Federation», Yoshkar-Ola

АННОТАЦИЯ

Цель исследования – анализ теоретико-правовых вопросов, связанных с организацией прокурорского надзора за исполнением лицензионного законодательства. Метод. Использовались общенаучный диалектический метод познания, сравнительно-правовой, логический, исторический, эмпирические методы. Результат. Раскрыты основные вопросы организации прокурорского надзора за исполнением лицензионного законодательства. Выводы. Особенностью данного надзора является его двухуровневность. Первый уровень, который является приоритетным, – это надзор за лицензирующими органами, второй – за лицензиатами.

ABSTRACT

Purpose study is the analysis of the theoretical and legal issues related to the organization of Prosecutor's supervision over the implementation of the licensing legislation. Method. We used the General scientific dialectical method of cognition, comparative legal, logical, historical, and empirical methods.

Result. Basic questions of the organization of Prosecutor's supervision over execution of legislation. The conclusions. A feature of this oversight is dvukhurovnevoi. The first level, which is a priority, is overseeing the licensing authorities, the second to the licensees.

Ключевые слова: прокуратура; прокурорский надзор; предмет надзора; пределы прокурорского надзора; органы прокуратуры; лицензия; лицензирование.

Keywords: prosecutor's office; public prosecutor's supervision; the subject of supervision; the limits of prosecutor's supervision; prosecution bodies; license; licensing.

⁵Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 20. Ст. 2530.

Среди общенадзорной деятельности прокуратуры особое место занимает надзор за исполнением лицензионного законодательства в сфере экономики. Надзор актуализировался с образованием рыночной экономики и принятием нового лицензионного законодательства.

Общие требования к организации надзора за исполнением лицензионного законодательства установлены правовыми актами Генерального прокурора Российской Федерации, в числе которых приказ от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина», приказ от 31.03.2008 № 53 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности», указание от 13.08.2009 № 260/7 «Об усилении прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов малого и среднего предпринимательства, устранением административных барьеров предпринимательской деятельности, исполнением законов органами исполнительной власти, обладающими контрольно-надзорными полномочиями и реализующими разрешительные процедуры» [3, с. 414].

Целями прокурорского надзора за исполнением лицензионного законодательства в сфере экономики являются:

- защита прав и свобод человека и гражданина;
- обеспечение верховенства закона, единства и укрепления законности;
- защита охраняемых законом интересов общества и государства в сфере лицензирования;
- обеспечение предупреждения нарушений законов.

Задачи данного прокурорского надзора представляют собой:

- своевременное выявление и пресечение нарушений законов в сфере лицензионной деятельности, в том числе причин и условий, способствующих их совершению;
- принятие исчерпывающих мер по устранению нарушений законов, привлечению виновных лиц к предусмотренной законодательством ответственности, устранению последствий совершенных правонарушений.

Определение предмета и пределов надзора является ключевым моментом для уяснения компетенции прокурора и отграничения его деятельности от функций иных государственных органов [5, с.106].

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» регулирует основания и пределы прокурорского вмешательства и ориентирует прокуратуру не подменять иные государственные органы (ст. 21 п. 2).

Н. В. Субанова предлагает под предметом рассматриваемого направления прокурорского надзора понимать соответствие Конституции Российской Федерации, международным договорам, законам, подзаконным правовым актам (исходящим от высших органов государственной власти, имеющим нормативный характер, изданным по специальному законодательному полномочию и содержащим механизм реализации закона) действий (бездействия) и правовых актов федеральных органов исполнительной власти, органов власти субъектов Фе-

дерации, органов местного самоуправления и их должностных лиц, органов управления и руководителей коммерческих и некоммерческих организаций в сфере лицензирования [6, с. 55].

Под организацией работы в органах прокуратуры понимается комплекс взаимосвязанных действий, направленных на оптимизацию функционирования прокурорской системы по реализации целей и задач прокуратуры [2, с. 75].

Пунктом 1.3 приказа Генерального прокурора РФ от 31.03.2008 № 53 «Об организации прокурорского надзора за соблюдением прав субъектов предпринимательской деятельности» прокурорам предписано сосредоточить усилия на надзоре за исполнением законов государственными контролирующими и иными органами, уполномоченными на осуществление разрешительных, лицензионных, регистрационных и других процедур, пресекать их действия, выходящие за пределы установленных полномочий.

При организации прокурорского надзора в рассматриваемой сфере надлежит акцентировать внимание на:

- 1) пресечении действий органов государственной власти и органов местного самоуправления, направленных на ограничение экономической свободы;
- 2) соблюдении прав хозяйствующих субъектов при осуществлении государственного контроля;
- 3) выявлении и устранении нарушений антимонопольного законодательства;
- 4) рассмотрении и разрешении заявлений хозяйствующих субъектов.

К стадиям прокурорского надзора за исполнением законов в сфере лицензирования можно отнести:

1. Планирование проверки исполнения законов и организация мероприятий по ее проведению;
2. Подготовка к проверке исполнения законов;
3. Проведение проверки исполнения законов;
4. Составление акта проверки, принятие решения и ознакомление с ними заинтересованных органов и лиц;
5. Реализация принятого по материалам проверки решения (подготовка и направление актов прокурорского реагирования);
6. Рассмотрение возможных жалоб на принятое решение;
7. Надзор за фактическим исполнением решений, содержащихся в актах прокурорского реагирования [4].

Важнейшим полномочием прокурора, применяемым в целях выявления нарушений законодательства, причин и условий, им способствующих, и элементом организации надзора является проверка исполнения законодательства. Проверки прокурора направлены на объективное и полное установление факта и характера нарушения закона; лиц, виновных в их совершении; размер причиненного правонарушением ущерба, а также на обстоятельства, которые способствовали совершению правонарушения.

В организационном плане прокурорский надзор за исполнением лицензионного законодательства в сфере экономики практически не отличается от других направлений надзора. Особенностью прокурорского надзора за лицензионным законодательством является его двухуровненность. Верхний уровень – лицензирующие органы, нижний – лицензиаты. При проверке последних прокурор вправе привлечь представителей лицензирующих органов. При организации прокурорского надзора важно учесть, чтобы приоритет был отдан проверке лицензирующих органов. На федеральном уровне необходимо исходить из Перечня федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих лицензирование конкретных видов деятельности, на уровне субъектов Российской Федерации – исполнительным органам государственной власти субъектов Российской Федерации, которым переданы полномочия Российской Федерации в области лицензирования. Например, к полномочиям Российской Федерации в сфере образования, переданным для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации относится лицензирование образовательной деятельности организаций, осуществляющих образовательную деятельность на территории субъекта Российской Федерации (за исключением организаций, указанных в пункте 7 части 1 статьи 6 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [7].

При проведении проверки в лицензирующем органе (в ходе которой изучаются, прежде всего, лицензионные дела, протоколы заседаний лицензионных комиссий, иные акты, решения о приостановлении и переоформлении действия лицензии) необходимо выяснить:

- соответствует ли закону применяемый порядок предоставления лицензий;
- истребуется ли лицензирующим органом от соискателей лицензий исчерпывающий перечень предусмотренных законом документов для предоставления лицензии;
- не имеется ли необоснованных отказов, неправомерного воспрепятствования в получении лицензий;
- надлежащим ли образом организован лицензионный контроль (законность и полнота использования лицензирующим органом своих полномочий, применения мер оперативного принуждения к лицензиатам).

Изучение в проверяемом лицензирующем органе реестра лицензий позволит получить общее представление о соблюдении требований закона к его составлению, количественном и территориальном составе лицензиатов, объеме и характере применяемых к ним мер воздействия [1].

Исходя из объема полномочий прокурора при осуществлении надзора за исполнением лицензионного законодательства в сфере экономики, статус прокурора нормами Гражданского процессуального Кодекса Российской Федерации и Арбитражного процессуального Кодекса Российской Федерации приравнен в значительной мере к положению стороны в рассматриваемом деле.

Прокурор наделен правом на обращение в суд с заявлением в защиту прав, свобод и законных интересов граждан, неопределенного круга лиц или интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации,

муниципальных образований (ст. 45 ГПК РФ), полномочиями на возбуждение любого дела об административном правонарушении, предусмотренном КоАП РФ или законом субъекта РФ (ст. 28.4 КоАП РФ), он вправе обратиться в арбитражный суд с заявлениями об оспаривании нормативных правовых актов, ненормативных правовых актов органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, затрагивающих права и законные интересы организаций и граждан в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности (ч. 1 ст. 52 АПК РФ) и др.

Эффективность осуществления прокурорского надзора за исполнением лицензионного законодательства достигнет высоких показателей только при конкретном определении предмета прокурорского надзора в рассматриваемой сфере, отсутствии случаев подмены прокуратурой контролирующих органов, четком определении объекта проверок и при других условиях, что, в свою очередь, позволит укрепить репутацию прокуратуры.

Вывод: В организационном плане прокурорский надзор за исполнением лицензионного законодательства в сфере экономики практически не отличается от других направлений надзора. Но особенностью данного надзора является его двухуровненность. Первый уровень, который является приоритетным, – это надзор за лицензирующими органами, второй – за лицензиатами.

Список литературы:

1. Настольная книга прокурора (под общ. ред. С. Г. Кехлерова и О. С. Капинус). – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Издательство Юрайт, 2012.
2. Прокурорский надзор / под ред. Ю. Е. Винокурова. М., 2007. С. 75.
3. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере экономики : сборник методических материалов / Т. В. Ашиткова и др. : рук. авт. коллектива О. С. Капинус : ред. А. Э. Буксман : Генер. прокуратура РФ, Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации. Москва : Мир энциклопедий Аванта+ : Астрель, 2010. С. 414.
4. Субанова Н. В. Теоретические и прикладные основы прокурорского надзора за исполнением законов о разрешительной системе: дис... д-ра юрид. наук. Москва, 2014. 462 с. <http://www.agprf.org/aspirant/2014/diss/subanova.pdf> (дата обращения 20.08.2014).
5. Субанова Н. В. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением лицензионного законодательства в сфере экономики // Уголовное право. 2004. № 1. С. 106.
6. Субанова Н. В. Прокурорский надзор за исполнением законодательства в сфере лицензирования: вопросы теории и практики. М.: Юриспруденция, 2010. С. 55.
7. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об образовании в Российской Федерации». <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online> (дата обращения: 25.08.2014).

КОНЦЕПЦИЯ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ РФ.

Гаджихмедова Айшат Гаджихмедовна

Старший преподаватель кафедры уголовного права, Балтийский Гуманитарный Институт, г. Санкт-Петербург

THE CONCEPT OF MIGRATION LEGISLATION IN THE SPHERE OF MIGRATION POLICY ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION.

Gadzhiahmedova Aishat, Senior lecturer of the Department of criminal law, Baltic Institute Of Humanities, Saint-Petersburg

Аннотация

Цель: Глобальная проблема беженцев и лиц, перемещенных внутри страны, - один из самых сложных вопросов, стоящих сегодня перед мировым сообществом. Эта проблема является предметом активного обсуждения, как в рамках международного сообщества, так и внутри государств. «Феномен вынужденных массовых потоков» сегодня ставится во главу угла при исследовании миграционных процессов населения.

Метод: Комплексное решение определенных проблем в сфере миграции позволит создать эффективную миграционную политику, которая должна стать составной частью внутренней и внешней политики нашего государства, превращение миграции в позитивный фактор.

Результат: Резкое увеличение числа беженцев в мире может приводить к политическим и экономическим кризисам в ряде государств. Подобная ситуация чревата внутригосударственными конфликтами, а в ряде случаев и межгосударственными. Иными словами, миграционные потоки населения оказывают большое влияние на внутригосударственные процессы и на международную безопасность в целом. В этой связи данная проблема с каждым годом приобретает все большее правовое и гуманитарное значение.

Выводы: Необходима эффективная законодательная основа борьбы с незаконной миграцией. Предпринятые меры, в частности введение в действие Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ», в определенной степени позволяют соблюсти экономические интересы государства, снизить приток нелегальных трудящихся- мигрантов.

Важно, чтобы указанные меры не препятствовали возвращению наших соотечественников – работоспособных, обученных, со знанием языка, имеющих общие с нами традиции.

ABSTRACT

Background: The global problem of refugees and persons displaced within the country, is one of the most challenging issues currently facing the international community. This problem is a subject of active discussion within the international community and within States. "The phenomenon of forced mass flows today is at the forefront in the study of migration of the population.

Methods: Complex solution of certain problems in the field of migration will create an effective immigration policy, which should become an integral part of internal and foreign policy of our state, making migration a positive factor.

Result: The sharp increase in the number of refugees in the world can lead to political and economic crises in some States. This situation is fraught with internal conflicts, and in some cases, and interstate. In other words, migration flows population have a large impact on domestic and international security in General. In this regard, this problem every year is becoming more and more legal and humanitarian value.

Conclusion: Need effective legal framework for combating illegal migration. The measures taken, in particular the enactment of the Federal law "On legal status of foreign citizens in the Russian Federation", to a certain extent, allow us to observe the economic interests of the state, to reduce the influx of illegal migrant workers. It is important that these measures did not prevent the return of our compatriots - efficient, trained, with knowledge of the language with which we have common traditions.

Ключевые слова: миграция; миграционные процессы; миграционная политика; мигранты; эмигранты.

Keywords: migration; migratory processes; migration policy; migrant population; emigrants.

Развитие интеграции в современном мире резко усиливает миграционные процессы, что обусловлено политическими и социально-экономическими изменениями, произошедшими за последнее десятилетие.

Происходящие миграционные процессы как в мире, так и в России неоднородны. Исходя из определения основных направлений миграционных потоков, миграция может различаться по причинам (добровольная, вынужденная и принудительная), по типу (внешняя и внутренняя), по временным критериям (возвратная или безвозвратная). Принято различать также индивидуальную, семейную (перемещение группы родственников для

восстановления или сохранения семейных связей) и коллективную (организованное переселение группы лиц) миграцию.

В системе добровольной миграции следует выделить экономическую и, прежде всего, трудовую миграцию. Она представляет собой миграцию физических лиц из одной страны в другую, а также внутри одной страны с целью найма на работу. Как правило, экономический мигрант покидает свою страну добровольно, при этом, в случае принятия решения вернуться на родину, он продолжает пользоваться защитой со стороны своего государства. Наиболее тяжелые как для личности, так и для общества, государства последствия несет вынужденная миграция. Вынужденная миграция так же, как и добровольная,

может иметь различные характеристики. Она бывает внешней (лица, ищущие убежище, в том числе беженцы) и внутренней (перемещенные внутри страны лица, вынужденные переселенцы), возвратной и безвозвратной, легальной и нелегальной и т.д. [1, с. 58]

В последнее время происходит постепенная трансформация характера миграции: из рефлекторной, вызванной конкретной, сиюминутной ситуацией, военным или межнациональным конфликтом, она превращается в эволюционную, обусловленную долгосрочными и комплексными причинами. Среди них выделяются, например, экономические причины, отсутствие перспектив трудоустройства, дискриминационный характер законодательства по отношению к отдельным категориям лиц и др.

Всплеск миграционных процессов в начале 1990-х был напрямую связан с распадом СССР. Долгое время Советский Союз привычно считался если не самой богатой, то одной из наиболее образованных стран. В 1991 г. ЮНЕСКО ставила советское высшее образование на 3-е место в мире.

Институтирование новых межгосударственных отношений как с ближним, так и с дальним зарубежьем, национальные конфликты на этнической, политической и экономической основе, резкий переход к политике открытых дверей при одновременном снижении пограничного и иммиграционного контроля – эти и другие факторы сделали российскую территорию достаточно свободной для въезда различных категорий иммигрантов, в том числе нелегальных. Внутренние этнические конфликты также повлекли за собой рост миграции на территории государства.

Всеобъемлющий кризис государства откликнулся глубоким кризисом и в миграционных процессах. Координаты, которые обычно детерминируют миграции – урбанизация, рынок труда, система образования и демографическая ситуация, – надолго потеряли былое значение. На первый план вышли стрессовые факторы – этническая дискриминация, коснувшаяся в наибольшей степени русских, утрата привычной социальной идентичности, вооруженные конфликты, потеря работы, бедность. Эти факторы решительно изменили природу миграции, придав им вынужденный характер, спровоцировав массовые потоки беженцев, репатриантов, направлявшихся в Россию, процессы этнического размежевания, активизировали процесс воссоединения семей, в то время как переселения, характерные для периода стабильного социального развития – учебные миграции, передвижения, связанные со службой в армии, сменой и поиском работы, вертикальной мобильностью – стремительно сокращались. Основная масса снявшихся с места людей из всех постсоветских стран устремилась в Россию, которая в первое десятилетие после распада СССР выполняла функцию общего дома для вынужденных мигрантов, независимо от их национальности.

Россия очень быстро отреагировала на создавшуюся критическую ситуацию. Несмотря на тяжелейшее экономическое положение, уже в середине 1992 г. была создана Федеральная миграционная служба, страна присоединилась к Конвенции ООН о статусе беженца и Протоколу к ней 1951 г., были приняты законы «О беженцах» и «О вынужденных переселенцах» и программа помощи им. В итоге Россия приняла 1,8 млн статусных беженцев и

вынужденных переселенцев и не меньшее количество не получивших статуса [1, с. 7-10].

Деструктивным процессам с самого начала противостояли новые возможности – переход России, как и других стран СНГ, к политике открытых дверей и реформирование экономики на рыночной основе. Развитие частного предпринимательства и коммерции в самой России стимулировало появление на рынке труда альтернативных, не связанных с находящимся в упадке государственным сектором экономики широкодоступных возможностей трудоустройства и заработков, что создало предпосылки для взрывного распространения челночных торговых миграций – закупки и перепродажи польских, турецких, китайских и др. товаров.

Челночные поездки стали буквально спасательным кругом для населения в период экономической разрухи. Численность россиян, вовлеченных в трудовую, главным образом, челночную, миграцию, на исходе 90-х оценивалась примерно в 5 млн чел., из которых полтора-два миллиона выезжали на закупки за пределы СНГ, а около 3 млн чел. находили выездную работу в самой России.

В нынешнем году поток мигрантов из Украины в Республику Беларусь увеличился на 30 процентов. Такими данными с представителями целого ряда средств массовой информации поделился глава миграционного департамента при Министерстве внутренних дел [2, с. 2-3].

Также следует отметить, что на 30 процентов выросла численность украинцев, которые приезжают в Республику для занятий трудовой деятельностью. Кроме этого происходит и возвращение этнических белорусов, которые ранее проживали в Украине. В общей сложности по состоянию на 1-е число текущего месяца порядка 400 украинских граждан направили ходатайства о предоставлении им права на постоянное проживание в Беларуси. Еще порядка 700 украинцев получили право на временное проживание в Республике в связи с занятием трудовой деятельностью.

Отмечено недостаточном стратегическом осмыслении роли миграционной политики в регулировании миграционных потоков в Украине, выделено ряд ключевых проблем, связанных с регулированием иммиграционных процессов в Украине, даны рекомендации по миграционной политике в Украине. Развитие глобализационных процессов по сценарию униполярного мира предусматривает формирование гомогенного мирового рыночного пространства, функционирующего по единым правилам. Считали, что человечество выйдет на новый уровень развития и сформируется тип «человек-экономическая», который будет полностью интегрирован в международный рынок труда. Впрочем последствия процессов глобализации в Украине пока малозаметны.

Незначительное присоединения к международным хозяйственным структурам, низкая конкурентоспособность отечественных товаров, отсутствие значительных иностранных инвестиций тормозят вхождение Украины в глобальное пространство. Как следствие – крупные города, особенно на юге и востоке Украины, становятся все более пестрыми в этническом и расовом отношении, часть местных жителей к этому не всегда готова психологически, что иногда выливается в конфликты на этнической почве.

Нестабильное экономическое положение и отсутствие высоких заработков, подобных европейским, не являются преградой для нелегальных работников. «Украина, конечно, не главный объект миграции, но ускоренное даже по сравнению с Россией вымирание населения в условиях экономического роста создает объективную потребность в рабочих руках. При попустительстве государства страна заполняется бесправными, а значит, дешевыми мигрантами, - объясняет Михаил Делягин, Директор Института проблем глобализации РФ. – Российский рынок ими уже перенасыщен, и они осваивают новые пространства». [3, с. 4].

Украинские компании проявляют огромную заинтересованность в потоке нелегальной рабочей силы, государство несет миллиардные убытки и в этом теневом секторе экономики оборачиваются внушительные капиталы, зачастую питающие криминал. Заметным следствием глобализации в Украине сегодня является приобщение ее к мировым миграционным процессам. Украина стала страной приема эмигрантов и одновременно страной, что приводит иммиграции, одним из основных субъектов евроазиатских миграционных процессов.

В связи с неустойчивой ситуацией в области нелегальной трудовой миграции следует отметить, что эта проблема является одной из важнейших, если не самой важной в данной сфере, которая требует четких и целенаправленных мер и наиболее эффективной нормативной урегулированности. Также следует отметить, что недавние изменения Федерального законодательства в сфере миграции, в частности изменения системы миграционного учета иностранных граждан, ввод так называемого осведомительного порядка миграционного учета показал, что государство делает определенные шаги по решению этого вопроса [4, с. 6-31].

Только комплексное решение определенных проблем в сфере миграции позволит создать эффективную миграционную политику, которая должна стать составной частью внутренней и внешней политики нашего государства, одно из приоритетных направлений деятельности органов государственной власти с целью превращения миграции в позитивный фактор экономического и социального развития государства и общества.

Литература:

1. Конвенция о статусе беженцев. Принята 28 июля 1951 года Конференцией полномочных представителей по вопросу о статусе беженцев и апатридов, созванной в соответствии с резолюцией 429 (V) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1950 года.
2. Миграция в России: проблемы и противоречия. Рекомендации парламентских слушаний Государственной Думы. 4 апреля 2002 года Комитет по делам национальностей совместно с комитетом по безопасности, комитетом по международным делам, комитетом по делам СНГ и связям с соотечественниками.
3. Проблемы миграции на Украине. 19 марта 2010. ua-patriot.at.ua.
4. Существенный рост миграционного потока из Украины. Июнь, 2014. kritika.by. Информационно-справочный портал.
5. 5. ФЗ от 15 августа 1996 года №114-ФЗ «О порядке выезда из РФ и въезда в РФ» (в. Ред. От 24 июня 1999г.) Ст. 3175.

О СТРУКТУРЕ СУБЪЕКТИВНОГО ПРАВА И ЕЕ РОЛИ В ПОНИМАНИИ СУЩНОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ

Груздев Владислав Викторович

*кандидат юр. наук, исполнительный директор общества с ограниченной ответственностью
«Юридическая компания «Груздев и партнеры», г. Новосибирск*

ABOUT THE STRUCTURE OF SUBJECTIVE RIGHTS AND ITS ROLE AN UNDERSTANDING OF THE CIVIL PROTECTION

Gruzdev Vladislav, candidate of law Sciences, executive director society with limited liability

«Legal company «Gruzdev and partners», Novosibirsk

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается методологическая роль структуры субъективного права в понимании сущности гражданско-правовой защиты.

ABSTRACT

The article deals with the methodological role of the structure of subjective rights in the understanding of the essence of civil law protection.

ключевые слова: субъективное право; структура субъективного права; гражданско-правовая защита

keywords: subjective right; the structure of subjective rights; civil protection

Определению места так называемого «права на защиту» в системе юридических явлений способствует решение проблемы субъективного права. Кроме того, как

следует из ст. 11 ГК РФ, ст. 2 ГПК РФ и ст. 2 АПК РФ, субъективное право само является одним из объектов защиты. Следовательно, проблема субъективного права без преувеличения – методологический ключ к формированию

правильного представления о гражданско-правовой защите.

В юридической науке высказаны два основных взгляда на сущность субъективного права: согласно первому субъективное право выступает мерой возможного поведения управомоченного лица [8, с. 45-46], в силу второго субъективное право – это возможность быть причиной действий обязанного лица или возможность действий управомоченного лица, возникающая вследствие обеспечения определенного поведения обязанных лиц [5, с. 87-90].

Указывая на корни заложенной в субъективном праве возможности поведения управомоченного лица, второй подход вполне может быть признан гносеологическим продолжением первого. Сказанное дает повод для объединения обоих подходов с целью обоснования комбинированной концепции субъективного права. Предварительно необходимо сделать следующие принципиальные оговорки.

Во-первых, не лишено разумных оснований суждение о том, что определение субъективного права «через понятие *возможности*» несколько искажает истинное положение вещей, ибо подавляющее большинство субъективных прав не исчерпываются *возможностью* (*единственной* возможностью), а представляют собой их *совокупность* или *систему*» [3, с. 230]. Однако определение субъективного права через понятие возможности вполне допустимо, если в качестве ее элементов (отдельных правомочий) рассматривать более мелкие возможности – *субвозможности*. С этой позиции словосочетания «возможность управомоченного лица» и «мера возможного поведения управомоченного лица» равным образом пригодны для дефиниции субъективного права.

Во-вторых, субъективное право представляет собой возможность *поведения* (меру возможного *поведения*), а именно совершения действий либо воздержания от совершения действий. Так, обладатель абсолютного права может не совершать каких-либо действий в отношении объекта своего права, что ни в коей мере не отражается на характере пассивного поведения обязанных лиц – они всегда обязаны воздерживаться от всяких нарушений абсолютного права. В свою очередь относительное право предоставляет кредитору возможность поведения в форме присвоения (обращения в свою пользу) результата действий, или активного поведения, должника. Важно учитывать, что речь идет о *законности основания* (*тителе*) присвоения кредитором доставленного должником блага (в том числе переданного имущества, выполненной работы, оказанной услуги).

В-третьих, использование возможности, предоставляемой субъективным правом, обеспечивается должным поведением обязанных лиц – всех третьих лиц (для абсолютного права) либо конкретных лиц (для относительного права). Данное обстоятельство демонстрирует саму природу субъективного права, входящего наряду с корреспондирующей ему обязанностью (корреспондирующими ему обязанностями) в содержание определенного правоотношения.

По мнению М.А. Гурвича, неотъемлемым свойством всякого субъективного гражданского права является способность к осуществлению в принудительном порядке, причем данное свойство (и в этом заключается его особенность) проявляется только при определенных обстоятельствах, после наступления которых право, ранее имевшее ненапряженный (неисковой) характер, «во всем своем содержании приобретает напряженный характер веляния, исполненного принудительной силы ... созревает, становится годным к немедленному осуществлению», приходит в состояние «боевой готовности» [4, с. 142].

Применительно к исследованию регулятивного права данные соображения заключают в себе огромный познавательный потенциал.

Так, только совершение или угроза совершения определенным лицом действий, от которых должны воздерживаться все одновременно обязанные лица, приводит к возникновению охранительного правомочия в составе нарушенного или оспоренного абсолютного права.

То же самое можно сказать о регулятивных относительных правах. До наступления определенного обстоятельства (в частности, срока исполнения обязательства) управомоченное лицо не может требовать (в том числе в принудительном порядке) совершения должником действий. В то же время ст. 315 ГК РФ принципиально допускает досрочное исполнение обязательства. Получается, что, не обладая правомочием требовать исполнения обязательства, кредитор вместе с тем может присваивать на законных основаниях результат поведения должника (доставленное последним благо). Появление же у кредитора притязания связывается с неисполнением или ненадлежащим исполнением должником обязательства в установленный срок (с нарушением права) либо с возникновением угрозы такого неисполнения или ненадлежащего исполнения (с оспариванием права). Иными словами, правомочие требования выступает элементом лишь того регулятивного относительного права, которое находится в нарушенном или оспоренном состоянии (по образному выражению М.А. Гурвича, в состоянии «боевой готовности»).

Что касается охранительного права, то оно изначально возникает как право требования (притязание). Это, в частности, свидетельствует, что охранительное обязательство подлежит немедленному исполнению и правила п. 2 ст. 314 ГК РФ к нему не применимы. Однако поскольку целью любого обязательства выступает предоставление должником исполнения кредитору, и под регулятивным относительным правом (как в нарушенном, так и в ненарушенном состоянии), и под охранительным правом верно понимать возможность поведения управомоченного лица в форме присвоения результата действий должника.

По данному вопросу в цивилистике господствует иной подход, который сводится к следующему: «Права кредитора, в частности, могут включать в себя в одних случаях право на действие другого лица, а в других случаях – право на результат действий другого лица, что охватывается единым термином – «право требования». Важно, что

в любом случае налицо стремление кредитора к удовлетворению его потребности» [6, с. 73].

Между тем потребовать от должника исполнения обязательства кредитор во всяком случае вправе не ранее наступления срока исполнения. При этом, как следует из семантического значения термина «требование», речь идет об активном поведении предъявляющего требования лица (кредитора). Однако цель обязательства, наоборот, достигается за счет активного поведения должника. При таких условиях понятие «право требования», как право на активное поведение самого кредитора, вряд ли можно признать родовым по отношению к понятиям «право на действие другого лица» и «право на результат действий другого лица», где под действием (действиями) разумеется активное поведение должника.

Кроме того, стремление к удовлетворению потребности после возникновения обязательственного права у кредитора может и исчезнуть, что, однако, не приведет к автоматическому прекращению или изменению указанного права. Например, покупатель, утративший после заключения договора купли-продажи интерес в праве собственности на приобретаемую вещь, и, тем не менее, принимающий такую вещь от продавца, становится ее собственником, т.е. считается присвоившим результат активного поведения должника (даже если он сразу выбросит вещь за ненадобностью).

Наконец, праву требования должна корреспондировать обязанность удовлетворить требование. В обязательстве же обязанность должника сводится к предоставлению исполнения, которое вполне может последовать и до наступления момента, с которым связывается появление у кредитора требования. Из сказанного вытекает единственно верный логический вывод: обязанность предоставить исполнение противостоит *праву на присвоение исполненного*.

Таким образом, субъективное право есть предусмотренная законом возможность поведения (мера возможного поведения) управомоченного лица, использование которой обеспечивается должным поведением обязанных лиц.

В юриспруденции чуть ли не аксиомой является положение о том, что субъективное право состоит из набора определенных взаимосвязанных возможностей (правомочий), т.е. представляет собой систему. Почти единодушно признается также, что субъективное право включает правомочие на собственное поведение и правомочие требования (правомочие на чужое поведение). Вместе с тем одни авторы считают необходимым дополнить перечень элементов субъективного права правомочием на защиту [1, с. 108], в то время как другие полагают, что соответствующая возможность образует самостоятельное субъективное право [2, с. 94].

Мнение о том, что субъективное право (впрочем, как и любое целостное юридическое явление) является системой, не может вызывать возражений. В то же время требуется уточнить, что именно следует рассматривать в качестве объекта системного исследования – субъективное право как абстрактную категорию (субъективное право вообще) или реальное субъективное право (кон-

кретное, единичное субъективное право). Без этого правильно ответить на вопрос, из каких отдельных правомочий состоит субъективное право, не реально.

В юридической литературе уже обращалось внимание на чрезвычайное разнообразие действий, возможностью совершения которых (возможностью присвоения результата которых) обладает управомоченный субъект: «Возможность совершения или требования «действий вообще», – подчеркивают А.Б. Бабаев и В.А. Белов, – **не может выступать содержанием ни одного субъективного права** из-за своей содержательной неопределенности. Как не существует просто «действий», действий как таковых, точно так же не бывает и правомочия «действия» или «требования». «Действовать» и «требовать действия» – это, следовательно, **еще не сами правомочия**, а лишь два возможных вида правомочий. Каждый вид объединяет в себе правомочия на разнообразные и многочисленные действия, конкретизируемые, как правило, лишь в рамках **единичных субъективных прав** (жирный шрифт мой. – В.Г.)» [3, с. 233].

С приведенными высказываниями трудно не согласиться. В самом деле, субъективное право, выступая возможностью поведения (мерой возможного поведения) управомоченного субъекта, наполняется конкретным содержанием только в реальной действительности как элемент системы иного порядка – правоотношения. А поскольку содержание субъективного права составляет набор конкретных взаимосвязанных правомочий, объектом системно-структурного анализа должно являться только единичное субъективное право. Исследование же субъективного права как абстрактной категории на предмет выявления его элементов не только бессмысленно, но и невозможно, так как содержание субъективного права, а следовательно, и составляющие его правомочия, на абстрактном уровне не определимы: строгая индивидуальность и исключительная специфичность конкретных субъективных прав просто не позволяют сделать необходимые обобщения.

Например, некорректно приравнивать по значению к правомочию на чужое поведение, входящему в содержание обязательственного права, правомочие носителя данного права на собственное поведение. Ведь достижение цели обязательства, а значит, функционирование соответствующего субъективного права как системы выступает *следствием* именно поведения должника. Поведение кредитора создает лишь *условие* исполнения обязательства, причем принятие исполнения следует рассматривать в качестве обязанности (пусть и кредиторской), но не правомочия. Сказанное позволяет усомниться в наличии оснований для признания правомочия на собственное поведение элементом *всех* без исключения обязательственных прав.

Таким образом, в качестве системы должно рассматриваться единичное субъективное право, которое состоит из комбинации конкретных правомочий (субвозможностей) как элементов этой системы. Данное право, если оно относится к числу абсолютных, представляет собой возможность активного или пассивного поведения управомоченного субъекта в отношении объекта права

(«право на свое поведение»), или, если оно является от-носительным, – возможность поведения управомочен-ного субъекта в форме присвоения результата действий обязанного субъекта («право на чужое активное поведе-ние»). Что касается набора правомочий, образующих кон-кретное субъективное право, то он определяется содер-жанием соответствующего правоотношения, а также, при-менительно к настоящему исследованию, тем, в каком со-стоянии находится само право – в ненарушенном и неоспоренном либо, наоборот, в нарушенном или оспо-ренном.

Так, реально требовать признания только нарушен-ного или оспоренного регулятивного права. При этом ис-ковая давность распространяется на требование о призна-нии, предъявляемое с целью реализации правомочия, входящего в состав нарушенного права, и не распростра-няется на требование о признании, предъявляемое при осуществлении правомочия, входящего в состав оспорен-ного права. Ведь в силу ст. 195 ГК РФ исковая давность –

это срок для защиты права по иску лица, право которого *нарушено*, но не оспорено.

Список литературы

1. Александров Н.Г. Законность и правоотношения в советском обществе. М., 1955.
2. Власова А.В. Структура субъективного граждан-ского права. Ярославль. 1998.
3. Гражданское право : актуальные проблемы тео-рии и практики / под общ. ред. В.А. Белова. М., 2008.
4. Гурвич М.А. Право на иск. М. – Л., 1949.
5. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому граж-данскому праву // Избранные труды. В 4 т. Т. 1. СПб., 2003.
6. Рожкова М.А. К вопросу об обязательствах и ос-нованиях их возникновения // Вестник ВАС РФ. 2001. №6.
7. Толстой Ю.К. К теории правоотношения. Л., 1959.

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРАВА НА СУДЕБНУЮ ЗАЩИТУ ОРГАНАМИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЮСТИЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Карнишина Екатерина Валериевна

аспирантка каф. «Государственно-правовые дисциплины» Пензенский государственный университет, г. Пенза

THE REALIZATION OF THE RIGHT ON COURT PROTECTION BY ORGANS OF CONSTITUTIONAL JUSTICE OF RUSSIAN FEDERATION
Karnishina Ekaterina Valerievna, "State and law disciplines" post-graduate student of the department
of Penza State University, Penza

АННОТАЦИЯ

Цель исследования состоит в попытке анализа роли и места органов конституционной юстиции в реализации права граждан Российской Федерации на судебную защиту.

Метод исследования. В ходе исследования применяются как общенаучные методы познания (диалектический, логические методы (анализа, синтеза, индукции и дедукции), системный и другие), так и специальные методы юридического исследования (сравнительно-правовой, исторический, формально-логический).

Выводы. Роль органов конституционного контроля высока и имеет большое значение в сфере судебной защиты основных прав и свобод человека и гражданина.

ABSTRACT

Background of investigation is the attempt of analysis of role and place of organs of constitutional justice in realization of right of citizens on the court protection.

Methods of investigation. In the investigation general and scientific methods of cognition (dialectical, logical methods (methods of analysis, synthesis, induction and deduction), systematical and others) and special methods of legal investigation (comparatively law, historical, formally logical) are applied.

Conclusion. The role of organs of constitutional justice is high and has importance in the sphere of court protection of general rights and freedoms of person.

Ключевые слова: органы конституционной юстиции, общенаучные методы, специальные методы, судебная защита, права человека.

Key words: organs of constitutional justice, general and scientific methods, special methods, court protection, rights of person.

Принципы правового государства и демократи-ческого общества, международные стандарты прав че-ловека предполагают возможность судебной защиты нарушенных прав. Конституционное право на судебную защиту как субъективное право входит в состав соответ-ствующего конституционного правоотношения. К его

юридическому содержанию наряду с правом на судеб-ную защиту управомоченного лица относится обязан-ность суда как органа государственной (судебной) вла-сти обеспечить реализацию данного субъективного права. Чаще всего жалобы в суде рассматриваются по правилам гражданского судопроизводства с учетом

норм Закона РФ «Об обжаловании в суд действий и решений, нарушающих права и свободы граждан». Как свидетельствует практика, органы государственной власти, органы местного самоуправления и должностные лица в России принимают много нормативных актов, противоречащих федеральным законам и другим нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу. В результате нарушаются права граждан. Судебный контроль за конституционностью федеральных законов, некоторых других нормативных актов возложен на Конституционный Суд РФ. Проверка законности нормативных правовых актов, актов большей юридической силы (кроме Конституции РФ) и право признавать указанные акты незаконными принадлежит общим и арбитражным судам.

Согласно постановлению Конституционного Суда РФ «по делу о толковании отдельных положений ст. 125, 126 и 127 Конституции РФ» от 16 июня 1998 г., такие полномочия судов общей юрисдикции следует установить в федеральном конституционном законе. В нем должны быть закреплены виды нормативных правовых актов, подлежащих проверке судами, правила о подсудности таких дел, субъекты, уполномоченные обращаться в суд с требованием о проверке законности нормативных правовых актов, обязательность решений судов по результатам проверок.

Судебную защиту прав в форме конституционного судопроизводства в Российской Федерации осуществляют КС РФ и конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, в форме гражданского, административного и уголовного судопроизводства — суды общей юрисдикции, в форме гражданского и административного судопроизводства — арбитражные суды. Интерпретация права на судебную защиту Конституционным Судом Российской Федерации происходит в результате казуального толкования части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации [1]. Благодаря этому данная норма приобретает не абстрактное значение, а реальное содержание и смысл [2, С. 138, 148]. Суд высказывал правовые позиции о природе права на судебную защиту, о его месте в системе прав и свобод человека и гражданина, о гарантиях данного права и других его аспектах.

Так, в постановлении по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 331 и 464 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами ряда граждан от 2 июля 1998 г. № 20-П8 или в постановлении по делу о проверке конституционности ст. 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.А. Аветяна от 3 мая 1995 г. № 4-П,9 Конституционный Суд России, в частности, подчеркивал, что право на судебную защиту является неотчуждаемым; лишение гражданина возможности прибегнуть к судебной защите для отстаивания своих прав и свобод противоречит конституционному принципу охраны достоинства личности (статья 21 Конституции Российской Федерации), из которого вытекает, что личность в ее взаимоотношениях с государством рассматривается как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами (часть 2 статьи 45 Конституции Российской Федерации).

Особенность конституционных норм состоит в том, что обычно они реализуются в совокупности с другими нормами, поэтому возникает сложное переплетение конституционных и иных правоотношений. Это относится и к нормам, закрепляющим конституционное право на судебную защиту, которое как субъективное право входит в состав комплекса сменяющих друг друга правоотношений.

По гражданским делам в качестве уполномоченного субъекта в комплексе таких правоотношений выступают лица, участвующие в деле, а в качестве обязанного лица от имени государства выступает суд общей юрисдикции или арбитражный суд (при принудительном исполнении судебного решения — Служба судебных приставов). Отметим, что судебный пристав-исполнитель, принудительно исполняя судебный акт, завершает реализацию права на судебную защиту. Задачи исполнительного производства в таких случаях состоят в правильном и своевременном исполнении судебных актов в целях защиты нарушенных прав, свобод и законных интересов граждан и организаций (ст. 2 Закона об исполнительном производстве). Эти цели соответствуют конституционным целям правосудия, сформулированным непосредственно в ст. 18 Конституции РФ, однако сама деятельность судебного пристава-исполнителя правосудием не является.

Конституционный (уставной) суд субъекта Российской Федерации — это не только судебный, но и конституционный орган, которому предоставлено право в уставовленных конституцией (уставом) и законом форме и пределах осуществлять контроль над органами законодательной и исполнительной власти, а в опосредованном виде — и над иными судебными органами. И в этом смысле он и сам как бы представляет высшую государственную власть. В этом его главная особенность и важное отличие от судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Иными словами, судебный конституционный контроль не сводится к собственно контролю за конституционностью нормативных актов или разрешению иных конституционных споров. Он также непосредственно или опосредованно выполняет ряд иных функций, в том числе существенно влияет на правообеспечительную деятельность судов и иных государственных органов, их должностных лиц. Органы конституционного контроля субъектов Российской Федерации принимают решения, которые несут окончательный характер, они занимают самостоятельное место в системе власти и независимы от иных органов государственной власти в осуществлении своих полномочий [3].

Проводя сравнительный анализ процедуры вынесения решений судами общей юрисдикции и конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации, следует отметить, что, если решения судов общей юрисдикции и арбитражных судов принимаются более оперативно, то решения конституционных (уставных) судов субъектов РФ более эффективны в деле укрепления законности и защиты прав и свобод граждан. Во-первых, решением конституционного (уставного) суда нормативный акт признается не недействующим, а утратившим силу. Это означает отсутствие в дальнейшем необходимо-

сти в его отмене. Неконституционная норма автоматически исключается из правовой системы. Во-вторых, решение конституционного (уставного) суда окончательно, не подлежит обжалованию и вступает в силу немедленно после его провозглашения. Что же касается юридической силы такого решения, то она равна силе конституционных норм. При этом обязательный характер носят не только положения резолютивной части решения, но и правовые позиции, указанные в мотивировочной части. В-третьих, решение конституционного (уставного) суда действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Его юридическая сила не может быть преодолена повторным принятием такого же акта. Все положения иных актов, аналогичные по своему смыслу положениям, признанным неконституционными, также не могут исполняться. Таким образом, решение конституционного (уставного) суда более универсально. И, наконец, в-четвертых: решением конституционного (уставного) суда на органы и должностные лица может быть возложена обязанность устранить выявленный в ходе судебного контроля пробел в правовом регулировании. В этом случае соответствующие органы и лица обязаны в установленные сроки восполнить пробел путем принятия нового нормативного акта или внесения изменений и дополнений в нормативный акт, признанный неконституционным в отдельной его части [4, С. 12-15].

Конституционный Суд РФ указывает на защиту прав, гарантированных Конституцией РФ и более никаким иным актом. Но это не представляется серьезной преградой, так как в большинстве конституций и уставов субъектов Федерации либо копируются нормы федеральной Конституции в части прав и свобод человека и гражданина, либо содержится отсылочная норма к Конституции РФ. Например, п. 1 ст. 3 Устава Санкт-Петербурга предусматривает, что в Санкт-Петербурге признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации. Таким образом, права и свободы человека и гражданина, гарантированные Конституцией РФ, гарантируются, в данном случае, и Уставом Санкт-Петербурга. Следовательно, в случае нарушения конституционного права человека и гражданина, лицо, право которого нарушено региональным нормативным актом, может обратиться с жалобой не только в Конституционный Суд РФ, но и в орган конституционного контроля субъекта РФ на предмет соответствия этого нормативного акта конституции (уставу) данного региона. При этом, руководствуясь вышеуказанной позицией Конституционного Суда РФ, это может быть любое физическое лицо: гражданин РФ, иностранный гражданин или лицо без гражданства. Кроме того, ч. 3 ст. 62 Конституции РФ предусматривает, что иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами РФ, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором РФ. А значит законами субъектов Федерации невозможно ограничить право иностранного гражданина или лица без гражданства на обращение в орган конституционной юстиции субъекта РФ.

Однако, важно не допустить установление излишне узкого круга не только субъектов, обладающих

правом обращения в конституционный (уставный) суд, но и излишне узкого круга объектов и форм контроля.

В подавляющем большинстве региональных законов об органах конституционной юстиции установлены специальные требования к жалобам граждан и их объединений. В случае соблюдения указанных требований жалоба признается допустимой. Таким образом, можно говорить о критериях допустимости для обращений граждан и их объединений в конституционные (уставные) суды субъектов РФ. Из анализа региональных законов можно прийти к выводу, что каждый субъект РФ по-своему регулирует данный вопрос. В общем виде основные критерии допустимости жалобы следующие: 1) нарушение обжалуемым актом прав и свобод; 2) обжаловать можно либо только законы данного субъекта РФ, либо как законы субъекта РФ, так и иные нормативные акты; 3) обжалуемый акт применен или подлежит применению в конкретном деле любым органом, либо только судом. На наш взгляд, самым необоснованным ограничением права на подачу жалобы является установление правила, согласно которому возможно обжаловать нормативный правовой акт, примененный или подлежащий применению в конкретном деле только судом, но не иными органами. Такое ограничение устанавливается в Законе Калининградской области № 247 и в Законе Санкт-Петербурга от 24 мая 2000 г. № 241-21 «Об Уставном суде Санкт-Петербурга». Совершенно очевидно, что и при применении несудебными органами несоответствующих региональным конституциям и уставам законов и иных нормативных актов субъекта РФ, права граждан будут нарушаться. Другой критерий допустимости конституционной жалобы, как говорилось выше, это установление правила, согласно которому можно обжаловать либо только законы субъекта РФ, либо как законы субъекта Федерации, так и иные нормативные правовые акты субъекта РФ, органов государственной власти субъекта РФ, органов местного самоуправления, образованных на территории субъекта РФ.

Если мы исходим из того, что формирование конституционных (уставных) судов неизбежно ставит задачу защитить права человека и гражданина как от посягательств органов государственной власти субъектов РФ, так и органов местного самоуправления, то установление возможности обжаловать в региональном органе конституционного контроля лишь законы субъекта РФ не приведет к осуществлению указанной задачи. В такой ситуации защита прав граждан от посягательств государственных органов минимизирована, а защита от посягательств органов местного самоуправления вообще исключена.

Установление третьего из вышеупомянутых критериев допустимости конституционной жалобы, а именно нарушение обжалуемым актом прав и свобод подателя жалобы, казалось бы, не вызывает сомнений и данный критерий допустимости должен быть предусмотрен не прямо так косвенно в каждом законе о конституционном (уставном) суде субъекта РФ. Однако и здесь не все так однозначно. Статья 83 Закона Республики Карелия № 790-ЗРК предусматривает, что общественные объединения, юридические лица и граждане вправе обращаться в Конституционный Суд Республики Карелия с запросом о соот-

ветствии Конституции Республики Карелия законов Республики Карелия и иных нормативных актов. Таким правом указанные субъекты пользуются наряду с органами государственной власти Республики Карелия и органами местного самоуправления. При этом для общественных объединений, юридических лиц и граждан не установлено вообще никаких (за исключением перечня объектов обжалования) из вышерассмотренных критериев допустимости их обращения в орган конституционного контроля данного субъекта РФ. Получается, что для них (как и для государственных органов и органов местного самоуправления) действует общее условие допустимости обращения, предусмотренное в ч. 1 ст. 35 Закона Республики Карелия № 790-ЗРК. Согласно указанному положению обращение в Конституционный Суд Республики Карелия с запросом о проверке на соответствие Конституции Республики Карелия законов Республики Карелия и иных нормативных актов, либо отдельных их положений допустимо, если заявитель считает их не соответствующими Конституции Республики Карелия. Аналогичная ситуация складывается в соответствии с Законом Ханты-Мансийского автономного округа № 43-оз.

Таким образом, в двух субъектах РФ (Республике Карелия и Ханты-Мансийском автономном округе) предусмотрено, что граждане и их объединения вправе инициировать в органе конституционной юстиции рассмотрение дела в порядке абстрактного нормоконтроля. В связи с этим возникает вопрос, насколько это эффективно и обоснованно? На наш взгляд, граждане и их объединения, не являясь представителями публичного субъекта (государства, муниципального образования), не вправе защищать публичный интерес, обращаться в суд, когда их собственные права не нарушены, обращаться вне связи с конкретным делом. Кроме того, наделение частных лиц такими широкими правами на обращение в конституционный (уставный) суд может обернуться лавиной жалоб и запросов от граждан и их объединений, что парализует работу органа конституционной юстиции, приведет к тому, что суд просто не справится с возложенными на него задачами.

Таким образом, установление критериев допустимости конституционной жалобы, как видно из проведенного исследования, является серьезной проблемой, которая в каждом субъекте Федерации решается по-разному и решается неоднозначно. Представляется, что необходимо снять излишние, необоснованные для регионального уровня ограничения возможности обращения граждан и их объединений в конституционные (уставные) суды. Это позволит расширить средства защиты прав и свобод человека и гражданина, увеличит их альтернативность в механизме юридических гарантий, позволит органам конституционной юстиции стать наиболее эффективной формой охраны региональных конституций и уставов.

Но при этом нельзя забывать, что компетенция конституционных (уставных) судов относительно защиты прав и свобод граждан должна быть продумана так, чтобы указанные суды не были перегружены [5, с. 180-181]. Установление в законодательстве субъектов РФ условий, при которых возникает право подачи конституционных жалоб, приводит к созданию своеобразных

фильтров, цель которых – ограничить поступление жалоб в конституционный (уставный) суд, чтобы обеспечить ему возможность оперативной и эффективной деятельности в области защиты прав граждан. На наш взгляд, к числу такого рода условий относятся: а) определение субъектов подачи жалобы (об этом подробно говорилось выше); б) установление перечня нормативных актов, которые подлежат обжалованию; в) важнейшим условием обращения с жалобой в конституционный (уставный) суд является нарушение прав подателя жалобы обжалуемым нормативным правовым актом; г) применение или возможность применения данного нормативного акта в конкретном деле, при чем применение любым уполномоченным органом, а не только судом.

Таким образом, наилучшей законодательной формулировкой, которая определяла бы критерии, условия допустимости конституционной жалобы в региональном органе конституционной юстиции, представляется следующая: «граждане, включая иностранных граждан и лиц без гражданства, а также объединения граждан вправе обращаться в конституционный (уставный) суд с жалобой на нарушение их прав и свобод законом субъекта РФ или иным нормативным актом, принятым органом государственной власти субъекта РФ, органом местного самоуправления, образованным на территории субъекта РФ, их должностными лицами, если этот закон или иной нормативный акт применен или подлежит применению в конкретном деле» [6].

Некоторые ученые оспаривают тезис о защите прав и свобод как одной из основных функций конституционного суда, полагая, что основная их функция - правовая охрана конституции. Обосновывается это утверждение тем, что во имя защиты конституции допускается ограничение прав и свобод. Как полагает Е.А. Лукашева, подобный подход не является верным, поскольку открывает государству возможность вопреки конституции манипулировать правами и свободами человека [7, с. 177-179]. Функция защиты конституции и защиты прав и свобод человека и гражданина является двуединой и неделимой [8].

Поддерживая данное справедливое высказывание, полагаем, что имеются все основания для выделения этой функции как отдельной, несмотря на то, что она может быть включена в содержание первой функции по защите основного закона страны.

Итак, выделение функции защиты прав человека органами конституционной юстиции как одного из главных направлений их деятельности является целесообразным, поскольку защита прав человека в странах молодой демократии осуществляется не всегда эффективно, а высокий статус конституционного суда, обладающего полномочиями по восстановлению прав граждан, нарушенных неконституционными законами, может повысить эффективность защиты прав граждан и способствовать улучшению правового механизма защиты прав и свобод в целом. Осуществление данными органами функции конституционного контроля является также важнейшей составляющей механизма реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина в РФ.

Список литературы

1. Витрук Н. В. Конституционное правосудие. Судебное конституционное право и процесс. М., 1998.
2. Куликов А.В., Герасимова Е.В. Развитие функции защиты прав и свобод человека в деятельности органов конституционной юстиции (сравнительно-правовой аспект) // "Конституционное и муниципальное право". -2007.
3. Митюков М.А. Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник парламентского права // Эффективность закона. Методология и конкретные исследования. М., 1997.
4. Официальный текст Конституции Российской Федерации с внесенными в нее поправками от 30 декабря 2008 г. опубликован в изданиях: «Российская газета», № 7, 21.01.2009, «Собрание законодательства РФ», 26.01.2009, № 4, ст. 445, «Парламентская газета», № 4, 23-29.01.2009.
5. Права человека: Учебник для вузов / Отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 2003.
6. Цалиев А.М., Качмазов О.Х. Правозащитная функция органов конституционной юстиции и прокуратуры // Законность. 2010. N 7.
7. Режим доступа: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1220800>.
8. Режим доступа: <http://www.jourclub.ru/35/1249/>.
9. Режим доступа: <http://www.gazeta-yurist.ru/article.php?i=451>.

ОСОБЕННОСТИ НАЗНАЧЕНИЯ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С ИЗГОТОВЛЕНИЕМ ПОДДЕЛЬНЫХ БАНКОВСКИХ КАРТ

Карпов Никита Олегович

Следователь следственного отделения Санкт-Петербург-Финляндского линейного отдела МВД России на транспорте, г.Санкт-Петербург

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена рассмотрению вопроса назначения судебных экспертиз по делам об уголовных делах, связанных с изготовлением поддельных банковских карт. Рассматривается, в том числе, примерный перечень представляемых на исследование предметов, а также постановка вопросов перед экспертом. Методологическую основу исследования составил диалектико-материалистический метод научного познания, общенаучные и частные научные методы. В статье обоснована актуальность исследования в этой области, а также приведен перечень судебных экспертиз, назначаемых по уголовным делам о таких преступлениях, а также конкретизирован перечень вопросов перед экспертами.

Ключевые слова: предварительное следствие; подделка банковских карт; судебная экспертиза.

При производстве предварительного следствия по уголовным делам, связанным с изготовлением поддельных банковских карт следователь сталкивается с необходимостью производства судебных экспертиз. Однако, в связи с тем, что состав указанного преступления встречается довольно редко, а также в связи с особой сложностью процесса изготовления поддельных банковских карт, следователь может столкнуться с трудностями, касающимися предоставления необходимых для исследования объектов, а также с формулировкой вопросов к эксперту.

Перед тем, как непосредственно перейти к рассмотрению вопроса о судебных экспертизах, необходимо кратко отразить порядок получения объектов, которые необходимо представить на исследование эксперту.

Чаще всего по данным преступлениям, представляемые на исследование объекты изымаются в ходе обыска. В ходе расследования указанных преступлений необходимо произвести обыск в следующих местах:

- 1) обыск в жилище по месту регистрации и фактического проживания подозреваемого;
- 2) обыск помещения по месту работы подозреваемого, в принадлежащих ему загородных домах, гаражах;

- 3) обыск в жилище по месту жительства родственников, близких знакомых.

При производстве обыска необходимо изъять на следующие предметы:

- 1) банковские карты;
- 2) материалы и оборудования для подделки карт – эмбоссеры, пуансоны, прессы, устройства чтения и записи информации, содержащейся на магнитной полосе или микрочипе (скиммеры, энкодеры), принтеры для печати голограммы, химические растворители, куски пластика, компьютерная техника и так далее;
- 3) мобильные телефоны;
- 4) флеш-карты, компакт-диски и иные носители компьютерной информации.

Перейдем непосредственно к судебным экспертизам. При расследовании уголовных дел данной категории может возникнуть необходимость назначения следующих судебных экспертиз:

- 1) компьютерную;
- 2) трассологическую;
- 3) документоведческую;
- 4) подчерководческую (в случае подделки подписи);

- 5) дактилоскопическую (в случае, если на карте обнаружены следы пальцев рук).

Компьютерная экспертиза назначается по исследованию следующих объектов: поддельной банковской карты и компьютерной техники, изъятой у подозреваемого. При этом в отношении банковской карты заключение эксперта является обязательным и оно вкладывается в основу обвинения, а в отношении компьютерной техники экспертиза назначается только в случае ее использования подозреваемым для изготовления либо сбыта поддельных банковских карт, если данная техника была изъята в ходе производства предварительного следствия.

При назначении компьютерной экспертизы по исследованию поддельной банковской карты перед экспертом необходимо поставить следующие вопросы:

- 1) Имеется ли информация на магнитной полосе (микропроцессоре) представленной на исследование банковской карты?
- 2) Соответствует ли информация, записанная на магнитную полосу (микропроцессор) пластиковой карты, информации, имеющейся в элементах ее внешнего оформления?
- 3) Может ли представленная пластиковая карта на «дата совершения преступления» воспринята в технологии функционирования платежных систем в качестве расчетной (кредитной)? (также для простоты восприятия вопроса как экспертом, так и другими участниками процесса возможна следующая интерпретация вопроса: «Пригодна ли представленная на исследование пластиковая карта для производства банковских операций в конкретной платежной системе (конкретном банке) с технической точки зрения?»).

При назначении компьютерной экспертизы по исследованию системных блоков, персональных компьютеров, жестких дисков перед экспертом необходимо поставить следующие вопросы:

- 1) Имеются ли на представленных на исследование системных блоках, жестких дисках, персональном компьютере файлы или их фрагменты, содержащие информацию, которая по своей структуре и содержанию соответствует информации, записываемой на магнитной полосе банковских карт?
- 2) Имеется ли на представленном на исследование персональном компьютере программное обеспечение для просмотра, редактирования и сохранения информации, содержащейся на магнитной полосе банковских карт?
- 3) Имеются ли на представленном на исследование персональном компьютере файлы или их фрагменты, содержащие инструкцию по использованию, подготовке к работе «скиммеров»(ридеров), накладных клавиатур, или иные документы, содержащие указанные названия, а также документы, содержащие сведения об ответственности за использование скиммеров(ридеров) и накладных клавиатур?

При назначении экспертизы по исследованию изъятого оборудования (скиммеров, энкодеров), перед экспертом необходимо поставить следующий вопрос:

«Могли ли представленные на исследование устройства использоваться для считывания и записи информации, находящейся на магнитной полосе банковской карты?».

По исследованию полиграфических реквизитов карты следует назначать документоведческую экспертизу. Эксперт сможет ответить на поставленные вопросы при условии предоставления оригинального образца банковской карты, который должен быть получен в банке, карта которого была подделана. Для того, чтобы соблюсти процессуальную форму, необходимо, чтобы банк упаковал эту карту в опечатанный конверт, на котором будет иметься указание на то, что представлен оригинальный образец карты, а также подпись уполномоченного лица. В таком случае можно поставить следующие вопросы:

- 1) Производством ли, осуществляющим выпуск/печатать данного вида банковской карты изготовлены полиграфические реквизиты представленной на исследование карты?
- 2) Производились ли в полиграфических реквизитах представленной на исследование карты изменения первоначального содержания? Если производились, то какие и каким способом?

Если нет возможности получить оригинальный образец изготовленной банковской карты, то можно поставить вопрос: «Каким способом изготовлены полиграфические реквизиты?».

Также возможно назначения трассологической экспертизы. Если в ходе предварительного расследования было изъято оборудование, с помощью которого были изготовлены эмбоосированные строки на банковской карте, то возможно постановка перед экспертом следующего вопроса: «Выполнены ли эмбоосированные строки (рельефно-выпуклые маркировочные обозначения изменяемых данных) представленной на исследование банковской карты представленным на исследование оборудованием?».

Если в ходе предварительного расследования были изъяты только поддельные банковские карты, то при предоставлении в экспертное учреждение оригинального образца банковской карты перед экспертом можно поставить следующий вопрос: «С использованием одного и того же оборудования были изготовлены эмбоосированные строки (рельефно-выпуклые маркировочные обозначения изменяемых данных) на представленных на исследование банковских картах?».

При выявлении подделки подписи на банковской карте следователю необходимо назначить и почерковедческую экспертизу. При назначении такой экспертизы сложность может возникнуть в отношении образцов подчёрка владельца карты. Когда данные образцы получены, назначается экспертиза и следователь может поставить перед экспертом только вопрос о том, выполнена ли подпись на карте ее владельцем или иным лицом. Даже при задержании подозреваемого, выяснить, подделана ли им данная подпись или другим лицом, посредством экспертизы маловероятно в связи с тем, что подозреваемый намерено может исказить подпись чужого лица при получении у него образцов. Соответственно, для производства экспертизы следователь, помимо копии постановления о назначении экспертизы и объекта исследования, должен

предоставить эксперту и полученные в соответствии с уголовно-процессуальным законом образцы подписи владельца карты.

Если на изъятой банковской карте обнаружены следы пальцев рук, имеется необходимость произвести дактилоскопическую экспертизу, результаты которой могут послужить косвенным доказательством изготовления либо сбыта подозреваемым лицом банковской карты. Перед производством экспертизы следователю необходимо получить образцы отпечатков пальцев рук подозреваемого, а затем вместе с изъятыми следами и копией постановления о назначении судебной экспертизы передать в экспертное учреждение. Перед экспертом в этом случае необходимо поставить следующие вопросы:

- 1) пригодны ли представленные на исследование следы пальцев рук для идентификации?
- 2) если да, то не оставлены ли данные следы подозреваемым лицом, либо иным лицом?

Учитывая, что заключение эксперта по данным уголовным делам может являться одним из основных доказательств, вопросы организации производства судебных экспертиз требуют особого внимания.

Список литературы:

1. Абдурагимов Т.И. Раскрытие и расследование изготовления, сбыта и использования поддельных кредитных и расчетных пластиковых карт: Дис... к-та юрид. наук. М., 2001. 201 с.
2. Яцуценко И.В. Криминалистическая характеристика способов подделки пластиковых карт // Право и современность. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2007. С. 213-217.
3. Анчабадзе Н.А. Наиболее распространенные способы подделки небанковских пластиковых карт // Современные проблемы теории и практики криминалистического исследования документов. Волгоград, 2007. С. 45-47.
4. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Российская Е. Р. Криминалистика. Учебник для вузов. Под ред. Р. С. Белкина. М.: Спарк, 2000. 670 с.
5. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. // Российская газета, 2001. 22 декабря.

ИНСТИТУТ АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬ ПУБЛИЧНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Майборода Виктор Александрович,

кандидат юридических наук, ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь

INSTITUTE OF LAND LEASE OF PUBLIC PROPERTY

Mayboroda A. Victor, PhD, FGAOU HPE "North-Caucasian Federal University", Stavropol

АННОТАЦИЯ

Существенные изменения регулирования договора аренды земель, находящихся в государственной и муниципальной собственности, внесенных Федеральным законом от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» в Земельный кодекс влекут изменения всего института аренды земли.

ABSTRACT

Substantial changes to the regulation of land lease of State and municipal property, made by Federal law 23.06.2014 № 171-FL «On amendments to the Land code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation» in the Land code have changes all of the land lease.

Ключевые слова: аренда земли, земельное право, продажа с торгов.

Keywords: lease of land, land law, sale.

Определение договору аренды как имущественному найму, в котором арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование дано положениями ст. 606 Гражданского кодекса (далее – ГК). Земельные участки, наравне с иными объектами недвижимости могут быть переданы в аренду.

Федеральным законом от 23.06.2014 № 171-ФЗ «О внесении изменений в Земельный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее –ФЗ № 171), вступающим в силу с 1 марта 2015 года предусмотрен ряд существенных новаций правового регулирования договора аренды из земель, находящихся в государственной и муниципальной

собственности. Рассмотрение изменений по существу возможно через рассмотрение элементов договора аренды.

Договор аренды должен содержать сведения индивидуализации объекта аренды, в противном случае он считается не заключенным. В литературе высказывается мнение о том, что предметом договора аренды является имущество, определенное индивидуальными признаками [1, с. 94].

Земельный участок, согласно положениям ФЗ № 171, как объект права собственности определен как недвижимая вещь, которая представляет собой часть земной поверхности и имеет характеристики, позволяющие определить ее в качестве индивидуально определенной вещи. То есть индивидуализация земельного участка по-

средством постановки его на кадастровый учет и формирования тем самым его границ становится не единственным и обязательным средством индивидуализации земельного участка в качестве объекта прав. Исключительно для индивидуализации земельных участков из публичных земель допускается его документирование схемой расположения земельного участка на кадастровом плане территории даже и при отсутствии утвержденного проекта межевания территории.

С позиции доктринального толкования гражданское и земельное право являются различными отраслями права, при чем гражданское находится в исключительной компетенции РФ, а земельное законодательство отнесено к совместному предмету ведения РФ и её субъектов [2, с. 7]. В этом ключе законодательство о градостроительной деятельности возможно рассматривать как институт земельного права, регулирующего земельные отношения земель населенных пунктов, как отдельной категории земель. Законодательство о градостроительной деятельности, устанавливает через использование терминологии ЗК деления земель на категории две группы земель: с установлением градостроительного регламента и без такового. Наличие градостроительного регламента для земельного участка означает потенциальную возможность его застройки, а его отсутствие – исключает.

ФЗ № 171 в новеллизации регулирования договора аренды следует данному вектору, разделяя возможность заключения договора аренды земельного участка из публичных земель на конкурсную и на договор, заключаемый без проведения конкурса. Общее правило заключения договора аренды из публичных земель, закрепленное статьей 39⁶ ЗК в редакции ФЗ № 171, – его заключение на торгах, проводимых в форме аукциона, как правило в отношении земель, на которые распространяется действие регламента, так как первое место предоставляемых земель на конкурсной основе отведено землям под строительство. В этом случае размер арендной платы в форме ежегодной арендной платы или размер первого арендного платежа определяются по результатам аукциона. Действующее земельное законодательство размер арендной платы за аренду публичных земель в ч. 4 ст. 22 ЗК относит к компетенции Правительства, наделяя его правом установления общих начал определения арендной платы. ФЗ № 171 предоставляет право Правительству в ч. 1 ст. 39⁷ изменений в ЗК принятия основных принципов определения арендной платы. Таким образом устоявшееся в правоприменительной практике представление о размере арендной платы при аренде публичных земель, как о нормативно устанавливаемой компоненте договора, подлежит существенной корректировке [3]. Законодателем в ч. 3 ст. 39⁷ изменений в ЗК сохранено за собственником соответствующих земель право установления арендной платы за неё, но в то же время дифференциация правил определения размера арендной платы дополнена более детальными исключениями определения размера арендной платы в размере, не превышающем размер земельного налога. Перечень исключений из общего правила конкурсного порядка заключения договора аренды, приведенный в ч. 2 ст. 39⁶ изменений в ЗК достаточно обши-

рен. Следует отметить возможность внеконкурсного заключения договора аренды с религиозными организациями (объединениям), казачьим обществам для осуществления сельскохозяйственного производства, сохранения и развития традиционного образа жизни и хозяйствования казачьих обществ, взамен упраздняемого вещного права безвозмездного срочного пользования по действующему ЗК.

Особый интерес представляет обновление правил о сроке договора аренды. Действующим сочетанием норм гражданского и земельного законодательства, установлены сроки договоров аренды публичных земель для земель сельскохозяйственного назначения в п. 3 ст. 9 Федерального закона «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» [4]. Связанная с этим обязанность государственной регистрации при заключении договора на срок свыше одного года, установлена ст. 609 ГК и ст. 26 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» [5]. ФЗ № 171 устанавливает более детальную регламентацию сроков аренды публичных земель, направленную на вытеснение из оборота договоров аренды, заключаемых на срок, не превышающий года. Тем самым спектр регистрируемых договоров аренды существенно расширяется законодателем, переводя обязательственные правоотношения аренды в институт регистрируемого права, присущего вещным правам на земельный участок и распространяя на них соответствующие институты судебной защиты, благоприятствующие устойчивости гражданского оборота.

Пункт 8 статьи 39⁸ изменений в ЗК содержит перечень из семнадцати пунктов, регулирующих сроки заключения договора аренды публичных земель. Например, срок аренды для целей строительства составляет от 3-х до 9 лет, а гражданам для целей индивидуального жилищного строительства – до 20 лет. Установление сроков договора аренды с точки зрения его государственной регистрации, то есть тех договоров, срок которых не обязательно превышает один год произведено в ряде случаев, наиболее распространенным из которых является договор аренды в случае предоставления земельного участка гражданину для сенокосения, выпаса сельскохозяйственных животных, ведения огородничества, заключаемый на срок не более чем на три года. Заметим, что в отличие от норм, устанавливавших правила определения арендной платы из этого перечня занятий граждан, для которых им предоставляются земельные участки исключены садоводство и ведение дачного хозяйства. Представляется, что не последнюю в том роль сыграли Постановления Конституционного Суда от 14.04.2008 № 7-П [6] от 30.06.2011 № 13-П [7] и т.д., фактически приравнивавшие дачные и садовые домики, в случае их соответствия требованиям, предъявляемым к жилым помещениям к жилым домам, что в дальнейшем влекло изменение разрешенного вида использования земельного участка, на котором расположен такой домик. Для ведения дачного хозяйства срок договора аренды установлен от трех до пяти лет, а для ведения садоводства специальный срок не установлен, веро-

ятно исходя из определения садоводства как вида сельскохозяйственной деятельности, общий срок аренды для которой определен от трех до сорока девяти лет.

Особого внимания заслуживают новации в сроках аренды земельного участка для целей строительства и не соблюдение сроков строительства при истечении сроков аренды. ФЗ № 171, в отличие от двадцатилетнего срока строительства индивидуального жилья гражданами в отношении юридических лиц-застройщиков более требователен. Общий срок, установленный для строительства, реконструкции зданий, сооружений установлен от 3-х до 10 лет. Если застройщик в указанный срок аренды публичных земель завершил строительство объекта и ввел его в эксплуатацию, то он имеет право на приобретение права собственности у публично-правового образования и на земельный участок, либо может перезаключить договор аренды. В новой редакции ЗК приобретение прав на земельные участки публичной собственности, на которых расположены здания, строения, сооружения сохранено за собственниками зданий во внеконкурсном порядке и закреплено в п. 6 ч. 2 ст. 39³ изменений ЗК. Однако не введение в эксплуатацию возводимого объекта недвижимости и истечение срока аренды земельного участка из публичных земель, заключенного по результатам конкурса влечет теперь изъятие у собственников недостроенных объектов. В ГК ФЗ № 171 вводится статья 239¹, устанавливающая, что в случае прекращения действия договора аренды земельного участка, находящегося в публичной собственности, объекты незавершенного строительства, находящиеся на указанном участке, могут быть изъяты у собственника по решению суда путем продажи с публичных торгов. Требованием, подлежащим предъявлению в суд органом, уполномоченным на распоряжение земельным участком является требование о продаже объекта незавершенного строительства с публичных торгов по начальной цене продажи объекта незавершенного строительства, определяемой на основании оценки его рыночной стоимости. При этом указанной нормой материального закона закреплено и смещение бремени доказывания своей добросовестности, уже возложенного на застройщика: требование о продаже объекта незавершенного строительства не подлежит удовлетворению, если собственник такого объекта докажет, что нарушение срока строительства объекта связано с действиями (бездействием) органов государственной власти, органов местного самоуправления либо лиц, осуществляющих эксплуатацию сетей инженерно-технического обеспечения, к которым должен быть подключен (присоединен) объект. Приведенная правовая конструкция является в равной степени существенной новеллой правоотношений аренды для целей строительства и коррупционным фактором [8, с. 45].

Истец (уполномоченный орган по распоряжению землей), перед обращением в суд с иском о продаже объекта незавершенного строительства должен составить его рыночную оценку, так как обязан её указать в качестве искового требования. Содержание нормы из допустимых доказательств априорно исключает экспертное заключение, оставив допустимым лишь заключение оценщика. То есть ответчику по стоимости объекта остается возразить

также только заключением оценщика. Доказательственная конкуренция мнения оценщика и экспертного заключения правоприменительной практикой безусловно разрешается в пользу последнего.

Выдача разрешения на ввод объекта в эксплуатацию статьей 55 ГК отнесена к компетенции федерального органа исполнительной власти, органа исполнительной власти субъекта РФ, либо органа местного самоуправления (за специальными исключениями), то есть, – к истцу по рассматриваемым требованиям. Как уже указано предметом спора, наряду с иными обстоятельствами выступают действия (бездействие) органов государственной власти, органов местного самоуправления, повлекшие нарушение сроков строительства.

Таким образом, создаваемая рассматриваемыми нормами категория споров предоставляет соответствующему органу государственной власти, местного самоуправления право на иск, на исключительные доказательства его основания (заключение оценщика и мотивация законности и обоснованности отказа в приеме в эксплуатацию) и на отсутствие бремени доказывания законности своих действий (бездействия). Это же лицо формирует комиссию по приёму объектов капитального строительства в эксплуатацию. Очевидно, что нормы, создающие институт принудительной реализации незавершенного строительства на публичных землях нуждаются в приведение в соответствие с принципами разделения властей и равенства всех перед судом.

Резюмируя изложенное можно сформулировать следующие выводы:

1. существенное изменение аренды публичных земель вносит в него элементы нормативной регламентации непосредственно всех существенных условий договора нормами закона;
2. перечисленные новеллы приближают договор аренды публичных земель к вытесняемому из земельного права институту иных вещных прав на землю, все более исключая обязательственные элементы из этого правоотношения, открывая тем самым возможности для синонимичных способов защиты арендных прав способам защиты права собственности;
3. в сущностном изменении договора аренды публичных земель видятся коррупционные недостатки, обоснованность которых подтвердит, либо опровергнет правоприменительная практика.

Список литературы:

1. Комментарий к статье 607 ГК РФ Постатейного комментария к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части второй: в 3 т. / Н.А. Баранов, К.П. Беляев, Е.В. Вавилин и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. Т. 1.
2. Ибрагимов К.Х. Некоторые аспекты классификации функций позитивного земельного права // Юрист. 2014. № 2. С. 4-10.
3. Правовыми позициями, изложенными в постановлениях Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 15.03.2012 № 15117/11 и от 25.02.2014 № 15534/13 по делу № А07-

2021/2012 сформулировано утверждение о том, что стороны руководствуются установленным размером арендной платы за земельные участки, находящиеся в государственной или муниципальной собственности, и не вправе применять другой размер арендной платы. Новый размер арендной платы подлежит применению с даты вступления в силу соответствующего нормативного акта // СПС Консультант Плюс.

4. Федеральный закон «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» от 24.07.2002 № 101-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3018.
5. Федеральный закон «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с

ним» от 21.07.1997 № 122-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 28.07.1997. № 30. Ст. 3594.

6. Постановление КС Суда РФ от 14.04.2008 № 7-П // Собрание законодательства РФ. 05.05.2008. № 18. Ст. 2089.
7. Постановление КС РФ от 30.06.2011 № 13-П // Собрание законодательства РФ. 04.07.2011. № 27. Ст. 3991.
8. Гордиенко Д.А. Антикоррупционная экспертиза как способ противодействия коррупции: история проведения антикоррупционной экспертизы на современном этапе развития Российского законодательства // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 41-46.

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ДЕФИНИЦИИ ПРАВОПРОЕКТИРОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ КООРДИНАЦИОННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ)

Максуров Алексей Анатольевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры истории и теории государства и права Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова кандидат юридических наук,

UNCONVENTIONAL DEFINITION PRAVOPROEKTIROVANIYA (FOR EXAMPLE, COORDINATION OF LEGAL TECHNOLOGY)

Maxurov Alexey Anatolievich, Candidate of Law Associate Professor of chair of history and theory of state and law of the Yaroslavl state University. P.G. Demidova candidate of legal Sciences,

Аннотация

В работе рассказывается о новых методологических подходах к исследованию свойств и характеристик, качества и эффективности правовых явлений. Применение новых подходов показано на примере координационной юридической технологии

Abstract

In work it is told about new methodological approaches to research of properties and characteristics, quality and efficiency of the legal phenomena. Application of new approaches is shown on the example of coordination legal technology

Ключевые слова

Координация, правоотношение, технология, качество, эффективность

Keywords

Coordination, legal relationship, technology, quality, efficiency

Существуют научные позиции, нетрадиционно понимающие само правопроектирование, например, правопроектирования, реализуемого в рамках координационной юридической технологии.

Так, по одной из них проект — это временное предприятие, предназначенное для создания уникальных продуктов или услуг.

«Временное» означает, что у любого проекта есть начало и непременно наступает завершение, когда достигаются поставленные цели, либо возникает понимание, что эти цели не могут быть достигнуты. «Уникальных» означает, что создаваемые продукты или услуги существенно отличаются от других аналогичных продуктов и услуг.

Уникальность продуктов или услуг проекта обуславливает необходимость последовательного уточнения их характеристик по мере выполнения проекта.

В качестве примеров проектов можно привести строительство, разработку любой новой продукции, проведение ремонтных работ, внедрение информационной системы на предприятии, проведение избирательной кампании, съемки кинофильма и многое другое, что отвечает приведенному определению.

Направленность на достижение целей. Проекты всегда нацелены на получение конкретных результатов. Именно эти результаты, сформулированные в форме целей, являются основой проекта, и все усилия по его планированию и реализации предпринимаются для того, чтобы эти цели были достигнуты. Проект обычно представляет собой совокупность взаимосвязанных целей. Например, основной целью проекта в области ИТ, может быть разработка информационной системы управления предприятием. Однако такая целевая установка предполагает наличие нескольких подцелей, которыми могут быть: разработка базы данных, математического и про-

граммного и технического обеспечения системы, ее тестирование. В разработке базы данных, в свою очередь, также могут быть выделены цели более низкого уровня - разработка логической структуры базы данных, реализация базы данных с помощью подсистемы управления базами данных, и так далее. От того, на сколько точно определены и формулированы цели, начиная со стратегических, до детализированных оперативных целей и задач зависит в конечном итоге успех проекта. Проблема формулирования совокупности целей в виде, например, дерева целей представляет собой слабо структурированную задачу, не имеющую унифицированного алгоритма, критериев и параметров. В этом случае специалист вынужден оперировать лингвистическими моделями, семантические поля которых не всегда имеют четкие границы.

Координированное выполнение взаимосвязанных действий. Проекты сложны уже по самой своей сути. Они включают в себя выполнение многочисленных взаимосвязанных действий. В отдельных случаях эти взаимозависимости достаточно очевидны (например, технологические), в других случаях они имеют более тонкую природу. Некоторые промежуточные задания не могут быть реализованы, пока не завершены другие задания; некоторые задания могут осуществляться только параллельно, и так далее. Если нарушается синхронизация выполнения разных заданий, весь проект может быть поставлен под угрозу. Если немного задуматься над этой характеристикой проекта, становится очевидным тот факт, что проект - это система, то есть целое, складывающееся из взаимосвязанных частей, причем система динамическая, и, следовательно, требующая особых подходов к управлению.

Ограниченная протяженность во времени. Проекты выполняются в течение конечного периода времени. Проект заканчивается, когда достигнуты его основные цели. Значительная часть усилий при работе с проектом направлена именно на обеспечение того, чтобы проект был завершен в намеченное время. Для этого готовятся графики, показывающие время начала и окончания заданий, входящих в проект.

Отличие проекта от производственной системы заключается в том, что проект является однократной, не циклической деятельностью. Серийный же выпуск продукции не имеет заранее определенного конца во времени и зависит лишь от наличия и величины спроса. Когда исчезает спрос, производственный цикл кончается. Производственные циклы в чистом виде не являются проектами. Однако, в последнее время проектный подход все чаще применяется и к процессам, ориентированным на непрерывное производство. Например, проекты увеличения производства до указанного уровня в течение определенного периода, исходя из заданного бюджета, или выполнение определенных заказов, имеющих договорные сроки поставки.

Проект как система деятельности существует ровно столько времени, сколько его требуется для получения конечного результата. Концепция проекта, однако, не противоречит концепции фирмы или предприятия и вполне совместима с ней. Напротив, проект часто становится основной формой деятельности фирмы.

Сформированный и обоснованный бюджет. Любой проект предполагает получение выгоды, однако, любой проект связан с определенными и, в большинстве случаев, значительными затратами. Поэтому задача формирования бюджета сводится, прежде всего, к определению соотношения выгоды и затрат. В подавляющем большинстве случаев такого рода оценка предполагает стоимостной критерий, иначе говоря, денежное выражение. Так как большинство проектов единичны и неповторимы, определение соотношения выгоды - затраты превращается в творческий процесс обоснования инвестиций. Обоснование инвестиций предполагает соблюдение ряда необходимых требований. Если проект достаточно ресурсоемкий и продолжительный, к решению таких задач привлекают экспертов, а, в некоторых случаях, проектные институты.

Определенное качество. Качество, прежде всего категория философская, которая обнаруживается в совокупности свойств объекта, обуславливающих их способность удовлетворять установленные или подразумеваемые потребности. Основная задача определения качества заключается в формировании критериев и параметров качества проекта, а также мероприятий, необходимых для обеспечения заданных параметров на протяжении всего проекта. Ответ на вопрос о том, кто определяет критерии и параметры качества, производитель или потребитель, далеко не так прост. Подробнее проблемы менеджмента качества будут рассмотрены в следующих разделах. В настоящее время основой формирования критериев и параметров качества является наиболее распространенный стандарт ИСО 9000. Концептуальной основой ИСО 9000 является то, что обеспечение и улучшение качества продукции осуществляется при помощи сети процессов, которые должны подвергаться анализу и постоянному улучшению. Для обеспечения правильного управления процессами, организации взаимодействия между процессами в сети, ИСО 9000 предполагает, что у каждого процесса должен быть «владелец» - лицо, несущее ответственность за данный процесс. Этот «владелец» должен обеспечивать однозначное понимание всеми участниками процесса их ответственности и полномочий, должен организовывать взаимодействие при решении проблем, охватывающих несколько функциональных подсистем проекта.

Уникальность. Проекты - мероприятия в известной степени неповторимые и однократные. Вместе с тем, степень уникальности может сильно отличаться от одного проекта к другому. Если вы занимаетесь строительством коттеджей и возводите двадцатый по счету однотипный коттедж, степень уникальности вашего проекта достаточно невелика. Базовые элементы этого дома идентичны элементам предыдущих девятнадцати, которые вы уже построили. Основные же источники уникальности, однако, могут быть заложены в специфике конкретной производственной ситуации - в расположении дома и окружающего ландшафта, в особенностях поставок материалов и комплектующих, в новых субподрядчиках.

С другой стороны, если вы разрабатываете совершенно новый прибор или технологию, вы, безусловно, имеете дело с задачей весьма уникальной. Вы делаете то,

что никогда раньше не делалось. И поскольку прошлый опыт может в данном случае лишь ограниченно подсказывать вам, чего можно ожидать при выполнении проекта, он полон риска и неопределенности.

Необходимо сразу отметить следующее: проект не существует самостоятельно и тесно связан с его окружением. Мало того, именно среда, в которой возникает проект чаще всего его и порождает. Поэтому вопросам влияния окружающей среды на проект в дальнейшем будет уделено особое внимание.

Подведем некоторые итоги генезиса управленческой мысли на данном направлении.

Рассматривая сущностные признаки проекта, обычно отмечают, что у проекта обязательно имеются одна или несколько целей.

Специалисты по юридической технике указывают, что целеполагание – ярко выраженный процесс прямых и обратных связей. Обоснование и формирование целей должно быть основано на анализе общественных потребностей, необходимости тех или иных отношений, продукции, услуг и др. Элемент стихийности здесь должен быть сведен до минимума, ибо социальное управление строится на общественных принципах целесообразности, экономичности и последовательности. Кроме того, социальное управление носит рациональный характер и его качество зависит от целеполагания. При этом, в настоящее время роль социального управления возрастает, что вызвано усложнением общественных отношений, в том числе в социальной, экономической, политической и иных сферах. Само социальное управление представляет собой достаточно сложный механизм, основу которого составляют различные виды управленческой деятельности [1, с.8].

Под целями мы будем далее понимать не только конечные результаты проекта, но и выбранные пути достижения этих результатов (например, применяемые в проекте технологии, система управления проектом). Достижение целей проекта может быть реализовано различными способами. Для сравнения этих способов необходимы критерии успешности достижения поставленных целей. Обычно в число основных критериев оценки различных вариантов исполнения проекта входят сроки и стоимость достижения результатов. При этом запланированные цели и качество обычно служат основными ограничениями при рассмотрении и оценке различных вариантов. Конечно, возможно использование и других критериев и ограничений, в частности ресурсных.

Другие специалисты-практики полагают, что любой проект характеризуется наличием определенного набора признаков, которые являются универсальными и присущими любому проекту, несмотря на их многочисленность и разнообразие.

Они выделяют, во-первых, наличие цели. Наличие цели является первичным условием существования проекта, ведь если у проекта отсутствует четко поставленная цель, то само его существование лишается смысла, исполнитель проекта не будет знать, к чему он должен стремиться, в чем состоят его обязанности. Таким образом,

цели должны быть определены возможно более четко, что позволит оптимально воплотить проект в жизнь.

Во-вторых, обязательно наличие ресурсной базы. То есть, для осуществления любого проекта необходим определенный набор ресурсов, при этом ресурсы могут быть самыми различными: это и финансовые средства, востребованные для проведения мероприятий, необходимых для достижения цели, и люди – исполнители проекта. Помимо этого, сюда можно отнести технику, оборудование, материалы – одним словом, оснащение, обеспечивающее выполнение технической стороны проекта.

В-третьих, при составлении проекта необходимо четко рассчитать временные рамки для его выполнения и затем четко их придерживаться. Длительность осуществления любого проекта лимитируется его начальной и конечной стадиями. При этом начальную стадию следует рассматривать как постановку цели и начало затрат усилий на ее достижение, в то время как конечная стадия выражается либо в достижении целей, либо в очевидности невозможности их достижения.

Наконец, в-четвертых, от осуществления проекта всегда ожидают достижения какого-либо результата, как правило, поставленной цели. Цель проекта должна быть определена с самого начала, равно как и требования к результатам. От того, насколько полно достигнут ожидаемый результат проекта, зависит успешность самого проекта.

Проанализировав десятки авторских позиций мы позволим себе выделить следующие имманентные признаки проекта.

Во-первых, следует вести речь о некоем процессе, движении, сознательной человеческой деятельности в широком их понимании, когда речь идет об определенных количественных и качественных изменениях некоего первоначального состояния объекта, изменения состояния какой-либо системы.

Данные изменения можно считать развитием. Развитие – это определенно направленное, необратимое изменение объекта: или просто от старого к новому, или от простого к сложному, от низшего уровня ко все более высокому [2, 289]. Само по себе развитие, как отмечается в философии, разнопланово, многоуровнево и многоэтапно [3, с.447]. Развитие характеризуется неотрывностью от движения, изменения; некоторым комплексом, связью качественных преобразований, а также направленностью [3, с.448].

Указанные нами изменения (развитие систем) происходят в сфере координационной деятельности.

Список литературы:

1. Юридическая техника. Учебное пособие / Под ред. Хабриевой Т.Я., Власенко Н.А. – М., 2010. – С.8.
2. Спиркин А.Г. Философия. Учебник. – М., 1999. – С.289-290.
3. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия. Учебник. – М., 1997. – С.447.

НОВАЯ – СТАРАЯ ТЕОРИЯ ПРИЧИННОЙ СВЯЗИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Малинин В.Б.,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии юридического факультета Межрегионального института экономики и права при МПА ЕврАзЭС (г. Санкт-Петербург)

NEW - OLD THEORY CAUSAL LINK IN CRIMINAL LAW

Malinin V.B., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology Faculty of Law Interregional Institute Economics and Law at the EurAsEC (Saint-Petersburg)

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена теории причинной связи *conditio sine qua non*, одновременно старейшей и новейшей в уголовном праве.

Ключевые слова: уголовное право, причинная связь, теория *conditio sine qua non*

ABSTRACT

The article is devoted to the theory of *conditio sine qua non* causation simul-menno oldest and newest in criminal law.

Keywords: criminal law, causation, the theory of *conditio sine qua non*.

Наиболее распространенной теорией причинности в уголовном праве, несомненно, является так называемая теория *conditio sine qua non* или теория необходимого условия. Она появилась еще в XIX и в настоящее время испытывает ренессанс.

Согласно этой теории, действие человека является причиной данного последствия, когда это действие было одним из необходимых условий его наступления.

Теория *conditio sine qua non* исходит из предположения полной равноценности (но не равнозначности!) всех предшествующих близких или отдаленных условий его наступления. Каждое из них, если оно удовлетворяет указанному требованию, может рассматриваться как причина происшедшего.

То есть причиной преступного результата являются действия каждого из лиц, которые были необходимыми условиями, без которых не могло бы совершиться преступление.

Хорошо об этом высказался А.В. Успенский. Он рассматривает любое «необходимое условие» в качестве причины. Тем самым он намеревается «восполнить имеющийся в уголовном праве дефицит причинности», который, по его мнению, не позволяет «причинно обосновать уголовную ответственность за деяния, являющиеся весьма отдаленными недостаточными причинами общественно опасного последствия». Причинной достаточностью, по его мнению, обладает вся система в целом. Выпадение из нее любого элемента, каким бы малозначительным он ни представлялся при изолированном рассмотрении, лишает весь этот комплекс системного свойства — способности к причинению. Вот почему, утверждает автор, каждая единица этой системы является хоть и недостаточной, но все же причиной, а не условием. Все они равноценны именно в том смысле, что каждого из этих явлений взятых в отдельности не хватает для порождения следствия. Тем не менее, каждое «ответственно за результат», хотя и «не полностью». Вместе с тем, они отличаются друг от друга по степени своей причинной недостаточности. Исходя из этого, предлагается «значимость деяния определять относительно не последствия, а системы, которая породила данное последствие» [1, с. 103-104].

Согласно теории *conditio sine qua non*, любое действие, без которого результат не наступил бы, признается причиной этого результата.

Критики же утверждают, что причинная связь в подобном случае распространяется до бесконечности. Такой вывод делают, например, авторы учебника «Российское уголовное право. Общая часть» под редакцией В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. При практическом применении эта теория ведет к расширению пределов уголовной ответственности. С позиций российского уголовного права такая теория представляется неприемлемой. Ответственность за действия, связанные с вредными последствиями, должна иметь определенный характер [2, с. 111].

Например, оружейник, сделавший пистолет для убийцы, мать, родившая этого убийцу, должны ли признаваться причиной смерти потерпевшего, а значит, могут ли быть привлечены к уголовной ответственности?

Безусловно, если бы мать не родила убийцу, а оружейник не сделал пистолет, убийства не произошло бы, а значит, действительно они должны признаваться причиной наступившего результата. Но можно ли привлечь их к ответственности?

Нельзя забывать, что для привлечения к ответственности необходим не один признак состава преступления (причинная связь), а все его признаки, в том числе и вина. Если вины указанных лиц нет, то нет и их ответственности. Если же вина указанных лиц в убийстве данного конкретного лица доказана (оружейник специально сделал пистолет для убийцы, мать специально родила сына, чтобы он расправился с убийцей ее мужа, как в индийском фильме «Мать матери»), то каким бы парадоксальным это ни казалось, и их можно привлечь к ответственности.

Ссылка на то, что в гражданском праве возможна ответственность без вины, например, владельца источника повышенной опасности, а значит, это ограничительное условие не действует, неубедительно. Указание на то, между кем (или чем) должна устанавливаться причинная связь, и есть это ограничительное условие, т.е. если мы

установим причинную связь между источником повышенной опасности и наступившим последствием, то этого будет достаточно для ответственности.

Рассмотрим примеры из уголовной практики.

1) *С. и И. по предварительной договоренности с целью хищения вещей проникли в дом 76-летней женщины А., связали ее и вставили в рот кляп. В процессе связывания ударили несколько раз по голове и другим частям тела, в результате чего возникли переломы костей носа, скуловых костей и основания черепа. Похитив вещи, С. и И. скрылись. А. в результате механической асфиксии, развившейся вследствие введения тряпичного кляпа в рот, на месте происшествия скончалась* [3, с. 9].

Правильным является вывод, основанный на положениях теории необходимого условия. Согласно этой теории, причинная связь имеется между действиями С. и И. и смертью А., так как без этих действий результат не наступил бы. Конечно, для квалификации их действий необходимо исследовать все обстоятельства совершенного преступления (возраст, состояние здоровья потерпевшей, умысел, осведомленность С. и И. о наличии у А. родных или знакомых, которые могли бы ее освободить и т. п.). Только полнота всей информации о преступлении позволяет дать верную квалификацию. Однако наличие причинной связи представляется здесь бесспорным.

2) *5 сентября 1985 года Е. пришла домой со знакомой П. Муж Е., находясь в состоянии алкогольного опьянения, встретил жену оскорблениями, схватил бутылку и замахнулся ею на жену. Е. и П. успели ему помешать. Дочь Е. от первого брака И. прибежала на крик и стала защищать мать, которую муж в это время бил и кусал. Е., П. и И. все-таки сумели повалить на пол мужа Е. Е. и П. удерживали ноги и руки мужа Е., а И. села ему на грудь, чтобы удержать его на полу, в ожидании приезда милиции. Муж Е. оказывал активное сопротивление, пытаясь сбросить с себя И., он подбрасывал ее движением туловища вверх. И., препятствуя ему, с размаху всей тяжестью своего тела опускалась совместно с телом отца на пол. Вдруг он перестал сопротивляться, а жена увидела, что он посинел и не дышит. До приезда врача, она пыталась сделать мужу искусственное дыхание и массаж. Но врачи скорой помощи констатировали смерть.*

Судебно-медицинская экспертиза установила, что мужу Е. были причинены множественные переломы ребер, которые могли образоваться от того, что И. сидела на груди отца и тот подбросил ее грудью несколько раз, пытаясь сбросить ее с себя. Переломы ребер привели к развитию дыхательной недостаточности, что повлекло за собой потерпевшего [4].

Критики теории необходимого условия скажут, что в данном случае причинная связь отсутствует, так как потерпевший сам несколько раз подкинул И. грудной клеткой, пытаясь освободиться. Однако если бы И. не села отцу на грудь, ему не была бы причинена смерть. Хотя ее действия были направлены на пресечение хулиганских действий потерпевшего, причинная связь между ними и его смертью присутствует. Другое дело, что нет вины, а, следовательно, нет и ответственности. Это еще раз дока-

зывает необходимость помнить обо всех признаках состава преступления и принимать решение, опираясь на их совокупность.

При решении вопроса о причинной связи в праве надо, прежде всего, поставить вопрос, является ли действие человека необходимым условием наступившего последствия. В случае положительного ответа на данный вопрос причинную связь между действиями человека и наступившими общественно опасными последствиями следует считать установленной. При этом причинная связь признается и тогда, когда действие человека сыграло незначительную роль в осуществлении последствия, когда последствие наступило лишь благодаря присоединению к деятельности человека каких-либо внешних условий, независимо от того, заключаются ли эти условия в особых свойствах объекта посягательств или в действиях других лиц, или же во вмешательстве сил природы.

А. наносит С. легкую рану, и последний погибает во время пожара в больнице, где он находился на излечении от полученного ранения. Причинная связь между действием А. и смертью С. имеется, так как рана, нанесенная А., является одним из необходимых условий смерти С. Если бы рана не была нанесена, то не наступила бы смерть.

Отсюда следует вывод: если действие человека было одним из необходимых условий, *conditio sine qua* поп наступившего результата, т. е. совместно с другими факторами причинило общественно опасное последствие, то такое действие включено в причинную цепь и должно быть признано достаточным для обоснования наличия причинной связи между действием и преступным последствием.

Положение о том, что человеческое действие не может находиться в причинной связи с наступившим общественно опасным последствием, если оно не было необходимым условием этого последствия, признавалось всеми советскими криминалистами, в том числе и теми, кто пытался затем установить пределы уголовно-значимой причинной связи, считая возможным вменять лишь «необходимые» или «закономерные» последствия деяния человека.

«Любое условие, без которого результат не наступил бы, — правильно писала Т.В. Церетели, — имеет каузальное значение, и поэтому для установления причинной связи между действием человека и общественно опасным последствием достаточно констатировать, что действие человека было необходимым условием его наступления» [5, с. 193].

А.Н. Трайнин и В.Н. Кудрявцев считали, что если поступок лица был необходимым условием наступившего вредного последствия, то этого достаточно для признания причинной связи в уголовном праве. Но как установить, был ли поступок лица необходимым условием наступившего последствия?

По нашему мнению, поступок лица должен быть признан необходимым условием наступившего изменения во внешнем мире, когда при отсутствии этого действия изменения не произошло бы.

Чтобы выяснить, произошло бы или нет изменение во внешнем мире при отсутствии действия, вполне допустимо пользоваться методом мысленного исключения данного действия из общей причинной цепи. Если при таком исключении окажется, что последствие все равно наступило бы и притом именно в том порядке, в каком оно осуществилось в действительности, то это, бесспорно, подтверждает, что исследуемое действие человека не было необходимым условием наступившего последствия, не входило в число обстоятельств, сделавших возможным результат. Если же, наоборот, окажется, что при отпадении действия последствие или вовсе не наступило бы или наступило бы в ином порядке, чем оно произошло на самом деле, то это доказывает, что действие лица было одним из необходимых условий этого последствия.

Это правило можно сформулировать следующим образом.

Если, мысленно выделив интересующее нас явление (применительно к праву — действие человека) из всей суммы предшествующих факторов, мы найдем, что последствие не произошло бы или произошло бы иным путем или в иное время, то следует признать, что данное явление (действие) является условием данного последствия.

Если же окажется, что последствие наступило бы в том же порядке, то это значит, что действие не является условием последствия и между ними нет причинной связи.

То есть, если комбинация А В С дает явление А, а комбинация А В не дает этого результата, то это служит доказательством того, что явление (действие) С является условием последствия А.

Согласно этому правилу, в тех случаях, когда действие лица не было необходимым условием наступившего результата, существование причинной связи между ним и последствием следует, безусловно, отвергнуть.

Проверим это на следующем примере.

5 сентября 1985 г. Евдокимов пришел домой сильно пьяный, учинил скандал с женой. Евдокимова, не выдержав оскорблений, ударила его сковородкой по голове и убежала из дома. Вернувшись вечером домой, она нашла его на кухне мертвым.

Евдокимова была привлечена к уголовной ответственности за умышленное убийство, совершенное в

состоянии сильного душевного волнения по ст. 104 УК РСФСР (ст. 107 УК РФ). Однако экспертиза установила, что смерть Евдокимова наступила от алкогольной интоксикации. Таким образом, причинной связи между деянием и смертью ее мужа нет. Поэтому дело в отношении нее было прекращено[6].

Каждое условие, без которого последствие не могло бы возникнуть, находится со всеми остальными в неразрывной связи. При отпадении любого из необходимых условий «все остальные условия превращаются в инертную массу, не способную произвести данное явление» [5, с. 39].

Таким образом, говорить о причинной связи между действием человека и наступившим последствием можно во всех тех случаях, когда это действие было необходимым предшествующим условием результата. Согласно отстаиваемой нами позиции причинная связь не исключается:

- если результат наступил лишь благодаря особым свойствам физической или психической конституции потерпевшего;
- если между первоначальным действием и наступившим результатом вклиниваются другие силы: силы природы или деятельность других лиц, в том числе самого потерпевшего и т.п.;
- наконец, и сознательная волевая деятельность исполнителя не прерывает причинной связи между действиями соучастников и наступившим последствием.

Литература:

1. Успенский А.В. Проблемы обоснования причинной связи при соучастии в преступлении // Вестник МГУ. Сер. 11. Право. 1995. № 5.
2. Российское уголовное право. Общая часть / Под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2008.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1997. № 2.
4. Дело № 16405 // Архив Следственного управления ГУВД г. Ленинграда за 1985 г.
5. Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963.
6. Дело № 16405 // Архив Следственного управления ГУВД Ленинграда за 1986 г.

ОСНОВНЫЕ ТЕОРИИ СУЩНОСТИ ГОСУДАРСТВА В XX ВЕКЕ

Павлов Станислав Юрьевич

кандидат юр. наук, ст. преп. Башкирский Государственный Университет, г. Уфа

BASIC THEORY OF STATE IN THE XX CENTURY.

Pavlov Stanislav, Candidate of Science, senior lecturer of Bashkir State University, Ufa

АННОТАЦИЯ

В статье ставится задача рассмотреть основные теории сущности государства в XX веке. В результате анализа автор приходит к выводу, что различия в формулировании самого понятия и раскрытия сущности государства приводят к существенному варьированию в различных концепциях, как состава признаков государства, так и названий (а, следовательно — и сущностного содержания) каждого из них.

ABSTRACT

This article seeks to examine the basic theory of the essence of the state in the twentieth century. As a result of analysis, the author concludes that the differences in the formulation of the concept of disclosure and the state and lead to a significant variation in the different concepts, as signs of the state, and the names (and therefore - and the essential content) of each of them.

Ключевые слова: государство, сущность государства, признаки государства.

Keywords: state the nature of the state, signs of the state.

Состав признаков государства, называемый или понимаемый учёными, выделяется не только на основании определения, но и в процессе объяснения сущности государства. Сущность государства как общественного явления представляет собой многогранный стержень, который состоит из множества взаимосвязанных внутренних и внешних сторон, придающих ему качественную определенность универсальной управляющей системы. Раскрыть сущность государства – значит выявить главное, определяющее, то, что обуславливает его объективную необходимость в обществе, уяснить, почему общество не может существовать и развиваться без государства. Постигание сущности государства составляет одну из основных задач теории государства.

Существует достаточно много теорий сущности государства. Авторы расовой теории в значительно большей мере учитывают роль биологических факторов. Одним из основателей расовой антропологической школы в социологии был французский писатель Жозеф Артур де Гобино. Согласно его теории, в мире существуют «высшие» расы, призванные господствовать, и «низшие» расы, которым по своей природе предназначено находиться в подчинении у «высших» [3].

В период своего создания расовая теория обосновывала правомерность колониальных захватов развитыми странами отсталых народов Азии, Африки, Латинской Америки. Затем она стала теоретической основой построения расового государства в Германии в 1933-1945 гг., а также в Южно-Африканской Республике в 1960–80-е годы [8, с.43].

В середине XX века возникает ряд теорий, исследующих сущность государства, каждая из которых, хотя и опосредовано, оказывает влияние на состав и степень значимости признаков государства. К ним относятся:

- теория элит;
- технократическая теория;
- теория плюралистической демократии;
- теория всеобщего благоденствия;
- теория правового государства;
- теория технократического государства;
- теория конвергенции [4, с. 143-145].

Согласно теории элит, государством управляет элита – верхушка общества, так как народные массы не способны этого делать. Элита формируется по различным признакам: происхождение, образование, опыт, способности и т. д. Существует несколько элит, между которыми идёт борьба за власть, причем народ конкретизирует их деятельность, используя избирательное право. Технократическая теория (Т. Веблен, Д. Барнхейм, Г. Саймон, Д. Белл) подразумевает, что обществом должны управлять специалисты. По теории плюралистической демократии (Г. Ласки, М. Дюверже, Р. Дарендорф, Р. Даль) общество представляет собой совокупность социально объеди-

нённых групп людей, образуемых по различным основаниям – возраст, профессия, место жительства, круг интересов. Каждый человек обладает частичкой государственной власти, участвует в управлении государством через политические организации, которые оказывают давление на органы государства и направляют государственную политику [6].

Теория всеобщего благоденствия (Д. Кейнс, Д. Мюрдаль, А. Пигу, К. Боклдинг, В. Мунд), сформулированная в 30-е годы XX века, подразумевала, что государство не должно вмешиваться в общественную жизнь, за исключением случаев правонарушения. Государство, таким образом, становится надклассовым, превращаясь в орган, который выражает интересы всех слоев общества и обеспечивает благоденствие всех, занимаясь социальной помощью и регулируя социальные отношения [8, с. 41].

По теории правового государства (Г. Еллинек, Л. Штейн), вся деятельность такого государства должна осуществляться в правовых целях и на основе права. Теория технократического государства основывается на том, что успехи многих стран объясняются освоением и использованием технических средств. В её рамках считается, что дальнейшее развитие техники позволит по-новому решать многие вопросы государственного управления – проводить опросы, референдумы с помощью радио и теле техники, компьютеры дадут возможность принимать «справедливые» и оптимальные решения. Наконец, теория конвергенции (Д. Гэлбрейт, Р. Арон, П. Сорокин), появившаяся в 1950-60-х годах, прогнозирует дальнейшее развитие государства и рассматривает взаимное влияние двух систем: капиталистической и социалистической. Согласно её концепции, происходит обмен между этими государствами, причём каждая группа заимствует лучшее. В результате происходит сближение государств по их сущности, формам деятельности и т.п. [4, с. 144-145].

В истории общественной мысли имеются различные подходы к анализу сущности государства как определенного явления. Например, анималистские теории пытались объяснить природу государства путём сравнения его с колониями пчел, муравьев и т.д., а органические теории сравнивали государство с частями человеческого тела. В настоящее время используются семь основных подходов к анализу сущности государства: теологический; арифметический (классический); юридический; социологический; информационно-кибернетический; общеполитический; социальный [4, с. 125, 127–128].

Теологический подход рассматривает государство как богоустановленное явление. С точки зрения арифметического (классического) подхода государство – это совокупность двух элементов власти: территории и населения. Сторонники юридического подхода анализировали государство с позиции совокупности правонарушений и нормативного единства. Согласно их концепции, государство – это «единая политическая власть общества, которая распространяется на всю территорию страны и её население,

имеет специальный аппарат управления и принуждения, издаёт обязательные для всех веления и обладает суверенитетом» [5, с. 47]. Фактически, данное определение включает в себя исчерпывающий набор обязательных признаков государства.

Социологический подход рассматривает государство как юридическую персонификацию нации (под нацией при этом понимается всё население страны), причем эта персонификация коренится в необходимости централизации эксполитической жизни нации. Государство, согласно этому подходу – это «совокупность взаимосвязанных друг с другом учреждений и организаций, осуществляющих управление обществом в интересах определённых социальных слоёв, звено политической системы общества, которому свойственны властные функции» [5, с. 54]. Таким образом, состав признаков сужается до минимума. При информационно-кибернетическом подходе государство рассматривается как структура, действующая на основе системы ввода-вывода, прямых и обратных связей. Информация вводится в государственные органы, после чего следует принятие решений, воспринимаемых населением по-разному, информация вновь поступает в государственные органы, и цикл повторяется постоянно [7, с. 66].

Общефилософский подход рассматривает государство как определённое явление, отличающееся от других присущими ему качествами. В данном случае могут быть выявлены отличия государства как организации, например, от родового строя или от политической партии. Наконец, социальный подход, по которому государство рассматривается с позиций социальной сущности, доминирования той или иной социальной группы, чьи интересы, прежде всего, выражает государство (например, интересы среднего класса во многих современных демократических государствах). В этом случае может быть осуществлена типология различных государств по социальным признакам (например, феодальное, капиталистическое и т.д.) [4, с. 127–128].

Социальное назначение государства определяется его сущностью: какова сущность государства, таковы цели, задачи, которые оно ставит перед собой. Социальное назначение государства раскрывает, для чего предназначено государство, каким целям оно должно служить. Цель его – действовать во имя всеобщего блага. Государство в этом случае выступает как институт, гарантирующий и обеспечивающий права и свободы человека и гражданина, стабильность конституционного строя и конституционный правопорядок, а также развитие гражданского общества [1, с. 278–279].

Рассматривая социальные функции государства, Г. В. Атаманчук подчеркивает, что его социальное назначение сводится к регулированию комплекса универсальных социальных отношений, складывающихся в обществе, и в обеспечении условий для полноценного развития всех социальных групп и индивидов, согласовании их интересов. По мнению исследователя, «лишь учет всего многообразия потребностей, интересов и целей, поиск точек соприкосновения между ними, стремление к их гармонизации позволяют власти исполнять свои социальные функции и добиваться уважения и поддержки в обществе» [2, с. 105].

Общественная сущность государства выражается во взаимосвязи с ним социальных групп и человека и характеризуется понятием гражданства. Наличие гражданства

имеет для человека принципиальное значение, так как определяет социальный и политический статус, права и свободы, а во многом материальное и моральное благополучие. Государство также определяет положение в обществе целых социальных групп (сословий), их права, льготы и т.п.

Государство обладает таким свойством, как принудительность. Принадлежность личности к тому или иному государству меньше зависит от неё, но больше от государства, воли и объективных обстоятельств, в которых находится личность. Государство располагает исключительным правом на навязывание своей воли с помощью аппарата насилия – армии, служб охраны порядка и безопасности.

Государство располагает рядом исключительных прав, присущих только ему. К ним относятся право на нормирование жизни всего общества, право на издание законов, регулирующих общественную жизнь и имеющих общеобязательный характер. Другим исключительным правом государства является право на взимание налогов, имеющих для населения всеобщую обязательность. Другие взносы и сборы отличаются от налогов большей добровольностью и нерегулярностью [4, с. 129].

Очевидно, что перечисленные выше составляющие общественной сущности государства могут быть сформулированы в виде некоторого набора признаков.

Таким образом, различия в формулировании самого понятия и раскрытия сущности государства приводят и к существенному варьированию в различных концепциях, как состава признаков государства, так и названий (а, следовательно – и сущностного содержания) каждого из них.

Литература:

1. Андреева Г. Н. Конституционное право зарубежных стран в вопросах и ответах [Текст] : учебное пособие / Г. Н. Андреева. – М.: ЭКСМО, 2004.
2. Атаманчук Г. В. Новое государство: поиски, иллюзии, возможности (Формирование демократической государственности России, 90-е гг. XX в.). [Текст] / Г. В. Атаманчук. – М.: Славянский диалог, 1996.
3. Гобино Ж. А. Опыт о неравенстве человеческих рас [Текст] / Ж.А. Гобино. – М.: «Одиссей» «Олма-пресс», 2001.
4. Головистикова А. Н. Проблемы теории государства и права [Текст] : учебник / А. Н. Головистикова, Ю. А. Дмитриев. – М.: ЭКСМО, 2005.
5. Иванов А. А. Справочник по теории государства и прав: основные категории и понятия [Текст] / А.А. Иванов – М.: Экзамен, 2006.
6. История политических и правовых учений [Текст]: учебник дл вузов / под ред. В. С. Нерсисянца. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1998.
7. Теория государства и права [Текст] / под ред. М. М. Рассолова, В. О. Лучина, Б. С. Эбзеева. – М.: Юнити-Дана, 2001.
8. Чудаков М. Ф. Конституционное (государственное) право зарубежных стран [Текст] / М. Ф. Чудаков. – Мн.: Новое знание, 2001.

ОСОБЕННОСТИ ТАКТИКИ ДОПРОСА ОБВИНЯЕМОГО С УЧАСТИЕМ АДВОКАТА

Шагимуратова Залия Альбертовна

старший преподаватель, Башкирский Государственный Университет, г. Уфа

PARTICULAR INTERROGATION TACTICS OF THE ACCUSED WITH THE PARTICIPATION OF A LAWYER

Shagimuratova Zaliya, Senior instructor, Bashkir State University, Ufa

АННОТАЦИЯ

Участие в допросе адвоката-защитника оказывает непосредственное влияние на содержание деятельности следователя, на выбор стратегии поведения допрашиваемого лица. Данная статья содержит тактику проведения допроса обвиняемого с участием адвоката.

ABSTRACT

The participation of the lawyer defender in interrogation has direct impact on the content of activity of the investigator, on a choice of strategy of behavior of the interrogated person. This article contains tactics of conducting out interrogation by the investigator with participation of the lawyer.

Ключевые слова: допрос;следователь;адвокат; психологический контакт;тактика допроса.

Keywords: interrogation;exposure technique inspector;lawyer;psychological contact;interrogation technique.

На практике очень часто следователь при проведении допроса с участием адвоката-защитника сталкивается с определенными трудностями тактического плана, так как в криминалистической науке в недостаточной степени разработаны рекомендации по проведению этого следственного действия в таком формате.

Следователю необходимо по возможности предугадать, на что будут направлены действия адвоката-защитника во время допроса: на конфликтное или бесконфликтное взаимодействие со следователем. Уважительное отношение с первого же момента общения может помочь сформировать как у обвиняемого, так и у его защитника положительные установки в отношении следователя.

И.А. Зайцева задается вопросом, что делать следователю, если во время допроса в самый неподходящий момент защитник заявит ходатайство о свидании наедине со своим подзащитным? Большинство следователей не удовлетворяют подобные ходатайства, но такие действия могут привести к конфликту, что негативно скажется на самом допросе, да и на всем следствии в целом. Нельзя не согласиться с И.А. Зайцевой, которая пишет, что «разрешение данного вопроса может зависеть уже от особенностей следственной ситуации по делу. Поэтому, чтобы следователю не идти на конфликт с адвокатом-защитником, необходимо заранее предвидеть, что может вызвать у него просьбу о свидании наедине во время проведения допроса с его подзащитным» [1, с. 3]. На наш взгляд, во избежание подобной ситуации в расследовании, следователю необходимо после предъявления обвинения задать вопрос обвиняемому и защитнику об их желании иметь свидание наедине, и если таковое имеется, сообщить момент, когда они смогут воспользоваться данным правом.

Защитник имеет право задавать вопросы при проведении следственных действий. Время использования данного права не урегулировано УПК РФ. Защитник может задать вопрос обвиняемому во время свободного рассказа, косвенно указывая на то, что тот слишком углубился в дачу «правдивых» показаний. Для предотвращения этого следователю необходимо перед началом допроса предупредить участников следственного действия о моменте, когда адвокат-защитник может задать вопрос своему подзащитному.

Следователю необходимо применять метод убеждения и к адвокату-защитнику, особенно, если заметит, что тот недобросовестно выполняет свои процессуальные и нравственные обязанности или злоупотребляет предоставленными законом правами при осуществлении защиты обвиняемого. Конечно же, недобросовестное выполнение адвокатом-защитником своих процессуальных прав ведет к конфликтной психологической ситуации и явному противоборству инициированному последним. В таком случае следователю необходимо как можно быстрее распознать сложившуюся психологическую ситуацию, которая ведет не к психологическому контакту, а к психологической борьбе между следователем и защитником. В такой ситуации защитник может прибегнуть и к «системе психологических ловушек для следователя» [2, с. 253-254]. Это может быть выражено в поиске ошибок следователя и тактическом их использовании в интересах подзащитного, причем очень часто уже не на предварительном следствии, а в суде. Здесь зачастую адвокат-защитник использует такой прием: заметив ошибку или просчет следователя (чаще это бывает невнимательность следователя, например, в каком-либо из протоколов следственных действий нет подписи), применяет тактику умолчания, а на процессе в суде заявляет ходатайство относительно этого промаха следователя. В результате чего фактические сведения, содержащиеся в таком процессуальном документе, могут быть признаны недопустимыми доказательствами, поскольку формально нарушен порядок производства следственного действия. Любой промах следователя при проведении допроса обвиняемого при участии адвоката-защитника может привести не только к потере или к не достижению психологического контакта с обвиняемым, что является немаловажным, но и к возможной утрате доказательственной информации по делу. Поэтому очень важно понимать, что следователь, установивший психологический контакт с защитником, может надеяться на то, что тот вовремя укажет ему на допущенный им промах или незначительную ошибку, недочет, небрежность. В случае, когда психологический контакт с защитником не будет найден, следователю, например, нельзя его знакомить с планом допроса, следует воздерживаться и от преждевременного предъявления определенных доказа-

тельств, в части, где оглашаются показания важных свидетелей, с целью предупреждения утечки информации и возможности изменения показаний в пользу обвиняемого [3, с. 5].

Участие опытного адвоката делает принципиально невозможным для следователя использование на допросе некоторых рекомендуемых в криминалистической литературе тактических приемов допроса: например, основанных на использовании действия фактора внезапности, на создании преувеличенного впечатления у обвиняемого о большой осведомленности следователя и др. Возражая против применения некоторых приемов допроса, защитник нередко таким способом принимает меры по охране личности обвиняемого в нравственном и психологическом плане. В связи с этим защитник может воспротивиться и применению незаконных методов, которые принижают честь и достоинство его подзащитного, носят характер угроз, заведомо невыполнимых обещаний, обмана, провокаций, основываются на неосведомленности обвиняемого в вопросах материального и процессуального плана, о также адвокат имеет полное право противодействовать реализации таких приемов следователя, которые противоречат нравственным и этическим требованиям [4, с. 72]. Подобная ситуация становится естественным следствием сложившейся практики. В этой связи необходимо согласиться с О.В. Полстоваловым в том, что тенденцией последних лет в реализации тактических приемов следователем становится заранее заданный для органов предварительного расследования вектор преследовательского характера, который «создаёт угрозу обвинительного уклона и формальное равноправие сторон никак не исправляет ситуации ...» [5, с. 208].

Расширение формата, объема и возможностей участия защитника в производимых процессуальных действиях по представлению прав и интересов своего подзащитного в современных условиях требует от криминалистов все более детального ситуационного анализа для реализации изобличающей тактики в условиях, когда следователю противостоит профессиональный юрист, который, учитывая специфику кадрового состава следственного аппарата, нередко имеет больший опыт работы и более глубокие знания в области материального и процессуального уголовного права и практики его применения, чем сам следователь.

Литература:

1. Зайцева И.А. Особенности тактики допроса обвиняемого на предварительном следствии при участии адвоката-защитника // Российский следователь. 2001. №8. С.2-6.
2. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология: Учебник для вузов. М., 1998. 356 с.
3. Зайцева И.А. Особенности тактики допроса обвиняемого на предварительном следствии при участии адвоката-защитника // Российский следователь. 2001. №8. С.2-6.
4. Панько И. Деятельность адвоката-защитника по обеспечению состязательности. Воронеж, 2000. 124 с.
5. Полстовалов О.В. Криминалистическое распознавание получаемой информации: тактический аспект // Бизнес в законе. 2009. № 1. С. 208 – 212.

ПОРНОГРАФИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Шмыков Д. В.

Кандидат юридических наук, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, г. Пермь

PORNOGRAPHY OF MINORS UNDER THE CURRENT CRIMINAL LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Smykov D. V., Candidate of legal Sciences, Perm state humanitarian-pedagogical University, Perm

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются основные моменты распространения порнографических материалов или предметов среди несовершеннолетних. Приводятся статистические данные зафиксированные как в мировом сообществе, так и в Российской Федерации. Выделяются основные причины совершения данного рода преступных деяний, а также меры по их противодействию.

Ключевые слова: Порнография, защита, дети.

ABSTRACT

The article considers the main points of distribution of pornographic materials or items among minors. Statistical data recorded in the world community and the Russian Federation. Highlights the main reasons for doing this kind of criminal acts, as well as measures for their counteracting.

Keywords: Pornography, protection, children.

Дети - одна из самых незащищенных групп населения. Охрана детей и подростков от преступлений и иных противоправных посягательств - приоритетная задача любого цивилизованного общества. Российская Федерация в этом вопросе не является исключением.

Согласно Федеральному закону от 24 июля 1998г. №124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в РФ» государственная политика в интересах детей является приоритетной. Органы государственной власти РФ принимают меры по защите ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному

и духовному развитию, в том числе от распространения печатной продукции, аудио и видеопроизведений, пропагандирующих насилие и жестокость, порнографию, наркоманию, токсикоманию, антиобщественное поведение.

На современном этапе развития нашего общества проблема сексуальной эксплуатации детей, их физического и нравственного растления достигла высокой степени напряженности. В связи с этим выработаны уголовно-правовые средства противодействия распространению детской порнографии, соответствующих характеру и степени опасности данного явления.

В соответствии с нормами международного права, детская порнография означает любое изображение какими бы то ни было средствами ребенка, совершающего реальные или смоделированные откровенно сексуальные действия, или любое изображение половых органов ребенка, главным образом в сексуальных целях.

Данное определение наиболее полно и конкретно определяет содержание рассматриваемого явления и официально закреплено в факультативном протоколе к Конвенции о правах ребенка, касающемся торговли людьми, детской проституции и детской порнографии, принятом 25 мая 2000 г. Резолюцией 54/263 на 97 пленарном заседании 54 сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Что касается мирового сообщества, то в Соединенных Штатах Америки в 2007-2008 годах за преступления связанные с изготовлением и оборотом порнографической продукции с изображениями несовершеннолетних, было осуждено 3884 лица, в Японии в 2008 году было произведено 676 арестов, в 2005 году в Австралии полиция провела 191 арест, в Италии было осуждено 182 лица. Эта проблема не обошла стороной и Российскую Федерацию [1, с. 11]. Общая численность подростков и молодежи России составляет примерно 32,2 млн. Человек (22,8% от всего населения) [6, с. 21-22]. По данным ГИАЦ МВД России, в 2008 г. В России жертвами насилия стали 126,5 тысячи несовершеннолетних, из которых 62,2 тысячи от преступлений, сопряженных с насильственными действиями. При этом остро стоит проблема роста числа подростков, пострадавших от действий сексуального характера - 9,1 тысячи. В результате такого рода преступлений 1914 детей погибли. В течение 2008 г. В розыске находились 53 тысячи подростков [4, с. 3]. Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста в 2012 году зарегистрировано 1852, вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления - 2265, изготовление и оборот материалов или предметов с порнографическими изображениями несовершеннолетних 554, вовлечение несовершеннолетнего в совершение антиобщественных действий 272. Борьба с преступлениями против несовершеннолетних требует не просто дополнительных, а системных мер: это и изменение законодательства, и усиление профилактики, и полноценная реабилитация пострадавших. Нужны скоординированные действия всех государственных структур и общественных объединений. В соответствии с Конвенцией о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. государства должны уделять особое внимание защите прав

и законных интересов детей от всех форм физического и психического насилия, а их правовое положение должно стать основанием для защиты от посягательства на их права и свободы как одного из приоритетных направлений деятельности государства. Именно поэтому современное цивилизованное государство в лице своих органов должно активно влиять на защищенность информационных ресурсов от преступных посягательств подобного рода.

Столкнувшись с проблемой эскалации педофилии еще в начале 80-х гг. XX столетия, развитые страны выработали довольно эффективные средства борьбы с изготовлением и оборотом детской порнографии с помощью информационных технологий сети «Интернет». Однако в Российской Федерации такая форма сексуальной эксплуатации детей ведется сегодня в огромных масштабах. Способная легко тиражировать и беспрепятственно передавать через любые границы фото и видеоматериалы, сеть «Интернет» превратилась в своеобразный инструмент, используемый в криминальном бизнесе. Глобальная компьютерная сеть предоставила не только саму возможность программистам заниматься созданием порнографических сайтов с изображениями несовершеннолетних, но и практически неограниченную свободу действия во всей «мировой паутине» сети «Интернет». Более того, глобальная сеть выступает не только в роли современного средства связи, но и рынка сбыта запрещенной продукции.

Как полагают эксперты, около 70% всей порнографической продукции распространяется именно с помощью сети «Интернет» [3, с. 2]. Хотя эта цифра, на наш взгляд, с учетом сегодняшних реалий составляет примерно 80-90%. Поэтому в современных условиях борьба с преступлениями, связанными с изготовлением и оборотом в глобальной компьютерной сети «Интернет» материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних (детской порнографии), должна рассматриваться МВД России в качестве одного из приоритетных направлений борьбы с преступностью. Такие неутешительные выводы необходимо сопоставить с тем, что по различным оценкам, российский сегмент глобальной компьютерной сети «Интернет» является одним из самых динамично развивающихся в мире, число его пользователей в 2006 г. Составляло 20 млн. человек, а по состоянию на 1 января 2009 г. - превысило 50 млн. (более 2 млн. из них - несовершеннолетние). Мониторинг информационных ресурсов сети «Интернет» показал главное - в настоящее время спрос на детскую порнографию в три раза превышает предложение [2, с. 4].

Основная причина сложившейся крайне негативной ситуации заключается в отсутствии эффективных уголовно-правовых и криминологических мер борьбы с преступностью в сфере высоких технологий и, как следствие, должной правоприменительной практики в области борьбы с оборотом и изготовлением материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних. Наблюдаемая бессистемность правовых норм требует более развернутого регулирования оборота порнографических материалов или предметов, а также обеспечения

охраны прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних правовыми, организационными и техническими средствами с целью недопущения вовлечения подростков в создание информационных материалов порнографического содержания с их непосредственным изображением.

По данным ГИАЦ МВД России, в 2008 г. зарегистрировано в 7 раз больше, чем в 2004 г., преступлений, предусмотренных ст. 242.1 Уголовного кодекса Российской Федерации. Тем более, что в научных кругах и средствах массовой информации неоднократно поднимался вопрос о крайне негативной роли порнографической продукции в формировании морально-нравственных убеждений у населения, прежде всего, самих несовершеннолетних. Бесспорно, доминирующей по-прежнему остается точка зрения, согласно которой порнография, независимо от форм предоставления, является одной из главных причин деморализации общества и упадка культуры в целом [5, с. 6].

Конвенция ООН о правах ребенка 1989 года зафиксировала право ребенка на защиту от сексуального совращения и всех форм сексуальной эксплуатации. Конвенция вступила в силу для СССР 15.09.1990. Статья 34 этой Конвенции устанавливает, что «Государства – участники обязуются защищать ребенка от всех форм сексуальной эксплуатации и сексуального совращения. В этих целях государства – участники, в частности, принимают на национальном двустороннем и многостороннем уровнях все необходимые меры для предотвращения:

1. склонения или принуждения ребенка к любой незаконной сексуальной деятельности;
2. использования в целях эксплуатации детей в проституции или в другой незаконной сексуальной практике;
3. использования в целях эксплуатации детей в порнографии и порнографических материалах».

С 25 июня 2004 г. В России действует еще 2 важных международно-правовых акта. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года и Протокол № 2 о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми и наказании за нее, дополняющий Конвенцию Организации Объединенных Наций против транснациональной организованной преступности от 15 ноября 2000 года. Эти документы обязывают государства-участники, в том числе и Россию, криминализовать действия, связанные с сексуальной эксплуатацией детей, таким образом, чтобы наказание за них было не менее 4 лет лишения свободы.

Важное значение в продвижении международного сотрудничества в сфере борьбы с торговлей детьми и распространением детской порнографии имеет Факультативный протокол № 2 к Конвенции ООН о правах ребенка, касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии от 25 мая 2000 года, в котором впервые официально был признан факт растущей доступности детской порнографии в Интернете. В этом международно-правовом акте также впервые в одном понятийном ряду используются понятия «торговля детьми, детская проституция и детская порнография».

В ст. 2 Факультативного протокола № 2 даны определения понятий «торговля детьми», «детская проституция», «детская порнография». Ст. 3 протокола обязывает государства-участники криминализовать ряд деяний. Все деяния, упомянутые в ст. 3, на сегодняшний день содержатся в Уголовном кодексе Российской Федерации.

К основным причинам невысокой эффективности российского законодательства о противодействии распространению детской порнографии можно отнести следующие:

1. отсутствие длительное время в России специальных правовых норм, посвященных защите несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации;
2. отсутствие специализированных подразделений правоохранительных органов, занимающихся данной проблемой;
3. неэффективное взаимодействие правоохранительных органов с иными органами государственной власти, некоммерческими организациями;
4. отсутствие единой государственной политики в области противодействия распространению детской порнографии, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях;
5. отсутствие механизма эффективного взаимодействия правоохранительных органов и провайдеров;
6. низкая активность населения по вопросам борьбы с детской порнографией (только 2% пользователей сети при обнаружении информации о распространении детской порнографии сообщают в правоохранительные органы; 8 % готовы это сделать, но не знают куда обращаться, остальные либо просто негодуют, возмущаются, либо уже безразлично относятся);
7. низкая антипорнографическая пропаганда, недостаточное освещение проблемы в средствах массовой информации, школах, вузах и других образовательных учреждениях.

Среди мер противодействия распространению детской порнографии можно выделить следующие:

1. совершенствования законодательства;
2. сотрудничество, в том числе и международное;
3. взаимодействия ряда субъектов с правоохранительными органами и формирование принципов взаимодействия государственных органов и некоммерческих российских и международных организаций;
4. воспитание и образование.

Особое внимание, как государства, так и общества должно быть уделено проблеме распространения порнографии в сети Интернет. Свободный доступ к Интернету, простота поиска «нужной» информации привлекает сегодня к Интернет-ресурсам практически всю молодежь в возрасте от 12-13 до 18 лет. При этом по данным американских исследователей 60 % родителей не знают, какие сайты в Интернете посещают их дети этого возраста. В России этот процент значительно выше ввиду большего процента «телекоммуникационно неграмотных» родителей. В этой связи законодательный процесс в области регулирования отношений в сети Интернет одной из основных составляющих должен иметь раздел об информационной

безопасности детей, использующих Интернет-ресурсы. В настоящее время на федеральном уровне регулирование охраны прав детей в информационной сфере осуществляется несогласованными между собой правовыми актами и не охватывает всех видов информационной продукции. Этим вызвана необходимость принятия специального, комплексного федерального закона о защите детей от информации, наносящей вред их здоровью, нравственному и духовному развитию, отсутствие которого не позволяет защитить детей от негативного влияния информации, в том числе от пропаганды суицидального, аморального, криминального поведения, аборт, демонстрации жестокости и насилия, от разрушительной для детской психики информации, распространяемой посредством электронных игр и телекоммуникационных сетей (прежде всего сети Интернет). Сегодня по такому пути пошли многие страны мира.

Важно также осуществлять совершенствование законодательства в области уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от сексуальной эксплуатации. В связи с этим сегодня важно полностью поставить под запрет любые действия с использованием несовершеннолетних в порноиндустрии.

Принимая во внимание вышеизложенное, норму, предусматривающую ответственность за распространение порнографических материалов или предметов, предлагается изложить в следующей редакции [7, с. 138]:

Статья 242. Изготовление или распространение порнографических материалов или предметов

1. *Хранение либо изготовление в целях распространения или распространение порнографических материалов или предметов в любой форме и виде, –*

наказываются ... (тяжкое преступление).

2. *То же деяние, совершенное:*

а) *с изображением заведомо несовершеннолетних и / или малолетних, или с участием несовершеннолетних и / или малолетних;*

б) *родителем, родственником или лицом, осуществляющим надзор за несовершеннолетним (малолетним), а также опекуном или попечителем;*

в) *с использованием служебного положения;*

г) *с использованием телекоммуникационной сети Интернет;*

д) *группой лиц или группой лиц по предварительному сговору;*

е) *с извлечением дохода в крупном размере, –*
наказываются ... (тяжкое преступление).

3. *То же деяние совершенное*

а) *организованной группой;*

б) *с извлечением дохода особо крупном размере, –*
наказываются ... (тяжкое преступление).

Примечания

1. *Под порнографией в статье настоящего Кодекса понимается противоречащее принципам общественной нравственности вульгарно-натурлистическое, циничное изображение половых органов, специальное детализированное изображение гениталий, сцен полового акта, сексуальных извращений, оскорбляющих честь и достоинство человека.*
2. *Под порнографией с изображением несовершеннолетних и / или малолетних, а равно с участием несовершеннолетних и / или малолетних признается любое изображение несовершеннолетнего и / или малолетнего в сексуальных сценах или детализированное изображение полового органа несовершеннолетнего и / или малолетнего.*
3. *Крупным размером в настоящей статье признается доход в сумме, превышающей один миллион пятьсот тысяч рублей, а особо крупным – шесть миллионов рублей.*

Список использованной литературы

1. Валентонис А.С. Криминологические и уголовно-правовые аспекты противодействия обороту предметов или материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних: дисс. канд. юр. наук. URL: <http://lawtheses.com/kriminologicheskie-i-ugolovno-pravovye-aspekty-protivodeystviya-oborotu-predmetov-ili-materialov-s-pornograficheskimi-izo#ixzz2wrmfa2m8> (дата обращения: 22.03.2014 г.)
2. Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. №45. Ст. 955.
3. Материалы круглого стола «Рунет против детской порнографии». Официальный сайт МВД России. URL: <http://www.mvdinform.ru> (дата обращения: 22.03.2014 г.)
4. МВД России: вчера, сегодня, завтра // Российская газета. 2009. 15 июля.
5. Польшиков А.В. Уголовно-правовые и криминологические меры борьбы с изготовлением и оборотом материалов с порнографическими изображениями несовершеннолетних в сети «Интернет» дисс. канд. юр. наук. URL: <http://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovye-i-kriminologicheskie-mery-borby-s-izgotovleniem-i-oborotom-materialov-s-pro#ixzz2wrjln525> (дата обращения: 22.03.2014 г.)
6. Россия в цифрах-2008: краткий статистический сборник. М., 2008.
7. Шмыков Д.В. Противодействие обращению порнографических материалов или предметов: уголовно-правовой и криминологический анализ: дис. ... канд. юрид. наук. – Нижний Новгород, 2011.

УНИФИКАЦИЯ В ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕХНИКЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Тимохов Виктор Петрович

кандидат юр. наук, доцент, Рязанский филиал Московского университета МВД России, г. Рязань

UNIFICATION IN THE LAW-MAKING TECHNIQUE AS A FACTOR EFFICIENCY OF CRIMINAL ENFORCEMENT

Timokhov Viktor, Candidate of Science, assistant professor, Ryazan branch of Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia, Ryazan

АННОТАЦИЯ

В статье обосновывается необходимость единого подхода к наименованию структурных частей текста законов, единообразия терминов. Предлагается обязательное проведение терминологической экспертизы законопроекта.

ABSTRACT

The necessity of a unified approach to the name of the structural parts of the text of laws, uniformity of terms. It is proposed mandatory terminology examination of the bill.

Ключевые слова: юридическая техника; эффективность; закон; применение права.

Keywords: legal technique; efficiency; lex; application of the law.

Правоприменительная деятельность в сфере борьбы с преступностью является одним из важнейших видов государственной деятельности по реализации правовых предписаний уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Значительной по удельному объему частью следственной и оперативно-разыскной деятельности правоохранительных органов является установление фактических обстоятельств дела и вынесение по ним разнообразных правоприменительных решений. Стадией любого такого правореализационного процесса является выбор нормы права, гипотеза которой указывает на реальные жизненные обстоятельства, являющиеся предметом юридической квалификации.

Теория права давно как неопровержимый постулат определила, что в процессе установления юридической основы дела выбранная норма права подвергается толкованию правоприменителем. Толкование – это обязательная постоянная деятельность юриста, прежде всего в романо-германской системе права. В ходе этого мыслительного процесса он уясняет для себя содержание нормы, пользуясь текстом, опубликованным в официальном издании (Собрании законодательства РФ, Российской газете и т.п.). Правильное и быстрое толкование помещенной там правовой нормы обеспечивает вынесение законного решения, причем с минимальными временными затратами. Следовательно, корректная юридическая техника является важным фактором эффективности и законодательной, и правоприменительной деятельности.

Под юридической (законодательной) техникой принято понимать систему правил и приемов подготовки наиболее совершенных по форме и структуре проектов нормативных актов, обеспечивающих максимально полное и точное соответствие формы нормативных предписаний их содержанию, доступность, простоту и обозримость нормативного материала, исчерпывающий охват регулируемых вопросов. [11, с. 505]

К этим приемам относятся, в частности, специфический язык нормативных актов, отсутствие в них противоречий, структурные членения, определение терминов. Композиционная стройность, унификация содержащихся в тексте закона правовых предписаний достигается путем соблюдения правил юридической графики, под которой понимают организацию содержания текста путем его членения и оглавления. [10, с. 128]

Так как используемые в юриспруденции термины имеют одинаковое функциональное назначение – регулирование и охрану общественных отношений – естественным является приведение их к определенному единообразию, то есть их унификация.

Унификация (от лат. unio – единство, fecere – делать) – это приведение чего-либо к единой системе, форме, единообразию. [12, с. 515]

Стремление к унификации – естественный принцип человеческой деятельности. Она проявляется во всех сферах общественной жизни, а в некоторых областях давно и неизбежно приобрела международный характер. Достаточно вспомнить принятую в 1960 году 11-й Генеральной конференцией по мерам и весам Международную систему единиц (СИ), основными единицами которой являются метр, килограмм, секунда, ампер, кельвин и т.д. Все страны заявили о переходе к этой системе или о ее преимущественном применении. Унификация в технике приводит к устранению неоправданного многообразия изделий одинакового назначения и разнотипности их составных частей и деталей, обуславливает единообразие способов их изготовления, сборки, эксплуатации, ремонта и т.п.

Немаловажное значение имеет унификация и в механизме правового регулирования, где любая упорядоченность улучшает, ускоряет поиск и восприятие материала правовой нормы, и, следовательно, обеспечивает скорейшее вынесение законных правоприменительных актов.

В период увеличения нормативной базы крайне необходима своевременная и качественная унификация

законодательства, позволяющая избежать нагромождения нормативной базы. Примером удачной деятельности законодателя в этом направлении является принятие четвертой части Гражданского кодекса РФ. [2] Вступление в силу этого документа отменило 57 нормативных актов СССР, РСФСР и РФ законодательного уровня. [8]

Но все же, к сожалению, унификация в юридической технике остается крайне низкой, что подтверждает даже поверхностный анализ наиболее распространенных в сфере уголовного правоприменения нормативных актов.

В частности, при реализации по правилам уголовно-процессуального закона запретов Уголовного кодекса РФ зачастую приходится обращаться к другим кодифицированным законам. Например, имущественный ущерб и моральный вред, присутствующий в большинстве преступлений, определяется и возмещается по правилам Гражданского кодекса РФ; налоговые отношения охраняются статьями 183, 198, 199, 199.1, 199.2 УК РФ, и т.д. Однако, в процессе кодификационной систематизации этих правовых норм законодатель рассогласовал их в части однотипного именования структурных единиц статей этих законов.

Так, элементы статей Уголовного кодекса РФ и Уголовно-процессуального кодекса РФ, отделенные значками «1.», «2.» и т.д., именуются «частями», а такие же элементы статей Гражданского и Налогового кодексов РФ называются «пунктами», словом «часть» элементы статей этих законов не обозначаются. Уголовный кодекс РФ именует «пунктами» элементы статей, выделяемые значками «а)», «б)», и т.д., однако Уголовно-процессуальный кодекс РФ «пункты» статьи уже обозначает другими значками: «1)», «2)», и т.д.

Следует отметить, что в советское время такого несоответствия не было. В Уголовном (1960 г.), в Гражданском (1964 г.), в Уголовно-процессуальном (1960 г.) и в Гражданско-процессуальном (1964 г.) кодексах РСФСР структурные элементы статей однотипно назывались «частями» и выделялись абзацными отступами.

Одним из результативных приемов юридической техники, широко используемым в законодательной деятельности, является включение в текст закона определенных содержащихся в нем понятий, то есть легальных дефиниций. Это облегчает толкование правовой нормы и упрощает правоприменительный процесс, да и не только его. Так, в Уголовном кодексе РФ дано определение преступления. [4, ст. 14] Поскольку все законы, определяющие преступность и наказуемость деяния, принимаются в виде поправок к Уголовному кодексу, это определение преступления неизбежно употребляется и анализируется во всей учебной литературе. Это пример необходимой и корректной легальной дефиниции.

К сожалению, в упорядочении понятийного состава других отраслей законодательства отсутствует должная система. Зачастую определения одного и того же понятия даются в нескольких нормативных актах одного уровня, а иногда они еще довольно-таки серьезно разнятся. Так, текстуально не совпадают понятия акционерного общества, приведенные в Гражданском кодексе и в Федеральном законе «Об акционерных обществах». [1, ст. 96; 6, ст.

2] Процессы же, проходящие в организациях этой организационно-правовой формы, часто подвергаются уголовно-правовой оценке, что также может порождать неопределенность в понимании законности выносимых решений.

Законодатели зачастую вкладывают разный смысл в содержание распространенных правовых терминов. Например, в среде юристов общепринято, что родственники – это лица, имеющие кровную связь друг с другом, основанную на происхождении одного лица от другого (прямое родство), или на наличии общего предка (боковое родство). [9, с. 600; 14, с. 281] Супруги, естественно, родственниками не являются, тем более что закон не допускает браки между родственниками. Семейный кодекс РФ, прямо запрещая заключение брака между близкими родственниками, перечисляет эту категорию: родственники по прямой восходящей и нисходящей линии (родители и дети, дедушка, бабушка и внуки), полнородные и неполнородные (имеющие общих отца или мать) братья и сестры. [3, ст. 14]

Следовательно, регулируя особенности правоотношений таких лиц, законодатель должен корректно перечислять близких лиц. Например, п. 1 ст. 51 Конституции РФ устанавливает, что «никто не обязан свидетельствовать против себя самого, своего *супруга и близких родственников...*». Однако дефинитивная норма Уголовно-процессуального кодекса РФ определяет, что «*близкие родственники – супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки*». [5, ст. 5] Зачем законодатель отошел от общепотребительного в праве и литературе смысла термина «родственник», ведь никакой веской причины для этого не наблюдается?

К сожалению, законодатель зачастую неудачно формулирует не только специальные нормы, но и базовые принципы уголовного права. Так, зафиксированный в части первой статьи 12 Уголовного кодекса РФ национальный принцип (принцип гражданства) действия российского уголовного закона в пространстве, определявший ответственность граждан РФ и постоянно проживающих на территории РФ лиц без гражданства, совершивших преступления за пределами Российской Федерации, был текстуально выражен крайне неудачно. Его формулировка не охватывала все возможные жизненные ситуации, в результате чего российские граждане (в отличие от иностранцев) могли избегать ответственности за ряд совершенных за границей общественно опасных деяний, которые являлись преступлениями в соответствии с российским законодательством, но не признавались таковыми на территории стран их совершения. [13] Эта неопределенность существовала более десяти лет и была устранена только в 2006 году. [7, ст. 4]

Подобные недостатки в современных российских законах можно продолжать перечислять. Представляется, что средством обеспечения унификации юридической терминологии должна быть в качестве обязательной стадии подготовки проекта нормативно-правового акта терминологическая экспертиза. Это позволит избежать неопределенности и путаницы в терминах, которые крайне

усложняют правоприменительный процесс в уголовной сфере.

Список литературы:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации» (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СЗ РФ. - 1994. - № 32. - Ст. 3301.
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации» (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // СЗ РФ. - 2006. - № 52 (1 ч.). - Ст. 5496.
3. «Семейный кодекс Российской Федерации» от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. - 1996. - № 1. - Ст. 1.
4. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. - 1996. - № 25. - Ст. 2954
5. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.
6. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. - 1996. - № 1. - Ст. 1.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 2006. - № 31 (1 ч.). - Ст. 3452.
8. Федеральный закон от 18.12.2006 № 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса РФ» // СЗ РФ. - 2006. - № 52 (1 ч.). - Ст. 5497.
9. Большой юридический словарь / Под ред. Ф.Я. Сухарева, В.Д. Зорькина, В.Е. Крутских. - М.: Инфра-М, 1999.
10. Власенко Н.А. Язык права: монография. - Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1997.
11. Марченко М.Н. Проблемы общей теории государства и права: учеб.: в 2 т. Т 1. - М.: Проспект, 2008.
12. Словарь иностранных слов. - М.: Рус. яз., 1984.
13. Тимохов В.П. Некоторые особенности действия современных российских законов в пространстве как факторы снижения эффективности правового регулирования // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: сборник научных статей. - СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2000. С. 48-53.
14. Энциклопедический юридический словарь / Под общ. ред. В.Е. Крутских. - 2-е изд. - М.: Инфра-М, 1999.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОБРАЗОВАНИИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН В КОНТЕКСТЕ ПОЛОЖЕНИЙ ДОГОВОРА «О ЕВРАЗИЙСКОМ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОЮЗЕ»

Толубекова Бахытжан Хасеновна

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой Уголовно-правовых дисциплин
Института права и экономики Казахского национального педагогического университета им. Абая, г. Алматы

SOME ASPECTS OF THE IMPROVEMENT OF LEGISLATION ON THE FORMATION OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN TO THE PROVISIONS OF THE AGREEMENT "ON THE EURASIAN ECONOMIC UNION"

*Toleubekova Bakhytzhana Khasenovna, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law
Institute of Law and Economics, Kazakh National Pedagogical University after Abaya, Almaty*

Аннотация

Республика Казахстан является инициатором ряда прогрессивных мер по выходу из глобального экономического кризиса. Создание Евразийского экономического союза – это значительный шаг по стабилизации позитивных экономических процессов. Эти процессы оказывают влияние на все спектры жизни и деятельности Казахстана, включая сферу образовательных услуг.

В статье рассматриваются лишь отдельные аспекты усовершенствования законодательства об образовании во взаимосвязи с созданием Евразийского экономического союза.

Abstract

The Republic of Kazakhstan is the initiator of a number of progressive measures to overcome the global economic crisis. Creation of the Eurasian Economic Union – a significant step to stabilize the positive economic processes. These processes affect all spectra of life and activity in Kazakhstan, including the scope of educational services.

This article discusses only certain aspects of the improvement of legislation on education in relation to the establishment of the Eurasian Economic Union.

Ключевые слова: Евразийский экономический союз; образовательное пространство; законодательство об образовании.

Keywords: Eurasian Economic Union; educational space; legislation on education.

Принятие 29 мая 2014 года Республикой Казахстан, Республикой Беларусь и Российской Федерацией Договора «О Евразийском экономическом союзе» означает новый этап в развитии не только экономических отношений, но и в сфере образовательных услуг.

Согласно ст. 96 Договора «О Евразийском экономическом союзе» (далее – Договор), регламентирующей порядок сотрудничества государств – членов в сфере трудовой миграции, одними из форм сотрудничества в данной сфере признаются обмен опытом, проведение стажировок, семинаров и учебных курсов.

Обмен опытом и проведение стажировок, имея практическую направленность, могут осуществляться на основе положений о международном сотрудничестве и внешнеэкономической деятельности Закона Республики Казахстан «Об образовании» (ст. 65). Что же касается семинаров и учебных курсов, то здесь возникают отдельные проблемы, связанные с формулированием необходимых дефиниций, одинаково понимаемых и толкуемых всеми участниками Договора.

ЗРК «Об образовании» не содержит определений понятий «семинар» и «учебный курс», вместе с тем, этими понятиями оперируют пользователи на уровне стандартов, разрабатываемых в рамках Системы менеджмента качества (СМК). Этого достаточно для раскрытия темы настоящей работы. Лексически «семинар» – это особая форма групповых занятий по какому-либо предмету или теме при активном участии учащихся, слушателей [1, с. 448]; «учебный курс» – это комплекс учебно-образовательных программ, направленных на расширение и углубление практических навыков и умений, правовых знаний должностных лиц организаций и учреждений, уполномоченных решать практические задачи для достижения целей Евразийского экономического союза.

С учетом того, что в качестве субъектов семинаров и учебных курсов выступают, с одной стороны, – организации образования стран-участников Договора, а с другой стороны – сотрудники (должностные, уполномоченные лица), числящиеся в штатах юридических лиц, осуществляющих те или иные функции в пределах Евразийского экономического союза, то вопрос о субъекте, реализующем семинары и учебные курсы, должен решаться, на наш взгляд, на основе консорциума, представляющего собой временное объединение (соглашение) самостоятельных образовательных структур и государственных организаций, уполномоченных выполнять те или иные функции в пределах Евразийского экономического союза для совместного проведения мероприятий, направленных на разрешение крупных организационно-управленческих и образовательно-практических задач. Юридическим основанием для деятельности консорциума является соглашение между заинтересованными субъектами, представленными соответствующими организациями и учреждениями [2, с. 271].

Действующие Типовые правила деятельности организаций дополнительного образования для взрослых, утвержденные приказом №449 МОН РК от 17 мая 2013 года содержат предписания, соответствующие национальному законодательству РК в сфере образования. Это

означает, что их применение будет отражать образовательную политику только Казахстана. Что же касается Республики Беларусь и Российской Федерации, то здесь действуют свои правила организации дополнительного образования. Вместе с тем, в соответствии со ст. 2 Договора об основных определениях, используемых в Договоре, а также ст. 3 об основных принципах функционирования Евразийского экономического союза, актуализируется необходимость унификации законодательства стран-участников Договора. Расширительное толкование в данной части предполагает разработку соответствующих типовых правил, отвечающих требованиям национальных законодательств заинтересованных сторон.

Сотрудничество государств-членов Союза в сфере трудовой миграции предполагает установление приемлемого для всех этих стран правового режима для документов об образовании. Так, согласно п.5 ст. 96 Договора, «документы об образовании» – это документы государственного образца об образовании, а также документы об образовании, признаваемые на уровне государственных документов об образовании (или документы об образовании, приравненные к государственным документам об образовании).

Определение видов и форм документов об образовании государственного образца и порядка их выдачи входит в компетенцию Правительства Республики Казахстан в сфере образования (п. 9 ст. 4 ЗРК «Об образовании»). Национальное законодательство предусматривает процедуру нострификации документов об образовании, проводимую в целях определения эквивалентности документов, выданных лицам, получившим образование в других государствах, в международных или иностранных учебных заведениях (их филиалах) (п. 15 ст. 4 ЗРК «Об образовании»). Порядок этой процедуры установлен Правилами признания и нострификации документов об образовании, утвержденными приказом №8 МОН РК от 10 января 2008 года. Согласно названным Правилам, признание документов об образовании – это официальное подтверждение уполномоченным органом значимости иностранной образовательной квалификации в целях доступа ее обладателя к образовательной и/или профессиональной деятельности (п. 2 Правил). Признание и нострификация – это самостоятельные для одних видов документов и взаимосвязанные для других документов две стадии одной процедуры, в основе которой лежит получение права на доступ к продолжению образования или к трудовой деятельности сообразно полученной квалификации. В перечень признаваемых и нострифицируемых документов входят: документы об основном среднем, общем среднем, техническом и профессиональном, послесреднем, высшем и послевузовском образовании. Рассматриваемая процедура в полном объеме отвечает требованиям Лиссабонской Конвенции, ратифицированной Республикой Казахстан 13 декабря 1997 года.

Документ об образовании не может быть нострифицирован, если в стране, где выдан этот документ, их обладателю предоставляются меньшие, чем в Казахстане, академические и/или профессиональные права (к примеру, обладатели документа об образовании не имеют

права на поступление в высшие учебные заведения, магистратуру, не имеют права на профессиональную деятельность) (пп. 2 п. 33 Правил признания и нострификации документов об образовании).

Процедура признания и нострификации документов об образовании достаточно сложна и протянута во времени.

Наряду с этим, в Договоре содержится положение о том, что в целях осуществления трудящимися государств-членов трудовой деятельности в государстве трудоустройства признаются документы об образовании, выданные образовательными организациями (учреждениями образования, организациями в сфере образования) государств-членов, без проведения установленных законодательством государства трудоустройства процедур признания документов об образовании (п.3 ст. 97 Договора).

Однако это положение распространяется не на все специальности. В Договоре, в частности, указывается следующее: «Трудящиеся одного государства-члена, претендующие на занятие педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельностью в другом государстве-члене, проходят установленную законодательством государства трудоустройства процедуру признания документов об образовании и могут быть допущены собственно к педагогической, юридической, медицинской или фармацевтической деятельности в соответствии с законодательством государства трудоустройства» [п. 3 ст. 97]. Обращает внимание отсутствие требования о нострификации.

Вне зависимости от приведенного выше изъятия из общих правил о трудовой миграции, рассмотренный порядок признания документов об образовании является значительно облегченным по сравнению с правилами, установленными странами-участниками Лиссабонской Конвенции, включая Республику Казахстан. Попутно заметим, что понятие «педагогическая деятельность» может быть распространено не только на дошкольные и школьные организации образования, но и на высшее вузовское и послевузовское образование по любой специальности. Однако здесь присутствует один дополнительный индикатор – наличие ученой степени и ученого звания для лица, претендующего на занятие педагогической или научно-педагогической деятельностью. Но это уже иной самостоятельный аспект.

Привлекательная на первый взгляд политика государств-членов в рассматриваемой части для Казахстана может обернуться серьезными проблемами.

Как утверждает Л. Биссон, концепция миграционной политики Российской Федерации до 2025 года признает, что Россия должна стать более привлекательной для иностранных исследователей и студентов... В этом смысле адекватной мерой стало бы принятие в России отдельных норм, регулирующих учебную миграцию, а возможно, и создание специального облегченного миграционного режима для иностранных учащихся и студентов, который бы предусматривал, в том числе, права на дальнейшее трудоустройство и свободу передвижения. Государства Евросоюза становятся привлекательными для

иностранцев не только благодаря уровню образования, предлагаемому в вузах, но и более простым процедурам и правилам въезда и пребывания в принимающей стране [3, с. 75-76].

Необходимо признать, что РФ значительно опережает РК в вопросах миграционной политики хотя бы в интересующем нас аспекте.

В условиях Евразийского экономического союза проблемы, связанные с выбором страны, где можно получить образование, для каждого потенциального студента будут решены в пользу того государства, которое одновременно с документом об образовании может предоставить лицу право на трудоустройство. Поэтому предложение Л. Биссона может быть воспринято законодательством об образовании именно того государства-члена, которое заинтересовано в укреплении собственной системы образования, включая высшее вузовское и послевузовское. Выгоды экономического свойства налицо: страна не будет нести затраты на обеспечение среднего образования для такого потенциального студента, прибывшего из другой страны для получения вузовского образования.

Справедливым является утверждение В. Тамбовцева и И. Рождественской о том, что государства, «действующие в странах с производительной экономикой, заинтересованы в развитии высшего образования, поскольку их доходы – часть прибыли, создаваемой в экономике» [4, с. 97].

Названные авторы полагают, что тенденция использования в управлении образованием методов управления бизнесом должна охватить не только школу, но и высшее образование. Однако это «движение сталкивается с сильным противодействием со стороны прежде всего преподавателей и их союзов. Они считают, что образование – это *общественное благо* и к нему нельзя относиться как к обычному товару и повышать эффективность рыночными методами» [4, с. 98]. И далее, в качестве весомого аргумента текстуально воспроизводится положение ст. 2 Закона РФ от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации», в которой законодатель делает акцент на том, что образование – это «общественно значимое благо».

Казахстанское законодательство, имея иную структуру, не содержит единого универсального определения понятия «образование». Вместе с тем, в преамбуле Государственной программы развития образования Республики Казахстан на 2011-2020 годы, утвержденной Указом Президента Республики Казахстан от 7 декабря 2010 года №1118, утверждается, что «образование необходимо понимать как экономические инвестиции, а не просто как затраты на социальные нужды».

Отсюда, образовательная услуга, понимаемая как совместный процесс услугодателя и услугополучателя, предполагает, что эффект от этого процесса может познать и оценить только потребитель. Это означает, что опыт работодателя приведет последнего к необходимости очень избирательно подходить к формированию трудового коллектива, что важно учитывать в условиях активного роста трудовой миграции. Во взаимосвязи с изложенным, уместно сослаться на мнение М. Глазырина,

который пишет следующее: «Социальный процесс характеризуется показателями демографического и социального развития. Последнее включает социальное потребление, человеческое общение, формирование личностных качеств. Население выступает продолжателем человеческого рода, носителем знаний, рабочей силы и экономических отношений. Человек – это первый ресурс, трудовой и творческий потенциал которого велик и его использование во многом зависит от муниципальных органов власти. Человека нужно поставить в центр развития и системно встроить его в многогранную жизнедеятельность. Он является создателем товаров и услуг для повышения уровня своей жизни, используя науку и новую технику. К социально-экономическим характеристикам относятся приобретение профессий, интегральные показатели (производительность труда, конечное потребление)... Объективная цель – воспроизводство современного человека и работника, обеспечение рациональной организации трудового процесса на всех уровнях развития и управления. Этот процесс отражает и потребности людей в социальных благах и труде» [5, с. 82].

Высшее образование, получаемое на коммерческой основе, в условиях Казахстана отличается широким ценовым разбросом. При этом искусственно создаются привилегии для вузов из негосударственного сектора экономики. Не является исключением практически демпинговая политика частных вузов, предлагающих образовательные услуги по явно заниженным ценам. Качество получаемого в таких учебных заведениях образования хорошо известно национальным университетам, куда на последних курсах обучения стремятся осуществить перевод их студенты. Это качество, зачастую, не поддается разумной оценке – оно просто ниже нижнего предела. В национальный вуз не попадает преобладающая часть претендентов по всем известным причинам (высокая цена, которая в отдельных вузах превышает стоимость образования в хороших европейских учебных заведениях; высокий 70-бальный рейтинговый порог и др.). Договор в данном контексте значительно расширяет диапазон вузов для казахстанских абитуриентов. Нет необходимости рассуждать на тему о том, какому вузу большей частью потенциальных

студентов будет отдано предпочтение: российскому, белорусскому или казахстанскому. Есть основания для опасений относительно возможного (и, на наш взгляд, ощутимого) снижения спроса на казахстанское высшее образование.

Оговорка в Договоре о том, что не подпадают под облегченные правила признания документы об образовании для лиц, претендующих на занятие педагогической, юридической, медицинской или фармакологической деятельностью, может найти разные объяснения. Вне зависимости от характера этих объяснений ясно одно: перепроизводство специалистов в названных сферах деятельности, которое ощущалось в Казахстане до заключения Договора, в условиях Евразийского экономического союза проявит себя ростом жесткой конкуренции, выходящей за пределы правового поля. Одним из способов разрешения проблемы, на наш взгляд, является признание целесообразности подготовки юристов, педагогов, медиков и фармацевтов только и исключительно в национальных вузах. При таком подходе можно эффективно регулировать количественные и качественные показатели на основе реального социального заказа.

Литература:

1. Словарь иностранных слов. – 14-е изд., испр. – М.: Рус. яз., 1987.
2. Большой юридический словарь / Под ред. А.А. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2002.
3. Биссон Л. Сотрудничество России и ЕС в сфере миграции // Мировая экономика и международные отношения, 2014, №4. – С. 72-80.
4. Тамбовцев В., Рождественская И. Реформа высшего образования в России: международный опыт и экономическая теория // Вопросы экономики, 2014, №5. С. 97-108.
5. Глазырин М. О создании системы комплексного развития муниципального образования // Экономист, 2014, №3. – С. 79-84.

ЗАКОН О ЗАПРЕТЕ ЗАЁМНОГО ТРУДА: ИСТОРИЯ ПРИНЯТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ

Васюков Сергей Викторович,

кандидат юр. наук, Орловский государственный университет, г. Орел

LAW ON THE BAN OF LOAN WORK: HISTORY OF ACCEPTANCE AND PROSPECT OF REALIZATION

Vasyukov Sergey, Candidate of law of Oryol State University, Oryol

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется понятие и виды форм заёмного труда. Анализируются положения закона о запрете заёмного труда в Российской Федерации.

ABSTRACT

In article the concept and types of forms of loan work is investigated. Provisions of the law on a ban of loan work in the Russian Federation are analyzed.

Ключевые слова: заёмный труд.

Keywords: loan work.

Определение места заёмного труда в российской практике длительное время носило дискуссионный характер в российской юридической науке.

Возникновение этих дискуссий было вызвано использованием механизма заёмного труда отдельными организациями, невзирая на отсутствие правового регулирования такой правовой конструкции в отечественном законодательстве. Впрочем, можно отметить в данном случае использование субъектами правоотношений диспозитивного метода – что не запрещено, то разрешено.

Неоднозначности добавлял и факт многочисленности названий и форм «заимствования» персонала. Это и «заемный труд», и «лизинг персонала», и «аутсорсинг», и «аутстаффинг». Очевидно, что все эти конструкции и их названия пришли к нам из иностранного законодательства и практики. Справедливую настороженность вызывала практика их использование при полном отсутствии какого-либо закрепления их в нормативных актах. Между тем формулировка дифиниции могла бы конкретизировать формы «заемного труда» и допустимость их применения вообще. О чем неоднократно писали исследователи данного вопроса [6;7;11].

На тот момент все существующие определения заёмного труда и его разновидностей в основном сводились к следующему.

Аутсорсинг можно перевести как "использование чужих ресурсов". Фактически аутсорсинг - это передача организацией-заказчиком на договорной основе каких-либо непрофильных ей функций или, на взгляд ее руководства, обременительных для нее работ, носящих временный или постоянный характер, стороннему исполнителю (организации или физическому лицу) [9; 12]. Чаще всего в качестве примеров такой непрофильной деятельности приводится уборка помещения, проведение ремонтных работ, компьютерное обслуживание, маркетинг и т.п. [12]

Аутстаффинг (называемый также обратным аутсорсингом и трудовым аутсорсингом) заключается в том, что работники организации-пользователя выводятся за штат этой организации, параллельно с ними заключается трудовой договор кадровым агентством, которое предоставляет их организации-пользователю по гражданско-правовому договору для определенных трудовых функций (как правило, тех же, которые они исполняли, состоя в штате организации-пользователя). При этом сами работники формально не вступают с организацией-пользователем в гражданско-правовые или трудовые отношения [12].

Лизинг персонала определяют как предоставление агентством на определенный срок на определенных условиях сотрудников, которые находятся в трудовых отношениях с ним, в распоряжение фирмы-арендатора [6]. Можно заметить, что примерами лизинга персонала иногда и называют аутсорсинг и аутстаффинг.

Также отмечается, что в научной литературе выделяют два типа аутсорсинга - аутсорсинг кадров и аутсорсинг-провайдинг. Аутсорсинг кадров заключается в предоставлении необходимых сотрудников на определенный срок, а аутсорсинг-провайдинг - в передаче непрофильной для организации-пользователя функции специалистам [12].

И конечно в юридической литературе отмечается, что всё это формы заёмного труда, то есть категория «заёмный труд» будет выступать как системообразующая, включающая в себя остальные категории, как разновидности.

Можно отметить, что такое многообразие терминологии связано с заимствованием иностранных «нетипичных форм занятости», что при переносе на отечественную почву, без какого бы то ни было правового закрепления и обуславливало эту терминологическую сумятицу.

Как бы то ни было, но среди отечественных юристов заёмный труд в любых его проявлениях вызывал (да и сейчас вызывает) часто противоположную реакцию – от оправдания экономической целесообразностью и обоснованием необходимости скорейшей его легализации, до резкого неприятия заёмного труда в целом или отдельных его форм.

Противники заёмного труда в основном обращаются к тому, что при заёмном труде часто не учитываются права и законные интересы работников и сами они превращаются в объект «передачи».

В конце 2010 года в Государственную Думу был внесен законопроект "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (о мерах, препятствующих уклонению работодателей от заключения трудовых договоров путем необоснованного заключения договоров гражданско-правового характера, использования механизмов "заемного труда" или другими способами) [4], который был призван определить рекомендуемый законом механизм поведения при возникновении отношений «заёмного труда». Законопроект был направлен на создание правовых мер, препятствующих уклонению работодателей от заключения трудовых договоров путем необоснованного заключения договоров гражданско-правового характера, использования механизмов заемного труда или другими способами [5].

Рассмотрение этого законопроекта, работа над ним растянулись более чем на три года. Одной из причин этого может быть названа необходимость концептуально решить вопрос о разрешении или запрете заёмного труда. Если профсоюзы выступали за полный запрет заёмного труда, то представители предпринимателей занимали совершенно противоположную позицию.

Однако итогом стало принятие Федерального закона от 5 мая 2014 года № 116-ФЗ с неброским названием "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [3].

Указанный закон призван внести изменения в Закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 года N 1032-1 "О занятости населения в Российской Федерации", в Трудовой кодекс РФ, а также в Налоговый кодекс и Федеральный закон от 24 июля 1998 года N 125-ФЗ "Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний".

Причем статья 1 Закона от 5 мая 2014 года № 116-ФЗ посвящена внесению изменений именно в Закон о занятости населения, а не в кодифицированный акт – Трудовой кодекс. Связано это возможно с тем, что изменения в Закон о занятости населения [2] определяют субъектный состав лиц, имеющих право осуществлять деятельность

по предоставлению труда работников (персонала).

Таким правом наделены: 1) частные агентства занятости и 2) другие юридические лица, в том числе иностранные юридические лица и их аффилированные лица (за исключением физических лиц), на условиях и в порядке, которые установлены федеральным законом, в случаях, если работники с их согласия направляются временно к:

- юридическому лицу, являющемуся аффилированным лицом по отношению к направляющей стороне;
- юридическому лицу, являющемуся акционерным обществом, если направляющая сторона является стороной акционерного соглашения об осуществлении прав, удостоверенных акциями такого акционерного общества;
- юридическому лицу, являющемуся стороной акционерного соглашения с направляющей стороной (ч. 3 ст. 18.1 Закона о занятости населения в новой редакции, не вступившей в силу).

Причем порядок осуществления деятельности по предоставлению труда работников второй категорией субъектов видимо потребует принятия дополнительного закона.

К частным же агентствам занятости закон предъявляет достаточно серьезные требования. Например, наличие уставного капитала в размере не менее 1 миллиона рублей, наличие у руководителя частного агентства занятости высшего образования, а также стажа работы в области трудоустройства или содействия занятости населения в Российской Федерации не менее двух лет за последние три года и другие. Более того, в качестве частных агентств занятости, осуществляющих деятельность по предоставлению труда работников (персонала), не могут выступать субъекты предпринимательства, применяющие специальные налоговые режимы.

Изменения в Трудовой кодекс РФ [1] касаются в большей степени особенностей регулирования труда работников, направляемых временно частным агентством занятости к другим физическим лицам или юридическим лицам по договору о предоставлении труда работников (персонала). Для этого в Трудовой кодекс вводится отдельная глава 53.1.

Именно в Трудовом кодексе РФ, в статье 56.1 сформулировано легальное определение заёмного труда, о необходимости которого так долго говорили юристы. Заемный труд определен как труд, осуществляемый работником по распоряжению работодателя в интересах, под управлением и контролем физического лица или юридического лица, не являющихся работодателем данного работника.

Вместе с тем, часть первая статьи 56.1 императивно закрепляет запрет заёмного труда: заемный труд запрещен. Однако, в статье 341.1 ТК РФ, расположенной в главе 53.1 ТК РФ указывается: частное агентство занятости или другое юридическое лицо, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации о занятости населения в Российской Федерации вправе осуществлять деятельность по предоставлению труда работников (персонала), в целях осуществления такой деятельности имеют

право в случаях, на условиях и в порядке, которые установлены настоящей главой, направлять временно своих работников с их согласия к физическому лицу или юридическому лицу, не являющимся работодателями данных работников (далее также - принимающая сторона), для выполнения работниками определенных их трудовыми договорами трудовых функций в интересах, под управлением и контролем указанных физического лица или юридического лица. Таким образом, категоричный запрет заёмного труда, в формулировке статьи 56.1 ТК РФ, в статье 341.1 ТК РФ превращается в право частных агентств занятости и иных субъектов. Это позволило специалистам говорить об одновременном запрете и разрешении заёмного труда новым законом и обратить внимание на схожесть формулировок [10;13].

Между тем, Трудовой кодекс ограничивает случаи, когда допускается заключение трудовых договоров с работниками, направляемыми временно для работы у принимающей стороны по договору о предоставлении труда работников (персонала), рядом случаев. Частное агентство занятости имеет право заключать такой договор с работником при направлении его к:

- физическому лицу, не являющемуся индивидуальным предпринимателем, в целях личного обслуживания, оказания помощи по ведению домашнего хозяйства;
- индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу для временного исполнения обязанностей отсутствующих работников, за которыми в соответствии с трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовыми договорами сохраняется место работы;
- индивидуальному предпринимателю или юридическому лицу для проведения работ, связанных с заведомо временным (до девяти месяцев) расширением производства или объема оказываемых услуг.

Указанные нормы вступают в силу с 1 января 2016 года. Как отметил один из авторов законопроекта Андрей Константинович Исаев столь позднее вступление в действие изменений в законы, связанных с заёмным трудом, является уступкой профсоюзов. «Такая дата была выбрана для того, чтобы дать возможность добросовестным работодателям перейти со схемы заемного труда, если она используется, на нормальную схему трудовых договоров и отношений» [8].

На наш взгляд, столь долгий срок для вступления в действие указанных изменений также может позволить внести коррективы в эти изменения до их вступления в законную силу и успеть принять необходимые дополнительные нормативные акты, способные обеспечить эффективное действие норм закона от 5 мая 2014 года № 116-ФЗ.

Список литературы:

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. N 197-ФЗ // СЗ РФ. - 2002. - №1 (ч.1). - ст. 3.

-
2. Закон РФ «О занятости населения в РФ» от 19 апреля 1991. // Ведомости РСФСР. - 1991. - №18. - Ст. 565.
 3. Федеральный закон от 5 мая 2014 года № 116-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СЗ РФ. - 2014. - N 19. - Ст. 2321.
 4. Проект Федерального закона N 451173-5 // режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (Электронный ресурс).
 5. Письмо Комитета СФ ФС РФ по социальной политике и здравоохранению от 17.12.2010 N 3.13-06/1871 // режим доступа: СПС «КонсультантПлюс» (Электронный ресурс).
 6. Архипов В.В. Заемный труд: судебная практика и современное законодательство // Законодательство и экономика. 2009. N 9 - режим доступа к изд.: СПС «КонсультантПлюс» (Электронный ресурс).
 7. Избиенова Т.А., Целищев А.А. Кадровый аутсорсинг может оказаться в России вне закона. Против «сотрудников взаём» выступают депутаты Госдумы. Жертвами могут стать крупные компании // Трудовое право. 2011. № 1. - режим доступа к изд.: СПС «КонсультантПлюс» (Электронный ресурс).
 8. Исаев А. Заёмный труд запрещен! // Российская газета. Федеральный выпуск. — 2014, 23 апреля, №6364 (92).
 9. Коршунова Т.Ю. Осторожно – аутстаффинг! // Кад- ровик.ру. 2012. № 4 - режим доступа к изд.: СПС «КонсультантПлюс» (Электронный ресурс).
 10. Малыхин М. Заемный труд запретили и разрешили одновременно - режим доступа к изд.: <http://www.vedomosti.ru/career/news/25726411/zaemnyj-trud-zapretili-i-razreshili-odnovremennno>.
 11. Мжаванадзе Э.А. Трудовой договор и нетипичные формы занятости // Актуальные проблемы российского права. 2013. № 8 - режим доступа к изд.: СПС «КонсультантПлюс» (Электронный ресурс).
 12. Пшеничников С.В. Заёмный труд как форма нестандартных трудовых отношений // Современный юрист. 2013. № 4 - режим доступа к изд.: СПС «КонсультантПлюс» (Электронный ресурс).
 13. Тихонова А. Человек и закон // Деловой Петербург. — 2014, 28 апреля, № 70 (4039).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ВЗГЛЯДЫ НА ПОСТРОЕНИЕ ГАРМОНИЧНОГО ОБЩЕСТВА В КИТАЕ ДИНАСТИЙ ЦИНЬ-ХАНЬ (III в. до н.э. - III в. н.э.), ВЭЙ-ЦЗИНЬ (220-420г. н.э.)

Антомонова Юлия Александровна,

Аспирант кафедры философии Государственный Университет Управления, г. Москва

Antomonova Yulia, Aspirant of the Department of Philosophy, State University of Management, Moscow

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена философскому осмыслению взглядов китайских мыслителей на проблему построения гармоничного общества. Проанализированы точки зрения, представленные в «Хуайнань-цзы», «Тайпин цзин». Выявлена трансформация взглядов философов по вопросу построения гармоничного общества. В династиях Цинь-Хань приоритетом построения данного общества считается грамотное управления императора, в Вэй-Цзинь – установление гармонии между людьми и природой, реализация принципов морали и нравственности.

ABSTRACT

This article is devoted to the philosophical understanding of the views of Chinese thinkers on the problem of building a harmonious society through the analysis of the points of view presented in "Huainan Zi" and "Taiping jing." This article identifies the transformation of views of philosophers on the construction of a harmonious society. In the Qin-Han dynasty, the responsibility of building this harmonic society falls on the competent management of the emperor, while in the Wei-Jin dynasty, the establishment of harmony between humans and nature serves as the basis for the principles of morality and ethics.

Ключевые слова: гармония; гармоничное общество; общество Великого единения.

Keywords: harmony; harmonious society; Society of Great Unity.

Проблема построения гармоничного общества волновала философов Китая на протяжении многих веков. В древности управление в Китае характеризовалось централизацией императорской власти и абсолютизмом, базировалось на трех устоях: отношениях сына к отцу, правителя к подчиненным, мужа к жене и на пяти незыблемых правилах: гуманизме, справедливости, почитании ритуалов, мудрости и вере. Данные принципы реализовывались частично, поэтому древнее китайское общество нельзя было полностью назвать гармоничным. В периоды расцвета некоторых династий, из-за возникновения противоречий, китайское общество становилось скорее не гармоничным, а обществом кратковременной гармонии.

В данной статье мы рассмотрим взгляды китайских философов на процесс построения гармоничного общества, сформировавшиеся в периоды правления династий Цинь-Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.), Вэй-Цзинь (220-420 гг. н. э.).

Эпоха династий Цинь-Хань (III в. до н. э. — III в. н. э.)

Во время правления династий Цинь и Хань китайское общество вступило в период централизованной абсолютной монархии, мировоззрение людей формировалось на основе искоренения ста школ философской мысли, тотального следования конфуцианским основам, однако в конфуцианских, даосских, буддистских школах появляются новые мысли о построении гармоничного общества.

В «Хуайнань-цзы» - «[Трактате] Учителя из Хуайнани», или «Мудрецы из Хуайнани» — китайском философском трактате, созданном во времена Ранней (Запад-

ной) династии Хань, не позднее 139 г. до н. э., представляющего собой сочетание даосских, конфуцианских и легистских концепций, мы можем найти следующее описание гармоничного общества: «в древности император правил Поднебесной, и его помощники-горы ему содействовали; он правил в гармонии с солнцем и луной, сменой четырех сезонов, это позволило сильным не унижать слабых, большинству не притеснять меньшинство, сохранять жизнь народа, людям, постарев, не озлобляться, чиновникам быть справедливыми и не стремящимися к собственной выгоде, законам и распоряжениям спокойными и правильными, земледельцам не разоряться, рыбакам не воевать за место ловли рыбы. Тогда люди обладали нравственностью, поэтому не поднимали оброненного на дороге, на рынках не запрашивали непомерных цен, внешние стены городов не запирались, в населенных пунктах не было грабежей, люди не боялись путешествовать, было достаточно бобов и каштанов»[1, с.65]. Представленное выше описание общества, позволяет нам увидеть картину мира, в котором господствует правильное руководство, расцвет экономики, спокойствие и процветание народа, стабильность в обществе, защищенность государственных границ, гармония среди людей. Мысли, представленные в «Хуайнаньцзы» получили влияние даосского мыслителя Чжуанцзы, также можно найти схожие черты с «обществом Великого единения», описанного в «Ли-Цзи» («Записках о совершенном порядке вещей, правлении и обрядах»).

В «Тайпин цзин» ("Каноне Великого Благоденствия"), даосском тексте эпохи Восточной Хань (25-220 гг.), гармоничное обществу уделяется немалое внимание.

Описанные общества, приведенные в данном произведении, разделялись на три категории: общество «Великого единения», «Срединного единения» и «общество несправедливости», там же приводятся мысли о том, что общество, современное написанию данного произведения является «обществом несправедливости», стремящимся стать обществом «Великого единения». В «Тайпин цзин» уделяется особое внимание справедливости и равенству. «Великому единению» дается следующее определение: «великое – значит большое, единение – означает справедливость» [3, с.213], Великое единение – полная справедливость, мир «Великого единения» – спокойный, справедливый мир [3, с.214]. В произведении также предлагается способ гармонизации отношений между сильными и слабыми, старшим и младшим поколениями: «обладающие мудростью должны воспитывать неразумных, те, кто этому противостоят являются первыми предателями государства. Сильные должны возвращать мощь в слабым, те, кто этому противостоят – вторые предатели государства, младшее поколение должно заботиться о старшем, те, кто этому противостоят – третьи предатели государства» [3, с.214]. Данные воззрения имеют тесную связь с представленным в «Ли-Цзи» («Записках о совершенном порядке вещей, правлении и обрядах») описанием гармоничного общества.

Период правления династий Вэй-Цзинь (220-420 гг. н. э.)

В периоды правления данных династий такие философы, как嵇康Цзи Кан (223–262), 阮籍Жуан Цзи (210-263), 陶渊明Тао Юаньмин (китайский поэт, 365-427 гг.), 鲍敬言Бао Цзиньень (284-364), 张载Чжан Цзай (1020-1077), 邓牧Дэн Му (1247-1306) высказывали свои мысли по вопросу построения гармоничного общества. В романах «水浒传» «Речные заводи», автор — Ши Найань 施耐庵 и «镜花缘» «Цветы в зеркале», автор Ли Жучжэнь 李汝珍 представлены мысли о способах построения гармоничного общества.

Из всех философов, мыслитель династии Восточная Цзинь (317-420 гг.)鲍敬言 Бао Цзиньень (284-364) в описании гармоничного общества солидарен с идеями, изложенными в «Чжуан цзы», в описаниях мира высокой нравственности он впитал идеи «Хуайнань цзы».

Бао Цзиньень (284-364) критикует Чжуанцзы, говорит: «В древнем мире не было князей и подчиненных, вырыв колодцы, люди использовали их для питья, культивировали землю и питались ее плодами, с восходом солнца работали, с заходом солнца отдыхали. Они бессистемно плыли по течению жизни, повсеместно придерживались основ морали, не истощались, не эксплуатировали других, не было славы и не было бесчестия. На горах не было троп, в водоемах не было лодок и мостов, реки не были соединены каналами и не истощены, солдаты не объединены и не воевали. Гнезда хищных птиц не разорялись, водные пучины не иссякали. Люди были кристально честными, не обладали злыми намерениями» [6, с. 44].

Тао Янмин, мыслитель династии Восточная Цзинь (317-420 гг.), в «Записках о персиковом источнике», описал

пейзажи персикового сада, говорил о том, что «земли его просторны и необъятны, ландшафты прекрасны, на этой земле нет императоров и князей, нет чиновников, земельного налога и рабства, с восходом солнца люди начинают работать, с закатом – отдыхают, все, что они делают, согласуется с порядком, установленным природой, свободные, культурные и вежливые, сердечные и добрые, они существуют в гармонии» [6, с.45]. «В горах плодородные поля, прекрасные озера, произрастают леса бамбука, тропинки между полями сообщаются, птицы перекликаются друг с другом. Повсюду процветает земледелие, людям хватает одежды, к иностранцам относятся хорошо» [4, с.46].

Картины жизни, описанные Тао Янмином, не существовали в трех первых династиях Китая, которые невозможно изучить, они также не являются картинами рая. То, что описывает Тао Янмин, существует в реальности. Произведение, написанное мыслителем, было популярно среди народа, его влияние было всесторонним, оно стало синонимом свободы и неподчинения приказам императора.

Философ империи Сун Чжан Цзай (1020-1077) по вопросу построения гармоничного общества выделяет две позиции:

1. Относиться равно с любовью ко всем и всему, любить всех и вся, мириться со всем. Исходя из того, что человечество и вещи в единстве существуют в Поднебесной, все вещи, которые есть на земле, являются друзьями человечества. В действительности это означает, что человечество и вещи должны существовать в гармонии.

2. Для решения конфликтов между богатыми и бедными, Чжан Цзай предлагает ввести систему равнополья (система равномерного наделного землепользования при династиях Северная Вэй, Северная Ци, Суй и Тан, V — VIII вв.). Он говорил: «богатые и бедные не равны, исправить это невозможно, несмотря на то, что есть желание урегулировать, но все действия бесполезны. Нуждающиеся и больные люди не могут отвоевать у богатых и забрать у них земли, этот процесс будет занимать несколько лет, лишь тогда, когда закон справедливости будет приведен в действие, он позволит восстановить права всех больных и нуждающихся» [7, с.15].

Чжан Цзай выдвинул целый ряд мер, таких как: введение нового разделения земель; создание честного, разумного общества. Руководители крестьянских восстаний ратовали за равенство бедных и богатых, равного распределения земельных ресурсов, это было обусловлено потребностями народа [5, с.55].

Анализ приведенных выше источников показал, что в период правления династий Цинь—Хань построение гармоничного общества напрямую зависело от правильных действий императора, в период правления династий Вэй-Цзинь мы прослеживаем противоположные воззрения. В данном периоде зародились мысли о том, что гармоничное общество может быть создано и без прямого руководства императора, главным условием построения гармоничного общества является установление гармонии между людьми и природой, реализация каждым членом общества принципов морали и нравственности.

Литература:

1. Ван Цзинчао, Лун Фу. Детерминизм гармоничного общества. – Пекин. : SOCIAL SCIENCES ACADEMIC PRESS (CHINA), 2011.
2. Гармоничное общество: теория и практика / гл. ред. Се Шунь. – Пекин. : SOCIAL SCIENCES ACADEMIC PRESS (CHINA), 2006.
3. И Чао. Истоки философии гармонии. – Чунцин. : 2007.
4. Китайская философия: Энциклопедический словарь / Институт Дальнего Востока РАН / гл. ред. М. Л. Титаренко. – М. : Мысль, 1994.
5. Теории и опыт построения гармоничного общества / гл. ред. Ли Цзин. – Ченду. : Синаньдзютундасюэчубаньшэ, 2007.
6. Тянь Гуанцин. Теория Гармонии. – Пекин. : Чжунгохуацзючубаньшэ, 1998.
7. Хань Лихун. Взгляды Чжоудунь на гармонию, их современное переосмысление // Вестник Муданьцзянского педагогического университета. – 2011, 2 февраля.
8. Хань Лихун. Взгляды Чжоу Дунь на гармонию, их современное переосмысление // Вестник Муданьцзянского педагогического университета. – 2011, 3 декабря.

ПАРАДОКС САМОПОЗНАНИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ УРОВНЕЙ ОБЩЕСТВЕННОГО САМОСОЗНАНИЯ

Бутенко Татьяна Александровна,

соискатель, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь

THE PARADOX OF SELF-KNOWLEDGE AND CREATION OF A LEVEL OF PUBLIC CONSCIOUSNESS

Butenko Tatiana, competitor, The North Caucasus Federal University, Stavropol

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается парадокс самопознания, связанный с разнонаправленностью личностного и родового мирозерцаний, и утверждается наличие в индивидуальном сознании восходящих степеней самоидентификации, обуславливающих уровни общественного самосознания.

ABSTRACT

The article deals with the paradox of self-knowledge associated with multidirectional personal and tribal world views, and approved by the presence in the individual consciousness of the ascending degrees of identity, determined by the level of public consciousness.

Ключевые слова: самопознание, самосознание, общественное самосознание, идентичность, нация, суперэтнос.

Keywords: self-knowledge, self-awareness, social consciousness, identity, nation, superethnos.

Самосознание является продуктом самопознания человека, только определившись с тем, что она собой представляет, личность начинает осознавать свои как особенность, отличие от мира других личностей (общества), так и сходство с определенным кругом людей, воспринимаемым как родственный – это может быть семья, профессиональное или любое другое сообщество, этнос. Философская антропология началась, пожалуй, уже с Сократа, провозгласившего кредо: «Познай самого себя». Однако в процессе самопознания личность сталкивается с парадоксом, отмеченным Н. А. Бердяевым, писавшим, что родовое мирозерцание ему всегда казалось банальным: «Нация, государство, семья, внешняя церковность, социальный коллектив, космос – все представляется мне вторичным, второстепенным, даже призрачным и даже злым по сравнению с неповторимой индивидуальной судьбой человеческой личности». Мыслитель признавался, что он никогда не хотел стать частью чего-нибудь, но, тем не менее, не стремился и к изоляции, замыканию

в себе своей личности, к самоутверждению, напротив, желал наполнения личности универсальным содержанием. В этом он видел противоречие, связанное с самим существом личности: «Отношение между личностью и сверхличной ценностью парадоксально... Иерархическое чувство связано с чувством принадлежности к какому-то целому... Но я не согласен, – утверждает Н. А. Бердяев, – чтобы моя ценность и ценность другого существующего определялась порядком целого, общего» [1, с. 507-509].

Парадокс самопознающей личности, чувствующей, с одной стороны, свою глубокую индивидуальность, с другой понимающей, что индивидуальность эта может раскрыться только в общем, значит, не является строго уникальной и имеет также универсальную специфику, создает «точку напряжения» в процессе личностного самосознания, обуславливая не только самоидентификацию личности, осознающей собственную «самость», но и ее идентификацию в отношении социальных сообществ, признание себя частью некоего целого, причем цельность

эта может определяться по степени обобщения (восхождения): принадлежность к семье, роду, группе по профессиональным или другим интересам, к этносу.

И. А. Ильин полагал, что «расколотость» ощущений индивидуальности и общности в личностном сознании была свойственна человечеству не всегда, что это – следствие потери им «согласованной тотальности», «целокупности». Душевно расколотый, нецельный человек представляется философу глубоко несчастным, неспособным к «целостной очевидности», к признанию истины, которую он не признает и у других, встречая «ее иронией и насмешкой»; и чтобы закрепить эту иронию, он выдвигает доктрину, согласно которой человек вообще не способен к достоверному знанию (агностицизм) и обречен на то, чтобы воспринимать все лишь относительно и признавать «релятивно» (релятивизм). Отсюда возникает систематически воспитываемое и поддерживаемое *малокровие познания*, принципиальное «ни да – ни нет», т. е. бегство от очевидности» [3, с. 769].

Следует согласиться с оценкой И. А. Ильиным релятивизации сознания, особенно ярко проявляющейся в современном индивидуалистическом «обществе потребления», как следствия своеобразной болезни, «малокровия познания», однако представляется спорной его мысль об очевидности целостности, о свойственном человеку от природы чувстве гармонии тотальности. Естественно ему, на наш взгляд, как раз чувство «самости», только оно подталкивает человека к саморефлексии, приводящей к осознанию своей отдельности, и уже после – к пониманию того, что отдельность эта, субъективность не является абсолютной, что вокруг существуют пусть не тождественные, но во многом похожие индивидуальности, с которыми коррелирует осознавшее себя человеческое «я»; к пониманию того, что «человек-субъект – часть этого мира, сформировавшего мыслящую личность и повседневно окружающего ее, поэтому мы не имеем никакого права рассматривать эту личность в полном отрыве от внешнего для нее мира, иначе повторим ошибку, исторически свойственную как рационализму, так и эмпиризму, исходившим из приоритетности гносеологических построений перед непосредственным постижением живого бытия» [4, с. 107].

Доказательством вышеприведенного тезиса может являться сам социально-исторический процесс, в котором путь развития человечества проходил не от единства к раздробленности, а наоборот – от дифференциации к интеграции. Роды объединялись в племена, и уже много позже племенные образования стали формировать этносы. Вершиной же интеграции человеческих общностей сегодня стали суперэтноты, по Л. Н. Гумилеву – группы «этносов, одновременно возникших в определенном регионе, взаимосвязанных экономическим, идеологическим и политическим общением» [2, с. 123].

В этой дефиниции дискуссионной является первая часть, в которой указывается на одновременность возникновения этносов, позже вливающих в состав суперэтноты, к тому же возникновения в определенном регионе. Представляется, что здесь не учитываются исторические реалии, связанные с перемещениями народов и с метаморфозами, в них происходящими. Вторая же часть определения, утверждающая экономические, идеологические и политические взаимосвязи как важнейшие характеристики суперэтноты, на наш взгляд является весьма точной, хотя и малоконкретной. При ознакомлении с ней сразу приходит в голову определение нации, имеющее основания в марксистско-ленинской философии: «...ист. общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их терр., экон. связей, лит. яз., нек-рых особенностей культуры и характера» [5, с. 870]. Здесь справедливо делается акцент на общности (геополитической) территории и экономики в момент становления нации, а не образования этносов, однако указание на общность литературного языка представляется не совсем точным, вернее говорить об общности языка государственного. К тому же, в советском определении отсутствует, пожалуй, самое важное – идеологическое общение, осознание общей цели социокультурного развития.

Разумеется, всякое определение не является абсолютным, содержа в себе спорные моменты. Но обратим внимание на то, что с точки зрения прямого перевода слова «народ», «этнос», «нация» тождественны, поэтому полагаем, что более адекватным понятием, относящимся к большим сообществам людей, перешагнувшим этнические рамки, будет понятие суперэтноты, над-народного социокультурного образования. Вследствие чего корректнее вести речь о самосознании суперэтническом, а не национальном, что справедливо в свете того негативного значения, которое сегодня закрепилось за словообразованиями, имеющими корень «нация».

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в процессе своего самопознания личность самоидентифицируется, самосознает свою индивидуальность, отличие от других, но, в то же время, фиксирует и наличие в себе универсальных характеристик, восходящих по степени общности к семье, роду, сообществам по профессии, интересам, политическим взглядам и пр., и далее – к этносу и наднародным, суперэтническим образованиям. Формирование последних становится возможным лишь при наличии у составляющих их народов суперэтнического уровня самосознания, понимания ими не только общности исторической судьбы, но и необходимости общих идеологии, экономики, политики, что обуславливает и поиски ментальных, культурных, языковых линий взаимодействия.

Литература:

1. Бердяев Н. А. Самопознание // Судьба России. Самосознание. – Ростов н/Д: Феникс, 1997. – 544 с.
2. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. – СПб.: Кристалл, 2001. – 639 с.
3. Ильин И. А. Путь к очевидности // Почему мы верим в Россию: Сочинения. – М.: Эксмо, 2006. – 912 с.
4. Душина Т. В., Лагунов А. А. Объективное и субъективное в религиозно-общественной жизни // Философия права. 2009. № 5. С. 107-112.
5. 5. Советский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 1600 с.

ТИПЫ РАЦИОНАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ: ПРОБЛЕМА ДЕМАРКАЦИИ ВНЕНАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Фархитдинова Ольга Михайловна,

Кандидат филос. наук, доцент, Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург

TYPES OF RATIONALITY IN MODERN SCIENCE: THE PROBLEM OF DEMARCATION

Farkhitdinova Olga, Candidate of Science, assistant professor of Ural Federal University, Ekaterinburg

АННОТАЦИЯ

В статье ставится проблема демаркации типов рациональности в современной науке. Методологическим принципом является эпистемологический полиморфизм. Предлагается вывод о наличии ситуации диссонанса познавательных и объяснительных возможностей человека.

Ключевые слова: рациональность, наука, многообразие, типы рациональности, эпистемологический полиморфизм

ANOTATION

The article raises the problem of demarcation of types of rationality in modern science. The methodological principle is epistemological polymorphism. Proposed conclusion about the existence of a situation of cognitive dissonance and explanatory abilities of a person.

Keywords: rationality, science, diversity, types of rationality, epistemic polymorphism

О науке во всех ее различных вариантах говорят ученые и технологи, обучающиеся и профессионалы, обыватели и увлеченные тем или иным способом видения мира. Современный человек обнаруживает множество сфер для применения научных знаний и достижений. Имре Лакатос когда-то высказал замечание, которое сегодня, будучи озвучено по праву обрисовывает перспективы иных типов «рациональности». А именно: «С точки зрения Куна, изменение знания – от одной парадигмы к другой – мистическое преобразование, у которого нет и не может быть правил. Это предмет психологии (возможно, социальной психологии) открытия. Изменение научного знания подобно перемене религиозной веры». [1, с. 274] Научная революция, обозначая собой качественный слом, процесс коренного переворота представлений о строении мира и положения в нем человека, не происходит каждые сто лет. Это этапы длительных и накопленных изменений, в их числе и типы рациональности.

Есть так называемые специфические понятия, которые маркируют эти изменения. Так, современная наука сочетает в себе «многообразие» в том виде и в тех контекстуальных значениях, которые были известны, еще во второй половине XIX века. Обозначим, что речь идет о так называемом топологическом многообразии, начало ис-

следований, которому было положено в дифференциальной геометрии. В области же философии данное понятие отразило ситуацию особого отношения между герменевтикой и эпистемологией: «эпистемология, в этом смысле, берет на себя заботу о серьезной и важной «познавательной» части (части, в которой мы имеем дело с нашими обязательствами перед рациональностью), а герменевтика – обо всем остальном». [2, с. 236] Но чем, более многообразной становится роль науки в обществе, тем более основательно приходится участвовать ученым в жизни общества. Этот вывод Вернера Гейзенберга о роли науки в обществе, высказан был в итогах бесед с коллегой в августе 1945 года, сегодня приобретает новое звучание.

Полиморфизм в подходах, аспектах, методах, точках зрения, становится характерным симптомом нашего времени. Своего рода культ несочетаемых явлений способствует распространению научного потенциала как для индивидуального, профессионального, так и для массового сознания. Отражение в современных научных исследованиях достижений прошлого, создает некоторую критическую массу, которая направлена на переоценку значения этого наследия. Многообразие сопровождает и личностное бытие. Признание сферы религиозного опыта, соперничает с большим количеством значений, приписываемых феноменам, интерпретация которых выходит за

рамки научного дискурса и сопряжена с индивидуальными ценностными ориентирами, приоритетами, убеждениями и верой.

Различие подходов и аспектов привело к типам рациональности, которые прямо противоположны друг другу. Так называемый «познавательный диссонанс», по утверждению Николаса Решера, в отношении озадачивающих явлений, накопленный веком активных трансформаций в науке – веком XX, в нынешнем, нашем столетии стал причиной изменений объяснительных схем.

Одним из таких типов рациональности, требующих не столько пояснения, сколько понимания является знание, в отношении которого высказываются разные суждения: недоказуемо, непонятно, необъяснимо. А это, в определенной степени сопровождает практически все науки: фундаментальные и прикладные исследования. Исследования, которые касаются дифференциальных областей в той или иной сфере познавательной практики. И те, которые фиксируют изменения смыслов повседневного человеческого бытия, его ориентиров, позиций.

Проблематичность и дискуссионность, как первого, так и второго понятий выдает существующие разногласия на эту тему, диссонанс. Академический дискурс так широк, что одно лишь обозначение проблемы не вызывает внимания к себе. Необходимы аргументы, претендующие на статус философского позитивизма, по меньшей мере.

Классический тип рациональности, предполагающий наличие наблюдателя в отношении объекта, и тем самым разграничивающий мир на данное и другое, привел и к соответствующим стилям мышления. Где есть возможность воссоздать экспериментальным путем условия первоначального пространства для изучаемого явления. Пластичность же современной мыслительной практики лишает человека статуса наблюдателя. Объект как таковой не имеет четкой границы в наличном опыте человека. Его границы даны в виртуальном пространстве, мало сопоставимом с практикой бытия. Данность становится проблемой сама для себя. Констатация не оберегает исследователя от возможных ошибок, и в то же время это единственный путь обнаружить причастность к сфере не констатируемого объекта. И опять вспомним Демокрита: нужда и опыт были для человека учителями во всем, надлежащим образом наставляя это животное, от природы способное ко всяческому учению и имеющее помощником во всем руки, рассудок и умственную гибкость.

В учении о познании и о его видах Аристотель различал «диалектическое» и «аподиктическое» познание. Область первого – «мнение», получаемое из опыта, второго – достоверное знание. Хотя мнение и может получить весьма высокую степень вероятности по своему содержанию, опыт не является, по Аристотелю последней инстанцией достоверности знания, ибо высшие принципы знания созерцаются умом непосредственно.

Обнаруживая таковое и изменяя отношение к тайному каждый век развития человеческой мысли демонстрирует свойственное ему, тем самым, отношение к

традиции. XX век и этому понятию уделил большое внимание: целая сеть движений и направлений предложили варианты изучения древнего наследия. Были достойные внимания доктрины, такие как теософская, сочетающая индийское и западное наследие; антропософская – символически отразившая кризисный удел столетия вперед. Крипторелигиозность современного мира явилась следствием редукционизма XX века по отношению к традиции.

Мистика, эзотерическое, мистификация, лженаука, антинаука и многое другое – термины, зачастую «обличающие» аспекты познания, связанные с тайным, не вписывающимся в общедоступное познавательное кредо: причина – следствие, постулат – принцип, периодичность – закон и т.п. Так называемые неопознанные явления всегда вызвали интерес и массовые увлечения среди людей. Противоборство мистицизма и рационализма осталось в прошлом. Возможно, потому что и рационализм и эзотеризм, и мистицизм – порождают идейное многообразие. Обеспечивать среду для возникновения нового. Признание за мистицизмом и эзотеризмом определенной силы и воздействия на умы, на сознание и чувства людей – не менее веская причина изучать данное явление с позиции науки.

Таинственное, мистическое, эзотерическое не выразимы, но многие к этому стремятся. Понимание само по себе – это проблемная область не только в науке, но и в искусстве, в религии. Проблематизация процесса понимания, его возможная схематизация еще в начале XX века привела к изменению статуса как научного, так и религиозного познания. О динамике и причинах подобного изменения размышляли уже названные М. Поляни, Т. Кун, И. Лакатос, В. Гейзенберг и мн. другие.

Роль пограничных для познавательного процесса феноменов выявляет важное значение личностного фактора. Знание как таковое – наиболее призрачное понятие, в этом смысле личность ученого, религиозного деятеля является своего рода рубежом формирования представлений о себе, о другом для себя, о мире в целом.

Итак, рациональность диссонирует с принципами познания, которым отдает приоритет сам человек. Типы рациональности в том виде, в каком мы с ними сталкиваемся сегодня отражают сферу личного, часто религиозного опыта. Содержание таких типов рациональности всегда будет дифференцировано. Возможно описательные практики реализации этих типов рациональности один из возможных способов понимания изменений в науке в целом.

Литература

1. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. // Структура научных революций. Т. Кун. М.: ООО «Издательство АСТ», 2002.
2. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, Изд-во новосибирского университета, 1997.
3. Решер Н. Озадачивающие явления // Вопросы философии № 1, 2002., с. 103 – 111.

МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ЧЕЛОВЕКА

Герасимов Сергей Викторович

*кандидат педагогических наук, доцент, Санкт-Петербургский Государственный Экономический Университет
г. Санкт-Петербург.*

MODEL OF HUMAN DEVELOPMENT

Candidate of Science, assistant professor, Saint-Petersburg State Economic University, Saint-Petersburg

АННОТАЦИЯ

Антропологические модели, прогнозирование, универсальные тренды развития.

ABSTRACT

Anthropological models, forecasting, universal trends.

Ключевые слова: Антропологические модели

Keywords: Anthropological models

Для создания модели сегодняшнего дня и, возможно, завтрашнего, предлагаю рассмотреть основные тенденции развития человека в некоторых глобальных трендах природы и эволюции.

Для удачного экстраполирования рекомендуется взять максимальный временной лаг. Предлагаю рассмотреть все известное время существования Вселенной (Universe). Примерный возраст нашей Вселенной около 14,5 миллиардов лет. Пронаблюдаем развитие природы с точки зрения роста количества и качества коммуникаций.

Атом водорода, базовый элемент, представляет собой единичную связь протона и электрона. В результате термоядерного синтеза в звездах образовались все известные химические элементы. Структура периодической таблицы Менделеева отражает рост количества внутриатомных связей. В сложных атомах наблюдается дискретное энергетическое распределение электронов: как по уровням, так и внутри уровня. Чем больше порядковый номер, тем больше количество связей. В этой зависимости наблюдается повторение основных свойств элементов от уровня к уровню.

В процессе развития Вселенной элементы взаимодействовали друг с другом и образовали следующую уровень связей, описанный в неорганической химии. Система усложнялась и пришла к насыщению, оказалась конечной. Последние из открытых трансурановых элементов живут доли секунды. Новый фазовый переход сформировал соединения на основе атома углерода, и количество возможных элементов превысило десятки миллионов рекомбинаций. Следующей ступенью или качественным шагом было возникновение растительной жизни. Растение проявилось не только как система сложных химических соединений, но и как новая саморазвивающаяся система. Новая система сама синтезирует необходимые элементы, развивается, взаимодействует избирательно со средой, поглощает и выделяет элементы. Произошел очередной скачок роста количества и качества связей. Животный уровень так же в общем тренде увеличения связей, как нутрии системы животного, так и связь животного с окружением через органы чувств. Кроме этого у животных происходит возникновение и развитие социальных связей. Появление человека связано с возникновением вербального способа передачи опыта. Речь вывела коммуникации на следующую ступень, и всё развитие человечества сопровождается увеличением плотности коммуникационного потока.

Используя интеграционный тренд, можно предположить дальнейшее скачкообразное увеличение взаимодействия. Пойдет ли человеческое развитие путем, описанным С.С.Хоружим, и мы станем киборгами или мутантами [1, с. 29-36.]? Киборгизация или мутация – это продолжение развития в плоскости современных трендов. Следовательно, они не будут доминирующими в будущем. Исходя из интегрального тренда, человеку не грозит превратиться в машину или новый вид живого существа. Также невозможно вернуться в животное состояние или деградацию. Впереди эволюционный скачок, в котором сохранятся все свойства прежнего существования, и добавится новое качество, связанное с увеличением степени интеграции. Люди демонстрировали умение объединяться для достижения общих целей в историческом развитии. Также объединение возникало для избегания страданий на всех 4-х этапах дискретно-эволюционного тренда: базовом, сравнения, власти, знания.

Объединение на первом уровне было вызвано естественным желанием безопасности, строительства жилища, добычей еды и тп. Объединения на уровне сравнения или богатства также возможны, на взаимовыгодных группах условиях, по расчету. На уровне власти, уважения и почта наблюдается объединение, с целью завоевать и удерживать власть. Но здесь выстраивается вертикаль, во главе которой находится один лидер, остальному обществу будут определены уровни, относительно вертикали. Касты или классы. На уровне знания интеграция затруднена, но возможна, хотя уровень знания больше других эгоистичен, подразумевает личное управление любым процессом. Необходимость объединения на новой ступени очевидна, остается разобраться с мотивацией такого объединения против растущего эгоизма каждого.

Трансформация человека, находящегося в современной переходной стадии требует независимой оценки. Находясь в рамках коллективных бессознательных ценностей, которые транслировала нам культура и окружающее общество с момента рождения, мы рискуем внести оценочное суждение в процесс анализа переходной формы. Все события переходного периода похожи между собой, повторяются в своей причинной основе и являются индикатором смены состояний [2, с. 89-99].

«А ситуация между тем удивительно напоминает последний этап Римской империи. Хорошие институты, развитая система права. Высокое качество жизни. Широкое развитие сферы досуга, развлечений и всевозможных

удовольствий. Терпимость к отклонениям и порокам. И при этом - хорроризация, пророчества конца света, многочисленные мессии, тяга к трансцендентному. И хорошо известно, чем это закончилось: нашествием варваров и распространением христианства» [3, с. 55]. Приход новых желаний и их реализация всегда пугает своей новизной. Это хорошая пища для поклонников эсхатологии. Подробный анализ симптоматики современных антропологических трендов проводит С.А.Смирнов [4, с. 31]. Человек становится интегральным в плане зависимости от окружающего мира. В своем желании достигать цели с наименьшим расходом сил и средств, человек эволюционирует в сторону «жизненного аутсорсинга». Это, с точки зрения норм 20 века, деградация, но если попытаться взглянуть со стороны, без использования внутренней шкалы «хорошо-плохо», с подходом «целесообразно – нецелесообразно», то тут наблюдается логика развития. Человек, во времена первобытнообщинного строя вынужден был быть универсалом, в связи с тем, что его община имела ограниченный набор членов. В идеале того времени, человек должен был быть и охотником, и защитником, и врачом, и ботаником, и астрономом, и фармацевтом и т.д. С развитием связей в обществе запустился процесс делегирования функций другому члену сообщества. Это было оправдано рациональным увеличением производительности труда. Разделение труда запустило механизм разделения сообществ по профессиональному признаку. Весь эволюционный путь человечества – путь разделения целого на составные части. Сейчас горожанин не сможет прожить в тайге, развести огонь, вылечить себя от болезни без помощи общества, его изделий и технологий. Не стоит переживать по поводу того, что новые поколения трансформируют речь и культуру. Не ощутив необходимости в предыдущих ценностях, не получая от них удовольствия новое поколение ищет свои пути реализации.

Разделения культур на субкультуры происходит постоянно. Все новые и новые сообщества по интересам одеваются и мельчают в своем составе. Этот тренд закончится только тогда когда, останется минимальное неделимое. Один человек будет представлять свою субкультурную группу. С другой стороны, человек все больше будет зависеть от окружения. Даже сейчас для приготовления простого завтрака, среднестатистический россиянин использует труд людей 6-10 различных государств. Бразильский сахар, сыр из Украины, тостер из Китая, ножи из Германии и т.д. Степень интеграции растет, вместе с ней растет степень ответственности. Уже сейчас любой кризис в любой стране негативно отражается на населении не только соседних стран, но и во всем мире. Следующая ступень человеческого развития будет нести в себе глобальную ответственность каждого перед каждым. Возлюбите ближнего. «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» (Тора, Ваикра, глава 19, стих 18).

Мы наблюдаем в обозримом пространстве, что коммуникация возникает в случае, если коммуниканты подобны в одном и более свойствах. В материальном мире подобие по свойствам выражается во взаимной реакции объектов со сходными агрегатными состояниями. Например, твердое реагирует на твердое, жидкое на жидкое, газообразное на газообразное. В мере уподобления

по свойствам возможна реакция между объектами с различными свойствами. Например, при увеличении давления воздуха, он может передавать это давление на парус корабля. Это означает, что изменение свойств, достижения подобия воздуха парусу позволяет ему взаимодействовать с твердыми предметами. В социуме взаимные реакции также возможны с силу подобия свойств и это результат описанного выше дискретно эволюционного тренда. Человек хранит в себе уровень «сравнения» с внешним миром. Необходимость выстраивания вертикальной иерархии среди людей приводит к поиску человека его места в этой вертикали. Соответственно механизм мотивации прямолинеен и предсказуем. Периодически идет процесс сравнения внутренней оценки человека и оценки выданной окружением. Если разница положительная и общество оценило индивида выше, чем он рассчитывал, то его мозг наполняется эндорфинами и ощущением радости и счастья. Если разница отрицательная, то и эмоции негативные. Так за свою жизнь у человека вырабатывается безусловный рефлекс. Человек идет все выше и выше в этой оценочной шкале, идет самым энергомичным путем, и его не интересует, кто находится значительно выше и ниже его по шкале оценки. Обычно у среднестатистического человека интереса к жизни Билла Гейтса нет совсем, поскольку это далекая перспектива и, скорее всего, недостижимая в этой жизни. Не стоит время терять. По тем же причинам не беспокоит и жизнь аборигена африканских джунглей. И вот чем ближе по свойствам ко мне человек, тем более внимательно я слежу за его жизнью, тем больший интерес вызывают его действия или бездействия. Причина этому постоянное желание позиционировать себя относительно такого человека, как наиболее близкого по свойствам. В результате этого внимания возникает чувство конкуренции, которое несет в себе отрицательную эмоциональную составляющую – ненависть. Современное общество построило рамки для таких эмоций и, по возможности, направляет их в позитивное русло. Человеку нет необходимости каждый раз хвататься за оружие. Соревнования в спорте и на работе, литература, изобразительное искусство, служат паровым клапаном для страстей.

Будущее человека несет в себе две прогнозируемые силы. Желание быть самодостаточным и независимым, с одной стороны и необходимость построения связей направленных на интеграцию вопреки желанию независимости, с другой. В суперпозиции этих двух сил произойдет дальнейший скачок развития человечества.

Список литературы

1. Хоружий С.С.. Аналитика размыкания человека как методология диагностики антропологических трендов. Человек.ru №6 (2010)Новосибирск.
2. Герасимов С.В. Разум и вера: постсекулярность и после. Философские науки 12/2013.
3. Тульчинский Г.Л.. Современность: имманентность и поиски трансценденции. Философские науки 5/2013.
4. С.А.Смирнов. Фармацевтика антропологических трендов. Человек.ru №7 (2011)Новосибирск.

ВОСТОК И ЗАПАД – ДВЕ ФОРМЫ СОЗНАНИЯ. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ВЗГЛЯД

Годун Павел Александрович

магистр юриспруденции, аспирант истфака, Балтийский Федеральный Университет им. И. Канта, г. Калининград

THE EAST AND THE WEST IS TWO FORMS OF CONSCIOUSNESS. HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ASPECT

Godun Pavel, master of law, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются восточная и западная формы сознания, как две стратегии познания мира. На основе историко-философского подхода показано их различие в едином стремлении продолжения жизни. Социальным продуктом такого процесса является культура, которая выступает в качестве индикатора специфики сознательной деятельности. Существующие формы идеального востока и запада не являются альтернативой друг другу, а способствуют его сохранению, как целого и самореализации.

ABSTRACT

The article analyzes the Eastern and Western forms of consciousness, as the two strategies for knowledge of the world. On the basis of historical-philosophical approach shows their difference in a single desire to continue living. Social product of this process is the culture, which acts as an indicator of the specificity of conscious activity. Existing forms of the ideal for the East and West are not alternative to each other, and contribute to its preservation as a whole and self-realization.

Ключевые слова: сознание, Восток, Запад, самопознание, самоопределение, самоуправление, самореализация, культура.

Keywords: consciousness, the East, the West, self-knowledge, self-governance, self-administration, self-realisation, culture.

Западная философия, ставя себя в авангард мировой, определяла человека в самые разные системы координат. Так, круг античного космоцентризма был заменён средневековым теоцентризмом и антропоцентризмом эпохи возрождения. Уже в современном мире, в совокупности с менее популярными биоцентризмом и патоцентризмом, каждый из нас волен поместить себя в любую из них. Здесь, однако, стоит отметить, что для европейского индивидуализма знаменитое сократовское «познай себя», было менее удобным инструментом самопознания, чем протагоровское «человек есть мера всех вещей». Самоидентификация себя в абсолютном, или тождество с абсолютным, сменилось познанием этого абсолюта, Греческая любознательность, поиск первопричин и первоначал, позволили античному мыслителю усмотреть внутри натурфилософии чувственное (материальное) и идеальное, познание которых, захватило его, как увлекательное занятие. Применение в суждении логики и диалектики сделали этот процесс неотвратимым, а субъектно-объектное восприятие мира стало вопросом недалёкого будущего. В начале XIX века Г.В.Ф. Гегель совершенно открыто заявил о превосходстве западной философии, считая её истоком греческую мысль, а вершиной немецкую классическую философию. [2, с.63-65, 148-155, 185-196] Однако, уже в конце этого же века его последователи заговорили о закате последней. Что же произошло? В начале XX столетия М. Хайдеггер предлагал вновь переосмыслить историю западной философии, вернувшись к Платону. [7] Гносеология, успешно приведшая мир к рационализму и позитивизму, а вместе с ними и к торжеству научного типа познания, не смогла собрать вместе, то начальное натурфилософское Бытие, которое она превратила в систему бесконечно делимых понятий. Теперь, мы можем понять, что именно тогда, во времена Сократа, Платона и Аристотеля произошла развилка между западным и восточным

типом мышления. Мышления, на которое сегодня обращают внимание психологи. Ведь рядом с упомянутым выше сократовским «познай себя», ещё стояло платоновское - «стать человеком возможно, но быть человеком это вряд ли под силу» и аристотелевское - «человек в возможности и человек в действительности». Всё это ещё не далеко ушло от восточного холизма, понимания себя растворённым в абсолюте и наоборот.

Исследования показали, что воспринимая один и тот же предмет, или явление, у западного и восточного человека наблюдается различная активность головного мозга, т.е. возбуждаются его различные области, с разной интенсивностью и различными размерами таких участков. В восточном понимании мир обладает свойством непрерывности, а в западном понимании мир представляется дискретным, разделённым на отдельные объекты. Для западного типа мышления мир состоит из противоречий, а для восточного он цельный. Таким образом, научно обосновано существование, по крайней мере, двух стратегий познания, которому соответствуют два типа сознания и соответствующие им типы культуры. [1]

Долгое время считалось, что эволюция человека происходит на основе одной общей его базы психического развития. Культурные и социальные особенности разных народов объяснялись, при этом, влиянием на них природно-климатических условий и различий мест обитания. В дальнейшем, принимая во внимание единство хода исторического процесса, эти объяснения сводились к формационному или цивилизационному подходу, которые учитывали уже более широкие аспекты, учитывающие религиозные представления, хозяйственную развитость, в том числе и мировоззренческие ориентиры. Но, несмотря на явные философские различия востока и запада, где первые склонны к созерцанию и духовному самосовершенствованию, а вторые к действию, их всё равно было

принято оценивать с точки зрения одних и тех же критериев в рамках названных подходов. Археология даёт неопровержимые факты единства социальной ориентации людей. Шумерские глиняные таблички показывают, что ещё четыре тысячи лет назад их заботили те же социальные проблемы, что и сегодня нас. Биология человека указывает на соответствующее, единообразное представление о внутреннем его строении. Однако, вышеуказанные исследования наглядно показывают значительные анатомические отличия отделов головного мозга представителей разных культур. В данном случае, мы говорим именно об отличии двух больших групп населения, условно делимых на понятия востока и запада, как о полярных и более принципиальных случаях. Более того, у представителей одной культуры при решении своих специфических задач наблюдается меньшая активность мозга, по сравнению с испытуемыми противоположной культуры, когда им предлагаются эти же задачи.

Таким образом, мыслительная деятельность вносит в наш процесс познания определённую специализацию, что делает нас творцами той самой присущей только нам культуре. Что в таком случае оказывает влияние на познавательную функцию мозга, природная среда обитания, культурная спецификация или нечто другое? Но, смешение африканцев и европейцев на территории северной Америки не прибавило в их облике ничего индейского. Не произошло и сближения культур. США не породили нового её явления, став продуктом модифицированного европейского сознания. В наблюдениях за испытуемыми, помещёнными в среду противоположной культуры, наблюдается постепенное развитие отделов головного мозга характерных для новой социальной среды, но они не становятся доминирующими. Не претендуя на истину, можно сказать, что решающим фактором в формировании сознания, или главным катализатором в его развитии является речь и связанный с ней конкретный язык. На этот факт обращает большое внимание Б.Ф. Поршнев в своей книге «О начале человеческой истории». [6, с.111-176] В любом случае, мы приходим к понятию множественности форм сознания, как одного идеального. Соответственно, мы наблюдаем и совершенно различные по этой причине пути развития народов, т.е. их направленности к цели. Жизнь, как таковая не предполагает разделения материального и идеального. В её сути нет никакой противоположности или противопоставления, материальное и идеальное здесь может быть выделено в отдельные категории лишь с точки зрения её западного аналитического восприятия и это совершенно не возможно на востоке.

Таким образом, следует предположить, что если в природе появились видовые изменения внутри родового сообщества, то происходило это с целью дополнительного резервирования различных возможностей сохранения жизни в любых условиях, какие бы сюрпризы не преподнесла природа в собственном развитии. Видовое многообразие жизни является гарантом существования самой жизни, как таковой, в её абсолютном смысле. Но если такой вывод справедлив для жизни как материи, то необходимо говорить и о разнообразии мышления и сознания, как фактора идеальной стороны жизни. Многообразие идеального также должно компенсировать возможность

выживания разумного. Однако, данное многообразие не является двумя альтернативными точками зрения на нечто одно и то же, из которых надо выбрать верное, а есть лишь два способа его познания, которые оба верны. Они дополняют и обогащают друг друга, если воспринимаются, как обоюдные возможности в достижении искомой истины и противопоставляются, и даже стремятся к уничтожению друг друга, когда одна из них превозносится, или стремится к превосходству. Общее же в них всегда остаётся одним и тем же – направленностью к познанию целого, которое можно выразить как обыденным, так и абсолютным понятием жизнь. Следуя путём Аристотеля, отметим, что мышление и связанные с ним мысль и сознание непременно должны быть деятельны. Деятельность же имеет своим итогом определённую цель. Изначально греческая философия в лице Сократа, Платона и Аристотеля указывает нам на эту цель, как на абсолютное благо, которое в более позднее время идеализируется в понятие христианской любви. В восточной философии это абсолют, как таковой. Становиться на одну из этих точек зрения, значит, лишиться полноты процесса познания.

Возвращаясь к формуле – оба подхода верны, обратим своё внимание не на конечную цель, которая в данном случае не важна, так как не может иметь своего истинного определения ни в одном, ни в другом случае ввиду крайней метафизичности предмета, а на сам процесс её постижения. Гносеология, которой так гордится западная философия, или, к примеру, путь Дао, есть лишь разные формы проявления одного и того же идеального. Ведь в конечном итоге на алтарь достижения цели кладётся равная плата в обоих случаях, коей и является сама жизнь. Жизнь, как действие в отношении её сохранения и продолжения, с одной стороны и постижения её цели, с другой, и есть объединяющий момент восточного и западного типов мышления, создающий при этом отличный друг от друга, западный и восточный тип культуры. Таким образом, культура, с учётом всех сторон её геознотулогенеза, выступает в качестве видимого продукта целевой причины (поддержание жизни) и своеобразным маркером ступеней перехода из возможного движения к действительному. Существенным значением в данном процессе, надо считать поэтапное прохождение через ряд самостей:

- самопознание и самоидентификация;
- самоопределение;
- самоорганизация и самоуправление;
- самореализация (духовная и практическая).

От подхода к каждой из этих ступеней, зависит развитие следующей и их общей совокупности, как целого. Так, выбор между греческим индивидуализмом и сократовским призывом к самопознанию разрешился в пользу субъективного Я. Соревновательный дух греков взял верх и был предложен в качестве инструмента самоидентификации в мировом сообществе. Это, ещё не зрелое Я, предпочло отождествить себя в качестве социальной группы нашедшей свой, специфический набор ценностей и целей. Такая данность была воспринята ими, как факт, как дар богов, как явление для остального внешнего мира. Вскоре, концепция соревновательности сменилась исключительностью. Крестовые походы средних веков на

восток, полабско-прибалтийских славян и альбгойцев и дальнейшее распространение своего влияния по всему миру вплоть до настоящего времени, служат многочисленными примерами данного вывода.

Более значительным, если не сказать центральным понятием, самопознание является в философии востока. Причём, можно с уверенностью сказать, что жизнь востока полностью поглощена этой идеей. Самоопределение, самоорганизация и самоуправление, воспринимаются данной общностью, как вполне формальные ценности и отдаются на откуп его высшим социальным структурам. Восточное сознание готово пожертвовать всем ради быстрого перехода к самореализации. В связи с этим, мы видим покорность индивидуума относительно своего мирского положения, социальную кастовость и порой рабское повиновение, а в хозяйственной сфере то, что К. Маркс называл «азиатским способом производства». [5,с.130-136] Самоидентификация здесь, проходит не в отношении остального социального мира, а относительно всей вселенной. Восточному обществу нет никакого дела до остального сообщества, для него это периферия, необходимая лишь для собственного центрирования, и от которой оно готово в любой момент отгородиться Китайской стеной.

Для западной мысли особую значимость приобретают: самоопределение, самоорганизация и самоуправление. Именно эти понятия дают толчок к развитию всей социальной философии и политэкономии западного мира. Отсюда происходят все демократические и либеральные идеи и зависящий от них социальный строй. Особый склад ума европейского индивида потребовал и соответствующую организацию общества, с выработкой согласованных правил и условий. Поскольку самоидентификация Я потребовала своего само выделения из организма общества, возникла потребность в соотношении двух этих понятий. Для того чтобы не началась «война всех против всех» понадобилось ограничение действий личности в рамках «общественного договора» и разумного законодательства. [3] Опасаясь разгула индивида, был выдвинут целый ряд ограничительных мер со стороны религии и светской власти. Систематизация таких понятий, как свобода, воля, дух, справедливость, независимость, права человека применительно к индивидууму и обществу, потребовали жизни не одного поколения европейцев. Более того, европейское сознание нуждалось в особом описании принципов морали и этики. Аксиология стала важнейшим разделом философии запада для сдерживания излишнего влияния эгоцентризма. Данные особенности нарождающихся сообществ вынуждали уже и Платона, и Аристотеля искать возможные пути их развития, примером чего служат: «Государство», «Законы», «Политика», «Этика». Ими сразу было подмечено, что общества подобного типа должны иметь иерархическую систему управления независимо от формы организации власти. Таким образом, самоорганизация отдельных Я в социальную структуру, требовала более сложного процесса их принуждения к централизации, чем на востоке, и более затратных механизмов военно-революционного характера. Тяжёлым оказался и путь к самоуправлению. Фунда-

ментальные принципы функционирования органов местного самоуправления были разработаны только во второй половине XX столетия и зафиксированы в Европейской хартии местного самоуправления в 1985 году. В истории западной Европы есть множество примеров появления и исчезновения государств, их объединения и дробления. Формирование наций проходило в условиях смешения огромных масс людей на фоне их регулярных столкновений на религиозной и политической почве. Постоянные войны требовали мобилизации людских, финансовых и управленческих ресурсов в одних руках, что заставляло двигаться по пути жёсткой централизации власти. В таких условиях самоуправление в лучшем своём варианте могло возникнуть только на основе Магдебургского права, что, в общем, не предполагало его проникновения в глубины общества. В таких условиях, выходом из положения казалась федерализация, основы которой предлагал в своих работах И. Кант. [4,с.18-23] И всё же, в Европе имеется один замечательный пример настоящего самоуправления общества. Это его Венецианский вариант, возникший в чрезвычайной ситуации гибели римской империи на рубеже V-VI веков и просуществовавшей более 1000 лет. Для современной Европы базовые принципы самоуправления становятся основой дальнейшего её совместного развития. И это не случайно, так как, именно самоуправление и должно удовлетворить потребность всякого стремящегося к самостоятельности Я, к наибольшему его удовлетворению в условия местного сообщества. Так, индивидуальность получает большую свободу в реализации своих хозяйственно-экономических возможностей и повышению её социальной роли, уходя от излишней опеки государства.

Какими бы не были ценностные ориентиры на Западе и Востоке, их обоюдное движение к цели имеет одно направление. Жажда поддержания и продолжения жизни во всей её полноте достигается в западной мысли безудержным стремлением реализоваться в поиске рационального. Практичность последней, возводит мир в систему связанных между собою конкретных первоначал. Напротив, Восток устремлён в своём движении к высотам духовного. В нём одухотворено всё и это всё познаётся, как целое.

Процесс самопознания завершается вместе с концом самой жизни и является естественным её итогом, когда человек раскрывает тайну предназначения своего Я, как всеобщего. Завершающий акт самореализации означает одновременно и разрешение самопознания, как его начала. Таким образом, круг замыкается в искомом целом.

По мнению учёных, вероятно, XXI веку предстоит стать эпохой геокультуры. На мировой арене останутся страны с резко выраженной пассионарностью. Всё большую роль в обществе будут играть самоорганизация и инициатива снизу, установление горизонтальных связей. [8,с.18-23] В этой связи, рефлексивность русской мысли остаётся не определённой в системе Восток-Запад. Затянувшийся ответ должен, наконец, прозвучать, поэтому наша насущная задача вновь переоценить каждую ступень вышеуказанных самостей исходя из собственной истории.

Список литературы:

1. Александров Ю.И. Видео лекции - режим доступа к изд.: http://rideo.tv/alexandrov_j_i/
2. Гегель Г.Ф.В. Лекции по истории философии. – СПб.: Наука, 1994.
3. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. - Сочинения: В 2 т. – Т. 2. – М.: Мысль, 1991.
4. Кант И. К вечному миру. – Собр. Соч. Т.7: Изд-во ЧОРО, 1994.
5. К. Маркс и Ф. Энгельс. Британское владычество в Индии. - ПСС Т.9. Изд.2. М.: Государственное издательство политической литературы. 1957.
6. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: Изд-во ФЭРИ-В, 2006.
7. Хайдеггер М. Бытие и время. – Изд-во Академический проект, 2013.
8. Новейший взгляд на самоорганизацию в некоторых социальных системах.// Социологические исследования - № 5, 2014.

К ВОПРОСУ О НАУЧНОМ ПОЗНАНИИ РОССИЙСКОЙ УММЫ

Исхаков Рафаиль Лутфуллович,

кандидат филологических наук, доцент Уральского федерального университета, Екатеринбург;

Корсаков Антон Николаевич.

политолог, обозреватель Агентства политической информации (АПИ), Екатеринбург.

Аннотация: Авторы впервые рассматривают концепцию социоестественной истории в приложении к кораническому исламу и самоорганизации российской Уммы.

Ключевые слова: мусульманская Россия, коранический ислам, социоестественная история, самоорганизация, Тауфик Ибрагим, Э. С. Кульпин.

ABOUT THE SCIENTIFIC KNOWLEDGE OF THE RUSSIAN UMMAH

Abstract: The first consider the concept of socio-natural history for the analysis of the Quranic Islam and self-organization of the Russian Ummah.

Keywords: Muslim Russia, Qur'anic Islam, socio-natural history, self-organization, Tawfik Ibrahim, E. S. Kulpin

О российском Исламе написано много. Поисковая система Yandex по маркеру «ислам», к примеру, нашла 14 млн. ответов, поисковая система Google - 24,9 млн. ответов. Средства массовой информации привычно говорят об «Исламе и России», «Исламе в России» и даже «российском Исламе». Публицист с Islam.ru Даниял Исаев предлагает термин «мусульманская Россия» [6]. Некоторое время назад о таком словосочетании и подумать было нельзя, не то, что вынести его в заголовок научной статьи. 27 августа 2009 г. в Сочи состоялась встреча Президента РФ Д. А. Медведева с муфтиями и руководителями регионов Северного Кавказа. «Мы как суверенное и крупное государство – государство, в котором живут люди разных конфессий, и мусульманская умма (выделено нами – авт.) является частью этого общества...», - признал Д. А. Медведев [3]. Мусульманская Россия, как нам видится, – это не завершившийся, окончательно не сложившийся в истории феномен. Мусульманская Россия – это динамично развивающееся настоящее и великолепное будущее нашей страны, продолжающие историко-культурные традиции Уммы.

Различные аспекты научного познания российской Уммы неоднократно поднимались нами в научном сообществе [8, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 22, 24, 15, 27]. Обобщенные научные сведения приведены нами, в числе других авторов, в энциклопедии «Ислам на Урале» [7]. Вниманию широкого читателя были представлены публицистические статьи [11, 21, 23, 26].

Вместе с тем используемые нами подходы сегодня оказываются недостаточными в анализе российской

Уммы. Требуются либо теоретические основания большей объясняющей силы, либо иные дополнительные основания.

Во второй половине XX века в науке произошли изменения, которые позволяют говорить о новом, постнеклассическом этапе ее развития. Директор Института философии РАН, доктор философских наук В. С. Стёпин выделил признаки постнеклассического этапа. В их числе он назвал распространение междисциплинарных исследований и комплексных исследовательских программ, а также изменение самого объекта – открытые саморазвивающиеся системы. Одним из таких объектов является российская Умма. В постнеклассической науке Ислам выступает как рукотворная, т. е. «мягкая», система. Основная особенность таких объектов обозначается термином «человеко-размерность». Говоря о мусульманской России как Умме, мы имеем в виду непрерывный четырехмерный пространственно-временной мир событий. В целях данной работы континуум бытия означает непрерывный процесс жизни человека.

Непреложен факт, что Россия - не славянский, а славяно-тюркский суперэтнос [30]. Современное представление российской Уммы дали А. Ю. Хабутдинов и Д. В. Мухетдинов [33]. Российская модель этно-конфессионального мира может быть образцом для многих зарубежных обществ. «В общем количестве этносов, а их у нас 182, - отмечал Президент России Д. А. Медведев, - 57 ассоциируют себя с исламом» [35]. Мусульманское население стало частью российского общества и гражданами суве-

ренного Российского государства с XVI века. А потому, уверены мы, задачи самоорганизации российской Уммы – это задачи построения конституционного гражданского общества в России [32].

Российская Федерация по праву считается страной христианской (православной) и мусульманской. Российская Умма не столь велика по сравнению с численностью около 1,5 млрд. мусульман в мире. В России мусульмане, которых здесь насчитывается около 25 млн. человек, не являются диаспорой или сообществом мигрантов: это ее коренные жители, веками проживающие на ее земле и имеющие богатую историю. Они составляют неотъемлемую часть российского общества. Поэтому отношение к ним в стране, высшее руководство которой говорит о том, что Россия и сама является частью исламского мира, ничем не отличается от отношения к другим гражданам.

В Свердловской области, по данным переписи 2010 г., проживает более 216 тысяч представителей народов, традиционно исповедующих ислам, или 5,3% от общего населения региона. По данным на апрель 2010 г. на Среднем Урале насчитывалось 74 мечети, мусульманских молитвенных дома и молитвенных помещения, включая как действующие храмы, так и те, чье строительство интенсивно велось. Кроме того, Свердловская область, пожалуй, является регионом-рекордсменом, ведь здесь действуют мусульманские общины, входящие в пять различных централизованных религиозных организаций – Совет муфтиев России, Казыятское управление мусульман Свердловской области (КУМ СО), ДУМ Урала, вошедший в Российскую ассоциацию исламского согласия (РАИС), Духовное управление мусульман Азиатской части России (ДУМАЧР), Региональное Духовное управление мусульман Свердловской области (РДУМСО). Такого многообразия духовных управлений в России нет больше нигде.

Говоря о России, мы правомерно подчеркиваем, что российская Умма сформирована не иммигрантами, а коренными, автохтонными жителями России, которые на протяжении многих столетий сохраняют свою культурную, этническую, религиозную идентичность. Ислам для России – традиционная религия, а мусульманские народы – коренное население, причем не в отдельных анклавах, а на очень обширных территориях, включая все Поволжье, Урал, Западную Сибирь, Северный Кавказ, Юг России и даже ее центральное Черноземье.

Российская Умма может быть описана посредством статической картины, набросанной на фоне четырехмерного пространственно-временного континуума [34]. Мусульмане, считает политолог Ринат (Абдулла) Мухамедов, не могут чувствовать себя единым телом, одним организмом, т.е. уммой, без общего мировоззрения и институтов функционирования жизнедеятельности. По его мнению, в «полном смысле в России сегодня Уммы нет. <...> Ключевым для развития и даже сохранения Ислама на пространствах Северной Евразии становится задача уммастроительства» [32].

Среди оригинальных методов современного этапа научного познания мусульманского мира – мы называем теорию самоорганизации [27], СЕИ (социоестественную историю) [29] и концепцию коранического Ислама [5].

Теория самоорганизации. В 1970-х годах появилось понимание того, что существует природное явление, названное самоорганизацией материи. Это понимание явилось прямым следствием фундаментального факта – установления необратимости большинства известных науке природных процессов, протекающих как в макро-, так и в микромире. Теория самоорганизации применима и для анализа эволюции российской Уммы.

Самоорганизация как эпистемологическая модель в своем элементарном акте представляет собой спонтанный «переход от одного неравновесного стационарного состояния к другому» [36]. Узкое толкование термина «самоорганизация» подразумевает сам процесс скачкообразного перехода в качественно новое упорядоченное состояние. Социальная самоорганизация «может рассматриваться как возникающее свойство сложной неоднородной динамической системы» [31].

Изучение феномена самоорганизации показало, что все разномасштабные самоорганизующиеся системы, независимо от раздела науки, в котором они исследуются, совершают переход из кризисного состояния в качественно новое устойчивое состояние, следуя единому алгоритму. Исследователи отмечают стохастичность самоорганизации в целом, то есть отсутствие субъекта, направляющего процесс становления большей упорядоченности [1].

Введение *общего принципа подчинения* как одного из основных принципов самоорганизации принадлежит Г. Хакену⁶. Самоорганизация, по Хакену, спонтанное образование высокоупорядоченных структур из зародышей или даже из хаоса. Общим принципом подчинения, на наш взгляд, и является верность духу и букве Корана. Основываясь на общем принципе подчинения, в сложных системах, каковым, несомненно, является российская Умма, можно исключить большое число переменных и свести задачу к решению небольшого числа переменных, играющих роль параметров порядка.

Социоестественная история. В последнее время исследователей все больше привлекает история, как объединенный процесс социального и естественного развития. Социоестественная история (СЕИ) призвана, изучая прошлое, понять современное состояние общества и попытаться предвидеть будущее. СЕИ исследует взаимодействие природы и общества, находящее свое отражение в технике и технологии основного производственного процесса. В технике и технологии находят свое отражение, с одной стороны, законы природы, с другой общества. Поэтому технология основного производственного процесса является зеркалом общества.

Основателем школы социоестественной истории (СЕИ) является российский философ, историк, востоковед Эдуард Сальманович Кульпин-Губайдуллин. Он известен

⁶ В 1978 г. издательство «Шпрингер» выпустило книгу профессора Штутгартского университета Г. Хакена «Синергетика». Книга стала началом специальной серии, выпускаемой издательством

«Шпрингер». В 1980 г. издательство «Мир» выпустило книгу Г. Хакена на русском языке

своими исследованиями семипоколенных социально-демографических макроциклов. Внук первого татарского профессора Г. Губайдуллина родился в 1939 году в Баку. Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института социологии и Института востоковедения РАН, организатор ежегодной (с 1992 года) международной конференции «Человек и природа. Проблемы социоестественной истории». Издатель серии научно-методических работ «Генезис кризисов природы и общества в России», которая содержит результаты научных изысканий, выполняемых Центром социоестественных исследований Академии городской среды и Институтом востоковедения РАН. С 2005 года - главный редактор журнала «История и современность».

С того времени, как человек «нарушил» закон природной эволюции, вышел из его «подчинения», нашел путь развития, отличный от пути развития других живых организмов, начинается социоестественная история (СЕИ) - история взаимоотношений двух суверенных начал: общества и природы [30]. Конечной целью социоестественной истории является открытие *целостной системы* основных ценностей общества [28].

Социоестественные исследования с 1990-х гг. они сосредоточены на вопросах: кто мы - россияне? Откуда мы пришли? Куда мы идем? Исследуя прошлое методами СЕИ, удалось установить, что «матрица» поведения народов изменяется медленно, исподволь и незаметно для современников.

С позиций СЕИ народы, живущие в таком вмещающем ландшафте, как российский, обречены на слияние в суперэтнос. Вопрос лишь, когда, в какое время в огромном «котле» этнической варки создастся не этнос (слишком разные народы его исторически населяют, и слишком огромны его размеры), а суперэтнос с единым хозяйственным пространством, единым языком общения, едиными представлениями людей о мире и о себе.

Изучение взаимодействия природы и общества невозможно без установления единиц измерения пространства и времени. Процессы природы и общества разноречивы. Нужно было найти, с одной стороны, более краткие промежутки времени, с другой – совместимые природными циклами. Известно, что процессы в обществе отличаются от поколения к поколению, иными словами, квантируются сменой поколений. В средневековье Ибн Халдун успешно использовал сравнение поколений элит, условно приняв за срок смены поколений 40 лет. Хотя идея использовать поколения как квант времени плодотворна, сама единица нуждалась в уточнении. Э. Кульпиным в расчет был взят не срок активной жизни правителя при передаче власти прямым потомкам, а интервал активной жизни среднестатистического человека. Этот интервал во все прошлые времена практически точно «укладывался» в сроки демографической смены поколений, а именно во временную разницу между рождением матери и ее первой дочери или отца и его первенца – сына. Слож-

ность использования данного кванта времени заключается в том, что срок демографической смены поколений величина не постоянная, но переменная. Этот срок растет с улучшением уровня и качества жизни с 15 лет в древности, 17 – в раннем средневековье до 20 во второй половине XX века⁷.

Деление истории России на семипоколенные циклы, начиная с монгольского нашествия, дает интересный результат.

Первый семипоколенный цикл жизни народов Восточной Европы после монгольского нашествия – завершается Смутой – Гражданской войны в Золотой Орде – Великой Замытней (1360).

Второй – концом татаро-монгольского ига на Руси и созданием Московского государства (1483).

Третий – снова Смутой (1606).

Четвертый – завершением петровских реформ (1732) и созданием Российской империи.

Пятый – преддверием Великих реформ (1862) (своеобразный аналог Смуты для своего времени).

Шестой – становлением социальной системы, параметры которой еще не совсем определены (2002).

Коранический Ислам. Семантика понятия «коранический ислам» выделяет две взаимосвязанных смысловых единицы - Коран и Ислам. Понятие обозначает лапидарный смысл - «Ислам, как его понимает Коран».

Ислам - одна из наиболее распространенных и относительно молодых монотеистических мировых религий. Слово «ислам» имеет несколько значений, буквально переводится как «мир». Другое значение этого слова - предание себя Аллаху (покорность Богу). В шариатской терминологии ислам - это полное, абсолютное единобожие, подчинение Аллаху, его приказам и запретам, отстранение от многобожия. Людей, которые покорились Аллаху, в исламе называют мусульманами. С точки зрения Корана, ислам - единственная верная религия человечества, её последователями были все пророки. В окончательном виде ислам был представлен в проповедях Пророка Мухаммада, получившего сведения о новой религии в виде Божественного откровения.

С точки зрения ислама, последователи древних пророков отошли от первоначального пути, который был указан им Богом, и священные тексты древних книг постепенно искажались. Каждый раз для обновления истинной веры (ислама) Господь отправлял к разным народам своих посланников, в том числе Авраама, Моисея, Иисуса. Как верят мусульмане, последним посланником в среде пророков является Мухаммад, принесший человечеству ислам в очищенном и первоначальном виде.

Нужна ли модернизация ислама самим мусульманам? С чем связаны призывы ряда европейских интеллектуалов «реформировать ислам», «вернуться к первоначальному пониманию Корана»? Таковы были темы интервью, предложенные российскому философу и теологу Тауфику Ибрагиму журналистом Петром Кругом в январе 2001 года [36].

⁷ В XXI этот интервал времени, по-видимому, вырос до 25 лет. Не случайны современные ограничения в объявлениях при приеме на работу: не моложе 20, не старше 45 лет

Профессор Тауфик Ибрагим - специалист по исламской философии и арабист. Главной чертой Т. Ибрагима (псевдоним Т. Саллюм) является синтез исламской образованности с западным критическим методом. Его кандидатская (1978) и докторская (1984) диссертации, свидетельствуют о нем не только как о крупнейшем специалисте по богословской мысли ислама, но и как об исследователе, сумевшем критически пересмотреть стереотипные представления о культурном наследии арабского мира: например, подвергнуть обоснованной критике теории об «атомарном», «дискретном» характере мышления носителей арабо-мусульманской культуры и показать роль мутакаллимов-атомистов не только в консервации наследия античной атомистики, но и в выдвижении ряда новых идей в этой области знания.

Основу книги Тауфика Ибрагима «На пути к коранической толерантности» [5] составляет цикл статей «Вперед, к кораническому исламу!» [4], раскрывающий толерантные и гуманистические принципы мусульманского Священного Писания. Первоначальные версии статей появлялись как в научно-академических, так и в просветительно-публицистических изданиях, включая собственно религиозные, -- в журнале «Минарет», газетах «Ислам минбаре» и «Медина аль-Ислам». Для широкого обсуждения статьи помещены на сайте Центра арабских и исламских исследований (www.islamica.ru).

Вслед за мусульманским богословом Рашидом Бензин (Benzine), живущим во Франции, Ибрагим призвал мусульман «покончить с цитированием Корана и начать читать его»[36]. Он предлагает взять принцип методологического сомнения Рене Декарта, который лег в основу европейской мысли Нового времени. Ведь Декарт читал латинские переводы книг мусульманского философа и теолога XI–XII веков аль-Газали и собственной рукой отмечал те места, которые взял для своей концепции⁸.

Коран - это обычно солидный том, включающий более 500 страниц текста на арабском языке. Почти таков же объем его перевода на восточные и западные языки. В нем 114 разделов, или глав, разной длины, каждая из которых называется сура. Слово «сура» по-арабски означает шеренга или ряд, например, ряд камней в кладке здания. В Коране сура также обозначает часть книги или отдельное поучение.

Коран известен людям как «откровения» (21:46; 53:4), ниспосланные Аллахом своему последнему посланнику и пророку Муххамеду (иначе – Мухаммаду, Мохаммеду, Магомеду, Магомету) при посредстве ангела, названного «духом святым», «духом верным» (16:104; 26:193, 194) по имени Джабраил (здесь и далее первая цифра указывает суру, а вторая - аят Корана).. Судя по более поздним данным «откровения» Аллаха передавались пророку примерно в 610–612 годах н.э. Многочисленные рассказы и истолкования их чудесного ниспослания пророку содержатся в позднейших мусульманских преданиях (хадис, Сунна, хабар, ахбар) и в комментариях, толкованиях Корана – хадисах.

В 2012 году исполнилось 225 лет со дня издания первого в России печатного наборного Корана. Впоследствии сложился даже такой феномен как Коран казанского издания -- «Казан басмасы». Всего же в течение XIX века Коран в столице Татарстана издавался 21 раз. В ознаменование этой даты Духовное управление мусульман РТ приняло решение объявить 2012 год Годом Корана [2].

В исследовании постоянно звучит воззвание Тауфика Ибрагима «освободить кораническое учение от тех средневековых наслоений и толкований, которые существенно затмили подлинный гуманизм Священного Писания и которые продолжают оставаться живучими и сегодня».

Коранический ислам в трактовке Тауфика Ибрагима подразумевает: коранический монизм, преодолевший плюрализм; преодоление «конфессионального эксклюзивизма» и утверждение всеединства.

* * *

Концепция социоестественной истории (СЕИ) убедительно проясняет возникшее в 1990-х годах «второе возрождение» российского ислама. Применение научных рекомендаций к пониманию социальной самоорганизации процессов уммастроительства на платформе коранического ислама позволит минимизировать издержки радикалистской конфессиональной самоидентификации российских мусульман и снизить уровень исламофобии в России.

Список литературы

1. Астафьев А. К. Общие проблемы самоорганизации и глобальный эволюционизм / Самоорганизация в природе и обществе. Тезисы докладов и сообщений. - Л.: Наука, 1988. С. 3.
2. ДУМ РТ объявило 2012 год в Татарстане Годом Корана. Электронный ресурс <http://info.tatcenter.ru/article/110635/> (дата обращения 11.07. 2012)
3. Заключительное слово на встрече с муфтиями и руководителями регионов Северного Кавказа [Электронный ресурс] URL <http://www.mk.ru/politics/publications/341868.html> (дата обращения 28.08. 2009)
4. Ибрагим Т. К. Вперед, к кораническому исламу (Цикл статей) // Восток (Oriens), 2006, № 3. С. 58-70, № 4. С. 70-83, № 5. С. 48-62, № 6. С. 42-55; 2007, № 3. С. 20-37.
5. Ибрагим, Тауфик. На пути к коранической толерантности. – Н. Новгород: Издательский дом «Медина», 2007. – 288 с.
6. Исаев, Даниял. Будущее мусульманской России. [Электронный ресурс]. - URL <http://www.islamnasledie.ru/analitika/buduschee-musulmanskoj-rossii> (дата обращения 08.05. 2014)
7. Ислам на Урале: энциклопедический словарь / Коллект. автор. Сост. А. Н. Старостин. Отв. ред. Д. З. Хайретдинов. – М.: Изд. Дом «Медина», 2009. – 476 с.

⁸ Эта книга сохранилась в архиве Декарта в Национальной библиотеке в Париже.

8. Исахов Р. Л. Рождение исламской журналистики в России: объективные предпосылки и субъективный фактор // Мат. II науч.-практич. конф. «Расулевские чтения: ислам в истории и современной жизни России», посвященную 180-летию со дня рождения изв. исламского религ. деят. и просветителя Зайнуллы Расулева – Челябинск, 2013;
9. Исахов Р. Л. Апля Маметов – первый татарский журналист // Саф чишма. 2011, № 1 (102), январь [Электронный документ]. - URL <http://tatory-urala.ru/novosti-kongressa/aplya-mametov—perviy-tatarskiy-zhurnalist> (дата обращения 29.01. 2011);
10. Исахов Р. Л. Всемирная исламская декларация прав человека в конституционном поле Российской Федерации // Человек в системе коммуникаций. Мат. науч.-практич. конф. по региональной культуре 6 – 8 июня 2006 года. - Нижний Новгород: НГЛУ, 2006;
11. Исахов Р. Л. Громкое эхо живого Ислама. К 295-летию перевода Корана в России // Саф чишма. 2011, № 2 (103), февраль С. 5-6. [Электронный ресурс]. - URL <http://tatory-urala.ru/novosti-kongressa/gromkoe-echo-zhivogo-islama> (дата обращения 22.02. 2011);
12. Исахов Р. Л. Журналистика как общественное служение в исламской концепции миропорядка // Религии Поволжья: проблемы социального служения: Сб. материалов конференции. – Нижний Новгород: [не ук.], 2009. С. 91–94;
13. Исахов Р. Л. Исламская концепция миропорядка и тюркская печать Урала // Литература Урала. Национальные образы мира в региональной проекции: мат. Пятой Всерос. науч. конф. Екатеринбург, 8–9 октября 2009 г. - Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2010. С. 172-180;
14. Исахов Р. Л. Исламские средства массовой информации в России XXI века // Журналистика в 2010 году: СМИ в публичной сфере. Сборник материалов Международной научно-практической конференция. – Москва: факультет журналистики МГУ; Изд-во Моск. ун-та, 2011. С. 253;
15. Исахов Р. Л. Медресе исламской журналистики // Религии России: проблемы социального служения. Сборник материалов конференции. – М.-Н.Новгород: ИД «Медина», 2011. С. 498–507;
16. Исахов Р. Л. Мусульманская печать и права человека // Просветительские традиции ислама в Урало-Поволжье: Первые Фахретдиновские чтения: Сб. материалов Всеросс. науч.-практ. конф. / под ред. Р. М. Асадуллина. – Нижний Новгород: ИД «Медина», 2009, С. 51–53;
17. Исахов Р. Л. Мусульманское медресе журналистики // Мусульмане России: наука и образование. Мат. I Всероссийской науч.-практич. конф. 10 ноября 2010 г.. – Екатеринбург. 2010;
18. Исахов Р. Л. Опыт восточной печати и подготовка современных журналистов (к вопросу о методологии обучения). // Восток в исторических судьбах народов России. Книга 3. Материалы V Всероссийский съезд востоковедов 26–27 сентября 2006 года. – Уфа: Вилли Окслер, 2006, с. 196 – 199;
19. Исахов Р. Л. Оренбургское магометанское духовное собрание и печать мусульманской России // Оренбургское магометанское духовное собрание и духовное развитие татарского народа в последней четверти XVIII – начале XX вв.: Мат. одноименного науч. семинара, посвященного 220-летию учреждения религиозного управления мусульман внутренней России и Сибири (Казань, 18 декабря 2009 г.). - Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. С. 68;
20. Исахов Р. Л. Периодическая печать мусульманской России // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры, 2012, № 4 (107). С. 36-46;
21. Исахов Р. Л. Помни имя свое... К 50-летию политической реабилитации Хуснуллы Ижбулатова (1897-1938) // Благоварские вести (с. Языково РБ), 2013, 21 ноября, № 132 (9211). С. 2-3.
22. Исахов Р. Л. Права человека: конституционное пространство России в исламской концепции миропорядка. // Роль дореволюционных учебных заведений в просветительстве народа: Мат. межрегиональной науч.-практич. конф., посвящ. 100-летию медресе «Галия». 31 октября 2006 года. – Уфа: Российский исламский ун-т, 2006. С. 22-26;
23. Исахов Р. Л. Проект Итогового документа Всероссийского мусульманского совещания : [Электронный ресурс]. - URL <http://tatory-urala.ru/novosti-kongressa/proekt-itogovogo-dokumenta-vserossiyskogo-musulmanskogo-soveschaniya> (дата обращения 29.03. 2011);
24. Исахов Р. Л. Становление российской Уммы: медийное измерение // Мат. Международная науч.-практич. конф. «Двенадцатый год в столетиях: общественная журналистика, словесность и культура» - Пенза: ПГПУ им. В. Г. Белинского, 2012;
25. Исахов Р. Л. Татарская книжная культура: современный взгляд. Круглый стол, посвященный 290-летию первой печатной татарской книги в России // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки, 2013, № 2 С. 224-230.
26. Исахов Р. Л. Шура (Исламский совет) как инструмент единства уральской Уммы // I областная конференция местных религиозных организаций Свердловской области (Совет муфтиев России, Казыятское управление мусульман Свердловской области, Екатеринбург, 2013, 5 августа);
27. Исахов Р.Л. Социальная самоорганизация // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований: Материалы IX Всероссийской научной конференции: в 2-х т. Т. 1. -- Пермь: Изд-во Пермск. гос. технич. ун-та, 2008, с. 51-53.
28. Кульпин Э. С. Общественное бессознательное и системы основных ценностей // Природа и общество: общее и особенное. Серия «Социоестественная ис-

- тория. Генезис кризисов природы и общества в России». Под ред. Кульпина-Губайдуллина Э. С. Со-редактор Борисова Е.А. Вып. XXXV. М.: ИАЦ-Энергия, 2011. С. 29. [Электронный ресурс]. - URL [http://www.isras.ru/files/File/Publication/Sbornik_Kulpin_2011\(1\).pdf](http://www.isras.ru/files/File/Publication/Sbornik_Kulpin_2011(1).pdf)
29. Кульпин Э. С. Социоестественная история: понятия и проблемы. Автореф. дисс. в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора философских наук. М., 1992.
30. Кульпин Э. С. Феномен России в системе координат социоестественной истории / Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. [Электронный ресурс] <http://old.russ.ru/antolog/inoe/kulpin.htm> (Дата обращения 31.12. 2011) Разумеется, какие-то пограничные этнические группы в России можно отнести к иным суперэтносам, к разным цивилизациям.
31. Миронова Н. И. Социальная динамика: метаморфозы самоорганизации и управления. -- Челябинск: ОАО Челябинский Дом печати, 2005. С. 12
32. Мухаметов, Ринат (Абдулла). Уммастроительство в России: от слов к делу [Электронный ресурс] URL http://www.muslimblog.ru/news/ummastroitelstvo_v_rossii_ot_slov_k_delu (дата обращения 30.06. 2012)
33. Мухетдинов Д. В., Хабутдинов А. Ю. Ислам в России в XVIII — начале XXI вв.: модернизация и традиции. — Нижний Новгород: Издательство ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2011. — 282 с.
34. Пространственно-временной континуум // Эйнштейн А., Инфельд Л. Эволюция физики [Электронный ресурс] URL http://alexandr4784.narod.ru/ei_39.htm (дата обращения 21.07. 2012)
35. Стенографический отчет о встрече с духовными лидерами мусульман России [Электронный ресурс]. — URL <http://www.kremlin.ru/transcripts/4802> (дата обращения 11.07. 2012)
36. Творческий союз цивилизаций: Декартово сомнение имеет исламские корни //НГ-Религия. 2001, 17 января (Беседовал Павел Круг).
37. Философский словарь / Под ред. И. Т. Фролова. - М.: Политиздат, 1983. С. 591

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОНЯТИЯ «РЕЛИГИОЗНАЯ МИФОЛОГИЯ» ONTOLOGICAL BASIS OF THE NOTION OF «RELIGION MYTHOLOGY»

Иванова Евгения Владимировна

доктор философских наук, доцент, Уральский федеральный университет имени Первого президента России Б.Н.Ельцина, г.Екатеринбург.

Ivanova Evgenia, Doctor of Science, assistant professor of Ural Federal University named after the B. N. Yeltsin, Ekaterinburg
АННОТАЦИЯ

Статья посвящена раскрытию содержания понятия «религиозная мифология». Это понятие часто используется в современном религиоведении, философии религии, культурологии. Чем данное понятие отличается от понятия «народная религиозность»? Можно ли это понятие использовать при анализе мировых религий? Эти вопросы являются предметом размышления автора статьи.

ABSTRACT

The article is concerned with revealing the scope of the notion of «religious mythology». This notion is often used in contemporary Religion studies, Philosophy of religion, Culturology. How does this notion differ from the notion of «folk religiosity»? Is it possible to use this notion to analyse world religions? These issues constitute the subject matter of the author's consideration.

Ключевые слова: миф, религия, религиозная мифология, сказка, вера, молодежная субкультура, культурный герой, мифологическое словообразование.

Key words: myth, religion, religious mythology, fairytale, faith, youth subculture, culture hero, mythological meaning-making.

«Религиозная мифология» - новое понятие, необходимость которого востребована современным религиоведением, культурологией, философией религии и другими науками, в поле зрения которых попадает взаимодействие мифа и религии. Данное понятие и его структурные элементы уточняются, дополняются в современном отечественном религиоведении. Например, И.Н.Яблоков считает, что в современной философии мифа можно выделить «синкретичную архаическую, религиозную, «научную», политическую, художественно-литературную, быденную и социальную мифологии». [Я, с.91] Однако, утверждение, что архаический религиозный миф и развитый религиозный миф отличаются друг от друга, не выявляет содержательные единицы данного понятия. Кроме

понятия «религиозная мифология», в современной литературе часто употребляются такие как «народная религиозность» и «религии вымышленных миров». Думается, что у них есть общее поле пересечения – миф и религия, взятые в различных аспектах анализа и понимания данных понятий. Среди множества течений и школ, дающих различные дефиниции мифа, определим, что миф в человеческой деятельности выступает универсальным знаковым комплексом, открывающим человеку смысл его жизни. [1, с.165] Кроме этого, миф является мировоззренческим способом выражения скрытых сверхчувственных реальностей через эмоционально значимые для человека знаковые комплексы, обладающие повседневной эмпириче-

ской наглядностью. Зародившись в определенный период истории человечества, и существуя вместе с ним на протяжении истории культуры, миф не утрачивает своей значимости, а приобретает ее вновь, наполняя новым мировоззренческим смыслом и значением, является не «отжившим», а реально существующим и функционируемым в сфере сознания человека в различных сферах, в том числе и в религии. При всем множестве определений религии за исходное методологическое определение возьмем данное Д.В.Пивоваровым: «Религия – поиск и установление сакральных связей, обеспечивающих индивиду и (или) социальным группам потребную целостность»; [3, с.45] «религия – это субъективно переживаемая человеком связь с Абсолютом» [3, с.68]. Специфика религии раскрывается через систему сакрализации. Система сакрализации пронизана мифологической нарративом, т.к. без объяснения, почему необходимо совершать то или иное обрядовое действие, идентифицироваться с религиозным героем религиозное не будет функционировать. Сущностью ритуала является язык мифа. С.А.Токарев в своих работах также употребляет понятие «религиозный миф»: «Когда миф является объяснением, осмыслением, обоснованием религиозного обряда – «культовый миф» – он сам становится религиозным».[4, с.531] Но в дальнейшем в религиозных исследованиях это понятие игнорируется, и обсуждается триада – «миф» – «ритуал» – «религия» как самостоятельные понятия.

Обобщая все вышесказанное, сделаем вывод о том, что религия – это некий мировоззренческий каркас, зафиксированный сакральными текстами (в каждой религии своими), а миф – его эмоциональное содержание. Религия предписывает, задает идеалы поведения, а миф эмоционально и наглядно объясняет, почему так необходимо делать. Поэтому вполне логично существование такой категории, как «религиозная мифология», которая бы соединяла два связанных между собой феномена духовной культуры в единое целое. Само понятие «религиозная мифология» можно определить, как повествование, жестко структурированное, но наполненное ярким эмоциональным содержанием, объясняющее жизненно важные положения религиозного культа. Знание этого текста позволяет структурировать поведение в ритуале, претендует на эзотеричность (т.е. принадлежность к определенной сакральной группе, объясняет непонятное и позволяет идентифицироваться с образцом (культурным героем)).

Перечислим основные характеристики религиозного мифа. 1.Религиозный миф позволяет упростить реальность и существующее в ней множество противоречий свести к простейшей формуле борьбы Добра со Злом. К примеру, религиозный миф о ведьмах средневековья. Все зло мира – от женщин, называемых ведьмами, для того, чтобы уничтожить это зло, необходимо просто выявлять носителей зла и уничтожать их физически. В таком случае нарративное содержание мифологического сообщения становится близкой и понятной каждому человеку, разделяющему данную точку зрения. Реализуемая через повседневное поведение человека, через поступки, ритуальную деятельность, стереотипы мышления, религиозная мифология превращается в народную религиозность. 2.Религиозный миф избавляет людей от страха перед реальностью, ориентирует не на сегодняшнее настоящее, а на будущее улучшение. При этом улучшение наступает

либо путем ритуального возвращения к первоосновам (М.Элиаде), либо ритуальными действиями подготовки к будущему (новые неокульты). В любом случае в поведении человека присутствует «эскапизм» – бегство от действительности и уход в «иную реальность». 3.В отличие от архаики для современного человека мифологическое видение мира далеко не универсально, однако в условиях современной социальной повседневности обращенность к мифическому становится особо востребованной. Чем сложнее ситуация личного бытия, тем острее может быть ощущение исчерпаемости индивидуальных возможностей и страх перед погружением в неподвластную человеку стихию действительности. Мифотворчество способствует освобождению современного человека от его страхов, от боязни хаоса, реализует его стремление к совершенству, его утопические чаяния, простота и схематизм мифа обеспечивают ясность, предсказуемость, психологический комфорт. 4.Иррациональность религиозного мифа. Его средой обитания являются человеческие эмоции и чувства. Без эмоций нет сопереживания культурному герою или религиозному лидеру, идентификации с ним. Поэтому религиозный миф имеет собственную драматургию, он увлекателен, динамичен, образен. 5.«Разволшебствование» мира, рационализация, научный прогресс объясняют человеку то, что раньше выполняло мифическое сознание, и отголоски и архетипы этого мифического продолжают жить в массовом сознании, иногда принимая формы иллюзий, внешней, мифической религиозности, что наблюдается в нашем веке. Однако человеку очень хочется верить в чудесное, в сказку, и является еще один аспект религиозной мифологии – жанр «фэнтези». Именно этот жанр составляет основу «религий вымышленных миров».

Поэтому можно смело заявить, что одним из элементов содержания понятия «религиозная мифология» в современности является «религиозное фэнтези». Классические проявления такого типа являются «Хроники Нарнии» К.С.Льюиса и «Властелин колец» Дж. Р. Р. Толкиена. Общая цель создания этих фэнтезийных миров – через христианские символы создать новый мир, понятный ребенку, а также неверующему или ищущему, независимо от его возраста. Однако созданные фэнтезийные миры этих авторов, растиражированные мифологией СМИ, существуют независимо от желания создателей, составляя онтологическое поле многих молодежных субкультур. Чем оно характеризуется? Во-первых, привлекательностью главных героев (здесь работает мифологема Героя) и подражательностью им. В массовой культуре подражание становится ключевым механизмом воздействия на человека. Поэтому от подростков, молодых людей (и не только от них) можно услышать, что они ведут происхождение от «эльфов», «гномов», «орков» и т.д. В эффекте подражания главное – внешность, яркость образа, однако забывается глубина образа, его внутреннее значение. За поверхностностью сюжета (что особенно важно сказать про экранизацию произведений Дж.Р.Р.Толкиена и К.С.Льюиса) теряется главное содержание – интерес к идеям христианства. Но, посмотрев фильм, избалованный зритель вряд ли превратится в читателя и возьмет лишь яркую оболочку героя. Во-вторых, в подражании Герою создается временный выход в новое пространство, сконструированное по аналогии с пространством фэнтези. Это пространство носит игровой характер, возникают ролевые

игры как процессы, в ходе которых игроки разыгрывают определенные ситуации, сконструированные по аналогии с пространством фэнтези. В игре исключается «субъект-объектная» дистанция между игроком и героем, они сливаются в едином образе. Происходит инверсия. Игрок, вначале убегающий от этого мира, через участие в ролевой игре получает веру в возможность преодоления «любых границ», что в дальнейшем способствует отказу от эскапизма и обретению уверенности в действительности. Дж.Р.Р. Толкиен видел в явлении эскапизма глубокий этико-философский смысл: «Поражённые недугом современности, мы остро ощущаем и уродство наших творений, и то, что они служат злу. А это вызывает желание бежать – не от жизни, а от современности... Осуществить Великое Бегство от реальности, значит, от смерти» [5, с.36]. Удовлетворение этого желания, пусть даже в воображении, является одним из путей приобретения человеком душевного равновесия. Ведь добро всегда побеждает, как в волшебной сказке, так и в мире фэнтези. Поэтому-то фэнтезийный мир в ряде случаев становится заменой реальности.

Любое повествование, и особенно религиозная мифология как особое пространство текста, наполненного смысложизненными локусами, имеет свою структуру. Базовыми единицами онтологического содержания этого понятия можно назвать мифемы (мифологемы), состоящие из триад, диад и монад. Одной из мифем (мифологем) является мифема культурного героя. Эта мифема является сквозной, т.е. ее существование можно зафиксировать и в народной религиозности как подражание лидеру («мастеру», «знахарю» и пр.), и в «религиях вымышленных миров» (идентификация с культурным героем, возможно даже inferнального мира). В современной религиозной мифологии существуют различные культурные герои. В кинематографе и художественной литературе в стиле фэнтези в эпоху постмодерна большое внимание уделяется inferнальным героям – вампирам, ведьмам, оборотням, зомби, колдунам и др. При этом интересно отметить, что «нет героя в своем Отечестве» – эти inferнальные герои культивируются вестернизацией и американизацией, а русские Баба-Яга, Кощей Бессмертный и другие сказочные герои так и остаются архаическим наследием язычества Древней Руси и никак не являются образцами для героизации в современных СМИ. Интересно заметить, что inferнальные герои не являются отрицательными, отвратительными и отталкивающими. Наоборот, в результате инверсии как одного из приемов современного религиозного мифотворчества они стали привлекательными образцами для подражания и обожания у большого количества поклонников и поклонниц, фанатов художественных фильмов и сериалов, а также читателей и читательниц романов, которые легли в основу кинематографических сюжетов. Кроме того, биполярность отношения к этим героям выражается в большом количестве литературы по «вампириологии» и «вампиромании», «ликанофобии» и «ликаномании», «ведьмонологии» и пр. Причинами инверсии, на наш взгляд, являются: 1. Секулярная культура. В секулярном мире и верят, и не верят в существование сверхъестественных существ. Героям дается возможность жить самостоятельной жизнью вместе с людьми и пытаться гармонично с ними ужиться; герои не дискутируют на религиозные темы спасения их

души после смерти тела или того, что их ожидает после того, как их уничтожат, что весьма затруднительно, но возможно. 2.Феминизация. Изменение прав и свобод женщин позволяет им более активно выражать свои чувства, искать и бороться за свою любовь, даже, если любимый – «не такой, как все люди». 3.Разволшебствование мира. Поэтому inferнальный герой – сосед по дому, друг, школьный учитель, студент колледжа. 4.Массовая культура, которая строится на «пирамиде тезауруса потребностей». Сторонники тезаурусного подхода в психологии предлагают семь ступеней такой пирамиды. Каждая ступенька – это решение какой-либо фундаментальной проблемы, с которой человек сталкивается в течение своей жизни. По степени распространенности выделяются: а) проблема выживания (касается всех в первую очередь как биосоциальная проблема); б) проблема распространения (рождение детей, создание семьи, материальное и социальное благосостояние); в) проблема власти (иерархия социальных слоев, неравенство); г) проблемы коммуникации на уровне чувств (любви, дружбы, построения диалоговых отношений сотрудничества, заботы и пр.). Четыре базовых уровня и составляют основу массовой культуры потребления. Пятый, шестой и седьмой носят первоочередный характер лишь для немногих – это построение отношений на основе письма, высказывания; проблема теоретического осмысления действительности – поиски смысла жизни и т.д.; проблема веры, интуиции, идеала. Решение всех тезаурусных проблем и предлагается в inferнальной религиозной мифологии, что и делает ее героев привлекательными для зрителей и читателей.

Выскажем еще одно предположение о структурном элементе религиозной мифологии – это волшебная сказка, и, следовательно, герой современной волшебной сказки. Автор статьи ранее рассматривала гипотезу общности волшебной сказки и мифа. [2, с.175] Герой волшебной сказки кардинально отличается от inferнального героя религиозного фэнтези. В волшебных сказках существуют различные типы героев: дурачок, трикстер, сильный человек, волшебник, принцы и принцессы. Сам сказочный герой часто не является самодостаточным, он нуждается в помощнике, советнике, указывающему ему путь к преобразованию. Однако традиционный сказочный герой действует в узко-специфических социальных рамках – семейных и индивидуальных. Тем не менее, исследователи ритуалистического направления сказок считают, что в тексте волшебной сказки заложены зашифрованные ритуальные действия. Таким образом, выявляется, что некоторыми онтологическими основаниями религиозной мифологии являются религиозное фэнтези и волшебные сказки, ядром которых является культурный герой.

Литература

1. Иванова Е.В., Фархитдинова О.М. Внеконфессиональная религиозность – Екатеринбург, 2013.
2. Иванова Е.В. Она в присутствии любви и смерти. – Екатеринбург, 2007.
3. Пивоваров Д.В. Культура и религия: сакрализация базовых идеалов. Екатеринбург, 2013.
4. Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1990.
5. Толкиен Д.Р. О волшебных сказках // Утопия и утопическое мышление. М., 1994.

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Наместникова Ирина Викторовна

доктор философских наук, профессор, Московский государственный областной университет, г. Москва

SOCIAL WORK IN THE SYSTEM OF THE SCIENTIFIC KNOWLEDGE

Namestnikova Irina, Doctor of Philosophy, Professor of Moscow State Regional University, Moscow

АННОТАЦИЯ

Для социальной работы актуальны связи практически со всеми областями общественного научного знания, что позволяет рассматривать ее как интегративную (междисциплинарную) область познания. В статье анализируется динамика познавательного процесса в социальной работе, которая характеризуется взаимодействием различных типов знаний, теорий, и обеспечивает существенные предпосылки для профессионального роста социального работника, способствуя пониманию многоуровневых и сложных ситуаций на практике.

ABSTRACT

There is a relevant connection between Social Work and virtually all areas of social scientific knowledge that allows us to consider it as an integrative (interdisciplinary) field of knowledge. This article analyzes the dynamics of the cognitive process in social work which is characterized by the interaction of different types of knowledge, theories, and provides essential prerequisites for the professional growth of a social worker, contributing to the understanding of multi-level and complex situations in practice.

Ключевые слова: социальная работа; научное знание; теория; практика.

Keywords: social work; scientific knowledge; theory; practice.

Социальная работа как профессиональная деятельность базируется на специфической для нее системе междисциплинарных знаний как теоретического, так и практического характера. Взаимодействие социальной работы с другими науками характеризует ее как интегративную область познания. В ходе становления и развития социальной работы, как сферы научного знания, ее теоретические концепты, модели практики опирались на основополагающие идеи и методы исследования социально-гуманитарных наук. Они раздвинули границы базовых знаний социальной работы, создали специфический познавательный контекст, дающий возможность социальным работникам исследовать и осмысливать факты и явления в их связи с внутренней и внешней ситуацией клиента.

По мнению Я. Фука, «знание, используемое в социальной работе и являющееся его формирующим фактором, следует воспринимать с известной долей критики. В конечном итоге необходимо задаться следующими вопросами:

- Для кого и под каким углом зрения знание вырабатывается и собирается?
- Кто его формирует?
- Каким образом, и с какими целями знание используется?
- Какая складывается картина о социальных проблемах или желаемом образе жизни?» [2, с. 52].

Финские исследователи считают, что в социальной работе знание обладает двойной функцией: при формировании теоретического знания речь идет о знании как таковом — о понимании явления как цели. В свою очередь, при формировании практической деятельности речь идет о знании как об инструменте деятельности [1, с. 58].

Следует отметить, что в социальной работе различные виды знания формируют основу для профессио-

нального знания. Весомыми источниками знания выступают ценности и профессиональная этика, поскольку они направляют практическую деятельность, являясь нормативной базой для профессионального сообщества социальных работников. Аналитические области знания можно разделить, но на практике различные виды знания пересекаются друг с другом, образуя диалоговую систему.

Европейские исследователи социальной работы предлагают следующую классификацию областей знаний, присущих именно профессиональному типу социальной деятельности:

Теоретическое знание формируется на основе понятий, концептов и парадигм, которые организуют явления и делают возможным описание, объяснение, прогноз и контроль над окружающей социального работника средой. Теоретическое знание основано на исследовании.

Эмпирическое знание основывается на исследованиях, в рамках которых знание собирается и обследуется в системе. Его цель — документирование, описание опыта, объяснение явлений, предположения относительно предстоящих событий, оценка результатов — традиционные задачи, стоящие перед научным знанием.

Процедурное знание является знанием о функционирующем и подчиненном законам окружении, внутри которого проводится социальная работа. Процедурное знание носит общий характер, хотя оно и может быть связано к конкретному контексту.

Персональное знание — это спонтанный процесс, выполняемый социальным работником сознательно, но без анализа деятельности. В его основе лежит индивидуальное обыденное мышление. Персональное знание является в значительной степени *интуитивным*, оно связано с индивидуальным обыденным видением вещей, это так называемое «неявное знание», которое сложно перевести в знание формальное.

Практическая мудрость формируется непосредственно в ходе деятельности социального работника. По мнению Ф. Ремера, «мудрость — это понимание того, что является важным» [3, 15]. Исходя из этого, мудрость можно понимать, как способность выявлять в деятельности присущие ей существенные детали. Практическая мудрость дает возможность отделить существенные моменты от несущественных, что важно для принятия профессионального решения. Конечно, отделение одного от другого не всегда протекает гладко, да и не только при участии практической мудрости. Обновление основанного на опыте знания предполагает, что социальный работник обладает готовностью критически и системно рассмотреть полученное в практической деятельности знание.

В социальной работе важно сосредоточить внимание на знании, накопленном благодаря практической деятельности. Как отмечает Я. Фук, «практическое или им-

плицитное знание составляет большую часть используемого социальным работником знания. Имплицитный характер практического знания соотносится с практической мудростью, когда информация, собранная в ходе продолжительной работы с множеством отдельных случаев, переносится социальным работником от одной проблемы к другой. Однако, значительная часть практической мудрости остается недокументированным индивидуальным знанием. Поэтому социальный работник обязан придавать практике форму теоретического знания всеми доступными способами» [2, 31]. Складывающаяся картина взаимодействия различных форм знания представлена на рис. 1.

Таким образом, социальной работе присуща связь теории с практической деятельностью. Посредством теории осуществляется понимание многообразия мира и явлений, а также реализации практики социальной работы.

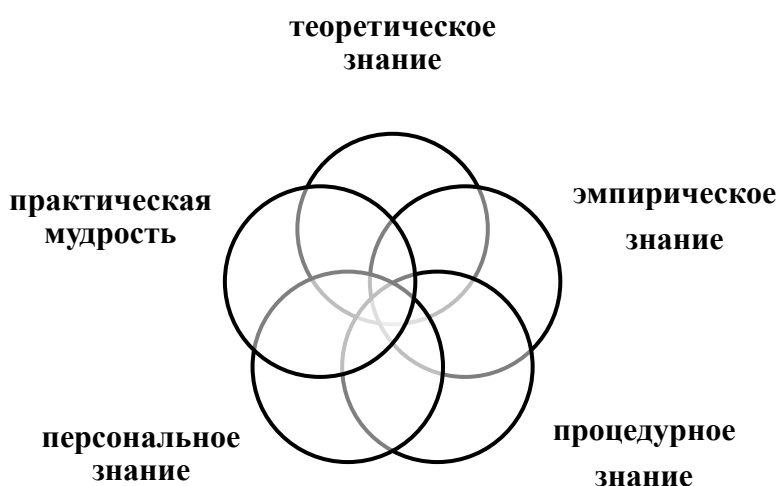

Рисунок 1. Взаимодействие различных форм знания

Важнейшей характеристикой теории в социальной работе является то, что она не только описывает объект, но как бы поднимается над описанием и включает в себя объяснения причин возникновения и развития того или иного феномена. Поэтому через теорию становится возможным познать практику. Теория несет в себе определенную практическую пользу, поскольку она обладает предсказательной и прогностической силой, которая помогает в процессе принятия решений. Рассматривая эту функцию теории, Б. Шелдон подчеркнул, что «с психологической точки зрения невозможно представить себе отсутствие теорий, объясняющих мир. Это невозможно на базовом уровне чувственного познания (восприятие), на когнитивном и на эмоциональном уровне. Поиск смыслов, как основ для прогнозирования успешного поведения и избегания опасности, вплетено в наше сознание благодаря эволюции» [4, 8].

Можно утверждать, что понятийные границы «теории» в рамках социальной работы пока еще четко не определены. С методологической точки зрения любая теория должна стремиться к максимальной полноте и адекватности описания, целостности и выводимости

своих положений друг из друга, к внутренней непротиворечивости. Однако дискуссии о теории в рамках социальной работы показывают, что произошло смещение акцента методологической рефлексии с проблем внутренней организации теоретического знания на проблемы включения теорий в систему практики социальной работы и в систему культуры в целом.

Данные дискуссии затрагивают область взаимопересечения трех подходов в социальной работе — критического, гуманистического и либерального, каждый из которых представляет группу теорий, отличающихся различным взглядом на природу человека.

Критические теории отстаивают важность структурных преобразований в рамках социальной политики, поэтому их направленность на достижение социальных изменений не вызывает сомнений. В критических теориях содержится больше возможностей для выбора целей и моделей практики, предполагающих совместную работу специалиста и клиента.

Для *либеральных теорий* характерно развитие социальных практик, соответствующих существующему социальному порядку, и их постепенное реформирование.

В *гуманистических теориях* утверждается, что в центре практики социальной работы должны находиться индивиды, способные к саморазвитию и изменению. В результате содержание термина «теория» максимально расширяется до обсуждения теоретической компоненты и способов ее оформления в познавательной практике социальной работы.

Данный процесс, характерный для становления социальной работы как сферы научного знания, является лишь частичным отражением развития науки в целом, где происходит поиск исследовательских стратегий, применяемых определенными научными сообществами для закрепления своего доминирующего положения или для достижения такового в той или иной дисциплинарной области.

По мнению Р. Сайбеон, в социальной работе наличествуют *формальные* и *неформальные теории*. Первые разрабатываются и представляются в письменном виде, публично обсуждаются в профессиональном сообществе, а также в научных кругах. Вторые же представляют собой знания, принятые и используемые социальными работниками индивидуально [5, 27]. Такие теории рождаются индуктивно, путем обобщения частных случаев, на основе опыта и не фиксируются в документах. Они также влияют на деятельность социальных работников («неявное знание»). Неформальное знание и формальные теории могут успешно объединяться в процессе формирования знания. Таким образом, основой социальной работы могут быть неформальное знание социального работника и формальная теория.

Наряду с неформальной и формальной теориями отечественные и зарубежные исследователи выделяют целый ряд других теорий:

- теории, заимствованные из других дисциплин, отдельные из которых представлены на «высоком абстрактном уровне» [6, 21] и в результате очень сложны для применения в современной практике социальной работы;
- теории, анализирующие цели и задачи социальной работы (теории предметной сущности социальной работы);
- теории практической деятельности или практические подходы;
- теории мира клиента [7, 25].

Если реструктурировать процесс отношения формальной теории и практики, то можно выявить различную степень значимости теории для практической деятельности социальной работы. Теорию можно ориентировать на деятельность социального работника как на общем, так и на конкретном уровне. То, как теория соотносится с практической деятельностью, позволяет говорить о теории как о перспективе, модели или объяснении. Детальная интерпретация данных терминов, предложенная М. Пэйном в

его фундаментальном труде «Социальная работа: современная теория», позволяет сделать следующие обобщения:

1. *Перспектива* отражает ценности и мировоззрения, позволяющие всем участникам деятельности дифференцировать свое мышление и осмысливать происходящее с определенной точки зрения. В качестве теоретической рамки перспектива содержит идею и вопрос о том, как следует осуществлять социальную работу. Использование различных перспектив позволяет увидеть ситуацию с различных позиций.

2. *Модель* показывает то, что происходит в практической социальной работе. В модели видны принципы деятельности. Именно они придают деятельности характер последовательности. Модели помогают социальным работникам структурировать подходы к сложным ситуациям. Важный вопрос заключается в том, являются ли такие модели универсальными, а значит транспортабельными из одной культуры в другую, из одной сферы в другую.

3. *Объясняющая теория* дает ответы на то, почему та или иная деятельность приводит к определенным результатам, кроме того она описывает ситуацию. Такая теория объясняет, что и отчего происходит, она способна обеспечить социальному работнику максимальное понимание механизмов наблюдаемого явления, демонстрируя также и причинно-следственные связи, влияющие на явление. Теория наилучшим образом служит основой практики в тех случаях, когда она включает в себя нормативный описательный и объясняющий элемент. Теория должна оказывать помощь в дифференциации встречающихся в процессе работы явлений, повышать степень их понимания и открывать новое видение профессиональной деятельности.

Литература

1. Пекхонен А. и Арола М. Часть теоретического знания в практической социальной деятельности и в процессе менторства // Сотрудничество ментора и актора по подготовке специалистов по социальной работе. – Петрозаводск: Verso, 2009.
2. Fook, J. Social Work: Critical Theory and Practice. London: Sage, 2002.
3. Reamer, F.G. The Philosophical Foundations of Social Work. New York: Columbia University Press, 1993.
4. Sheldon B. Cognitive- behavioral Therapy: Research, Practice and Philosophy. London : Routledge, 1995.
5. Sibeon, R. Comments on the structure and forms of social work knowledge //Social Work and Social Sciences Review 1 (1), 1990.
6. Stepny P. The Theory to practice debate revisited, in P. Stepny and D. Ford (edt) Social Work Models, Methods and Theories. Lyme Regis : Russell House, 2000.
7. Trevithick P. Social Work Skills. A Practice Handbook. London : Open University Press, 2006.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ В КОНЦЕПЦИИ И.А.ИЛЬИНА КАК ПУТЬ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ ПОИСКА ИДЕОЛОГИИ В РОССИИ

Рябчикова Елена Павловна

канд.ф. наук, доцент Государственного бюджетного образовательного учреждения дополнительного профессионального образования «Нижегородский институт развития образования» (ГБОУ ДПО НИРО),
г.Нижний Новгород

PATRIOTIC EDUCATION IN THE CONCEPT OF I.ILYIN AS A SOLUTION TO THE PROBLEM OF IDEOLOGY SEARCH IN RUSSIA

Ryabchikova Elena P., Candidate of Philosophical Sciences (PhD), associate professor of State educational institution of additional professional education "Nizhny Novgorod Institute of Education development" (GBOU DPO NIRO), Nizhny Novgorod

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена использованию наследия русского философа И.А.Ильина для воспитания чувства патриотизма и национальной самоидентификации у подрастающего поколения в качестве идеологии России.

ABSTRACT

The article focuses on the heritage of the Russian philosopher Ivan Ilyin for fostering a sense of patriotism and national identification among the younger generation in the ideology of Russia.

Ключевые слова: патриотизм, национализм, родина, духовность, религиозность.

Keywords: patriotism, nationalism, homeland, spirituality, religiosity.

Социально-политические преобразования, которые происходят в России в конце XX начале XXI века, привели к резким изменениям в духовно-нравственной сфере жизни подрастающего поколения. Становление современной молодежи пришлось на годы реформ и период экономической, идеологической и духовно-нравственной ломки. Именно в это время были забыты такие важные понятия, как нравственность, гражданственность, патриотизм, духовность. В последнее время активно внедряется в умы подрастающего поколения мысль о том, что Россия никогда не имела ни великой культуры, ни собственной многовековой истории, ни своих национальных героев, а все лучшее, чем она сегодня располагает - приносится с Запада. События последнего времени подтверждают, что социальное расслоение общества, девальвация духовных ценностей оказали и продолжают оказывать негативное влияние на общественное сознание большинства социальных и возрастных групп населения страны. Стала все более заметной утрата нашим обществом традиционного российского патриотического сознания.

Проблема воспитания гражданина и патриота России всегда была в центре внимания отечественных ученых, педагогов, философов, богословов, государственных деятелей, общественности. На рубеже XVIII -XIX веков А.Н. Радищев отстаивал национальные интересы российского образования, актуализируя нравственный элемент в деле воспитания: «Всякий должен расти в своем Отечестве, и привыкать к его обычаям, образу жизни и правления»[2,с 58]. Государственные деятели министры народного просвещения А.С. Шишков (1754-1841) и С.С. Уваров (1786-1855) главной причиной всех бед российского образования начала XIX века считали отсутствие в нем национального духа и опоры на духовно-нравственные идеалы русского народа. Ими предложено было делать основной акцент в образовании на воспитание у молодежи чувства патриотизма, национальной гордости, преданности вла-

сти, а формула «Православие, Самодержавие, Народность» выдвигалась ими в качестве национальной идеи, сплачивающей вокруг себя все слои российского общества.

В середине XIX века К.Д. Ушинский, отстаивающий принцип народности в образовании считал, что бесполезно выдумывать и привносить в Россию извне инородную практику воспитания и образования, ибо «воспитание существует в русском народе столько же веков, сколько существует сам народ, и каждый народ имеет свой особенный идеал человека и требует от своего воспитания воспроизведения этого идеала в отдельных личностях» [3, с. 122].

Осмысливая пути развития отечественного образования на фоне анализа социальной жизни общества конца XIX — начала XX веков, В.Н. Сорока-Росинский (1882-1960) справедливо считал, что школе необходимо стать национальной, духовно близкой к своей родной земле и опыту поколений, способной продолжить и преумножить культурно-исторические традиции своего народа. Школе в России предстоит найти свой особенный путь, она не должна пойти ни за националистами, ни за космополитами и главенствующую роль в ее деятельности призвана сыграть великая русская культура, как общечеловеческое достояние, объединяющая многочисленные этносы Российской империи.

Развивая учение о мире ценностей, ведущие отечественные ученые Е.П. Белозерцев, А.Н. Выршиков, И.Ф. Исаев, Н.Д. Никандров, В.А. Сластенин, Е.Н. Шиянов и другие считают, что современное образование необходимо выстраивать в соответствии с базисными, национальными ценностями. За использование в современной педагогической практике религиозно-нравственного наследия выступают Б.С. Гершунский, С.Ю. Дивногоорцева, Г.А. Куманев, В.С. Леднев, Н.Д. Никандров, В.И. Слободчиков, М.Г. Тайчинов, В.Ю. Троицкий и другие.

Теория и практика патриотического воспитания в наследии русских ученых, философов конца XVIII - начала

XX веков представлена достаточно убедительно. В современном российском образовании проявляются тенденции к возвращению и переосмыслению философско-педагогических идей отечественных ученых, раскрывающих проблему гражданско-патриотического воспитания. Возведение российского патриотизма в ранг государственной идеологии осуществимы лишь при условии объединения усилий всех структур в выработке конструктивных решений в деле воспитания гражданина, патриота и обращения к духовно-нравственным традиционным ценностям русской культуры.

Наиболее активные поиски нравственных и моральных основ в деле воспитания российской молодежи в духе гражданственности и патриотизма велись И.А. Ильиным, В.В. Розановым, которые определили основные источники национальных ценностей образования и воспитания: религиозность, духовность, приверженность традициям семейного воспитания, патриотизм. Философско-педагогические идеи И.А. Ильина, связанные с проблемами воспитания патриотизма и национального самосознания, являются сегодня чрезвычайно актуальными в свете их перспективного использования и внедрения в российское образовательное пространство исторического опыта в качестве возможного основания для решения проблемы поиска общей идеологии: «Чтобы найти свою родину и слиться с нею чувством и волею, и жизнью, необходимо жить духом и беречь его в себе, ...необходимо осуществить в себе патриотическое самосознание или хотя бы верно «почувствовать» себя и свой народ в духе. Надо верно ощутить...духовную жизнь своего народа, и творчески утвердить себя в силах и средствах..., принять русский язык, русскую историю, русское государство, русскую песню, русское правосознание, русское историческое мирозерцание и т.д. — как свои собственные» [1, с. 163].

Обращение к традиционным отечественным источникам воспитания патриотизма, гражданственности и национального самосознания как ценности бытия является задачей государственной значимости. Патриотизм, по определению И.Ильина, - чувство любви к родине, уходящей своими корнями в глубину человеческого бессознательного, обретенное и пережитое каждым из людей самостоятельно. Патриотизм, «как состояние радостной любви и вдохновенного творчества, есть состояние духовное» и может возникнуть только в личном, подлинном духовном опыте с помощью мудрого, тактичного воспитателя, способного *пробудить*, но, ни в коем случае не навязать воспитаннику настоящий патриотизм. Но для этого он сам должен быть искренне убежденным патриотом и уметь продемонстрировать детям те глубины и красоту родины, которые заслуживают поклонения [1, с. 155].

Активно навязываемые сегодня российской системе образования стереотипы западной идеологии и соответствующие ей либерально-демократические идеи, предполагающие подавление в любом государствообразующем народе национального самосознания, и лишение, тем самым, его корней, веры предков, традиций, многовековой культуры, предавая забвению понятия греха, долга, чести, не способствуют развитию патриотических настроений в российском обществе. Подобные явления, по словам И.Ильина, происходили в течение 19-го

и 20 веков: «Современный мир все более пронизывается интернационалистическими организациями...Появились организации, которые поставили себе задачу «преодолеть» и «устранить» национальные языки и заменить их единым, искусственно выдуманным «синтетическим» языком («волапюк» и «эсперанто»). Ильин дает свою оценку этому факту: «Идея сделать всех людей одинаковыми во всех отношениях...- идея бредовая, больная, и потому не заслуживает серьезного опровержения. Культурный человек должен жить и трудиться оседло; и эта оседлость, с одной стороны, прикрепляет человека и отделяет его от далеко живущих, с другой стороны, заставляет его войти в организованные союзы местного характера. Силою инстинкта самосохранения, подobia, пространства, взаимной защиты, географических рубежей и оружия — люди объединяются в правовые, властвующие союзы и сживаются друг с другом; подобие родит единение, а долгое единение усиливает подобие»[1,с.137-138]. Инстинкт самосохранения, подobia, пространства, взаимной защиты, географических рубежей и оружия объединяет людей в правовые властвующие союзы и помогает сживаться друг с другом, а государственная власть закрепляет все это законами и общественной дисциплиной.

Первые проблески правосознания, «патриотического настроения» - подчеркивает философ, возникают в ситуации опасности, страха, беды, заставляя человека солидаризироваться со своими ближними. Патриотизм становится неизбежным, целесообразным и жизненно полезным, но не исчерпывающим себя инстинктивной и эмпирической необходимостью, так как существуют духовная и религиозная составляющие патриотизма — любовь к родине. Это любовь зрячая и оформляющая; это будет духовность таинственно - целесообразная и страстно-мудрая: это будет истинный патриотизм...[1, с.142]. Сходство в духовной жизни незаметно ведет к интенсивному общению и взаимодействию, - подчеркивает Ильин, что в свою очередь порождает новые творческие усилия, достижения, и новое уподобление. Патриотизм будет жить лишь в той душе, для которой есть на земле нечто священное, которая живым опытом (порой «иррациональным») и узнала его в святынях своего народа.

И.Ильин пишет, что патриотизм имеет религиозную основу, но это не означает, что сыны единой родины должны быть одного вероисповедания, хотя патриотическое единение будет, несомненно, более тесным там, где народ принадлежит к единой церкви. Религиозную основу патриотизма можно усмотреть еще у языческих народов, для которых гражданственный патриотизм был делом поклонения богам родного города. Юноши, вступающие в кадр граждан, клялись: «Буду оборонять святылища и священные обряды и почитать святыни моей родины». В патриотическом единении люди любят свой народ и его духовное своеобразие, верят в духовную силу и духовное творчество своего народа...[1, с.158].

Значение патриотизма в том, что человек лучше узнает свой народ, а «узнавая свое творчество в путях своего народа, а его пути в своем творчестве», - получает радостное, уверенное чувство, которое можно выразить словами: Я — как он, он — как я...

Нельзя любить родину и не верить в нее, так как родина, по словам Ильина – живая духовная сила, пребывание в которой дает ощущение блага, ее правоты, ее энергии и ее грядущих одолений. Отчаяние в судьбах своего народа свидетельствует о начавшемся отрыве от него, об угасании духовной любви к нему. Любить свой народ не значит закрывать глаза на его слабости и несовершенства. Национальная гордость не должна вырождаться в самомнение и манию величия. Настоящий патриот, зная о политических ошибках своего народа, недостатках его характера и культуры, исторических крушениях и неудачах хозяйства, не может гасить в народе чувство ответственности, или освобождаться от трезво-критического самопознания: путь к обновлению ведет через покаяние, очищение и самовоспитание.

И.А.Ильин настаивает: воспитание патриотизма нужно прививать людям с раннего детства, а для этого все прекрасные предметы, вызывающие в нем умиление, восхищение, преклонение, чувство красоты, любознательность, великодушие, жажду подвига, волю к качеству – должны быть национальными, у нас в России – национально русскими. Следующий шаг к воспитанию патриотизма, – пробуждение в детях духа своих предков, принятие с любовью истории, судьбы, пути и призвания своего народа; пробуждение в их душах способности к «трепету и умилению» делами и словами русских святых, героев, гениев. Ильиным определены в целях воспитания у детей национальной идентичности следующие ценности:

- *язык*, вобравший всю душу, все прошлое, весь духовный уклад и все творческие замыслы народа;

- *песня*, помогающая рождению русского чувства в душе, так как глубока, искренна, превращающая пассивный аффект – в активную, текучую, творческую эмоцию;

- *сказка* – будит и пленяет мечту, заселяет в душу первое чувство героического, образы, в которых народ отобразил свою судьбу, глядя в прошлое и заглядывая в будущее;

- *жития святых и героев* – пробуждающие совесть, чувство приобщенности, уверенности в том, что имеет право на почетное место в истории, волю к доблести, готовность терпеть и бороться;

- *поэзия* – пленяющая душу гармонией и ритмом, заставляющая прислушаться к сокровенной жизни вещей, обучающей духовному восторгу;

- *история* – дающая понять, что он сын великого русского народа, учит преемственности и сыновней верности;

- *армия* – сосредоточение силы государства, оплот родины, воплощение храбрости народа, организация чести, самоотверженности, учащая переживать успех своей армии как свой успех и обучающая переживать ее неудачи;

- *территория* – возможность увидеть воображением просторы своей родины и понять, что народ живет не *ради* земли, а *на* земле, территория которой ему необходима как воздух;

- *хозяйство* – проявление склонности к добровольному творческому труду, пробудить интерес к русскому национальному хозяйству, заложив основу духовной почвенности и хозяйственного патриотизма[1, с.169-174].

Сегодня мы убедились, что бездумное подражание чужому ведет к утрате мировоззренческих и нравственных ориентиров, к отсутствию четкой системы ценностей и низкой культуре в обществе, духовной опустошенности и резкого падения роли и значения гражданственности и патриотизма, как одной из главных составляющих русского народа, что в конечном итоге может привести к невозможности иметь и достойного будущего.

И.Ильин справедливо отмечает, что человек, лишенный чувства национального самосознания и патриотизма – обречен на духовное сиротство и безродность. Иметь родную нацию – поистине счастье. А главное: «человеку подобает блюсти на всех путях достоинство своего народа, гордиться его признанием, его величием и его успехами» [1, с.166].

Литература:

1. Ильин И.А. Путь духовного обновления – М.: Русская книга – XXI век, 2006, - 336с.
2. Радищев, А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву / Беседа о том, что есть сын Отечества. — М. : Художественная литература, 1984. — 264 с.
3. Ушинский, К.Д. Собрание сочинений: в 11 тт. — М — М. : АПН РСФСР, 1948. Т. 2. - 655 с.

ЧЕЛОВЕК КАК «ЗНАК» В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Самойлова Елена Олеговна

аспирант, ассистент, Пятигорский государственный лингвистический университет, г. Пятигорск

THE MAN AS A SIGN IN THE INTERNET

Samoylova Elena, Post graduate student, assistant, Pyatigorsk State Linguistic University, Pyatigorsk

АННОТАЦИЯ

В последнее время все большую популярность приобретают исследования виртуальной реальности. Ее роль в жизни современного человека растет с каждым днем. Сейчас уже трудно представить жизнь без Интернета, различных социальных сетей. Интернет как особая виртуальная реальность, представляет собой целое знаковое пространство, в котором зачастую и человек является особым знаковым явлением. Благодаря

знаковой природе виртуального пространства, стали возможны как эффект присутствия, так и эффекты отчуждения реальности и событий, в которые оказывается вовлечен человек.

ABSTRACT

During last year, have become increasingly popular studies of virtual reality. Its role in the life of modern man is growing every day. Now it is hard to imagine life without the Internet and various social networks. Internet as a special virtual reality is an integer, symbolic space in which often the man is a special sign. Due to the nature of the sign of the virtual space, became possible the effect of the presence and effects of alienation and the reality of events in which person is involved.

Ключевые слова: интернет, глобальная сеть, знак, смысл, аватар.

Keywords: internet, global net, sign, sense, avatar.

В настоящий момент Интернет является самой популярной глобальной сетью, предоставляющей человечеству постоянно меняющуюся информацию (в отличие от книг). Интернет, как таковой, является с одной стороны, средством массовой информации, а с другой особого рода виртуальным пространством, в котором осуществляются различного рода коммуникации и характеризуется следующими параметрами:

- 1) мультимедийность (объединяет визуальные, звуковые, печатные и видео средства);
- 2) персонализация (любой пользователь может получить любую интересующую его информацию);
- 3) интерактивность (взаимодействия между пользователями может осуществляться различными способами: чаты, форумы, конференции и др.);
- 4) отсутствие посредников [3, с. 200-201].

Как мы отмечали, Интернет представляет собой знаковое виртуальное пространство, в котором информация, коммуникация и даже сам человек представляет собой особого рода знак. Интересно о знаках размышлял Х.Г. Гадамер, который сравнивал его с соколом бытия, собрав которые вместе человек получит полную картину. Согласно Гадамеру, он указывает на значение, актуализирует и репрезентирует объект [1, с. 299].

Схожее мнение мы можем видеть и у Э. Кассирера, который в своем труде «Философия символических форм» отмечает, что символ – есть результат человеческого конструирования реальности [2]. Например, в Интернете человек сам может конструировать свой образ, начиная от указания даты рождения и пола, заканчивая «своей» фотографией. Аватар, используемый человеком в Интернете, является тем самым знаком, который указывает другим людям на то, как выглядит это человек, или на его увлечения (если на аватаре стоит не настоящая фотография, а рисунок или фотографии животных).

Интересен тот факт, что зачастую в Интернете человек ставит на аватар фотографии звезд или других известных личностей, не просто показывая свое особое отношение к ним, но и представляясь им, копируя их работы. Тем самым он как-бы становится «другим», примеряя на себя маску. Зачастую так поступают школьники и подростки, которые возводят людей на аватаре в ранг «идеала», не определившись еще со своим собственным «Я», находящиеся в процессе идентификации личности.

Также интернет выступает особого рода транслятором различного вида коммуникаций: «один на один», «один и несколько», «один и группа». Коммуникация в сети Интернет имеет стандартный вид: эмиттор – канал связи – получатель. Само же сообщение также может быть напечатано (чат, электронная почта) или же сказано

устно (конференция). Зачастую при передаче сообщения используются различные символы – смайлы, от присутствия или отсутствия которых меняется эмоциональная окраска всего сообщения. Так, получатель, видя такие знаки, понимает, весел его собеседник или печален, смеется или нейтрален к шутке и т.д. В настоящий момент эти знаки настолько плотно вошли в систему электронной коммуникации, что сообщение, в котором смайл отсутствует, расценивается как негативное.

Следующим видом коммуникации является видео-конференция, которая позволяет пользователю видеть его собеседника. Однако, картинка которую мы видим на мониторе это только проекция реального человека, которую мы видим благодаря технике. Если отключится свет, то человек на экране исчезнет, в то время как в реальном мире он, так и останется сидеть напротив своего компьютера.

Появление видео-связи было обусловлено не только техническим прогрессом, но и социальными факторами, такими как, например, поддержание «нормальной», «традиционной» коммуникации. Ведь набирая электронное письмо человек тем самым ограничивает себя только миром знаков, в то время как подключив визуальные эффекты, его мир знаков становится шире. Человек перестает быть просто «аватаром», он приближает себя к тому кем он есть в реальной жизни, пусть и при помощи видео изображения. Видео-конференция, тем самым переводит человека и его сообщения из чисто знаковой плоскости в плоскость «природно-телесную», когда контакт с образом тела человека (пусть и суррогатным) становится желательным для участников общения.

Видео связь также используется в различных интернет трансляциях, когда человек, сидя дома у компьютера, может побывать на любимом концерте, посмотреть его онлайн, не сумев на него попасть в реальном мире. Так достигается «эффект присутствия», когда человек «как-бы» находится в нужном ему месте. Однако у этого явления две стороны. С одной стороны человек находится в безопасности, у себя дома смотря видео про войну или теракт, но с другой стороны он понимает, что не в полной мере не может присутствовать при тех же событиях, или не может помочь людям в конфликтной ситуации, тем самым ощущая разницу, что он здесь, а они – там.

Таким образом, подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод, что интернет представляет собой особого рода виртуальное пространство, в котором человек часто выступает в качестве знака. В ситуации коммуникации человек так же выступает в своего рода «знаковой» форме. Даже специальные знаки (смайлы и пр.),

предназначенные для выражения эмоций отсылают к основным узнаваемым чертам человеческого лица, показанным в условной семиотизированной форме. Наконец, «эффект присутствия», создаваемый благодаря действию семиотических механизмов с одной стороны приближает общающихся людей (или события и людей), а с другой стороны часто делает невозможным реальное и полное присутствие человека в различных обстоятельствах, которые современный человек привык видеть через свой компьютерный монитор.

Литература:

1. Гадамер Х.Г. Актуальность прекрасного. / Михайлова А.В. (пер. с нем.). – М., 1991.
2. Кассирер Э. Философия символических форм. – М., СПб., 2002. – Т.1: Язык.
3. Черных А. Мир современных медиа. – М.: «Территория будущего», 2007. – 312 с.

ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВАНИЯ ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ, НАУКИ И ПРОИЗВОДСТВА

Ситникова Елена Анатольевна

преподаватель, Омский автобронетанковый инженерный институт, г. Омск

EVALUATIVE BASES OF INTEGRATION OF EDUCATION, SCIENCE AND PRODUCTION

Sitnikova Elena, assistant of Omsk automotive engineering institute, Omsk

АННОТАЦИЯ

В современном обществе существует тенденция формирования интеграционных взаимодействий образования, науки и производства согласно требованиям информационного общества.

ABSTRACT

There is a trend of forming integrational interrelations of education, science and production in modern society according to the requirements of the information society.

Ключевые слова: интеграция; система; образование.

Key words: integration; system, education.

Стремительное развитие наукоемких производств, ускоренные темпы внедрения инновационных научных разработок в массовое производство, информатизация производства влекут за собой изменения в образовании. Новое, трансформирующееся в сторону информационного, общество выдвигает новые требования к образованию, которые связаны с концепцией информационного общества и возрастающей ролью образования и науки в современном мире. Рост этих требований приводит к развитию и адаптации, к изменениям образования, науки и производства в зависимости друг от друга. «Интеграция науки и образования означает преодоление разрыва между научными и образовательными институтами в выполнении общественно значимых функций производства, передачи и распространения знаний»[3, с. 5].

Взаимодействуя, образование, наука и производство изменяют структурные элементы своей деятельности, продукты которых – средства достижения их непосредственных целей. Взаимные изменения в такой форме взаимодействия являются предпосылками качественного изменения, воспроизводства, преобразования. «Современная система образования ориентирована на продукты науки и производства, представленные в форме знания и техники, которые выполняли функцию закрепления и специализации определенных видов деятельности, а не их развитие»[1, с. 135]. Внутрисистемные связи образования и его связи с производством и наукой базируются на способах индустриального общества, а не общества информационного, что приводит как к взаимоопережению, так и взаимоотношению институтов образования, науки и производства друг от друга. Зачастую образование отстает от научно-технического прогресса, ориентируясь на

готовые знания, зафиксированные в учебных программах, учебниках и т.д. Современное же общество диктует образованию более тесные связи с наукой и производством в связи с тенденциями развития науки и техники. Эти связи отображены в интегративных формах взаимодействия.

Общим объектом на первоначальном этапе образовательного отношения при взаимодействии субъектов образовательной деятельности выступает знание в его отчужденной форме, а форма обучения носит индивидуальный характер в виде непосредственного контакта. Субъект производства знания – наука существует в рамках системы «наука–образование». «По мере развития науки в качестве непосредственной производительной силы, а производства научной силы объектом, опосредующим образовательное отношение между его субъектами, становится техника как воплощение силы знания, а субъектом производства социально-вещественных элементов техники является производство. Опосредование субъектов образовательной деятельности знанием и техникой – это опосредование образовательного отношения взаимодействием науки и производства»[2, с. 116-117].

Отношение «наука–производство» начало формироваться на базе производства. Однако с развитием науки и выходом ее за рамки производственной деятельности, возникают варианты взаимодействия, которые будут реализованы в производстве в будущем. В дальнейшем производственная деятельность осуществляется через науку, которая развивается опосредованно от производства. В условиях относительной самостоятельности науки и ее связи с производством, образование обусловлено как наукой, так и производством, влияя на изменения в этих сферах деятельности. В свою очередь, цели образования

могут быть реализованы лишь через взаимодействие всех трех элементов системы.

Развитие элементов системы и установление связей между ними стали предпосылками становления основных интегративных форм взаимодействия в современном обществе в системе «образование–наука–производство». Внешние связи между наукой, производством и образованием устанавливаются в объединениях, внутренние связи и отношения для осуществления целей одного из них – в комплексах. Эти формы присущи в большей степени высшему образованию и представляют собой учебно-научно-производственные объединения, созданные путем объединения разных организаций, и учебно-научно-производственные комплексы, созданные путем развития определенной узкоспециализированной организации в многофункциональную. Инициатива развития комплекса исходит от вузов, «имеющих традиции в области прикладных научных разработок и их внедрения, в том числе в сотрудничестве с прикладными НИИ и предприятиями-партнерами»[1].

По сравнению с развитыми странами, в которых интеграция образования, науки и производства приобретает системное единство и проявляются черты единого образовательно-научно-производственного комплекса, в нашей стране наблюдается лишь зарождение такого комплекса. Россия теряет свои конкурентные преимущества, связанные с высоким качеством образования, преобладанием высококвалифицированных кадров, крупным научным потенциалом и т. д. Эти потери обуславливаются сохранением архаичной институциональной структуры, разобщенностью образования с наукой и производством, характерной для «советской» модели образования. Без преобразований на основе социально-экономических отношений устаревшие организационные структуры, такие как объединения и комплексы, могут воспроизводить только старые отношения. Реформы в образовательной сфере идут с заметным опозданием от изменений в отраслях экономики, финансах, административной системе и выглядят крайне неубедительно.

Интенсификация связей между образованием, наукой и производством приводит к возникновению и развитию интеграционных форм системы «образование–наука–производство» и системному становлению информационных процессов в технико-технологическом выражении. Все это формирует органическую целостность системы, опосредованной информационными технологиями. Научное знание, воплощенное в технических устройствах, все больше включается в производственную деятельность. Таким образом, функции науки и производства сливаются благодаря человеческой деятельности, элементом которой является научное знание.

Связь «наука–техника» организационно оформлена в научно-производственных объединениях, где более эффективно внедряются научные разработки, а наука подчиняется целям производства. В данном случае взаимодействие производства и науки не сводится к связи «наука–техника», так как главной производительной силой является человек как составная часть социально-вещественной структуры общества. Поэтому человек – главная составляющая связи науки, техники и производства. Образование в таком случае воздействует на производство и науку, т.к. их развитие и реализация их функций зависит от уровня соответствия образования и способностей

человека. Другими словами, полученные индивидом знания, эффективно настраиваются на науку, образование и производство только при наличии тесной взаимосвязи между этими сферами человеческой деятельности.

Информационное общество диктует необходимость изменения подготовки специалиста. Если в индустриальном обществе технологические изменения происходили через десятилетия, то в современных условиях период обновления знаний, воплощенных в технике, сократился до года-двух. Изменения касаются и самого знания, и способов его передачи, поэтому требуются новые технологии обучения, а также возникает необходимость формирования нового мышления специалиста, основанного на образном мышлении.

Знание в современных условиях становится фактором социального преобразования, а не стабилизации как в индустриальном обществе. Если стабильное знание можно было транслировать обучаемому как пассивному участнику взаимодействия, то в настоящее время освоение знания возможно на основе целостного восприятия действительности. Таким образом, перед образованием стоит задача «формирования картины мира, обеспечивающей ориентацию личности в различных жизненных ситуациях, в том числе в ситуации неопределенности»[4, с. 169].

Для адаптации человека к изменяющейся окружающей действительности и проявления творческой активности необходима активная социальная среда. Это значит, что для формирования современной личности, способной принимать решения, требуются различные формы интеграции системы «образование–наука–производство».

Новые интеграционные формы системы отличаются целями, задачами и комплектностью, внутри которых существует определенная система социальных отношений. К таким формам относятся инженерные центры, бизнес-инкубаторы, технополисы, технопарки и другие.

Новые интеграционные формы способны стать основой для реализации политики России в научно-технической сфере и средой формирования высококвалифицированных специалистов, соответствующих современным профессиональным и социальным требованиям. Пошаговое осуществление интеграционными формами целевой функции образования (формирование личности) невозможно только при ориентации образования на требования науки и производства. Науке и производству также необходимо ориентироваться на требования образования. Это возможно только на основе социального научения, которое, таким образом, является способом интеграции системы «образование–наука–производство», а самообразование становится сферой, в которой формирующаяся личность самосовершенствуется и совершенствует социальные отношения.

Интеграционные процессы в системе «образование–наука–производство» выражаются в переориентации функций учения и преподавания, которые отображают изменения способов взаимодействия образования с производством и наукой. Переход от обмена продуктами деятельности на обмен структурами деятельности обусловил усиление взаимозависимости образования, науки и производства и самостоятельности субъектов деятельности в ситуации выполнения ими меняющихся и перераспределяющихся функций.

Усиление взаимосвязи науки и производства вызывает необходимость увеличения вузовского потенциала при помощи науки, что является показателем интенсивного развития высшего образования. Увеличение доли самостоятельной работы студентов в процессе выполнения научно-производственных функций приводит к изменениям в их отношениях с преподавателями. В результате чего они совместно участвуют в научной и производственной деятельности с работниками науки и производства. Это приводит к изменениям в учебном процессе в системе высшего профессионального образования, поскольку у преподавателя и студента появляется общий объект деятельности. Таким объектом является информация в качестве основного источника информационного общества, обеспечивающая эффективность во взаимосвязи науки, техники и производства и самоопределение личности. Так как человек является основным компонентом этой взаимосвязи, то в современных условиях развития общества необходима переориентация взаимодействия науки и производства на образование.

Таким образом, в настоящее время, когда знания играют ведущую роль в развитии экономики, интеграционные взаимодействия образования, науки и производства являются не только условием, но и доминирующим фактором прогресса современного российского общества. Интеллектуальный капитал не может создаваться в

одной из сфер, необходимо их взаимодействие. Трехсторонняя интеграция проявляется в разных формах взаимодействия, позволяя эффективно решать задачи регионального и иногда национального масштаба.

Список литературы

1. Корчагин, Е. А. Взаимодействие образования и производства: содержание, модели реализации [Электронный ресурс] / Е. А. Корчагин. – Режим доступа: <http://www.raop.ru/content/Prezidium.2010.06.09.Spravka.1.pdf> (дата обращения 22.06.11)
2. Левицкий, Ю. В. Интеграция образования, науки и производства в информационном обществе [Текст] / Ю. В. Левицкий. – Новосибирск. : Наука, 2002. – 164 с.
3. Наука, образование, бизнес: векторы взаимодействия в современном обществе [Текст]: коллективная монография / Демидова И. Д., Минина В. Н., Рубцова М. В. – СПб.: Скифия-принт, 2008. – 288 с.
4. Сохраняева, Т. В. Роль образования в развитии человеческого потенциала [Текст] / Т. В. Сохраняева // Ученые записки Института управления и экономики. – 2001. – №4. – С. 169.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Тупицин Алексей Анатольевич

Религиовед, Иркутская область, г. Усть-кут, Помощник депутата ГД ФС РФ Грачева И. Д.

RELIGIOSITY IN CONTEMPORARY RUSSIAN SOCIETY

Tupitsin Alexey, theologian Irkutsk region, Ust-Kut Assistant deputy of the State Duma Grachev, ID

Русская Православная Церковь, получившая бонусы от государства, могла бы их использовать, более продуктивно и во благо людей, а не только на внутренние нужды. Как прямая связь этих действий – происходит перераспределение религиозных предпочтений и формирование новой реальности, где главенствующую роль Русская Церковь играть уже не будет.

Russian Orthodox Church, received a bonus from the government could use them more efficiently and for the benefit of people, not only for internal needs. As a direct relationship of these actions - the redistribution of religious preferences and the formation of a new reality, where the primacy of the Russian Church will no longer play.

Ключевые слова: Религия, Иркутская область, г. Усть-кут, РПЦ,

Keywords: Religion, Irkutsk region, Ust-Kut, ROC

Потребность человека в духовной и религиозной свободе на постсоветском пространстве после 1991г. дала возможность реанимировать и поднять на государственный уровень восточную ветвь христианства. В России, Белоруссии, Украине, православие согласно опросам придерживается почти 70% населения. Если в Украине это разные ветви православия (РПЦ, УПЦ, униаты), то в России и Белоруссии это единая религиозная организация подерживаемая на государственном уровне – РПЦ МП. Происходит это не от Боголюбия сегодняшней власти в России, а от попытки заполнить идеологический **вакуум** образовавшийся после распада СССР и краха коммунистической идеологии. Призыв РПЦ стать национальной идеей и цементирующим фундаментом государства, нашел отклик со стороны церковных иерархов. Если например патриарх Алексей II старался возродить именно прехорашую

жизнь православных христиан и надо отметить преуспел в этом, то после его смерти приоритеты церковной политики сместились в выстраивание взаимоотношений между клиром и властью, причем на всех уровнях вертикали государства. Излишняя забюрократченность церковной структуры при патриархе Кирилле, достигла своего пика за всю историю христианской Русской Церкви и стала еще сложнее и непонятнее, чем была в синодальный период. Отстранение прихожан от жизни прихода и от участия управления им стали той холодной водой, которой их привели в чувство и заставили задуматься о дальнейшем воцерковлении. Это наглядно видно из предпочтений при выборе предмета образования в школе для своих детей (более 70% родителей, выбирают «основы светской этики» вместо «основ православной культуры»). Излиш-

нее заигрывание с государственной властью привело к отторжению многих верующих от церкви, а незаинтересованность священства в прихожанах и их пожертвованиях (почти все церкви строятся с участием крупного бизнеса аффилированного с властью), приносит свои результаты. Православными христианами себя считают 70% населения, но из этих самоидентифицирующихся адептов, всего 3% посещают большие церковные праздники, а на регулярные службы и требы ходит менее 0,1% от всего населения.

Если углубляться в знание прихожан основ христианского культа, то из 0,1% адептов, не более 10% способны объяснить в чем состоит учение, символ веры, или понимание значения Богослужения и молитв на церковно – славянском языке. Все остальные верят в магическую составляющую ритуальных действий, обязательных для каждого верующего, но не смогут это рационально объяснить.

Углубляясь в исторический период становления христианства в России, можно заметить некоторые параллели с сегодняшней ситуацией. Религиозная необразованность населения, насильственное насаждение вероучения в обязательном порядке и отсутствие заинтересованности в прихожанах клира, позволяют сравнить эту эпоху с синодальным периодом Русской Церкви который кончился очень плохо для всей нашей Церкви и страны. Сращивание церковного аппарата с государственным, а фактически превращение церкви в одно из государственных министерств, в последствии позволило переложить часть ответственности и озлобления, которое имел народ к власти и на церковь тоже. Этим объясняется нежелание прихожан заступаться за священников и церкви в период богоборческой власти (1917 – 1991 г.), а также косвенно указывает тот факт, что в российском фольклоре нет положительных персонажей из части служителей религиозного культа (песни, сказки, а позднее литературные произведения и другие произведения искусства – картины, скульптуры). Везде, где есть упоминание о священниках и других культовых служителях – они только отрицательные персонажи.

Если изучать влияние православной культуры на русскую самоидентификацию и духовное развитие русского народа, то тут мы столкнемся с очень малоприятным открытием. Начиная с периода Крещения Руси в 988г. и где-то до середины XVIII века, светская культурная традиция на Руси, а затем в России, отсутствует практически полностью. От «Слова о полку Игореве» до поэта Державина, никаких зачитков и признаков культуры мы не увидим. За 800 лет нет ни одного поэта, писателя, математика, философа, астронома, художника или скульптора ни то что с мировым именем, но даже с местечковым талантом. Ни одного вклада в мировую культуру за 800 лет, от огромной страны. За этот же период и даже на тысячелетия раньше, можно проследить развитие таджикской культуры в рамках тюркского – персидской, арабской, но только не о русской. Все это, благодаря сращиванию церковной и светских властей, так называемой византийской симфонии власти. Ни где в цивилизованном мире, на столь долгий срок не было этого симбиоза двух ветвей власти, что в конечном итоге привело к полной деградации обоих институтов.

Сегодняшние государственные церкви и институты, словно сговорившись, стали брать примеры из самого неудачного периода сотрудничества церкви и государства – с середины XIX века – начало XX века. Попытки введения основ православной культуры в общеобразовательных школах, присутствие и озвучивание мнения церкви в медийном поле и по любому поводу, а так же явная поддержка и отстаивание интересов власти, могут укрепить негативный образ РПЦ у населения. Способствуют этому регулярные скандалы с участием VIP – персон церкви при ДТП с тяжкими последствиями и попытки сокрытия этих случаев властью. Так же избыточное присутствие представителей церкви на мероприятиях и структурах, которые они в силу своих миротворческих целей могли бы и не посещать. Например освящение православным священником межконтинентальных баллистических ракет, по НАТОвской классификации называемых «Сатана», ничего кроме как недоумения вызывать не может. К этой же категории относится открытие богословского факультета в чисто техническом передовом ВУЗе страны.

Все факторы, влияющие на отторжение людей от РПЦ в комплексе, приводят к тому, что религиозные предпочтения внутри страны размываются по другим конфессиям и деноминациям. Даже в чисто христианских регионах, при сегодняшних тенденциях, в обозримом будущем РПЦ перейдет на роль второго и третьего плана не смотря на государственную поддержку.

Анализирую исследования проведенные в российской глубинке (г. Усть-Кут, Иркутская обл.) в городе с населением около 40 000 человек со средним уровнем миграции, можно с уверенностью утверждать, что в ближайшее время (от 2 до 5 лет), православная деноминация христианства уступит место протестантской общине и мусульманской умме.

Активность протестантских проповедников, а так же приток трудовых мигрантов из ближнего зарубежья, создают благоприятную среду для роста адептов в протестантских и мусульманских общинах. В то же время отсутствие активности православного клира, сосредоточившихся на строительстве зданиях храмов с помощью провластных коммерческих структур и выстраивание отношений с местной властью, при этом практически не занимающихся миссионерством и благотворительностью, а так же непопулярные среди населения заявления и действия высших иерархов РПЦ, способствуют оттоку прихожан из православия в другие христианские деноминации, и при этом, что главный конкурент РПЦ – католики, практически не допускаются к служению у нас в стране.

Ни для кого не секрет, что с ростом уровня жизни религиозность населения падает и держится в основном на харизматичных пассионариях, но и от правильно выстроенной политики самой церкви. В отличии от РПЦ, протестанты имеют большой опыт работы на нелегальном положении в агрессивной внешней среде и им сейчас легче приспособиться к действительности. В тоже время РПЦ получившая бонусы от государства, могла бы их использовать, более продуктивно и во благо людей, а не только на внутренние нужды. Невнимание к больничному служению, к миссионерству в неблагополучных районных городских окраинах, отдают эту потенциальную паству в лоно других церквей. Как прямая связь этих действий – происходит перераспределение религиозных предпочтений и

формирование новой реальности, где главенствующую роль Русская Церковь играть уже не будет.

Литература:

1. Результаты опросов по религиозным предпочтения проводимых АНО «ЦГС» в г.Усть-Кут Иркутской области: – от марта 2014г.; – от мая 2014г.;

2. Результаты полевых исследований проводимых АНО «ЦГС» в г.Усть-Кут Иркутской области от июня 2014 г.

СИМВОЛ И СИМУЛЯКР

Закирова Татьяна Валерьевна

преподаватель кафедры философии и культурологии, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург

SYMBOL AND SIMULACRUM

Zakirova Tatyana Valerievna, Department of Philosophy and Cultural Studies, Orenburg State University

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена уточнению содержания понятий «символ» и «симулякр» и их сравнительному анализу. Рассматриваются некоторые особенности взаимосвязи между символом, симулякром и современной общественной жизнью.

Ключевые слова: знак, символ, символическая реальность, симулякр, симулятивная реальность, общество.

ABSTRACT

The article specifies content of the notions “symbol” and “simulacrum” and gives their comparative analysis. Some features of the interrelations between symbol, simulacrum and current social life are considered.

Key words: sign, symbol, symbolic reality, simulacrum, simulative reality, society.

Понятие «символ» в наши дни прочно вошло в основную категориальную аппаратуру философии. Категориальный статус данного понятия не обеспечивает, впрочем, такой внутренней непротиворечивости его содержательного наполнения, которая во всех случаях была бы достаточной с исследовательской точки зрения. С одной стороны, в рамках отдельных концепций символ более или менее явно объявляется носителем функции связывания воедино предмета и образа. С другой стороны, при детализации представлений такого рода авторы этих концепций приписывают понятию символа не вполне совпадающее значение. Стоит заметить, что данная ситуация имеет место на фоне широчайшего распространения символов, их неотделимости от жизни человека и человечества.

Попробуем уточнить, какое содержание следует вкладывать в понятие символа, а какое — не следует. В частности, символ не должен напрямую отождествляться с образом. «Всякий символ ..., — согласно Д.С. Мережковскому, — есть тот же образ, хотя не всякий образ — символ» [9, с. 257]. Данный автор полагает, что символ — это знак, посредством которого происходит объединение познанного с непознанным, за счет чего возникают совпадение, сравнение и соответствие чувственного мира со сверхчувственным, выступающим как «высшая, несомненная, реальнейшая реальность. Образ, явление этого мира, изображенное так, что оно становится прозрачным и сквозь него светится образ “миров иных”, — вот символ» [9, с. 257]. Не стоит также мыслить символ как нечто единичное, принципиально отделенное от всех иных фрагментов окружающей действительности. Как отмечает П.А. Флоренский, «созидаемые символы реальности непрестанно искрятся многообразием жизненных отношений: они по существу соборны» [12, с. 333]. Думается, что существование символа фактически тождественно его сосуществованию с иными символами в рамках совокупной символической реальности.

Что же касается возможности продуктивного исследования единичного символа, искусственно выделенного из символической реальности, то в работе Ю.М. Лотмана указывается на допустимость двух альтернативных вариантов его истолкования. Символ может трактоваться, во-первых, «как знак, значением которого является некоторый знак другого ряда или другого языка» [8, с. 191], и, во-вторых, либо как «средство адекватного перевода плана выражения в план содержания» [8, с. 191], либо как мост «из рационального мира в мир мистический» [8, с. 191]. Г.-Г. Гадамер усматривает смысл символа в том, что он «не только указывает на значение, но и актуализирует его — он репрезентирует значение» [5, с. 301]; при этом «в нем осуществляется отсылка парадоксального рода: символ сам воплощает то значение, к которому он отсылает, и даже делает его возможным» [5, с. 304-305].

В концепции Э. Кассирера [7] человек выступает как символическое животное. Формами, посредством которых упорядочивается тот хаос, который окружает человека, Кассирер полагает язык, миф, религию, искусство и науку. Способность символического животного является, согласно Л. А. Уайту, основополагающей для человеческого существа. Человек не может существовать без культуры и вне ее. Культура же, по Уайту, представляет собой «определенный порядок или класс феноменов, а именно предметы и явления, связанные с проявлением особой ментальной способности, свойственной исключительно человеческому виду, способностью к символизации» [11, с. 439].

Символическая реальность в жизни современного человека, как вполне резонно замечает И.А. Беляев, «вытесняет, подменяет собой реальность физическую, которой он уже не противопоставляет непосредственно» [1, с. 138]. При этом символическая реальность не обладает монополией на заполнение собою пространства человеческого

существования; сегодня с ней вполне явственно сосуществует, постепенно оттесняя ее с лидирующих позиций, та реальность, которую допустимо именовать симулятивной. В понятийном отображении феномены данной реальности принято обозначать понятием «симулякр».

Перейдем к уточнению содержания этого понятия. Нельзя не обратить внимания на фундаментальный характер вклада Ж. Бодрийяра как в формирование представлений о симулякре, так и в их концептуализацию. В работах данного автора показано, что в современную постиндустриальную эпоху образ предмета преобразовался в нечто качественно иное, именуемое симулякром.

Симулякр, как утверждает Ж. Бодрийяр, является копией без оригинала [3]. Характеризуясь исключительно «внешней сделанностью», он не воспроизводит какой-либо фрагмент действительности, в связи с чем не может быть его полноценным представителем. Симулякр порой имеет определенное сходство с оригиналом, однако это не придает ему подлинности. Ж. Делез полагает, что применительно к симулякру понятие подлинности бессмысленно. Тем не менее, симулякру присуще свое, собственное место в бытии. Применительно к современной общественной жизни это место и роль являются доминирующими. «Все, — как полагает Делез, — стало симулякром. Но под симулякром мы должны иметь в виду не простую имитацию, а, скорее действие, в силу которого сама идея образа или особой позиции опровергается, отвергается. Симулякр — инстанция, включающая в себя различие двух расходящихся рядов, которыми он играет, устраняя любое подобие, что бы с этого момента нельзя было указать на существование оригинала или копии» [6, с. 35].

Сравнительный анализ символа и симулякра свидетельствует о том, что между ними имеются довольно существенные различия. Символ — это, согласно Ч. Пирсу [10, с. 215], один из видов знаков, специфика которого заключается в его конвенциональности, то есть зависимости от привычки, свойственной людям. Симулякр же, даже рассматриваемый как знак, не может быть признан полноценным конвенциональным объектом. Надо полагать, что в данном случае речь должна идти о квазиконвенциональности.

Символ, будучи знаком, доступен продуктивному рассмотрению как носитель значения, которое обычно не имеет однозначной связи с его собственным значением. Вместе с тем транслируемое символом значение превосходит его собственное значение по объему. Обсуждение симулякра в этом отношении принципиально непродуктивно, так как он является порождением человеческой фантазии, но воспринимается людьми как нечто реальное. Символ концентрирует в себе социально ценную информацию и несет ее людям. Симулякр же имитирует как одно, так и другое. Данное обстоятельство делает возможным признание симулякра результатом социально детерминированного процесса имитации символа.

Симулякр — это знак эмансипированный, изначально освобожденный от привнесенного дополнительного значения, то есть на деле способный представлять только какие-то внешние характеристики самого себя, а не нечто действительно существующее вне его. «Распространение на все сферы социальной жизни гегемонии “пустого знака” порождает эру тотальной симуляции»

[4, с. 29]. Современная эпоха находится под властью симулякра, при которой наличие идентичности образца и подобия копии оказывается принципиально невозможным. Символ, подвергнутый имитации, лишается дополнительного значения, составляющего его сущность. Преобразовавшись тем самым в симулякр, он начинает подменять собой реальность. Неуклонное развертывание процессов такого рода ведет к вытеснению символической реальности симулятивной. Неизбежное следствие этого — обретение симулякром детерминирующей роли применительно к общественной жизни, ко всем составляющим ее сферам. Надо полагать, что именно данное обстоятельство привело Ж. Бодрийяра к идее о конце социального, политического, экономического [2]. Стоит заметить, что «конец», о котором размышлял Бодрийяр, а также некоторые другие философы, имеет отношение не к обществу как таковому, а к его прежнему состоянию, ко многим из сложившихся ранее и изживших себя социальных реалий.

Литература:

1. Беляев, И.А. Целостность человека в аспекте взаимосвязи его способностей и потребностей : монография / И.А. Беляев. — Оренбург : ОГИМ, 2011. — 360 с.
2. Бодрийяр, Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. — 106 с.
3. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр // Философия эпохи постмодерна. — Минск : Красико-Принт, 1996. — 360 с.
4. Бурлачук, В. Символ и симулякр. Концепция символа в социологии постмодерна / В. Бурлачук, В. Танчер // Социология : теория, методы, маркетинг. — 2008. — № 1. — С. 15-29.
5. Гадамер, Г.-Г. Актуальность прекрасного / Г.-Г. Гадамер // Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. — М. : Искусство, 1991. — С. 266-323.
6. Делез, Ж. Различие и повторение / Ж. Делез. — СПб. : ТОО ТК «Петрополис», 1998. — 384 с.
7. Кассирер, Э. Философия символических форм : в 3 т. / Э. Кассирер. — М.; СПб. : Университетская книга, 2002. — 3 т.
8. Лотман, Ю.М. Символ в системе культуры / Ю.М. Лотман // Лотман Ю.М. Избранные статьи : в 3 т. — Таллинн : Александра, 1992. — Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. — С. 191-199.
9. Мережковский, Д.С. Балаган и трагедия / Д.С. Мережковский // Мережковский Д.С. Акрополь. Избранные литературно-критические статьи. — М. : Кн. палата, 1991. — 352 с.
10. Пирс, Ч.С. Икона, индекс, символ / Ч.С. Пирс // Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. — М. : Логос, 2000. — С. 200-222.
11. Уайт, Л.А. Энергия и эволюция культуры / Л.А. Уайт // Антология исследований культуры. — СПб. : Университетская книга, 1997. — Т. 1 : Интерпретация культуры. — С. 439-464.
12. Флоренский, П.А. У водоразделов мысли / П.А. Флоренский // Флоренский П.А. Христианство и культура. — М. : «Издательство АСТ»; Харьков : «Фолио», 2001. — С. 15-340.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВЛИЯНИЕ СТРУКТУРЫ ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА НА ФОРМИРОВАНИЕ МЕТАФОРИЧЕСКОГО ПЕРЕНОСА

Большакова Любовь Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент, Сызранский филиал Самарского
государственного экономического университета, г. Сызрань

THE INFLUENCE OF THE STRUCTURE OF WORD MEANING ON THE FORMATION OF METAPHORICAL TRANSFER

Bolshakova Lyubov Sergeevna, Candidate of Philological Sciences, associate professor

Syzran branch of Samara State University of Economics, Syzran

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу влияния структуры значения слова на образование метафорического смысла. Автор рассматривает два компонента лексического значения: интенционал и импликационал и доказывает, что оба из них вовлекаются в перестройку семантики слова при метафорическом переосмыслении.

ABSTRACT

The article is devoted to the analysis of the influence of the structure of word meaning on the formation of metaphorical sense. The author considers two components of lexical meaning: intensional and implicational and proves that both of them are involved in the restructuring of the word semantics in a metaphorical reinterpretation.

Ключевые слова: лексическое значение; когнитивный подход; интенционал; импликационал; метафора.

Keywords: lexical meaning; the cognitive approach; the intensional; implicational; metaphor.

Известно, что структура значения слова играет важную роль в формировании метафорического значения. Значение – это концепт, актуализируемый в сознании как информационная функция другого, актуализирующего его концепта. В своем исследовании мы опирались на теорию М.В. Никитина, развивающего этот подход. Согласно положениям ученого, можно проследить, как структура значения влияет на образование метафорического смысла. Метафора рассматривается в качестве бинарной единицы. Метафорический перенос возникает при нарушении комбинаторики семантических признаков, которые входят в структуру значения первого и второго компонентов метафоры.

В структуре лексического значения слова, согласно М.В. Никитину, выделяются две части – интенционал и импликационал [1, с.12]. Интенционал лексического значения представляет собой структурированную совокупность семантических признаков, наличие которых полагается обязательным для денотатов данного класса. Интенционалы понятий-значений лежат в основе мыслительных и речевых операций по классификации, отождествлению или различению денотатов и их именованию. Например, все матери являются женщинами-родительницам. Эти два признака – «родитель» и «женский пол» – связаны спецификационной (родовидовой) зависимостью и составляют интенционал слова «мать».

Лексическое значение обычно представляет собой совокупность семантических признаков, относящихся к описанию называемых словом денотатов. Эти признаки организованы в структуру определенными зависимостями, отражающими структуру денотата. В совокупном

содержании лексического значения выделяются две части: содержательное ядро лексического значения, или его интенционал, а также периферия семантических признаков, окружающих это ядро, его импликационал.

Благодаря всеобщности связей и зависимостей одни признаки порождают другие. Равным образом интенциональные признаки могут с необходимостью или вероятностью предполагать (имплицировать) наличие или отсутствие других признаков у денотатов данного класса. По отношению к интенционалу – ядру значения – совокупность таких имплицированных признаков составляет импликационал лексического значения, периферию его информационного потенциала. Информация о денотате складывается из двух частей: его непереносимых интенциональных признаков и некоторой части его импликационных признаков, имплицитно «оживляемых», актуализируемых контекстом или эксплицитно называемых в нем.

Импликация признаков может быть жесткой (обязательной), высоковероятностной, слабой (свободной) и отрицательной. В первых двух случаях интенционал значения имплицитно некие признаки с вероятностью, равной или близкой к 1 (речь в данном случае идет о приближительных количественных оценках так называемой житейской вероятности). Совокупность таких признаков образует сильный импликационал значения. Признаки сильного импликационала близки к интенциональному ядру. В некоторых случаях они составляют почти непереносимую часть значения, но, тем не менее, они не входят в интенционал.

С другой стороны, импликация каких-то признаков по отношению к интенционалу представляется невозможной или маловероятной, то есть признаки представляются

несовместимыми. Совокупность таких признаков образует отрицательный импликационал значения, или коротко – его негемпликационал. Нетрудно заметить, что знание значения слова и умение правильно его применять предполагает не только знание того, что входит в его содержание или совместимо с ним, но и осознание того, чего в нем нет и что с ним несовместимо. Тем самым негемпликационал также вовлекается в содержание значения как его отрицательный информационный потенциал. Например, «Твои зубы смелы, Как усмешка ножа, И гудят, как шмели, Золотые глаза». (А. Вознесенский) [1, с.53]. Атрибуция несовместимых признаков «зубы – смелые, нож – усмехаться, глаза – гудеть, золотые» сигнализирует особый характер номинации и комбинаторики значений.

Кроме того, помимо сильной и отрицательной импликации, существует обширная область признаков, о совместной встречаемости которых с данным понятием можно судить лишь гадательно: их наличие или отсутствие одинаково вероятно и одинаково проблематично. Они могут быть, а могут и не быть или, точнее говоря, могут быть по данному основанию то одними, то другими. Эта область признаков по отношению к интенционалу какого-то значения образует его слабый или свободный импликационал.

Например, интенционал слова «река» можно определить, как «естественный поток в берегах относительно большой массы воды». Обратим внимание на то, что определение указывает не только интенциональные признаки, но и их логические зависимости, структуру их связей. Такие признаки, как «некоторый перепад высоты (наклон русла), увлажненность поймы, наличие какой-то водной флоры и фауны, более обильная прибрежная растительность», не входят в интенционал, но с необходимостью или большой вероятностью вытекают из содержащихся в нем семантических признаков и тем составляют сильный импликационал значения. Признаки вроде «непроточность всей массы воды, горючесть её, газообразность» поясняют негемпликационал значения. Помимо этого предлагаем рассмотреть такие признаки как «длинный – короткий, широкий – узкий, быстро – медленно текущий, полноводный – неполноводный», то есть конкретные значения оснований, которые являются обязательными для данного интенционала (протяженность, ширина, скорость течения, величина массы воды и так далее). Признаки такого рода не входят в содержание значения и не отрицаются им, однако, импликация и тут имеет место быть. Таким образом, основания признаков заложены в интенционале как своеобразные семантические валентности, как пустые места, подлежащие заполнению. Импликация, в свою очередь, носит свободный (слабый) характер, так как интенционал не предопределяет, какое значение эти пустые основания могут конкретно принять.

Необходимо отметить, что импликация признаков может быть не обязательно истинной, но и ложной или сомнительной. Так, к импликационалу подключены все стереотипные ассоциации, истинные или ложные, традиционно связываемые с каким-то классом денотатов, например, лиса хитра, медведь неуклюж, заяц труслив.

Несмотря на то, что интенционал и импликационал составляют структурные части лексического значения,

между ними наблюдается существенное различие. Интенционал представляет собой закрытую жесткую структуру конечного множества признаков. А импликационал – это открытая вероятностная структура неконечного множества признаков. Интенционал связан с познавательно-предобразующим аспектом деятельности человека и предполагает известную конструктивизацию действительности, допустимое отвлечение от бесконечности ее связей, переходов и переливов. Импликационал, напротив, отражает вероятностную природу мира. В связи с этим в понятиях значениях, как правило, сочетаются детерминистский и вероятностный аспекты объективного мира и познавательного процесса.

Как видим, в когнитивном аспекте лексические значения слов представляют собой сложные образования, на структуру которых спроецированы связи и отношения концептуальных систем сознания. Структура лексического значения образуется, прежде всего, логическими связями, выраженными его интенциональным ядром и захватывающими импликациональные признаки в периферию его содержания. При метафорическом переосмыслении слов в перестройку семантики слова вовлекаются как те, так и другие признаки.

Итак, в процессе метафоризации происходит сдвиг от центрального значения слова к его маргинальному значению за счет актуализации коннотаций. При описании одного концепта через другой указывается лишь какой-то один аспект описываемого концепта, остальные же остаются незамеченными. Таким образом, в процессе интерпретации метафоры, как правило, выбираются те свойства второстепенного субъекта, которые подходят для характеристики основного субъекта. Знание структур значений основного и второстепенного субъектов делает возможным их взаимодействие в рамках метафоры.

В ходе нашего исследования мы попытались применить теорию лексического значения М.В. Никитина для анализа визуальной метафоры в англоязычных музыкальных видеоклипах. Мы избрали данную теорию в качестве методологической базы нашего исследования, так как считаем, что упомянутые компоненты лексического значения играют важную роль в создании визуального метафорического образа. Кроме того, мы считаем целесообразным опираться на постулаты теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, где описано взаимодействие двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели» [1, с.145]. На этом взаимодействии и основана метафоризация. Разделение на «источник» и «цель» показывает направление метафорического переноса. Область источника – это более конкретное знание, получаемое человеком в процессе непосредственного опыта взаимодействия с действительностью. Это «знание по знакомству». Сфера цели – менее ясное, менее конкретное, менее определенное знание; это, скорее, «знание по определению». Как пишет Дж. Лакофф, «метафора позволяет понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [1, с.145]. Метафора возникает в результате системного проецирования структуры концептуальной области источника на структуру области цели; при

этом концептуальные области источника вмещают различные типы событий и сцен, ассоциируемых с определенным типом опыта.

Обратимся к примеру. Так, в визуальном компоненте клипа «*Over the Hills and Far Away*» группы «*Nightwish*» мы наблюдаем образ голубя, вылетающего из рук узника.

Источником в данном случае является образ узника, выпускающего голубя на свободу. Стены тюрьмы, узник, голубь, бездонное небо – элементы, составляющие источник или образ метафоры. Целью или темой этой метафоры является стремление человека к свободе. Узник символизирует человека, поработанного обществом, стены тюрьмы – неволю. Бездонное небо символизирует свободу; голубь, улетающий в небо, – душу человека, стремящуюся к свободе.

Образ (источник) составляет план выражения метафорической конструкции, а тема (цель) – план содержания. Основание сравнения складывается из семантических признаков «пребывание в неволе», «страдание», «стремление к свободе». Такие признаки в метафоре называются интегральными. Что же касается дифференциальных признаков, то они в данном случае сводятся к оппозиции материальное (физическое) – идеальное (духовное). В образе имеется нечто наглядное, визуально воспринимаемое: стены тюрьмы, голубь, облака, жест выпуска, а в теме – нечто абстрактное, чувственно не воспринимаемое: социальный гнет, душа, мысленное стремление к свободе.

Рассматривая импликационал и интенционал, следует отметить, что и образ, и тема метафорического знака имеют свой интенционал и свой импликационал. У разных типов метафор в основание сравнения ложатся разнотипные признаки. У эмоционально-эстетических (художественных) метафор это импликациональные признаки, у концептуально-когнитивных (научных) – интенциональные, существенные признаки референтов.

В нашем примере метафора носит философский характер, а философия совмещает в себе когнитивную и эстетическую функции. В связи с этим в основание сравнения включаются как интенциональные (понятийные) семы: «отсутствие свободы», «стремление к свободе», так и импликациональные (коннотативные) семы: «страдание», «печаль», «мечта», «сочувствие».

Изучив когнитивную структуру визуальной метафоры, мы можем вербализовать зрительный образ: свобода голубем вылетает из рук узника.

Проанализируем еще один метафорический образ из видеоряда рассматриваемого клипа: черная лодка отплывает от берега и увозит узника вдаль, девушка в сумерках остается на берегу и провожает взглядом любимого.

Рисуя образ удаляющейся вдаль лодки с молодым человеком, автор передает мысль о том, что счастье от девушки уносит течением, а сумерки подчеркивают ее угнетенное душевное состояние. Арест любимого вызывает у нее чувства страха, грусти и печали.

В данном случае сумерки, отплывающая лодка, стоящая на берегу девушка представляют источник когнитивных знаний, а разлука близких людей – цель. Одинокая девушка символизирует разлуку, сумерки – угнетенное душевное состояние героини, а уплывающая вдаль лодка – потерю счастья.

Основание сравнения складывается из семантических признаков: «страдание», «одиночество», «потеря счастья». В основании сравнения лежат как интенциональные семы: «расставание», «разлука», так и импликациональные семы: «печаль», «страдание», «сочувствие».

Подводя итог вышесказанному, можем с уверенностью констатировать тот факт, что именно когнитивный подход позволяет осмыслить метафору как средство познания окружающего мира. Метафоризация здесь основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». На наглядных примерах мы убедились, что и интенционал, и импликационал вовлекаются в перестройку семантики слова при метафорическом переосмыслении. Знание структур значений «источника» и «цели» делает возможным их взаимодействие в рамках метафоры.

Литература:

1. Лакофф Дж. Когнитивная семантика // Язык и интеллект. – М., 1996. – С. 143-185.
2. Никитин М.В. Лексическое значение слова. Структура и комбинаторика. – М.: Высшая школа. 1983. – 191 с.

ЛОГИКО-ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕКСТОВОГО КОНСТРУИРОВАНИЯ МИРА СВЯЗЕЙ В.М. ШУКШИНА: ЧТО-ЗНАНИЕ (TH-KNOWLEDGE) И КАК-ЗНАНИЕ (WH-KNOWLEDGE)

Халина Наталья Васильевна

доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный университет, г. Барнаул

В статье рассматривается создаваемый В.М. Шукшиным в романе «Я пришел дать вам волю» язык представления Абсолютной реальности. Строевыми элементами этого языка являются связывающие категории, конструируемые в микротекстах романа, – своеобразные паттерны или образцы нахождения значения русского Логоса. Каждая модель-паттерн образует слово или мысль истинного языка, тем самым задает способ проектирования (дизайна) или способ решения проблемы.

The author of the article takes deal with the language of Absolute reality which is creating by V. Shukshin in the novel "I have come to give you will". Linking categories are recognized as construct elements of this language. They help to find the meanings of Russian Logos. Linking categories as model patterns form the word or idea of real language and so create the way of design or the way of problem solving.

Ключевые слова: паттерн, текстовые когомологии, переживание связи, эпистемическая логика

Key words: pattern, text cogomologies, experience of links, epistemic logic

Актуальным для представителя русско-российской когнитивной культуры, стремящегося очистить «зеркало своего сердца» и, тем самым, обрести знание, необходимое для созерцания Абсолютной Реальности, становится конструирование особого языка, предрасположенного к семантическим инновациям и творческому интригообразованию [4].

В романе «Я пришел дать вам волю» В.М. Шукшин создает языка, на котором говорится обо всем существующем: переосмысливаются основы *S* и *O*, человеческого и божественного, «до» и «после», личностного «я» и «я» других людей.

Строевыми элементами этого языка являются связывающие категории, конструируемые в микротекстах романа, которые представляют собой своеобразные паттерны или образцы нахождения значения лингвистической переменной – русского Логоса.

В использовании термина паттерн мы опираемся на его трактовку Кристофером Александером – разработчиком теории дизайна [7]. К. Александер описал практические архитектурные системы в форме теоретической математики, используя в качестве ключевой единицы своего метаязыка 'паттерн'. Паттерн представляет собой корректное описание оптимального решения обсуждаемых проблем, в структуру которого входит проблема, контекст, дискуссия и решение. Паттерны помогают запомнить insight – внутреннюю форму, а также содержат знания о дизайне – форме и конструкции. Паттерны могут использоваться в комбинациях для нахождения решения. В таком случае, мы имеем дело уже с языком паттерном, или сетью паттернов, в которой один паттерн именует другой и является своего рода связью паттерна с другими членами сети и средой. Каждый шаблон (модель-образец), или каждый паттерн, представляет наши текущие проблемы, то, какой должна быть физическая среда, ее расположение, как она должна работать, чтобы решить поставленную нами задачу.

Образцы-паттерны – это модели, сосредоточенные на жизненном опыте и выстраиваемые на конкретном материале, которые будучи взяты вместе, начинают образовывать язык. Каждая модель-паттерн образует слово или мысль истинного языка, тем самым задает способ проектирования (дизайна) или способ решения проблемы.

В качестве подобных паттернов в эпистемологии В.М. Шукшина выступают особые текстовые образования – текстовые когомологии, которые должны при формировании нового понимания как системы связей помочь представителю русско-российской когнитивной культуры построить грамматику и логику в соответствии со связанными и ограниченными категориями.

Связанными интеллектом ограниченными категориями, или связывающими категориями русского языка и

русской логики, признаются категории, конструирующие Абсолютную Реальность и ее представляющие, а также объединяющие в Логос множество логосов гипотезированной Души: категории «Я», «быть», «жить», «казаться».

Текстовые когомологии в романе В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» являются своеобразными иллюстрациями к событиям-состояниям жизни представителя русско-русской культуры мышления, а также правилами переживания и погружения в эти состояния, в соответствии с которыми формируются душевные связи, составляющие подпочвенный слой русского сознания. Согласно В. Дильтею, душевная связь дана в виде переживаемой действительности и образуется в исторических процессах [3]. Душевные связи составляют душевную жизнь и дифференцируются с помощью метода наблюдения, который включает в себя следующие действия: логические операции сравнения, различения, измерения степеней, разделения и связывания, абстракции, соединения частей в целое, выведения единообразных отношений из единичных случаев, расчленения единичных процессов, классификации.

Переживание связи в когомологиях В.М.Шукшина означает проживание слова и получения в процессе особо знания – знания о *связи*, ее *форме*, способах установления, возможности использования, т.е. воспроизведения в словесных формах.

Переживание связи может осуществляться через осознание Логоса в Абсолютной Реальности, имитацию Логоса в душе (произнесенное слово), имитацию эйдоса в душе и уме (записанное слово). В качестве основного средства текстового закрепления переживания связи выступает эпистемическая логика, которая формулирует законы относительно знания.

Процесс переживания связи формирует временные среды – *область умопостигаемого*, где главной единицей счисления времени становится логос-мысль; *область чувственно воспринимаемых звуков* с доминантной единицей существования в ней «словесной формой»; *область рационально и чувственно воспринимаемой графической формы*, в которой основная нагрузка по упорядочению опыта рефлексии сознания переносится на изображение, или графическую форму, имитирующую эйдос.

В.М. Шукшин определяет три типа переходов из реальной действительности в виртуальную реальность, три способа преодоления «границ их границ»: событие, событие-состояние, состояние. В процессе каждого «перехода» формируется связывающая категория языка и логики, конструирующая фрагмент Абсолютной реальности, центральным компонентом которой является *l'homme capable*-предикат. В романе В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» возможно выделить пять *l'homme*

сарable-предикатов, которые составляют основу эпистемической логики В.М. Шукшина: *вера, покой, величие, жертва, умиротворение*.

Я. Хинтикка [8] обращает внимание на то, что основные законы, которые формулируются относительно знания, допускают множество W (сценариев, миров или ситуаций). Получатель знания b при этом располагает достаточной информацией, чтобы сосредоточить свое внимание на подмножестве W_1 пространства W .

Важным считает Я. Хинтикка то, с каким типом знания мы имеем дело. Так выделяется, подразумеваемое знание, которое моделируется непреложными истинами. Список пропозиций, хранящийся в памяти и представляющий эти непреложные истины, определяет протяженность подразумеваемого знания исследователя путем ограничения количества ответов, которые непреложная истина может предложить. Другой вариант: полностью активированное знание, имеющееся у исследователя. Это знание моделируется группой тех предложений, которые предлагаются исследователю в качестве результатов вопросительных и дедуктивных движений. Подобное знание может также называться активным знанием исследователя.

Активное знание тождественно ступени интеррогативной игры. Это знание имеет отношение к усвоению знания (фактически пониманию, что есть знание), пониманию того, что важно для говорящего, пониманию того, какие знания можно передать другим. Но ни предсказуемое, ни активное знание не открывают законов эпистемической логики. Чтобы лучше понять, что такое знание, нужно обратиться, как считает Я. Хинтикка, к другим видам знания, среди которых наиболее важными являются потенциальное и виртуальное знание, потенциальное дедуктивное и виртуальное дедуктивное знание. Потенциальное знание исследователя состоит из всех заключений C , которые исследователь может получить посредством интеррогативного процесса (процесса вопрошания). Виртуальное знание исследователя состоит из всех заключений C , которые исследователь может получить посредством интеррогативного процесса без представления дополнительных опытных данных других индивидуумов для подтверждения своих чувственных впечатлений.

«Возможные семантические миры», «получатель знания», его позиция – «точка зрения» как точка удержания себя в семантике мира, «прочерчивание линии внутри мира для ощущения его границы и своей (фактически формирование когомологии)», «разные типы знания» – таковы составляющие эпистемической логики Я. Хинтикки.

Эпистемическая логика, как полагает Г. Саймон, способствует формированию «ограниченной рациональности»: формулирование разумными людьми разумных выводов в обстоятельствах, когда нет возможности применить классические модели рационального выбора [5].

Как считает В.В. Горбатов [2], нормы приемлемой аппроксимации – представления об ограниченной рациональности – стали более популярными в кибернетике, AI-исследованиях, нелинейном программировании, лингвистике, когнитивной психологии, психологии, но не в эпистемической логике. В 1960-70-х гг. начинается создаваться эпистемическая логика «второго поколения» (EL-2) в форме интеррогативной логики и эротетики, ситуационной

(SS) и теоретико-игровой семантике (GTS), динамической логике, belief revision, IF-логике (Independence Friendly Logic) Я. Хинтикки. В этом смысле знаковой становится номинация одного из публицистических произведений В.М. Шукшина *Вопросы самому себе*.

В номинациях рассказов и публицистических произведений В.М. Шукшина, которые по времени своего написания совпадают с оформлением особого научного статуса эпистемической логики, особенно эпистемической логики «второго поколения», очевидно разграничение «абстрактного» знания истинности – *что-знания* (*th-knowledge*) и «стратегического» *как-знания* (*wh-knowledge*), которое отождествимо с *tagit knowledge* – неявным знанием:

Как я понимаю рассказ

Как зайка летал на воздушных шариках

Как мужик переплывал через реку волка, козу и капусту

Как помирал старик

Характерной особенностью эпистемической тактики В.М. Шукшина, в случае номинации рассказов, становится перевод высказывания из статуса вопроса в статус ответа, что влечет за собой изменение и статуса знания: *как-знание* (*wh-knowledge*) преобразуется в *что-знание* (*th-knowledge*), неявное знание становится знанием истинности для повседневной реальности.

К приведенным примерам номинаций примыкают номинации *Жил человек...*, *В воскресенье мать-старушка...*, в которых *как-знание*, преобразованное в *что-знание*, означает пунктуационно многоточием, демонстрируя открытость фактофиксирующего дискурса и интеррогативного процесса, сопровождающего процесс наблюдения.

«Наблюдение, – пишет Я. Хинтикка, – это всегда ответ на вопрос» [6, с. 273]. Следовательно, весь массив научных исследований имеет интеррогативную структуру, поскольку нет контекстов открытия и контекстов обоснования, а есть лишь различные стороны одного и того же познавательного и исследовательского процесса.

Как отмечает В.В. Горбатов, вопросно-ответная последовательность как «игра с природой» становится одним из главных столпов теоретико-игровой семантики. В подобной семантике допускается отсутствие выигрышных стратегий вообще, то есть не принимается *tertium non datur*. Логика стратегических аспектов истины должна быть логикой конструктивных объектов, то есть логикой идентифицирующего знания. Я. Хинтикка предлагает рассматривать знание об объектах – знание *de re* – как знание индивидуирующих функций для данных объектов. Знание о существовании таких функций, соответственно, предлагается считать пропозициональным, знание же самих функций – объектным

«Абстрактное» знание истинности, или *что-знание* (*th-knowledge*), в романе В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» представлено множеством W , включающем подмножества $W_{\text{вера}}$ $W_{\text{покой}}$ $W_{\text{величие}}$ $W_{\text{жертва}}$ $W_{\text{умиротворение}}$.

Каждое подмножество формируется вокруг двустороннего отношения R , определимого на W для получающего знание, или наблюдателя. Для подмножества $W_{\text{вера}}$ R_1 *вера – дар* (*Вера есть дар*), подмножества $W_{\text{покой}}$ R_2 *покой – сила* (*Покой есть сила*), для подмножества $W_{\text{величие}}$ R_3 *величие – вдохновение* (*Вдохновение дает величие*),

для подмножества $W_{жертва}$ R_4 жертва – основание мира (Жертва – камень в основании мира), для подмножества $W_{умиротворение}$ R_5 сердце – умиротворение (Очищение сердца ведет к умиротворению). Выделенные отношения определяются как эпистемически альтернативные отношения, позволяющие подтвердить верность/истинность связующей категории, а, следовательно, истинность S – конструкции Абсолютной Реальности. Таким образом, « b (наблюдатель) знает, что S » верно в w_0 , если S верно (правда) во всех эпистемических b -альтернативах w_0 .

Эпистемическая b -альтернатива w_0 включает в себя трансцендентальную связку, обеспечивающую возможность возникновения процесса и перехода из одного состояния в другое.

«Стратегическое» как-знания (wh -knowledge), которое отождествимо с $tagit$ knowledge – неявным знанием, в романе В.М. Шукшина «Я пришел дать вам волю» представлено в серии правил, определяющих течение душевных процессов: а) верую, внидет он в покой твой, б) сотвори мне величие сильный, в) благоволиши жертву правды, возношение и всесожегаемая, г) освети ум мой, Устави сердце мое от настоящего мятежа, настави мя чудно к тишине животней.

«Абстрактное» знание истинности, или что-знание (th -knowledge), а также «стратегическое» как-знания (wh -knowledge), накапливаемое автором и читателем в текстовых когнитивных структурах, способствуют заполнению «разрывов», т.е. отысканию линкующего элемента – указаний на другие фрагменты текста, «привязанные» ко всему текущему фрагменту или к какому-нибудь его конкретному

месту» [1, с.171]. Накопление знания лежит в основе процедуры семантического заполнения объемных пустот пространства со-общительности. Специфика подобной процедуры зависит от 1) знания эпистемических b -альтернатив w_0 , 2) знания правил использования и накопления неявного знания, 3) конструирования репрезентаций.

Список литературы

1. Визель Л. Гипертекст по ту и эту сторону экрана // Иностранная литература. – 1995. – №10.
2. Горбатов В. В. Логический анализ рациональности: назад к сократической эпистемологии? // Социально-гуманитарное знание в современном мире. – М.: МЭСИ, 2009.
3. Дильтей В. Описательная и объяснительная психология. – М.: Алетейя, 1996.
4. Рикёр П. Время и рассказ. Т 1. Интрига и исторический рассказ. – М., СПб: Университетская книга, 2000.
5. Саймон Г. Рациональность как процесс и продукт мышления // THESIS. – 1993. – Вып 3.
6. Хинтикка Я., Хинтикка М.. Шерлок Холмс против современной логики: к теории поиска информации с помощью вопросов. // Язык и моделирование социального взаимодействия. – М.: Прогресс, 1987.
7. Alexander C. A Pattern Language Which Generates Multi-service Centers. – California, 1968.
8. Hintikka J. Reasoning About Knowledge In Philosophy. The Paradigm of Epistemic Logic // *Proceedings of the 1st Conference on Theoretical Aspects of Reasoning about Knowledge*. – Monterey, 1986.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ДИАПАЗОН МЕЖДОМЕТИЙ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Королева Ольга Петровна

кандидат фил. наук, доцент кафедры англ. языка переводческого факультета,
НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, г. Нижний Новгород

EMOTIONAL RANGE OF INTERJECTIONS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Koroleva Olga, Candidate of Philology, assistant professor of State Linguistics University, Nizhny Novgorod

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья представляет собой фрагмент опыта систематического описания функциональных особенностей английских междометий, которые составляют неотъемлемую принадлежность языка и отличаются богатством выразительных возможностей. Статья имеет целью проанализировать различные эмоциональные нюансы междометий и выявить широкий спектр выражаемых ими эмоциональных состояний. В качестве результатов исследования предлагается классификация эмоциональных состояний, выражаемых междометиями в процессе коммуникации.

ABSTRACT

The article deals with functional characteristics and pragmatic opportunities of English interjections. Its main purpose is to analyze various emotional nuances of interjections and classify them in accordance with the emotions they express.

Ключевые слова: междометие; отрицательные эмоции; положительные эмоции; оценка; волеизъявления; эмотивность; аффект, амбивалентность.

Keywords: interjection; negative emotions; positive emotions; evaluation; expression of the will; emotional rating; affect; ambivalence.

Междометия в современном английском языке составляют богатый и живой слой речевых знаков, служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, аффектов, волеизъявлений. В этой связи представляется целесообразным разработать классификацию эмоциональных состояний, выражаемых междометиями в процессе коммуникации.

Однако прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению данного вопроса, уточним понятия «эмоциональность», «восклицательность» и «оценка». В современной лингвистике не существует единства мнений относительно содержания этих понятий. В настоящей работе «эмоциональность» определяется как «выражение сильных чувств говорящего в связи с его оценочным отношением к обозначаемым явлениям действительности» [1, с.18]. Восклицательность, М.Я. Блох трактует как «интенсивную синтаксическую форму выражения эмоциональности» [1, с.36].

Категория «оценки» в целом представляется более определенной. По мнению В.Г. Гака, оценка есть реакция субъекта на объект в плане его соответствия определенной норме [2, с.233]. Она организуется вокруг оппозиций: хорошо/плохо; приятно/неприятно. Оценка может быть лишена эмоциональности, но может и сопровождаться выражением чувств. В субъективной оценке могут синкретично выражаться собственно оценка и эмоция. Возможна оценка и без эмоции, например: *You are very patient, Mr. Brown.*

Как известно, каждое слово, будучи языковым знаком, отражающим действительность, имеет свое значение. Спецификой междометий, не называющих, а передающих различные психические состояния субъекта, является их неспособность функционировать вне контекста. Вне контекста большинство междометий превращается в форму без содержания – они мертвы, абстрактны, теряют способность отражать мир чувств, эмоций, и только апелляция к контексту делает возможным понимание передаваемой эмоции.

Oh! Denis! Whispered Mary. You don't really mean that. Surely you like her? (A. Cronin)

Взятое изолированно, междометие “oh” – это лишь знак, состоящий из двух букв. Вне контекста не представляется возможным определить даже приблизительно заключенную в нем информацию и прагматическую направленность. И лишь в контексте живой речи значение междометия раскрывается – в вышеприведенном примере это значение удивления и недоверия.

Одно и то же междометие в разных речевых ситуациях выражает различные эмоции, а также может усиливать эмоции, обозначенные в контексте. Словари не могут дать полного перечня всех эмоций, выражаемых междометиями. Примечательно, что одни междометия амбивалентны (то есть могут передавать эмоционально-оценочное значение разной направленности), другие являются монооценочными, также имея несколько значений. Например, междометие “oh” может выражать:

А) положительную оценку:

“Oh, how wonderful! She has got a job.” (J. Cheever)

В) отрицательную оценку:

“Oh, how nasty you are!” (E. Hemingway)

С) нулевую оценку:

“Where are we going, Dad?” Nick asked.

“Over to the Indian camp. There is an Indian lady very sick.”

“Oh”, said Nick. (E. Hemingway).

Анализ многочисленных речевых актов из художественных произведений современных английских писателей показывает, что прямо противоположные чувства способны выражать такие английские междометия, как *ah, oh, hey, yah, wow, oho* etc. Здесь обращает на себя внимание эмоциональная неустойчивость, смысловая «диффузность» этого типа междометий. Они легко подхватываются интонационной волной аффективной речи и изменяются соответственно общей эмоциональной окраске высказывания. Поэтому так широк диапазон их значений.

Однако с некоторыми междометиями связывается выражение совершенно определенных настроений, чувств и оценок. Междометие “bah” например, в английском языке является выразителем презрения, пренебрежения и не может быть употреблено для передачи радости, в русском языке аналогичное междометие выражает удивление. Ср.:

«Ба! Друг старый, мы давно знакомы! Вот судьба!» (А.С. Грибоедов)

“Bah! Staff and nonsense”, said my aunt. (Ch. Dickens)

В английском языке к группе междометий более определенной семантики можно отнести *Yah! Pah! Whew! Faugh! Bah! Ugh! Pshaw!* и некоторые другие. Так, междометие “atta-boy” имеет четкое значение одобрения. “Icks!” – выражает испуг, страх (например, при виде змеи, льва....). “Yuck!” определенно передает эмоции отвращения и брезгливости (например, при виде неприятной пищи, одежды, жилья и т.п.).

В целом, эмоциональные состояния, выражаемые междометиями, можно объединить в две группы, стержнями которых оказываются состояния удовлетворения (положительные эмоции) и неудовлетворения (отрицательные эмоции), т.е. в своей основе эти подгруппы имеют характер качественного определения действительности с точки зрения ее негативной или позитивной оценки.

Приводимая ниже классификация проведена на основе анализа словарных дефиниций междометий и произведений английской художественной литературы.

Положительные эмоции

Радость: *ah! Hey! Oh! Ho-ho-ho! Heigh! Hullo!*

Hurrah! Hay-day! Ahoy, aw.

Восторг: *whoop, yippee.*

Ликование: *aha, ti-sty-to-sty, wow.*

Одобрение: *ah, oh, aha, ouch! Oh dear! Bravo!*

Bravissimo! Good! Well done.

Удивление: *heigh! Ha! La! Ah, well! Wow, hey-day, ho, well, aw, ahoy, huh, whoo, why, ach.*

Удовлетворение: *ah, oh, aha.*

Удовольствие: *ooh, ach, mmm.*

Изумление: *phew, wow, oh, ah.*

Восхищение: *ah, ah me, oh, my, eh, of all things! Dear me! I say! Just see! Just fancy! Ho, hey, heuch, hooch, whoop.*

Признательность: *hey-day, aha.*

Удивление-восхищение: *by God! By the grace of God! By George! By Jove! Lord of my being! Lord, Thy will be done! Lord have mercy on me!*

Отрицательные эмоции

Отвращение: augh, yah, pah, whew, pshaw, faugh, ough, fie, pooh.

Презрение: puff, boo, bah, ough, hem, pah, yah, faugh, whew, pooh.

Негодование: tut, zooks, oh, Goodness knows! Phoooh, damn you, Goodness! Why in the world, ...! God heavens what ...

Огорчение: alas, woe, wellaway, ohone, hah, ouch, whoo, hech.

Разочарование: alack, alack! Ay, ay! Dear, dear, dear! Poor me! Oh, hell!

Сомнение: humph, hem, hum, mm.

Нерешительность: haw, eh, umph.

Раздражение: ah, oh, ouch, tch, whist.

Удрученность: huh, heh.

Неодобрение: tch, tck! No not on your life! Yo, ouf, hum, hemph, umph, noo, yow.

Ужас, испуг: lcks! Woe, woe! Oh, dear! Oh-oh!

Удивление-недоумение: Oh-oh! Well, now! For God's (heaven's, Goodness') sake! God (Lord, heaven, etc) save us! In God's name! Heaven and earth! God's body! Curse it! Damn it all!

Досада, возмущение: So that's it!

Протест: The deuce! The devil! Nuts (to you)!

Как видим, при помощи междометий выражается пестрая и противоречивая гамма эмоций и волеизъявлений. Без них немыслимы разговорная речь и аффективные формы высказывания вообще. Будучи тесно связанными с традициями и обычаями народа, а также с интонационными и произносительными нормами и особенностями языка, междометия представляют собой действенное средство создания образов в художественных произведениях. Они используются не в качестве застывших традиционных формул условной прагматики, а в качестве ярких языковых знаков, активно передающих разнообразные живые эмоции, переживания и волеизъявления.

Список литературы:

1. Блох М.Я. Теоретические основы грамматики: Учеб. – 2-е изд., испр. – М.: Высшая школа, 2000. – 160 с.
2. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций. // Языковая номинация. (Общие вопросы). – М., 1977. – С. 230-293.

СПОСОБЫ ПЕРЕВОДА БЕЗЭКВИВАЛЕНТНОЙ ЛЕКСИКИ, ВХОДЯЩЕЙ В СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ОБРАЗОВАНИЕ»

Митрофанова Гульмира Ганиматовна

кандидат педагогических наук, ст. преподаватель, Ленинградский государственный университет им.А.С. Пушкина, Бокситогорский институт (филиал), г. Бокситогорск

THE WAYS OF TRANSLATION OF THE NON-EQUIVALENT LEXIS BELONGING TO THE SEMANTIC FIELD "EDUCATION"

Mitrofanova Gulmira Ganimatovna, Candidate of Science, senior lecturer of Leningrad State University after A.S. Pushkin, Boxitogorsk Institute (branch), Boxitogorsk

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются транслитерация, калькирование, приближенный перевод, описательный перевод, перераспределение значения безэквивалентной лексической единицы, способ функционального аналога и генерализация как способы перевода безэквивалентных педагогических терминов. Приведены точки зрения отечественных переводоведов Л.К. Латышева, И.А. Стернина, А.Д. Швейцера и зарубежных лингвистов С. Влахова, С. Флорина на данную проблему.

ABSTRACT

The article deals with transliteration, modeling words and constructions after foreign patterns, approximate translation, descriptive translation, the distribution of the meaning of the non-equivalent lexical unit, the use of the functional analogue and generalization as the ways of translation of non-equivalent pedagogical terms. The author considers the points of view of the Russian scientists dealing with translation L.K. Latyshev, I.A. Sternin, A.D. Schweizer and the foreign linguists S. Vlahov and S. Florin on this problem.

Ключевые слова: транслитерация; калькирование; приближенный перевод; описательный перевод; функциональный аналог.

Key words: transliteration; modeling words and structures after foreign patterns; approximate translation; descriptive translation; the functional analogue.

Расширение связей между странами в области образования и науки требует адекватного понимания используемых соответствующих терминов. Возникает необходимость в правильной их передаче с исходного языка (ИЯ) на язык перевода (ПЯ). Рассмотрим способы перевода безэквивалентной лексики, входящей в семантическое поле *Образование*, с точки зрения различных пере-

водоведов. Согласно концепции Л.К.Латышева, существуют следующие способы передачи безэквивалентной лексики: транслитерация, калькирование, приближенный перевод, описательный перевод, перераспределение значения безэквивалентной лексической единицы [3, с. 149-154].

Прием транслитерации аналогичен заимствованию иностранного слова. В качестве переводческого эквивалента безэквивалентной единицы ИЯ используется ее графическо-фонетическое обозначение, воспроизводимое в письменном переводе буквами ПЯ, а в устном переводе произносимое согласно фонетическим правилам ПЯ.

Например, *progressivism* – прогрессивизм.

Достоинством транслитерации как способа перевода безэквивалентной лексики является ее надежность в том смысле, что, транслитерируя новое, часто малопонятное слово, переводчик по сути дела передает лишь его графическую или фонетическую оболочку. Содержательная же сторона слова раскрывается в лучшем случае только через контекст. Тем самым переводчик избегает толкования нового понятия и связанного с этим риска неверной его интерпретации. Недостатком транслитерации как приема перевода является то, что механическая передача безэквивалентной лексической единицы (каковой транслитерация по сути дела и является) не всегда позволяет раскрыть для получателя перевода содержание нового понятия, которое для него может остаться либо вообще непонятным, либо понятным лишь весьма приблизительно из контекста. Данный недостаток транслитерации можно компенсировать примечаниями переводчика, даваемыми в скобках или сносках, например: *segregation* – сегрегация (отделение расовой группы, особенно законами в США между 1896 и 1954 годами, которая не разрешала неграм посещать те же школы, пользоваться теми же гостиницами, ресторанами и местами в автобусах, театрах и парках, которыми пользуются белые) [8].

Суть следующего приема, которым является калькирование, заключается в том, что составные части безэквивалентной лексической единицы (морфемы безэквивалентного слова или лексемы безэквивалентного устойчивого сочетания) заменяются их буквальными соответствиями на языке перевода. Таким образом был введен в русский обиход термин “детский сад” (калька немецкого “*Kindergarten*”). Калькирование характеризуется высокой степенью “механистичности”. Что же касается степени раскрытия описываемого явления с помощью этого приема, то она зависит от того, насколько “конструкция” самой безэквивалентной лексической единицы, именуемая в лингвистике внутренней формой, отражает то, что она обозначает. Но иногда внутренняя форма затемняет значение ЛЕ и даже иногда вводит неопытного переводчика в заблуждение. Например, если переводить лексическую единицу (ЛЕ) *public school* как *государственная школа*, то мы рискуем сделать ошибку, т.к. этот термин означает *закрытое частное привилегированное среднее учебное заведение, преимущественно для мальчиков, которое готовит к поступлению в университет* в Великобритании, а в США и Шотландии он имеет значение *бесплатная средняя школа* [4].

Суть приближенного перевода заключается в том, что вместо иностранной реалии переводчик использует реалию ПЯ, которая (по определению) обладает свойственной ей национальной спецификой, но в то же время имеет много общего с реалией ИЯ. К примеру, понятия *Abitur* и *экзамен на аттестат зрелости* нельзя считать

идентичными, но очевидно, что в определенных контекстах они взаимозаменяемы. Достоинством приближенного перевода является его понятность для получателя, которому в качестве переводческого эквивалента предлагается “родное” понятие. Однако пользоваться этим методом следует осторожно, помня, что в самой его основе заложена определенная неточность. Приближенный перевод, прежде всего, чреват недопустимой национально-культурной ассимиляцией. Так, несмотря на близость двух понятий, нельзя переводить английскую межкультурную немотивированную лакуну, согласно классификации И.А. Стернина [5], “*teenager*”, референтом которого является “человек от 13 до 19 лет”, словом “подросток”. Последнее не является точным эквивалентом данного термина, т.к. оно означает человека от 11-12 до 15-16 лет, и его следует переводить словом “*adolescent*” (подросток). Поэтому значение слова *teenager* часто передают транскрипцией как на русском языке (“тинейджер”), так и на немецком (*der Teenager*).

Прием описательного перевода заключается в передаче значения безэквивалентной лексической единицы с помощью развернутого описания. Примером может служить слово *Erziehungsberechtigte* – лицо, имеющее право воспитывать ребенка (детей) в семье [1]. Достоинством описательного перевода является то, что он способен полно раскрыть суть явления, обозначенного безэквивалентной лексической единицей. Именно поэтому у некоторых авторов он именуется разъяснительным. Его недостатком является громоздкость, которая определенным отрицательным образом может сказываться на качестве перевода.

Суть приема перераспределения значения безэквивалентной лексической единицы в том, что значение безэквивалентной лексической единицы перераспределяется на несколько единиц переводного текста, причем сама безэквивалентная лексическая единица как бы растворяется в переводе. То есть: если при описательном способе в тексте перевода можно выделить словосочетание, значение которого соответствует значению безэквивалентной лексической единицы ПЯ, то при перераспределении значения это сделать трудно и просто невозможно.

Er löst sich vom Wunschdenken leiten.

В своих расчетах он принимает желаемое за действительное.

Немецкое слово *Wunschdenken*, которое является структурным экзотизмом согласно классификации Л.К. Латышева, обозначает мышление, определяемое желаниями человека и игнорирующее реальность. Данную реалию трудно передать другими вышеназванными способами. Недостаток данного способа: возможны переводческие потери.

Советский лингвист А.Д.Швейцер вводит понятие функциональной эквивалентности, согласно которому, переводя исходное сообщение на другой язык, переводчик соразмеряет внеязыковую реакцию на переведенное сообщение со стороны его получателя с реакцией на исходное сообщение получателя, воспринимающего его на исходном языке [6, с. 65]. Соответственно данный ученый выдвигает способ функционального аналога, которым он

называет “элемент конечного высказывания, вызывающего сходную реакцию у русского читателя”. Этот путь перевода реалий позволяет создать у читателя определенные качественные представления при передаче реалий – мер: столько-то *ли* – очень далеко, сто *пудов* – очень тяжелый, ни *копейки* – ничего, никаких денег, пара *фунтов* – немного. Функциональным аналогом оценки A level является оценка «5 (отлично)», а оценки F level – оценка «2 (неудовлетворительно)».

Болгарские переводоведы С.Влахов и С.Флорин предлагают принцип родовидовой замены, который позволяет передать (приблизительно) содержание реалии единицей с более широким (очень редко – более узким) значением, подставляя родовое понятие вместо видового. По сути дела, заменяя вид родом, более частное общим, переводчик прибегает к известному в теории перевода приему генерализации [2, с. 87]. Процесс воспитания присутствует в образовательной системе как англоязычных стран, так и России, однако слово *воспитание* в том значении, которое вкладывает в него педагогическая наука, не имеет эквивалента в английском языке. Английское слово *education* имеет значение “образование”. Однако следует отметить, что в немецком языке существует эквивалент слова “воспитание”, обозначаемый словом “*Erziehung*” [7]. Поэтому при переводе слова *воспитание* на английский язык пользуются словом *education*, которое является родовым понятием по отношению к понятию *воспитание*, т.к. образование включает обучение и воспитание.

На основании вышеизложенного мы приходим к следующим выводам:

1. При передаче безэквивалентных лексических единиц, входящих в семантическое поле *Образование*,

переводчики используют следующие способы: транслитерацию, калькирование, приближенный перевод, описательный перевод, перераспределение значения безэквивалентной лексической единицы, способ функционального аналога, генерализацию.

2. Каждый из способов передачи значения безэквивалентной лексики имеет свои преимущества и недостатки. Задача переводчика состоит в том, чтобы правильно выбрать тот или иной прием в зависимости от контекста.

Литература

1. Большой немецко-русский словарь. К. Лейн, Д.Г. Мальцева. М.: Русский язык, 2001
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / Под ред. Вл. Россельса. – М.: Международные отношения, 1980
3. Латышев Л.К. Технология перевода. М.: НВИ – Тезаурус, 2000
4. Новый Большой англо-русский словарь: в 3т. Под редакцией Ю.Д. Апресяна. М.: Русский язык, 2002
5. Стернин И.А. Лексическая лакунарность и понятийная безэквивалентность. N31httpwww.KCN.ru/tatru/сайнс//LINGV-971
6. Швейцер А.Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973
7. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache in zehn Bänden. Dudenverlag, 1999 Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich
8. Dictionary of English Culture and Language. Longman, 2002

К ВОПРОСУ ОБ ЭВОЛЮЦИИ РЕЛИГИЗНЫХ ВЗГЛЯДОВ АЛЁШИ КАРАМАЗОВА В РОМАНЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»

Новикова Альбина Алексеевна

кандидат филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет, г. Уссурийск

Орлова Светлана Николаевна

Дальневосточный федеральный университет, г. Уссурийск

TO THE QUESTION OF EVOLUTION OF RELIGIOUS VIEWS OF ALYOSHA KARMAZOV IN F.M. DOSTOYEVSKY'S NOVEL "BROTHERS KARMAZOV"

Novikova Albina Alekseevna, Candidate of Philology, associate professor, Far Eastern Federal University

School of pedagogics Ussuriisk Orlova Svetlana Nikolaevna Undergraduate 2 courses of School of pedagogics, Ussuriisk

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию религиозных взглядов Алёши Карамазова в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы», рассмотрению особенностей эволюции характера героя и формирование его отношения к религии. В данной работе проведён анализ духовного развития Алёши Карамазова и отражение представлений писателя о нравственном и духовном облике человека. Выдвигается главная гипотеза о том, что автор пытался воплотить в художественном образе Алёши свою идею о «положительно прекрасном человеке».

ABSTRACT

Article is devoted to research of religious views of Alyosha Karamazov in F.M. Dostoyevsky's novel "Brothers Karamazov", to consideration of features of evolution of character of the hero and formation of its relation to religion. In this work the analysis of spiritual development of Alyosha Karamazov and reflection of ideas of the writer of moral and spiritual shape of the

person is carried out. The main hypothesis that the author tried to embody in an artistic image of Alyosha the idea about "positively beautiful person" is made.

Ключевые слова: образ Алёши Карамазова; религиозные взгляды; эволюция; характер; духовное развитие; «положительно прекрасный человек».

Keywords: image of Alyosha Karamazov; religious views; evolution; character; spiritual development; "positively beautiful person".

Наследие Достоевского не только в области литературы, но и философии оценивается в масштабах мирового значения. Идеи писателя и художественное своеобразие его романов стали примером для последователей реалистического направления второй половины XIX – начала XX веков. Для многих Достоевский стал тем открытием, благодаря которому явилось возможным поставить вечные, терзающие душу человека проблемы. Известный филолог и богослов М.М. Дунаев в книге «Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII-XX вв.» указывает на неразрывную связь в сознании русского человека идей православия и миропонимания: «Православие на протяжении веков так воспитывало русского человека, так учило его осмыслять своё бытие, что он, даже видимо порывая с верою, не мог до конца отрешиться от православного мирозерцания» [1]. Причина же этой тесной связи кроется в том, что православие, по мысли учёного, – «основа русского миропонимания и русского способа бытия в мире».

Трудный путь обретения веры «через горнило сомнений» суждено было пройти Ф.М. Достоевскому. В его творчестве с новой небывалой остротой отразились вопросы человеческого бытия и смысла жизни, христианские мотивы и православные идеи.

Изучая противоречивые взгляды писателя, касающиеся вопросов религии, нам показалось возможным обратиться к роману «Братья Карамазовы». В данном произведении центральным образом выступает младший брат семейства Карамазовых – Алёша, в нём наиболее полно отражены представления писателя о нравственном и духовном облике человека.

Многие исследователи рассматривают образ Алёши или обобщенно, с акцентом на его значимость для общего идейного содержания, или на примере отдельных художественных эпизодов романа. В работах В.Д. Днепрова, А.А. Белкина герой рассматривается в основном как связующий между старцем Зосимой и Иваном, представляющими собой антиподы, противоположные точки зрения на мир и человека в целом [2].

У С.В. Белова же, с опорой на дневниковые записи и письма Достоевского, выстраивается видение Алёши как будущего революционера, отсюда – незаконченный образ, ожидающий развития в так и не созданном «Житии великого грешника» [3].

Иную точку зрения выдвигает М.М. Дунаев, считавший Алёшу Карамазова не просто центральной фигурой романа, но воплощением представлений писателя о «положительно прекрасном человеке». Взяв за основу исследование учёного, мы охарактеризовали основные этапы развития внутреннего состояния Алёши, выделив при этом ключевые моменты, связанные с его христианскими воззрениями.

Большое значение для понимания замысла писателя имеет предисловие романа «От автора», в котором высвечивается личность биографа-рассказчика, позволяющая глубже понять замысел писателя и его идею воплощения в Алёше «положительно прекрасного человека», «более жизнеспособного, реалистичного и усовершенствованного героя». Именно в реально существующем человеке Достоевский пытался найти Божественное начало, Его образ и подобие. Оттого и всякий человек у него всегда страдалец, всегда мучающийся, потому что ощущает в себе неустанную борьбу Божественного и бесовского. По мнению М.М. Дунаева, «подлинным содержанием данного романа является “борьба дьявола с Богом за душу человека”, центральной же фигурой, подвергающейся воздействиям обеих сил (в лице старца Зосимы и брата Ивана), является Алёша» [1]. Именно его М.М. Дунаев считает «положительно прекрасным человеком»: «И этот человек – Алёша. Алёша. Не старец Зосима. Ибо старец – святой. След воздействия святости на мир дольний отпечатлевается в *положительно прекрасных людях*. Они – принадлежность жизни земной, они не порывают с миром, могут быть подвержены и могут уступать в какой-то момент всем мирским соблазнам, не имея той силы, какую имеют святые, чтобы твердо противостать посылаемым испытаниям» [1].

Алёша – это, пожалуй, единственный герой писателя, в котором Божественное начало не оскудевает и укрепляется тем сильнее, чем больше испытаний приходится перенести молодой, ищущей и мятежной душе юноши. Развитие молодого человека как личности, становление его на позициях Православия, растущее стремление служить Богу и людям, обнаруживаемое нами на протяжении романа, позволяют говорить об эволюции его религиозных взглядов.

Попытки создания образа «положительно прекрасного человека» обязательно сочетаются у писателя с желанием изобразить героя максимально способным служить людям. Эта жажда сопряжена с идеей любви к своему ближнему: «...возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сие есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Ев.от Матфея, Гл.22, 37-40) [4].

В образе Алёши истинно христианское и карамазовское сочетаются весьма странно. О себе как о носителе низкого карамазовского начала Алёша не раз говорит в продолжение романа. Это соединение в герое двух противоборствующих начал видит и Ракин: «Ты сам Карамазов, ты Карамазов вполне – стало быть, значит же что-нибудь порода и подбор. По отцу сладострастник, по матери юродивый. Чего дрожишь? Аль правду говорю?» [5, с. 93]; и Иван: «Браво!.. уж коли ты сказал, значит... Ай да

схимник! Так вот какой у тебя бесёнок в сердечке сидит, Алёшка Карамазов!» (с. 280); будущий тернистый путь, полный испытаний и страданий, предвидит для Алёши и старец Зосима.

Приступая к жизнеописанию Алёши, рассказчик довольно иронично и снисходительно ссылается на религиозные его взгляды и стремления в начале пути: «Но придется... разъяснить предварительно один *очень странный пункт*, именно: будущего героя моего я *принуждён* представить читателям с первой сцены его романа *в ряске* послушника <...> он тогда в нашем монастыре ... на всю жизнь готовился в нём *затвориться*»..., был он просто *ранний человеколюбец*, и если *ударился* на монастырскую дорогу, то потому только, что *в то время* она одна поразила его и представила ему, так сказать, идеал исхода рвавшейся из мрака мирской злобы к свету любви души его» (с. 20-21). Важно не упускать из внимания тот факт, что основные события романа описываются биографом спустя тринадцать лет (на что он сам указывает), и, возможно, его позиция связана с тем, каким он знает героя на момент создания произведения, т.е. спустя многие годы.

Идеи Алёши о спасении своей души в стенах монастыря, будучи отгороженным от людей и их проблем, в представлении рассказчика, не близки ему и кажутся незрелыми. Словосочетание «ранний человеколюбец» неслучайно в речи рассказчика: в любви к человечеству клялись и социалисты. Достоевский как никто другой знал обманчивость данных идей и их привлекательность для молодых людей: любовь к человеку, лишённая Бога, но полная неудержимой страсти и жажды разрушения, всегда обречена, по мнению писателя, а чаще всего – обращается в ненависть к этому же человеку.

Неустойчивость идей в сознании Алёши, испытания страданиями, которые он вынесет, вызваны, на наш взгляд, не своим личным горем, а чужим. Грань между добром и злом очень тонка, переступить её легко. Подтверждением служат слова брата Дмитрия: «Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» (с. 126). Сравнивая отдельные тексты романа «Братья Карамазовы» и Евангелия, можно выявить степень использования Достоевским Нагорной проповеди. При всей ироничности и скептицизме рассказчика по отношению к религиозным идеалам Алёши, описывая своего героя, он употребляет (сознательно или неосознанно) неточное цитирование Нового Завета, а точнее – учения Христа (Евангелие от Матфея, 5-7 главы).

1) «Что-то было в нём, что говорило и внушало (да и всю жизнь потом), что он не хочет быть судьёй людей, что он не захочет взять на себя осуждения и ни за что не осудит» (с. 21). – «Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы, и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить (Ев. от Матфея, Гл.7, 1-2);

2) «Обиды никогда не помнил. Случалось, что через час после обиды он отвечал обидчику или сам с ним заговаривал с таким доверчивым и ясным видом, как будто ничего и не было между ними вовсе» (с. 23). – «А Я

говорю вам: не противься злому. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую» (Ев. от Матфея, Гл.5, 39);

3) «Была в нём одна лишь черта, которая... возбуждала в его товарищах постоянное желание подтрунить над ним... Черта эта в нём была дикая, иступлённая стыдливость и целомудренность. Он не мог слышать известных слов и известных разговоров про женщин» (с. 23). – «Вы слышали, что сказано древним: не прелюбодействуй (Исх. 20,14). А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своём» (Ев. от Матфея, Гл.5, 27-28) и другие.

Однако лишь в IV главе «Третий сын Алёша» перед нами идеальный, незамутнённый образ юноши, праведного и безгрешного. Для писателя-реалиста такой герой невозможен, да и неинтересен. Достоевским всегда ценилось страдание человеческой души, именно страданием у него всё покупается, в мучениях рождается очищение и восхождение к свету, потому и Алёша – фигура противоречивая, сложная, к тому же еще не оформившаяся, а только познающая мир и через него – свою душу.

Достоевский, с одной стороны, точно передает различные оттенки душевного состояния Алёши в диалогах с другими героями. Так, он *резко и нахмурившись* говорит с Ракиным, когда тот неуважительно и язвительно высказывается о его братьях (с. 95), *серьезно и твердо* - о «не русской» вере Смердякова (с. 152), *печально* - о репутации Катерины Ивановны в разговоре с Дмитрием (с. 180), *настойчиво* просит отца не обижать брата Ивана (с. 158), *молит* Грушеньку скорее уйти из дома Катерины Ивановны, *ломая руки* (с. 177). Однако с другой, - какие бы ни были ситуации, свидетелем каких бы низких и пошлых сцен не был Алёша, он никогда не ощущает в своей душе презрения, отвращения, ярости или гнева, а самое главное – осуждения, в то время как многое из наблюдаемого им противоречит его мировоззрению, нравственным и духовным ценностям.

Важно отметить ещё одну особенность, характеризующую героя: люди, часто безрассудные и жестокие к другим, любят Алёшу и дорожат его вниманием. Отец называет его «мой тихий мальчик», «мой ангел», «милый ты мальчик», говорит о нём так: «... веришь ли, я тебя любил», «... хоть до тебя, как до ангела, ничего не коснётся» (с. 27-29). С тобой только одним бывали у меня добренькие минутки, а то я ведь злой человек» (с. 199). Дмитрий так же признаётся: «... на всём свете... по-настоящему... по-на-сто-яще-му...(вникни! вникни!) люблю только одного тебя!» (с. 121) и доверяет брату свой «надрыв» как «ангелу на земле» (с. 123). Старец Зосима, хорошо чувствующий сущность людей, очень привязывается к Алексею, с любовью называет его «милый», «сын» (с. 90).

Странно, что Алёшу только те, кем владеет бес, сторонятся, как черт крестного знамения – Ракин, Смердяков и брат Иван. Таким образом, Алексей Карамазов становится своеобразной призмой, через которую высвечиваются другие герои.

Книга «Pro и contra» - особая в идейном содержании романа; большей частью она представляет собой диалог-противостояние двух мировоззрений – Алёши и

Ивана, который ждет от младшего брата либо исцеления, либо примыкания к своим идеям. Эта неустойчивость православных взглядов, невыстраданность этих истин хорошо видна в диалоге между братьями, когда речь заходит о страданиях детей. Выскажем предположение, что Иван радуется вырвавшемуся из Алёши приговору – «расстрелять!», как личной победе: накренилась твердыня, всколыхнулась душа праведника! Ивана опьяняет минутное согласие Алёши на расправу с мучителем, он «завопил в каком-то восторге», «кричал», «продолжал как бы в бреду» (с. 280-281). В этот момент и мы невольно становимся на сторону Ивана: так убедительна его речь.

Алёша понимает, что слабо вооружён против чар Ивана, но более всего волнует героя невозможность спасти брата своим словом, как делает это старец. Преодолев минутное заблуждение, Алёша уже не поддается на уловки Ивана, не опускаясь при этом до презрения или осуждения («Алёша встал, подошел к нему и молча, тихо поцеловал его в губы»).

Более всего ранит юношу нарушение «высшей справедливости» в отношении человека, которого он любил более всех – старца Зосиму: «И вот тот, который должен бы был, по упованиям его, быть вознесён превыше всех в целом мире, – тот самый вместо славы, ему подобавшей, вдруг низвержен и опозорен!» (с. 390).

Но полное Алёшино примирение с Богом происходит в последней главе книги «Кана Галилейская», когда он возвращается в скит: «Пред гробом, сейчас войдя, он пал как перед святыней, но радость, радость сияла в уме его и в сердце его» (с. 413). Восторженность от примирения с Богом выливается в сцену умиления и любви от ощущение

причастности этому миру. Другая особенность характера Алёши проявляется в его уверенности в обретенном знании (финальная речь у камня, где искренним и вдохновенным словом герой зажигает сердца мальчишек).

Радость от прозрения и воссоединения с Богом рождает в нём ещё большее, уже осознанное, решение служить Ему и людям, в нём, повзрослевшем уже юноше, происходит укрепление веры. Он готов к выходу в мир (как и завещал старец Зосима), а это означает способность Алёши противостоять каждодневно искушениям и страстям.

Список литературы:

1. Дунаев, М. М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII – XX вв. [Электронный ресурс] / М. М. Дунаев - Режим доступа: http://sdruzhie-volga.ru/knigi/o_zhizni/m.m-dunaev-vera_v_gornile_sommenij.htm
2. Белкин А. А. «Братья Карамазовы» (социально-философская проблематика) / под ред. Степановой Н. Л. - М.: Изд-во Академии наук СССР, 1959; Днепров В. Д. Идеи, страсти, поступки / В. Д. Днепров. - Л. О. издательства «Совет. писатель», 1978.
3. Белов С. В. Ф. М. Достоевский. Книга для учителя / С. В. Белов. – М.: Просвещение, 1990.
4. Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. – М.: Сибирская Благовонница, 2008.
5. Достоевский, Ф. М. Братья Карамазовы: роман / Ф. М. Достоевский. – 2-е изд., стереотип. – М.: Дрофа, 2003. Далее в круглых скобках даются страницы по этому изданию.

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ ПОДХОД В ИЗУЧЕНИИ ЭТНИЧЕСКИХ СТЕРЕОТИПОВ

Олейник Снежана Анатольевна

старший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет, г.Владивосток

Researching Ethnic Stereotypes Through a Linguo-Cognitive Approach

Oleinik Snezhana, Senior tutor, Far Eastern Federal University, Vladivostok

АННОТАЦИЯ

Целями данного исследования являются анализ когнитивных процессов в формировании этнических стереотипов, являющихся способом отражения особенностей мышления и когниции у представителей англосаксонской группы, а также, анализ роли языка в формировании концептуальной и лингвистической картин мира. Когнитивная лингвистика, используя холистический подход, изучает «язык в действии» и раскрывает связь между языком и мышлением. Таким образом, в компетенции этой науки лежат решения проблем, связанных с социально-культурными, межкультурными и лингвистическими аспектами в рамках междисциплинарного подхода.

ABSTRACT

The goals of this study are the analysis of cognitive processes in the formation of ethnic stereotypes as a reflection of the way of thinking and a specific way of cognition for the representatives of the Anglo-Saxon group, the analysis of the role of language in shaping conceptual and linguistic worldview. Cognitive linguistics studies the "language in action" and reveals the connection between language and thought. This science is intended to help overcome the socio-cultural and language difficulties, misunderstandings in interactions within the interdisciplinary framework.

Ключевые слова: этнические стереотипы, лингвокогнитивный подход, восприятие мира, когнитивный процессы.

Keywords: ethnic stereotypes, lingvo-cognitive approach, world perception, cognitive processes.

The theoretical framework of the below-given article focuses not only on cognitive approaches in the formation of ethnic stereotypes, but also on the features of human thinking in the perception of the world and the role of language in shaping conceptual and linguistic worldview.

The worldview of people, especially people of different cultural and ethnic layers varies according to its content and the method of organization it. When creating a picture of the world, perception ("as a specific form of knowledge about the world") acts as the main cognitive mechanism and it involves all the human channels, moreover, perception is the cognitive basis of individual behavior [11, p.12]. The obtained knowledge transforms through the existing empirical experience of a person.

S. Pinker, an American experimental psychologist, cognitive scientist, linguist gives an interesting explanation of sensor-perceptual thinking saying that "our eyes squash the three-dimensional world into a pair of two-dimensional retinal images, and the third dimension must be reconstructed by the brain" [12, p.8]. Thinking supplies us with the missing information which is a hidden part for our senses [12, p.28].

Human thinking is arranged in such a way that it helps us not only save the mental strength, but also understand the around structure-organized world and guide it. N.F. Alefirenko says that "... with the power of our thoughts, we model the images, build models of the world" [1, p.182]. Perceived by the human channels, the ontological data and axiological information are conceptualized and categorized.

The world appears to each nation from a different angle in a variety of colors and shades, mixing which we can receive an interesting, bright, unusual, as if a new one each time, canvas called "the world." "The harmony between how the world looks and how the world is must be an achievement of our neural wizardry, because black and white don't simply announce themselves on the retina", says S. Pinker [12, p.8].

The study of the world only from one angle will not have give full and rich understanding of it, as it can't be done without ignoring the worldview of people of other ethnic communities. Perception of reality from different ethnic positions explains the "significant differences in verbal covering the outside world with different ethnic languages" [5, p.174].

The role of language in thinking processes is enormous. Without language we could not "get to the thought" [8, p.48]. Performing mental actions is impossible without the use of language, "because the language turned out the most powerful in terms of all the semiotic systems of communication" [3, p.11]. Language shapes "human stream into ethnicity" [7, p.15].

Language as a system is dual, it simultaneously acts as a "system of signs, replacing items of speech" and as "a system of symbols, which stands for the spiritual life of people" [6, p.14]. Signs should be understood and symbols need to be interpreted [6, p.14]. Cognitive linguistics deals with the symbols, i.e. with mental activity, thinking of all kinds - artistic, aesthetic, scientific, etc.

Language ethnic conceptualization of the world is followed by the conceptual system which has *informative* and *interpretive* components. The first component reflects the

national language picture of the world, it is responsible for the linguo-cognitive level of linguistic mentality. The second component involves the specificity of knowledge about the outer reality in a language picture of the world. Every nation perceives the world, organizes knowledge about it, evaluates the parts of it in a special way based on its idiosyncratic historical, social and cultural development direction, its practical activities [5, p.172].

The purpose of cognitive linguistics is organizing a picture of the world, a demonstration of our linguistic consciousness structure. The value and "attractiveness", a characteristic given by V.A. Maslova [3, p.13], lies in its existence beyond linguistics and plays a decisive role in the border areas, such as psycholinguistics, ethnolinguistics, ethnopsycholinguistics, sociolinguistics, biolinguistics political linguistics, computational linguistics, linguistic geography, and others. For a deeper understanding the relationship and interaction between culture, language and conceptualization F.Sharifian gives a theoretical picture within the cultural conceptualization, cultural cognition and language on an interdisciplinary level [13, p.12].

The shaping of cognitive structures is affected, on the one hand, by the "general principles of cognition of objects from the reality" and, on the other hand, by the idiosyncratic "ethnocultural system of consciousness." "Every cultural-historical paradigm highlights which views are important, real and which ones are fictional, artificially created" [1, p.177]. Knowing the patterns of knowledge within a particular cultural-historical paradigm and the value-semantic structure of ethno-cultural knowledge, we can understand how this or that linguistic expression reflecting the concepts of internal and external world of a human being is formed and functions.

In her research M.G. Lebedko describes the following cognitive processes shaping stereotypes, which can be easily applied to the explanation of ethnic stereotype reasons:

1. Anchoring or focalism - a cognitive bias that describes the common human tend to rely too heavily on the initial piece of information offered (the "anchor") in making decisions. The leading role in shaping the decisions and subsequent judgments relates to anchoring. After an anchor is set, other judgments will be made by adjusting away from that anchor, and there is a bias toward interpreting other information around the anchor. People originally build our judgment and conclusion of some phenomenon or person due to our formed cultural and orienting-valuable ideas.

2. Judgmental anchoring refers to "the perceptual pattern" which "is constant, contrasting information notwithstanding" [11, p.14]. Due judgmental anchoring it's very difficult to get rid of negative stereotypes [11, p.14]. This type of anchoring is accompanied by the conviction of his or her superiority to others, in positioning oneself as "above average", i.e., in overestimation of his or her abilities. It was called the effect Lake Wobegon (Lake Wobegon effect) [11, p.15].

3. The effective and behavioral components of attitudes. Relationships are built on the basis of emotional and sensual base neglecting objective attitude to an individual, adequate evaluation and explanation of his or her

behavior because of some definite circumstances and reasons.

4. Cognitive dissonance - cognitive and emotional conflict between the incoming information and ideas of a person about himself or herself and the world.

We can add **causal attribution** to this list, which analyzes how people interpret the behavior of another person "in the case of insufficient information about these reasons" [4, p.71], the reasons of behavior. Causal attribution explains the reasons of a distorted view of something or someone and what creates and fuels negative ethnic stereotypes or prejudices.

The cognitive process "judgmental anchoring" is connected with one of the heterostereotype about the Russians "**Russian people are vodka-drinkers or drunkards**". This stereotype is one of the main ideas about Russian people and it is stuck in the minds of the representatives of other different linguocultural groups. We can give the following examples of this heterostereotype:

Russians now consume more alcohol per person than any other country in the world.

*To ignore the cultural importance of **alcohol in Russia** would be like ignoring the significance of water in the ocean.*

Drinking is the joy of Russians.

***The Russians drink morning, noon, and night** [2, p. 250].*

One of a British guy's assumptions about Russians was "**drinking unfeasible amounts of alcohol**" [9, p.32].

Some texts touching the theme "alcohol-addiction in Russia" contain an irony sound:

*A crucial symbolic **vodka-based relationship** exists between the public and the state.*

*The holly – or unholy – **alliance between Russians and vodka** began in the late 1400s* [2, p.252].

This heterostereotype is enhanced by auto-stereotype of the same kind:

***Demon vodka**, as the Russians call it, is the national vice, a major cause of many social and relations ills.*

***Vodka is a basic ingredient of Russian life** and will not be eliminated* [14, pp.121-122].

It's not surprisingly that this stereotype is very strong and firmly positioned in regard to the Russians due to frequent emphasizes of this theme in mass media, publicist and author books and via direct communication or third party observation of foreigners with/of the Russians.

M.G. Lebedko illustrated a good example of alcohol-anchor regarding Russian people:

*"An American professor invited a Russian professor to his home. Offering a glass of good wine the host apologized saying "We wish we had vodka! **You prefer vodka to wine, don't you?**"* [11, p.67].

It is no doubt that the organization of conceptual and linguistic pictures of the world of any ethnic group as a whole and the individual in particular is impossible without a language. If a language helps thoughts, ideas obtain an external shape, mental actions in their turn make a great contribution to their inner content. The world fully appears to us in tandem of language and thinking. Every individual or nation draws a picture of the world, using their own empirical

and historical experience, unobtrusively considering cultural specific features and peculiarities of the perception of the world objects with the basis on the object-practical activity. The world divided into certain cognitive structures is easier to perceive, evaluate and expand. Forming stereotypes is identical to categorization, in which internal formation different cognitive processes operate: anchoring, judgmental (surface) anchoring, the effective and behavioral components of attitudes, cognitive dissonance, cognitive attribution. Ethnic stereotypes are the object of study of many disciplines, since multifaceted scientific view of this phenomenon may be the key to adequate and proper inter-ethnic understanding during the process of intercultural interaction. And a linguo-cognitive approach acts as one of the ways to have an insight look at the formation of stereotypes, when we take into account our mind abilities.

References:

1. Alefirenko N.F. Modern problems of the science of language: Textbook / N.F. Alefirenko. - M.: Flint: Science, 2005 - 416 p. // Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке: Учебное пособие/Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2005. - 416 с.
2. Kashkin V.B. Smolentceva E.M. Ethnic stereotypes and taboo topics in intercultural communication // Cultural taboos and their impact on the communication outcome. Collection of scientific papers. VSU, Voronezh. - 2005, pp. 246-252 // Кашкин В.Б., Смоленцева Е.М. Этностереотипы и табуированные темы в межкультурной коммуникации// Культурные табу и их влияние на результат коммуникации. Сборник научных трудов. ВГУ, Воронеж. – 2005, с. 246-252.
3. Maslova V.A. Introduction to Cognitive Linguistics: Textbook/ V.A. Maslova. - 5th edition. - M.: Flint: Science, 2011 - 296 p. / Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учебное пособие/В.А. Маслова. – 5-е издание. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 296 с.
4. Pochebut L.G. Cross-cultural and ethnic psychology: Textbook. - St. Peter., 2012 - 336 p./ Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология: Учебное пособие. – СПб.: Питер, 2012. - 336 с.
5. Radbil T.B. Foundations for the study of linguistic mentality: Textbook/ T.B. Radbil. - M.: Flint: Science, 2010 - 328 p./ Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: учебное пособие/Т.Б. Радбиль. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 328 с.
6. Samigullina A.S. Cognitive linguistics and semiotics // The problems of linguistics. V.3.2007. - pp.11-24/ Самигуллина А.С. Когнитивная лингвистика и семиотика//Вопросы языкознания. Вып.3.2007. – сс.11-24
7. Ter-Minasova S.G. Language and Intercultural Communication: Textbook - M.: Word / Slovo, 2000. – 264 p./ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: Учебное пособие – М.: Слово/Slovo, 2000. – 264 с.
8. Wierzbicka A. Understanding cultures through keywords / Translated from English by A.D. Shmelev. -

- М.: Languages of Slavic Culture, 2001 - 288 p./ Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов/Пер. с англ. А.Д. Шмелёва. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 288 с.
9. Francis M. Russkie. Beers, Bears & Babushkas. Author House, UK. 2009. – 302 p.
10. Lebedko M.G. Ethnic stereotypes and cognitive processes in cross-cultural communication// Cultural and linguistic contacts. Collection of scientific papers. Issue 10 / Exec. Ed. Z.G. Proshina. - Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 2008 - 256 p./ Lebedko M.G. Ethnic stereotypes and cognitive processes in cross-cultural communication//Культурно-языковые контакты. Сборник научных трудов. Выпуск 10/Отв. ред. З.Г. Прошина. – Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2008. – 256 с.
11. Lebedko M.G. Theory and practice of stereotypes in intercultural communication//In editors Stephanie Ann Houghton, Yumiko Furumura, Maria Lebedko, Song Li. Critical Cultural Awareness. Managing Stereotypes through Intercultural (Language) Education. Monograph. - Cambridge scholars Publishing. – 2013. - 205 p.
12. Pinker S. How the mind works//Penguin Books, 1998. – 660 p.
13. Sharifian Farzad. Cultural Conceptualisations and Language: theoretical framework and applications/ Farzad Sharifian. John Benjamins Publishing Company. Amsterdam/Philadelphia, 2011. – 257 p.
14. Yale R. From Nyet to Da. Understanding the Russians. Revised and updated edition. Intercultural Press, Inc. USA. 1996. – 190 p.

КОНЦЕПТУАЛЬНО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ФИННО-УГОРСКИХ ГАЗЕТ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕЧАТИ МОРДОВИИ)

Ржанова Светлана Александровна

доктор культурологи, профессор Мордовского Государственного Университета

Аннотация. Проведенный анализ публикаций финно-угорской прессы Мордовии выявил ее концептуально-тематическую составляющую, показал использование таких концептов как обычаи и обряды, историческая преемственность, русский язык как средство взаимопонимания и общения.

Содержание публикаций об истории, культуре, обычаях, сохранении национального языка характеризует журналистов финно-угорских СМИ как профессионалов, которым ценна информация о своем народе, им важно привить любовь современного поколения к национальной истории через призму газетных полос.

На рубеже веков и тысячелетий в жизни человечества происходит большая переоценка ценностей. В быстро меняющемся мире каждый народ стремится и сохранить себя и в то же время ищет основу сближения с другими народами. Этой основой для финно-угорских обществ является языковое родство, т.к. все эти народы входят в одну финно-угорскую языковую семью.

Сегодня большое число ученых придерживается мнения об этничности как одном из проявлений общечеловеческого процесса индивидуальной адаптации личности, для которой знание своих истоков просто необходимо. И чувство принадлежности к культуре своего народа является более сложным, чем понимание причастности к своей нации.

Если национализм затрагивает в человеке его «коллективную» суть, то этничность - «индивидуальную» составляющую личности. Поэтому знание своих корней для «индивидуального» человека необходимо, чтобы быть в системе координат. И только культура своего народа является отлаженной системой.

В культурном развитии любого народа определяющую роль играют национальные средства массовой информации. И это не голословная фраза, а неоспоримый факт. Там, где больше внимания уделяют средствам массовой информации на родных языках, не так остро стоит

вопрос о сохранении культурных ценностей того или иного народа.

К примеру, среди финно-угорских регионов России одна из благополучных республик в плане развития культуры, языка титульной нации – Марий Эл. В этом непосредственную роль, по словам начальника управления печати Министерства культуры и по делам национальностей Марий Эл В.А. Маркина, играют национальные СМИ, которых в этой республике по сравнению с другими регионами наибольшее количество: только печатных изданий 16, в том числе 5 журналов. Из газет самая крупная – это ежедневная «Марий Эл», с выходом пять раз в неделю, тиражом около шести тысяч экземпляров.

Исследование средств массовой информации сегодня подразумевает под собой детальный анализ жанра, тематики, смысла, задач публикации. Кроме этого в журналистских текстах имеет место быть, так называемые тематические концепты, которые пытается донести автор до читателя. Мы попытались соотнести основные темы публикаций и концептов.

Существует много трактовок термина «концепт», что приводит к разногласиям среди исследователей. По мнению В.Н. Телия, концепт – это «все то, что мы знаем об объекте во всей экстензии этого знания. Он представляет собой семантическую категорию наиболее

высокой степени абстракции, включающую в себя частные значения конкретизации общей семантики» [4, с.147]. Ю.С. Степанов дает определение концепту, как явлению того же порядка, что и понятие. По утверждению ученого концепт - это « как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [3, с.56]. Особого внимания заслуживает трактовка данного термина В.В. Колесовым. Исследователь разделяет узкое понимание концепта как «объекта понятия» и широкое понимание «концепта культур» [1, с.46].

Таким образом, рассматривая сущность концепта, исследователи отмечают его принадлежность этнокультурному миру человека. Семантическое его содержание при этом интерпретируется в контексте форм мысли носителя языка как этнокультурная репрезентация. Познание концепта помогает воссоздать этнокультурный образ, особенность менталитета носителя языка.

Комплексное исследование медийных текстов финно-угорских газет позволило нам выявить частое использование различных концептов. Для контент - анализа были выбраны финно-угорские газеты Республики Мордовии. Проведенный анализ публикаций финно-угорской прессы показал, что по содержанию их можно классифицировать по следующим концептам: обычаи и обряды; историческая преемственность, масштаб в истории культуры; использование русского языка как средства взаимопонимания и общения.

Все выявленные концепты в большей или меньшей степени присутствуют в анализируемых газетах. Эта тематическая особенность отличает финно-угорские издания от других республиканских медиа.

Наше исследование показало стабильное внимание СМИ к жизнедеятельности финно-угорских народов, а также их участию в общественно-политической жизни страны. В анализируемых изданиях активно ведутся открытые дискуссии по теме исторической преемственности между поколениями, отмечается повышение внимания к национальной идее финно-угорских регионов. Все публикации, отражающие концепт «масштаба», нацелены на консолидацию финно-угорских народов для сплочения и совместного решения появившихся проблем.

Поволжский регион богат национальными традициями, самобытными мастерами слова, живописи, музыки, ваяния. Исследователь истории мордовской журналистики, профессор Ю.А. Мишанин, неоднократно подчёркивает, что «с Мордовией связаны биографии многих известных людей, чьи имена знают далеко за пределами республики, России. Мировую известность имеет скульптор С. Эрзя: научные статьи по литературной критике и философии М.М. Бахтина, долгое время работавшего в Мордовии, изучают во всем мире. Патриарх Никон, родившейся в мордовском крае, известен в истории России с петровских времен... Можно и дальше перечислять имена тех людей, которые родились, жили, трудились на территории нашей республики и прославили ее» [2, с.22].

В финно-угорских изданиях Мордовии можно проследить частое употребление концепта «уклад жизни финно-угорских народов».

Весьма строги были у мордвы нравственные соционормативные традиции. «Понятия о чести у мордвы самые твердые и безукоризненные, – утверждал Н. Прозин. – Мордовские селения и до селе еще ...отличаются чистотой своих нравов. Есть поговорка, и очень справедливая... «С господами честно, с попами свято, а с мордвинушкой грех, да лучше всех». Среди других штрихов к нравственно-психологическому портрету мордовского народа газеты и журналы отмечали миролюбие, доброту, гостеприимство, упорство в достижении цели, почитание старших, консерватизм в верованиях, крепость семей.

Именно с социальными обстоятельствами связывает Н.Н. Оглоблин следующую характеристику мордвы: «В характере местной мордвы, – читаем в очерке «В Мордовском крае», – невольно наблюдается какое-то горделивое спокойствие, порядочность и сдержанность, полная сознания своего достоинства и чуждая всякого рода выходок, резкостей, крайностей.

Таким образом, черты, которыми характеризуется и физический, и нравственно-психологический тип мордвина, представляют собой результат общих социально-экономических условий. Эти условия, в свою очередь, составляют продукт «природы страны».

Духовная жизнь финно-угров невозможна без народных верований. Даже давно крещенные народы сохранили у себя огромный пласт культуры, связанный с дохристианскими верованиями. Финно-угорская пресса толерантна не только в вопросах национальности, но и в вопросах веры. Среди основных задач, которые ставят журналисты в своих материалах, можно выделить следующие: защита религиозно-культурных прав уральских народов; духовное возрождение тех народов, которые уже потеряли часть своего языка, культуры, традиций; сотрудничество и развитие исключительно добрых взаимоотношений с верующими других вероисповеданий; укрепление связи между отдельными народами и их духовными предводителями и приобщение сторонников своих природных религий к духовному наследию.

Средства массовой информации играют в духовной жизни общества особую роль, обладая огромными возможностями влиять на умонастроение и мироощущение граждан. Религиозная жизнь не сводится к обрядам и праздникам. Вера проявляется в достижении полноты жизни человека. Передать все сложности и тонкости можно лишь, показав личность, объяснив то, что Бог или Церковь значат для человека. Портрет верующего человека – это очень важный жанр для религиозной журналистики.

Анализ газетных публикаций и информационных сообщений позволяет достаточно адекватно анализировать основные направления освещения деятельности той или иной конфессии, ее руководителей, взаимодействия ее с региональными властями, установить существенные факторы, определяющие восприятие данной религии и ее представителей в конкретном регионе. В прессе достаточно часто обсуждается вопрос о взаимопроникновении и взаимовлиянии веры и государственной власти.

Так в публикации «Надо стимулировать процессы двуязычия» в «Финно-угорской газете» анализируется

опыт разработки проектов, нацеленных на улучшение ситуации с функционированием языков финно-угорских народов.

Можно констатировать высокий уровень внимания общества к проблеме сохранения национальных языков финно-угров, при этом развивая межнациональные отношения путем привлечения русского языка как единого.

Изучая с научных позиций систему и функционирование средств массовой информации, мы выявили концепт «использование русского языка как средства взаимопонимания и общения между финно-угорскими народами».

Финно-угры объединены желанием сохранить свою самобытность, обогащать культурно-информационное и образовательное пространство. Но с учетом современности, единственным средством общения их между собой остается русский язык.

Таким образом, информационный мониторинг дает основание отметить, что финно-угорская периодическая печать в целом объективно отражает ключевые

направления региона. Содержание публикаций об истории, культуры, обычаях и обрядах, сохранении национального языка характеризует журналистов финно-угорских СМИ как профессионалов, которым ценна любая информация о своем народе, их интересует будущее, им важно привить любовь современного поколения к национальной истории, традициям, обычаям и обрядам.

Список литературы

1. Колесов В.В. Концепт культуры: образ - понятие - символ // Вестн. Л., 1992. Сер.2. Вып.3. №16. С. 46.
2. Мишанин Ю.А. Мордвину верить на слово // Финно-угорская газета. 2010. №43. С.22.
3. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа "Языки русской культуры", 1997. С. 40-76.
4. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический, культурологический аспекты. М., 1996. 284 с.

ЛАКУНЫ В АНГЛИЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАРАДИГМАХ

Савицкая Екатерина Владимировна

старший преподаватель, Поволжская государственная социально-гуманитарная академия, г. Самара

LACUNAE IN THE ENGLISH PHRASEOLOGICAL PARADIGMS

Savitskaya Ekaterina, assistant, Povolzhskaya State Academy of Social Sciences and Humanities, Samara

АННОТАЦИЯ

Английские фразеологические лакуны рассмотрены в статье с позиций внутриязыкового подхода.

Определена их сущность и описаны критерии лакунарности английских фразеологических единиц.

ABSTRACT

Phraseological lacunae of English are viewed and defined in the article from the intralinguistic standpoint. Their essence is ascertained and criteria of English phraseological units' lacunarity are described.

Ключевые слова: фразеологическая лакуна; парадигмальная матрица; фразеологическое поле; фразеологическая модель.

Key words: phraseological lacuna; paradigm matrix; phraseological field; phraseological generative model.

В наше время языковые лакуны рассматриваются главным образом в интерлингвистическом (межъязыковом) аспекте, однако интралингвистический (внутриязыковой) аспект проблемы заслуживает не меньшего внимания. Чтобы с его позиций выявить лакуны во фразеологическом фонде языка, требуется представить этот фонд в виде матрицы.

«Число ... фразеологических лакун – ... дыр в идиоматической ткани языка – велико», – отметила М.Г. Новикова [6, с. 122]. Подчеркнем, однако, что, согласно внутриязыковой трактовке лакун, упомянутые «дыры» эндогенны, обусловлены внутренними причинами, а не проделаны «в идиоматической ткани языка» другими языками, и потому не столь многочисленны, как могло бы показаться при межъязыковой трактовке фразеологических лакун.

В целях выявления фразеологических лакун семантическая «сетка» – план содержания английской фразео-

логической системы – накладывается на ее план выражения (корпус английских фразеологизмов), и при наложении должны обнаружиться пустые ячейки.

Вопрос, однако, состоит в том, какие семемы составляют план содержания английской фразеологии. По этому поводу у лингвистов нет единого мнения.

«Фразеологизм и слово могут быть соотнесены по их лексическому значению как синонимы, например: пустить в расход = расстрелять, дать дуба = умереть», – считал А.И. Молотков [4, с.508]. Следовательно, с его точки зрения, семантическая «сетка» лексического и фразеологического фондов едина; они образуют общий фонд, и фразеологизмы занимают либо те же ячейки, что и отдельные слова (в редких случаях абсолютной синонимии), либо смежные со словами ячейки (в более частых случаях синонимии идеографической и / или стилистической). Поскольку, по Молоткову, фразеологизмы дублируют слова и, значит, лексико-фразеологический фонд

един, разница между лексическими и фразеологическими лакунами нейтрализуется. Вопрос о фразеологических лакунах решается так же, как и вопрос о лексических лакунах.

Несколько иной взгляд высказал А.В. Кунин: «Фразеологические единицы заполняют лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью обеспечить именование познанных человеком новых сторон действительности, и во многих случаях являются единственными обозначениями предметов» [3, с. 5]. С этой точки зрения фразеологизмы обладают не лексическим, а особым – фразеологическим – значением.

Из этого высказывания следует, что многие фразеологизмы не имеют лексических синонимов. Так, значение фразеологизма *to wash one's dirty linen in public* нельзя передать отдельным английским словом. Его можно передать лишь переменным словосочетанием типа *to discuss private or embarrassing matters in public, especially when quarrelling* [9]. Значит, семантические «сетки» лексического и фразеологического фондов пересекаются лишь частично (в синонимической части). В другой своей части лексические и фразеологические значения охватывают разные фрагменты реальности.

Наши наблюдения над английским фразеологическим фондом согласуются с точкой зрения А.В. Кунина. Одни фразеологизмы синонимичны словам (*to yield one's breath = to die*), а другие обозначают фрагменты реальности, не совпадающие с денотатами отдельных слов (*to beard the lion in his den = to oppose or confront boldly one's powerful opponent or superior on his own ground* [8]).

Далеко не все английские фразеологизмы существуют как «тени» на фоне стилистически нейтральных слов, как их экспрессивные и эмотивно-оценочные дубликаты, созданные «для красного словца» (такие, как *to snore = to bring one's hogs to market*). Многие фразеологизмы – не «довесок» к отдельным словам; они вполне самостоятельны, созданы для того, чтобы моделировать типовые культурные сценарии более компактно, чем описательные речевые сочетания слов. Такие фразеологизмы относятся не к периферии, а к ядру номинационной системы языка. Например, фразеологизм *Pandora's box* (4 слога) благодаря имплицитности большей части своей семантики представляет собой гораздо более лаконичное средство выражения соответствующего понятия, чем его толкование в словаре [8]: *an action that may seem small or innocent, but that turns out to have severe and far-reaching consequences* (27 слогов).

С учетом этих соображений постараемся ответить на вопрос, что входит в

семантическую систему фразеологического фонда английского языка. Это нужно для того, чтобы на этой основе выявить фразеологические лакуны.

В принципе, фразеологизмы могут десигнировать концепты и понятия любого типа – даже научно-технические. Но это для них нетипично. Многими лингвистами отмечен антропоцентрический характер фразеологизмов в плане содержания. Так, по О.Ю. Зелёнкиной [1, с. 13-18], английские фразеологизмы относятся в основном к следующим тематическим рубрикам:

I) взаимодействие людей (e.g. *to teach a fish to swim* 'поучать эксперта')

II) душевные состояния (e.g. *to shake in one's shoes* 'бояться')

III) личностные свойства (e.g. *not to say boo to a goose* 'быть робким')

IV) социальный статус и социальные роли (e.g. *a fat cat* 'капиталист')

V) культурный типаж (e.g. *an old horse* 'старый служака, ветеран')

VI) действия человека (e.g. *to put two and two together* 'сделать вывод')

VII) внешний облик и др. физич. черты (e.g. *a bag of bones* 'худой человек')

VIII) неодуш. предметы и явления (e.g. *a silent butler* 'щетка для мусора')

Так выглядит основная рубрикация плана содержания английских фразеологизмов. Что касается их плана выражения, а именно образности, ее можно подразделить на интернациональную и национальную. Обращение к множеству работ отечественных фразеологов показывает, что первая носит в основном антично-мифологический (*to bury one's talent, to cherish a serpent on one's bosom, etc.*) или библейско-мифологический характер (*to be in sackcloth and ashes, to separate the sheep from the goats, etc.*), а вторая отражает главным образом реалии природных, социально- и культурно-исторических условий жизни английского народа (*to send smb. to Coventry, to pay the piper and call the tune, etc.*) и национальный фольклор (*to have kissed the Blarney stone, to fight like Kilkenny cats, etc.*).

В диссертациях А.В. Варгуниной, С.А. Загриценко, М.А. Терпак, О.В. Беяковой, И.В. Дукальской, В.С. Мартынова, А.В. Папшевой и других исследователей показано, что фразеологическая образность распределена в основном по следующим сферам:

1) «Флора» (e.g. *to nip in the bud* 'искоренить что-л. в зародыше')

2) «Фауна» (e.g. *to saddle a bear* 'схватиться с опасным противником')

3) «Климат и погода» (e.g. *to make fair weather with smb.* 'ладить с кем-л.')

4) «Ландшафт» (e.g. *to make a mountain out of a molehill* 'преувеличивать')

5) «Времена года» (e.g. *smb.'s autumnal years* 'на склоне лет')

6) «Явления природы» (e.g. *not to bow before the storm* 'быть стойким')

7) «Тело человека» (e.g. *to be smb.'s right hand* 'быть главным помощником')

8) «Питание» (e.g. *to eat the leek* 'стерпеть обиду')

9) «Одежда» (e.g. *to wear the trousers* 'быть главой семьи <о жене>')

10) «Хоз. предметы» (e.g. *to carry water in a sieve* 'делать что-л. бесполезное')

11) «Оружие» (e.g. *to sheathe the sword* 'прекратить вражду')

11) «Жилище» (e.g. *to put one's house* 'привести свои дела в порядок')

12) «Азартные игры» (e.g. to put all one's cards on the table 'изложить всё')

13) «Торговля» (e.g. to sell smb. a goldbrick 'обмануть кого-л.')

14) «Спорт» (e.g. to have the ball at one's feet 'иметь инициативу')

15) «Навигация» (e.g. to sail against the wind 'поступать наперекор')

16) «Театр» (e.g. to quit the stage 'покинуть арену деятельности')

17) «Война» (e.g. to stand to one's ground 'отстаивать свои позиции')

Таким образом, мы получили уже две оси для построения матрицы – рубрикации фразеологизмов в плане содержания и их рубрикации в плане выражения. Но есть еще и третья ось.

В ряде трудов по фразеологии ([2], [5] и др.) перечислены типовые способы, с помощью которых образная основа моделирует фразеологическое значение. В значении фразеологизма зафиксирован его денотат, а в его образной основе – тот или иной признак денотата. Например, в образной основе фразеологизма to wash one's hands off smth. зафиксирован древний обряд, символизирующий снятие с себя ответственности.

В вышеупомянутых трудах показано, какие семантические признаки, моделирующие денотат, лежат в образной основе фразеологических единиц английского языка:

a) физический показатель денотата (to get hot under the collar 'разъяриться')

b) поведенческий показатель денотата (e.g. to leap in the air 'радоваться')

c) символ денотата (e.g. to lead smb. to the altar 'жениться')

d) дислокация денотата (e.g. to be in the seventh Heaven 'быть счастливым')

e) эталонный носитель признака денотата (to eat like a horse 'быть обжорой')

f) предметный аналог денотата (e.g. to be a sheet in the wind 'быть пьяным')

g) сущность денотата (e.g. to pay one's debt to Nature 'умереть')

Эти три оси дают возможность построить трехмерную (кубическую) матрицу английского фразеологического фонда, в которой каждая ячейка представляет собой не квадрат, а куб, имеющий три координаты. В качестве примера приведем ячейку [1 – 13 – f] (ситуация социального взаимодействия в плане содержания – торговая ситуация в плане выражения – аналогия как способ связи между ними). В этой ячейке располагается целый ряд английских фразеологизмов – например, to buy a pig in a poke. Его значение – 'согласиться на что-л., не имея достаточно сведений для принятия обоснованного решения' (социальная интеракция); его образная основа – 'купить свинью в мешке' (торговля); способ связи значения и образной основы – аналогия ролевых структур ситуаций (агенса – пациенса – локатива).

Упомянутый фразеологизм занимает микроячейку в данной ячейке. Эта микроячейка заполнена, а следова-

тельно, в этом примере фразеологической лакуны нет. Тогда какие же микроячейки в английском фразеологическом фонде не заполнены? Иными словами, что следует считать лакунами во фразеологическом фонде английского языка?

Как отмечалось, по мере подъема по уровням языка строгость системной организации ослабевает. В английской фразеологии матрица не выглядит столь жестко, как в фоно- и морфологии. Поскольку упоминавшаяся выше фразеологическая тематика не облигаторна, а лишь предпочтительна, в глобальном масштабе (в масштабе всего английского фразеологического фонда) нельзя с уверенностью говорить о том, какие именно фразеологизмы должны в нем присутствовать, но фактически отсутствуют.

В локальном масштабе (в масштабе фразеологических полей) вопрос о существовании лакун не решается однозначно. Такие поля, построенные по реестровому принципу, в отличие от номенклатур, «не обязаны» охватывать целиком свою предметную область. Вследствие этого размываются критерии, по которым можно было бы судить, какие семемы присутствуют в таком поле, но не обеспечены фразеологическими единицами. Иными словами, размыты критерии установления лакун в таких полях. Так, в английском фразеологическом фонде существует поле обозначений родов занятий: to follow the plough 'быть крестьянином', to go to sea 'быть моряком', to go on the streets 'быть проституткой', to wear the crown 'быть монархом', to wear a black coat 'быть священником', to wear a big wig 'быть судьей', to pull the needle 'быть швейей', to carry a gun 'быть гангстером' (и др.).

В отличие от номенклатуры официальных названий, в этом поле имеются

обозначения далеко не всех родов занятий. Означает ли это, что в плане содержания данного поля существует множество семем, которые в плане выражения не снабжены фразеологическими десигнаторами? Ответ «да» подразумевает, что в данном фразеологическом поле имеются тысячи лакун при двух десятках заполненных ячеек, а отрицательный – что лакун в этом поле нет. Но мы склонны скорее к отрицательному ответу, аргументируя его прагматически: официальные номенклатурные наименования родов занятий должны существовать в языке (без них просто невозможно обойтись), а образные – не обязаны. Они возникают в английском языке по поэтическому вдохновению народа-языкотворца, а оно не поддается регламентации. «Дух дышит, где хочет» (Иоанн 3: 8); английская фразеологическая номинация носит свободный, творческий и факультативный характер. Поэтому, на наш взгляд, в этом поле нецелесообразно постулировать облигаторные «семемы без фразем», т.е. фразеологические лакуны.

С паремиями дело обстоит проще и яснее. Г.Л. Пермяков [7] разработал единую для всех (или, по крайней мере, для многих) лингвокультур матрицу пословицных моделей, на фоне которой отчетливо прослеживаются лакуны в паремиологических фондах отдельных лингвокультур. Это связано с тем, что пословицы в своей совокупности образуют довольно ригидную логическую

систему (почти исчисление), а в таких системах сравнительно легко выявить лакуну. Фразеология же представляет собой гораздо более лабильную систему, и постулирование в ней пустых ячеек (лакун) требует доказательств. Межъязыковой критерий – существование в другом языке фразеологизма, не имеющего эквивалента в рассматриваемом языке, на наш взгляд, не работает. Предстоит выработать внутриязыковые критерии обнаружения лакун во фразеологическом фонде.

Литература:

1. Зелёнкина О.Ю. Состав фразеологического кода английского языка. Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2001.
2. Куликова Н.В. Моделирование действительности в образной основе фразеологических единиц. Дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013.
3. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. Дубна: Феникс+, 2005.
4. Молотков А.И. Послесловие // А.И. Молотков (ред.). Фразеологический словарь русского языка. М.: АСТ, Астрель, 2001.
5. Молчкова Л.В. Аллегорико-символический перенос во фразеологии // Актуальные вопросы теории и практики филологических исследований: Сб. науч. тр. Пенза: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011.
6. Новикова М.Г. Мера смысла, актуальное членение и адекватность перевода. М.: Флинта, Наука, 2012.
7. Пермяков Г.Л. Основы структурной паремиологии. М.: Наука, 1988.
8. Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford: Clarendon Press, 1989.
9. McGraw-Hill Dictionary of American Idioms. N.Y.: McGraw-Hill Co., 2002.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ПРЕДИКАТИВА СО ЗНАЧЕНИЕМ СХОДСТВА / ПОДОБИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1 ТРЕТИ XX ВЕКА

Савостина Дарья Андреевна

кандидат филологических наук, доцент, Московский институт телевидения и радиовещания «Останкино»;
учитель, ГБОУ средняя общеобразовательная школа г. Москвы №1288

GRAPHIC FUNCTIONS of the PREDICATIVE WITH VALUE of SIMILARITY / SIMILARITY IN TEXTS of the RUSSIAN LITERATURE of 1 THIRD of the XX CENTURY

Savostina Daria, PhD of Philology, assistant professor, Moscow Institute of television and radio "Ostankino"

Teacher, Moscow school № 1288

АННОТАЦИЯ

В статье проведен анализ текстов русской литературы 1 трети XX века и описана специфика функционирования в них форм предикатива со значением сходства / подобия. Данные формы в современном русском языке являются продуктивным аналитическим способом выражения грамматических значений и обладают богатым изобразительно-выразительным потенциалом, что обуславливает активное употребление предикатива в текстах художественных произведений.

ABSTRACT

This article is devoted to analysis of texts of the Russian literature of 1 third of the XX century and specifics of functioning of forms of a predicative in them with of meaning similarity. These forms in modern Russian are productive analytical way of representation of grammatical meanings and possess the rich expressive potential that causes the active use of a predicative in literature texts.

Ключевые слова: предикатив; грамматическая категория; компаративные синтаксические конструкции.

Key words: predicative; grammatical category; comparative syntactic designs.

В современном русском языке краткие формы качественных прилагательных, утратив склонение, разошлись с полными прилагательными по семантическим, морфологическим и синтаксическим характеристикам и оформили центр особой грамматической категории – предикатив.

Предикатив – особая часть речи, оформившаяся в результате обособления краткой формы в парадигме имени прилагательного, имеющая собственное категориальное значение качественного состояния, проявляющегося во времени. Предикатив – аналитическая категория, совмещающая признаки прилагательного и глагола; глагольные категории оформляются с помощью связки. *Как хороши, как свежи были розы / Моей любви, и славы, и*

весны! (И. Северянин); Близок вой похоронных труб, / Смутен вздох охладевших губ (А. Блок); Тяжела ты, любовная память! (А. Ахматова). Слова на –о мы не относим к категории состояния, а, разделяя идеи П. А. Леканта [2], М. В. Дегтяревой [1], считаем их обособленной, безличной, формой предикатива: *Как стало жутко и светло! / Весь город – яркий сноп огня, / Река – прозрачное стекло, / И только нет меня (А. Блок).* Таким образом, систему грамматических категорий предикатива оформляют: 1) формы рода и числа; 2) формы времени и наклонения; 3) личные и безличные формы; 4) формы степеней сравнения; 5) формы вида. В предложении предикатив выполняет предикативную функцию. Благодаря богатым лексическим и морфолого-синтаксическим характеристикам,

сосредоточенным в одной форме, предикатив обладает ярким изобразительным потенциалом, что обуславливает его активное употребление писателями и поэтами 1 трети XX века.

Помимо своей основной, сказуемостной, функции, предикатив может выступать в роли вспомогательного компонента в компаративных синтаксических конструкциях. Речь идет о таких предикативах, как **похож, подобен, схож, сходен**. Данные словоформы содержат в себе семантику сравнения (сходства / подобия) и оформляют компаративные предикаты. Они функционируют исключительно в связанных типах предложно-падежного управления, требуя номинатива в косвенном падеже: *подобен (кому? чему?), похож (на кого? на что?), схож, сходен (с кем? с чем?)*. М. И. Черемисина определяет слова типа *похож, подобен, походит, смахивает* как компаративные связки, указывая на вспомогательную функцию данных лексем в конструкциях русского предложения. «При этом в составе собственно-простой, не осложненной сравнительной конструкции эти показатели, которые назовем компаративными связками, выступают в своей первичной функции, в финитно-глагольной или адъективно-предикативной» [3, с. 15]. *Ужасное это дело – дело странное, загадочное, неразрешимое. С одной стороны оно очень просто, а с другой очень сложно, похоже на бульварный роман* (И. Бунин); *И вся ты подобна невесте, / И вся ты подобна мечте, / Эстония, милая Эсти, / Оазис в житейской тщете!* (И. Северянин). Оформляя сравнение, предикатив не утрачивает своего категориального значения качественного состояния, протекающего во времени, а лишь приобретает дополнительный смысловой оттенок, что указывает на его родство с качественными прилагательными.

Предикативы со значением сходства / подобия строят аналитическую конструкцию с существительным в косвенном падеже. И здесь мы можем говорить о некоторой гибридности: совмещение функциональных признаков именной аналитической конструкции и признаков аналитической формы времени и наклонения (*был похож – похож – буду похож – был бы похож – будь похож*). С одной стороны, предикативы сходства / подобия действительно логично квалифицировать как компаративные связки, с другой – при них самих употребляются специализированные связки. *На лилий похожи все лебеди, / И солнце похоже на музыку!* (И. Северянин); *На склоне кургана лежал народ и грел кости на первом солнце, и люди были подобны черным ветхим костям из рассыпавшегося скелета чьей-то огромной и погибшей жизни* (А. Платонов); *Кузьма... чувствовал, что задеревеневшее лицо его с белыми кудрями усов и бороды стало похоже на святоточную маску* (И. Бунин).

Значение сходства / подобия следует отличать от значения тождества. Последнее является более широким, более объемным понятием, подразумевающим совпадение всех признаков, равенство предмета с самими собой: *Она же представляла из себя типичную русскую красавицу...* (В. Короленко), т.е. она и была красавицей, она – красавица.

Подобие означает лишь частичное сходство по какому-то отдельным признакам, чаще внешним, поскольку они быстрее устанавливаются говорящим, и характеризуется меньшим содержанием, но большим объемом, чем

тождество. «Объем понятия «подобие» оказывается шире, чем понятие «тождества». Упрощенно это можно проиллюстрировать так: на вопрос «что есть этот предмет?» можно дать если не один, то все-таки ограниченное число ответов, на вопрос «на что похож (чему подобен, что напоминает) этот предмет?» всегда существует возможность дать большее количество ответов» [4, с. 61].

В текстах литературы 1 трети XX века преобладает образное подобие, обусловленное выбором объекта сравнения. Для художественных текстов характерна субъективность восприятия окружающей действительности, и, как следствие, сравниваться могут предметы разных классов, одушевленные с неодушевленными: *Я твердо, я так сладко знаю, / С искусством иноков знаком, / Что лик жены подобен Раю, / Обетованному творцом* (Н. Гумилев); *Вдали он [жираф] подобен цветным кораблям, / И бег его плавлен, как радостный птичий полет* (Н. Гумилев); *О вы, размеры старые, <...> Вы были при Толстом! / О вы – подобны лавине!* (И. Северянин).

Значение *подобный*, в свою очередь, уже значения *похожий*: подобие означает, что разные предметы проявляют некоторые одинаковые признаки, а сходство предполагает большую степень тождественности: *А посреди престола и окрест / - Животные, число же их четыре. / А первое подобно было льву* (чем-то напоминало говорящему льва), */ Тельцу – второе, третье – человеку, / Четвертое – летящему орлу* (И. Бунин).

Так же, как и *подобен*, формы *похож, схож* оформляют образное, метафоричное сравнение: *... город расположен в ровной скудной степи, небо над Чевенгуром тоже похоже на степь – и нигде не заметно красивых природных сил, отвлекающих людей от коммунизма и от уединенного интереса друг к другу* (А. Платонов); *С небесами, где легкие спят облака, / бродят радуги, схожа Сахара* (Н. Гумилев); *Гора эта с трех сторон окружена морем, очень похожа на погасший вулкан...* (М. Пришвин); *Камень, под которым спрятался зверь, был похож на громадного орла* (М. Пришвин).

Компаративные предикативы-связки становятся все более продуктивными в современном русском синтаксисе, соперничая с глагольными связками типа *напоминать, походить* и свидетельствуя о многообразии предикативно функционирующих предложно-падежных форм имен существительных. «Аналитические связочные компоненты <...> иллюстрируют меняющееся в современном русском языке соотношение и пропорции синтетических и аналитических способов выражения грамматических значений, правила образования аналитических конструкций и аналитических грамматических форм» [Дегтярева 2007: 115].

Список литературы:

1. Дегтярева М.В. Частеречный статус предикатива. – М., 2007. – 162 с.
2. Лекант П.А. Часть речи предикатив // Структура, семантика и функционирование в тексте языковых единиц: Межвуз. сб. науч. трудов. – М., 1995. – С. 3-8.
3. Попова Л.В. Система связок именного сказуемого в современном русском языке. – Архангельск, 2005. – 158 с.
4. Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. – М., 2006. – 272 с.

НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ЛИРИКЕ Р.И. РОЖДЕСТВЕНСКОГО

Сипкина Нина Яковлевна

кандидат филологических наук, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

АННОТАЦИЯ

Великая Отечественная война была величайшим историческим потрясением и огромным испытанием человечности, силы духа, нравственности, убеждений. И даже малый – детский и отроческий – опыт дали искусству, поэзии, явления большого художественного значения. С годами становится все более ясно, что война – это не только движение фронтов и армий или бой за высоту, но и драматические события, которые происходили в тылу. Если для представителей военного поколения (Казакевича, Симонова, Орлова и др.), война была вехой их биографии, самым значительным событием в жизни, то дети и подростки военного времени, пришедшие в литературу спустя десять лет (Рождественский, Евтушенко, Вознесенский, Ахмадулина и др.) после её окончания, внесли новые ощущения, штрихи, детали исключительной непосредственности. Детская впечатлительность, такая открытая для внешнего мира, еще более обострилась перед лицом войны.

Ключевые слова: Р. И. Рождественский, нравственно-философское осмысление, Великая Отечественная война, военная лирика, тематические группы, стихи-воспоминания, жанровое разнообразие.

Во многих стихах Р. И. Рождественского прослеживается тема Великой Отечественной войны. Сам поэт объяснял, почему он пишет о войне, «более того не может не писать»: «А все дело в судьбе. В твоей личной судьбе, которая начинается вовсе не в момент рождения человека, а гораздо раньше. В личной человеческой судьбе, которая никогда не бывает чем-то отдельным, обособленным от других людских судеб. Она, твоя судьба, – часть общей, огромной судьбы твоего народа. И существуешь ты на земле, продолжая не только собственных родителей, но и многих других людей. Тех, которые жили до тебя. Тех, которые когда-то защитили твой первый крик, первый шаг на земле» [3, с. 20].

Можно выделить несколько тематических групп стихов поэта о Великой Отечественной войне. Одной из них стали стихи, в которых поэт вспоминает свое детство.

Поколение, к которому принадлежит Р. И. Рождественский, в детском и отроческом возрасте хватило «военного лиха», и уже в состоянии было давать осознанную оценку событиям и людям в пору «беды народной». Рождественский – не исключение. Он, будучи мальчишкой, испытал во время войны многие превратности судьбы (в частности, Р. И. Рождественскому пришлось пережить смерть бабушки, гибель отца на фронте, голод, холод, длинные очереди за хлебом, детский дом) и, как его сверстники, в течение долгих лет не мог изжить последствия большого внутреннего потрясения, которое пережил в военную пору.

В литературном процессе второй половины 1950-х – первой половины 1960-х годов мальчишеское ощущение войны отразилось очень драматично. Например, в стихах В. Н. Соколова есть непосредственное соприкосновение с войной («...разбужен звоном стекол и грохотом орудий, рвавших тишь, / я услышал, как град осколков цокал по мостовой и по железу крыш»). Стихи В. Н. Соколова объясняют, на наш взгляд, почему у его поколения война в воспоминаниях стала синонимична теме детства: «лишь через него я в силах в быль великую взглянуться».

Помимо полного доверия детским ощущениям, поэт считает, что суровый тот опыт позволяет ему и его сверстникам «стать сегодня равным в ряду проверенной войною поколений».

У Р. И. Рождественского, как у его товарищей – представителей «эстрадной» поэзии, вступивших на поэтический путь на заре 1950-х годов, «детство ассоциировалось с войной, а война с продолжением детства» [1, с. 74-75]. Два этих образа слились в один. Рождественский в эти годы писал: «Родился я / в селе Косиха. / Дождливый летом. / На Алтае... / Нет! / Я родился / много позже. / Потом. / В июне. / В сорок первом» («Дни рождения») [2, с. 328].

Во время «оттепели» Роберт Рождественский и Евгений Евтушенко – единомышленники, земляки, биографии которых во многом схожи. Поэтому, оглянувшись назад, в детство, каждый из них смог, как в зеркале, увидеть вместо себя – друга и его жизнь, которая предполагала однотипные ситуации. И тот, и другой выступали в госпитальных концертах (отсюда и стихотворения «Концерт» Р. И. Рождественского и «Армия» Е. А. Евтушенко).

Сюжетные и содержательные переключки стихотворений очевидны: «Сорок трудный год. / Омский госпиталь... / Коридоры сухие и мокрые. / Шепчет старая нянечка: / «Господи! / До чего же артисты / маленькие...» (Рождественский).

Сравним: «В палате выключили радио, / и кто-то гладил мне вихор... / В зиминском госпитале / раненым / давал концерт наш детский хор» (Евтушенко).

Совпадает даже репертуар участников концертов в омском и зиминском госпиталях: «...не совсем совершенно, / но вовсю запевам внимая, / о народной поем, / о священной / так, / как мы ее понимаем...» (Рождественский).

Сравним: «О взгляды долгие, подробные! / О страдание сестер! / Но вот: / Но вот: / «Вставай, страна огромная!» - / запел, запел наш детский хор» (Е. Евтушенко).

«Конкретика стихотворений о военном детстве у обоих поэтов отчетливо прозрачна. Так же, как на концертах, они бывали и на базарах тыловой России. Базар становится образом сытого, недостижимого для детей мира, который они сразу же отвергли как неправду, чужое и чуждое для них место обитания «медолюбцев» – спекулянтов и чуть ли не предателей родины» [1, с. 72] («Базар того года» Рождественского и «Мне было и сладко и тошно» Евтушенко).

Стихотворение «Базар того года» вместило в себя все детские впечатления голодного мальчика, гуляющего по базару, чтобы хотя бы посмотреть на изобилие продуктов. Там, как по волшебству, торговли откуда-то принесли сахарин, целебную махру, брусничную настойку, румяные шаньги, «чудо-мыло», «костыль-самоход», прыгающий мячик, валенки. Был там дедушка-фокусник – из уха вытаскивал огурец, в лужице появлялись рыбки, выдергивал голубей из сумочки, полено превращал в пилу. Все смеялись. А один мальчик попросил продать фокус: «Чтоб в конце фокуса... / папа / пришел».

Базар воспринимался ими и как образ счастливого и навсегда ушедшего детства: «Мне было и сладко, и тошно. / Уряда базарного встав, / глядеть, / как, дымилась картошка / на бледных капустных листьях» (Евтушенко).

«Объединяет «военные стихи» поэтов и образ дороги, что в определенной мере закономерно: ведь война привела в движение миллионы людей, перемещала десятки народов, в отношениях с ней находилось полмира. Эшелоны, шедшие днем и ночью с запада на восток и с востока на запад через станцию Зима и город Омск, втягивали мальчиков в это поистине всенародное движение» [1, с. 73]. В стихотворении «В сорок четвертом» Р. И. Рождественский вспоминает яркую картину, когда его мама везла на фронт: «...на мне военная форма, - / на мне / твои сапоги! / Не плачь! / Мне уже двенадцать / я взрослый / почти...» [2, с. 91].

Они едут очень медленно, подолгу останавливаясь на каждой станции. При встрече старухи вздыхают тяжело, называют мальчика в военной форме «сыночком», «солдатином маленьким». Образ старух ассоциируется у поэта с образом Родины-матери: «Россия моя, / не надо! / Не гладь меня! / Я просто / будущий сын полка. / И никакого героизма / не совершал пока» [2, с. 91].

Рельсовые пути, движение поезда сравниваются с длинной бесконечной очередью за хлебом, которую вдоль испытал этот «юный солдат».

В стихотворении Р. И. Рождественского «Родных разыскиваю, родных...» «появляется образ мальчишки, потерявшегося во время войны, прошедшего через детдом, бродящего по вагонам в надежде на то, что, может быть, отыщет кого-нибудь из родных или хотя бы найдет человека (своего рода шолоховский Ванюшка из «Судьбы человека» – военного времени), который бы приютил и обогрел его. Подобный образ раскрывается и в стихотворении Е. А. Евтушенко «Мне было и сладко, и тошно» [1, с. 73].

О ледящем холоде, который стал символом детских воспоминаний о войне, рассказывает нам стихотворение Р. И. Рождественского «Та зима...»: «Та зима была,

будто война – / лютая. / Пробуравлена, / ветром / прокалена» [2, с. 624].

Данью воспоминаний об учебе в Военном музыкальном училище звучит стихотворение Р. И. Рождественского «Третье музыкальное». Метафорические образы помогают понять ощущения юного музыканта: огромный бас-геликон, в который он «влезал как в удава, свернувшись клубком», «гаммы плыли из комнат, муторно и тяжело». Курсанты шли в город строем и играли марши: «Ревмя / ревели тромбоны! / Поддакивали альты. / Кларнеты / во всю верещали...». Гордые музыканты входили в стены училища, довольные собой, каждый показал свой класс. Все курсанты ждали похвал. И здесь ребята получили нравственный урок от старшины Иващенко, который Р. И. Рождественский запомнил на всю жизнь: «Бездарно было, / товарищи!» - / оценку игре / давал. / «Вы только понять сумеете / на данном этапе / одно: / каждому / инструменту / право на жизнь / дано. / В каждом из них, - / заметьте! – / живая душа звенит. / Но грохотом / инструмента / ее нельзя заменить...» [2, с. 212].

Следующая группа – стихи-баллады («Баллада о зенитчицах», «Баллада о молчании», «Баллада о красках» и др.) отличаются эпичностью – это маленькие рассказы в стихах: со своей завязкой, развитием действия, кульминацией, развязкой.

О подвиге девчонок, старшей из которых было 18 лет («лихая челка над прищуром хитрым, бравурное презрение к войне»), мы узнаем из стихотворения «Баллада о зенитчицах». Это случилось под самой Москвой, к Химкам вышли танки с крестами. Несмотря на все страхи и слезы зенитчицы подбили четыре танка. Немецким танкистам не удалось победить беззащитных девчонок.

С подвигом девушек перекликается рассказ о подвиге парней в стихотворении «Баллада о молчании». Перед солдатами стояла задача, как можно тише и незаметнее подняться по высокой, отвесной скале, чтобы уничтожить немецких автоматчиков, занявших высоту. Эту выгодную позицию нужно было отвоевать, чтобы предотвратить гибель наших солдат. Для этого необходима была тишина. Нельзя было вымолвить ни одного слова, даже если сорвешься, упадешь вниз, разобьешься, нужно было молча принять смерть. Напряженную интонацию стихотворения помогают раскрыть ряд метафорических сравнений («восходящая капля дождя», «как молчаливый вызов», «в гору ползет молчание», «в озноб тишины, / в черную прорву / ночи...», «лезли на самую крышу войны», «Время шло медленно, казалось, прошла жизнь или даже две»). Финал стихотворения также построен с помощью сравнительных оборотов, метафор, которые помогают представить короткую схватку боя: «И вот, / почти как виденье, / из пропасти / на краю стены / молча / выросли / тени. / И также молча – / сквозь круговерть / и колыханья мрака – / шагнули! / Была / безмолвной, как смерть, / страшная их атака! / Через минуту растаял чад / и грохот / короткого боя...» [2, с. 689].

Какие краски у войны? На этот вопрос нам ответит стихотворение, впоследствии ставшее песней, «Баллада о красках». Это рассказ о двух братьях, рыжем и черном, ушедших на войну. Этот цвет оказался и у войны: «рыжий бешенный огонь и черный дым». Характерные цвета

войны – «злая зелень застоявшихся полей», «серый цвет прифронтовых госпиталей». В этом стихотворении, используя различную цветовую гамму, поэт сумел передать картины войны: разрушенные дома, небурный урожай, смерть людей. «Золотистые» орден, «зеленое» вино, «смертельная белизна» становятся цветом победы.

Военные баллады Р. И. Рождественского в известной мере можно сравнить с русскими былинами, где герои баллад напоминают нам русских богатырей, которые всегда одерживают победу, несмотря на преграды и трудности: девчонки-«богатырши» побеждают чудовища-танки; парни-«исполины» преодолевают, казалось бы, непреодолимое; братья сумели остаться живыми «одни на три села вокруг». В конце каждой баллады звучит вывод, отличающийся своей лаконичностью и философичностью («видно много белой краски у войны»), яркими образами картинами («Была/ безмолвной, как смерть, страшная их атака!»). Образы героев баллад имеют черты, характерные для персонажей русских народных былин (сказочности, «умышленного» преувеличения и др.).

3 группа – стихи о бессмертии («На земле безжалостной маленькой...», «Последняя песня» и др.).

В беседе с журналистами Р. И. Рождественский говорил: «У меня как выяснилось (я специально не считал) очень много стихов, относящихся к войне. Из военного далека до нас доходят много прекрасных, а порой фантастических, невероятных судеб. Однажды в передаче (Р. И. Рождественский вел передачу «Документальный экран» на центральном телевидении) мы рассказывали о человеке, на которого трижды присылались похоронки, три раза его хоронили, и три раза он оставался в живых. Немало таких судеб, которые вызывают гордость за человека, за совсем еще молодых ребят, которые встретили войну» [4, с. 5].

О такой удивительной судьбе стихотворение «На Земле безжалостно маленькой». Стихотворение начинается с описания обыкновенной судьбы «маленького», рядового человека: у него была «служба маленькая», «маленький портфель» и «получал он зарплату маленькую». Началась война, и ему выдали «маленький автомат», «маленькие сапоги», маленькую по размерам шинель. Но: «Когда он упал – / некрасиво, / неправильно, / в атакующем крике / вывернув рот, / то на всей земле / не хватило / мрамора, / чтобы вырубить парня / в полный рост» [2, с. 409].

Душа у этого маленького человека оказалась огромной и он не пожалел своей жизни для спасения Земли, «безжалостно маленькой».

«Последняя песня» – рассказ-представление, представление, вживание в образ татарского поэта Муссы Джалиля, который погиб в застенках немецкой тюрьмы. Р. И. Рождественский написал это стихотворение так, как будто сам был в этой камере, передал ощущения, мысли, переживания узника за 78 минут перед его расстрелом: «Я хочу, / чтоб ко мне его твердость пришла, / чтоб не смел ни минуты растрачивать зря, / чтобы каждая песня / такую была. / Будто это / последняя песня моя...» [2, с. 694].

Стихи данной тематической группы отличаются патетикой, высоким слогом, то есть приближаются к ораторскому стилю. Для достижения данного эффекта, поэт использует различные приемы. Например, в стихотворении «На земле безжалостной маленькой» – приём «преуменьшения», чтобы в конце стихотворения провести контраст, обозначить «огромность» души «маленького человека»; в стихотворении «Последняя песня» – приём детализации, яркой реалистической картины.

4 группа – стихи о радости Победы («Воспоминание об июне 45-го года», «Ветераны в школе»; «Послевоенная песня» и др.)

Сам выделенный тип стихов говорит за себя – в них звучит и радость победы, и горечь воспоминаний о многочисленных потерях. Стихотворения по своему характеру лирические и в то же время в них звучит патетика. В финале отчетливо слышен призыв, обращение к памяти людей, чтобы они не забывали эти трагические дни нашей страны: «Эта память – верьте люди, - / Всей земле нужна. / Если мы войну забудем / вновь придет война» («Послевоенная песня») [2, с. 694].

5 группа – стихи-клятвы («Война откатилась за годы и гуды...», «Военные мемуары», «Глагол»; «Мамаев курган» и др.)

Как символы памяти в городах и поселках стоят монументы, на которых выбиты имена воинов, отдавших свою жизнь за спасение русских людей. Одна из них возвышается на знаменитом Мамаевом кургане – Женщина-Мать, Женщина-Победа. Сюда приходят тысячи людей, чтобы вспомнить погибших солдат и мирных жителей во время войны. Побывав на этом кургане, Р. И. Рождественский написал торжественное стихотворение-клятву «Мамаев курган». Курган становится для него точкой отсчета дел и поступков: «Мне сюда возвращаться. / Из мелких потерь, / из горячих снов. / Натыкаться на долгие стоны людей / и кольчуги / позванивающих орденов» [2, с. 517].

Стихотворение наполнено патриотизмом. В нем звучит клятва в том, что для лирического героя война останется навсегда в памяти. Слог эпичен, прослеживается взаимосвязь современности и времени «старины глубокой» («Натыкаясь на долгие стоны людей / и кольчуг / позванивающих орденов»). В стихах звучит множество интонационных оттенков: торжественное повествование, эмоциональная приподнятость, эгегическое раздумье, высокая патетика ораторской речи.

6 группа – стихотворения, выражающие вину перед погибшими («За того парня», «Давнее», «Памятник солдату Алеше в Пловдиве» и др.).

Стихи данной тематики отличаются лиризмом, авторским началом, личными переживаниями поэта. В них звучит вина художника за то, что он живет на белом свете, не успевший погибнуть, как другие солдаты. Боль за погибших парней наполняет стихотворение «Давнее», у которых была прервано самое дорогое на свете – жизнь: «...падают мальчики, / запнувшись за мину, / как за порог, / наткнувшись на очередь, / будто на ленточку финиша... / Падают мальчики, / на мягких ладонях которых – / такие прекрасные, / такие длинные / легкие / жизни» [2, с. 334].

Поэту кажется, что он живет на нашей Земле сразу две жизни: за себя и «за того парня» (стихотворение «За того парня»): «Я сегодня до зари / встану. / По широкому пройду / полю. / Что-то с памятью моей / стало: / все, что было не со мной, / помню» [2, с. 838].

Эхо войны будет отзываться на протяжении всего творческого пути Р. И. Рождественского.

Таким образом, во второй половине XX века в отечественной литературе формируется новый взгляд на войну. В центре ряда произведений выдвигается образ ребенка – участника войны. Его облик в середине 1950-х годов определяется в произведениях М. А. Шолохова («Судьба человека»), Е. А. Евтушенко («Свадьбы», «Армия», «Фронтовик»), Р. И. Рождественского («Концерт», «Базар того года», «Та зима...»), и др., являя собой живую, развивающуюся, мятущуюся личность войны.

Драматизм ситуации через восприятие мальчика-подростка Р. И. Рождественского с большей силой выразился в *стихах-воспоминаниях*: жестокость и доброта обнажились в ту пору предельно. Маленькому человеку в большом мире была предоставлена свобода самостоятельного выбора пути. Интуиция, чутье на добро, опыт и мудрое знание жизни старших помогли подростку избежать бесчисленных компромиссов.

Мотивы Великой Отечественной войны в раннем поэтическом творчестве стали для поэта *основой нравственно-философского осмысления жизни*. Стихи-баллады, стихи о бессмертии, стихи о радости Победы, о подвигах защитников отечества, созданные поэтом, обогатили мир поэзии своей самобытностью. В стихах о войне Р. И. Рождественский сумел выразить поэтизацию долга и верность памяти.

Список литературы

1. Артемов В. В., Прищепа В. П. Человек, которого не победили. (Критико-биографический очерк жизни и творчества Е. Е. Евтушенко. Абакан: Издательство Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова, 1996.
2. Рождественский Р. И. Собрание стихотворений, песен и поэм в одном томе. М.: Эксмо, 2014.
3. Рождественский Р. И. Удостоверение личности. М.: Эстепонт, 2002.
4. Рождественский, Р. И. Преодоление / Беседа с корреспондентом журнала «Телевидение и радио» В. Вдовиным [Текст] / Р. Рождественский // Телевидение и радио. – 1984. – № 5. – С. 5.

РУССКИЙ ЯЗЫК В ЭПОХУ ИЗМЕНЕНИЙ: ПОСТУЛАТЫ ПРОШЛОГО И ПРОБЛЕМЫ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Томская Лариса Михайловна

учитель русского языка и литературы ГУ «Средняя школа №19 отдела образования акимата города Костаная»
г. Костанай

RUSSIAN LANGUAGE IN THE ERA OF CHANGE: THE POSTULATES OF THE PAST AND CONTEMPORARY PROBLEMS

Tomskaia Larisa, teacher of Russian language and literature, SI "High school education department №19 Kostanay akimat"
Kostanay

Аннотация

В статье рассмотрены проблемы русского языка современного периода. Выявлена и обоснована потребность повышения статуса русского языка и функциональной грамотности учащихся в процессе обучения русскому языку.

Abstract

The article deals with Russian language problems today. It gives a detailed analysis of needs to raise the status of the Russian language and the functional literacy of students in learning the Russian language.

Ключевые слова

Народ, язык, национальная культура, проблемы языка, задачи школы, функциональная грамотность.

Keywords

The people, language, national culture, language problems, school problems, functional literacy.

В языке одухотворяется весь народ и вся его родина. Язык есть самая живая, самая обильная и прочная связь, соединяющая отжившие, живущие и будущие поколения в одно великое историческое живое целое... Пока жив язык народный в устах народа, жив и народ.

К. Ушинский

Язык русского народа – это произведение творческой способности дара слова не одного человека и не одной человеческой жизни, а бесчисленных жизней, бесчисленных поколений.

В языке своём народ, в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов, сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражалась в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка; так что каждое слово языка, каждая его форма, каждое выражение есть результат мысли и чувства человека, через которые отразилась в слове природа страны и история народа. Наследуя слово от предков наших, мы наследуем

не только средства передавать наши мысли и чувства, но наследуем самые эти мысли и самые эти чувства. От всей жизни народа это единственный живой остаток на земле, и мы – наследники этих живых богатств, в которых сложились все результаты духовной жизни народа.

К сожалению, и по нашему недопониманию, русский язык в нынешнее время не воспринимается нами как национальное сокровище. А ведь культура языка – составная часть национальной культуры. В своих высших проявлениях язык – это духовное достояние, святыня народа. Речь русской классики в ее высоких образцах и литургическая речь представляют вершины ценностной духовной иерархии самовыражения и выражения народа, они по существу своему – предметное воплощение высших духовных ценностей, без которых человек (и народ!) теряет свое лицо, при поругании которых народ испытывает ущерб своего достоинства и духовной самостоятельности, отесняется, становится духовно бессильным, уязвимым.

Вспомним, как отзывались о русском языке выдающиеся люди своего Отечества. «Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; все зернисто, крупно, как сам жемчуг, и, право, иное название еще драгоценнее самой вещи». *Н.В.Гоголь*

«...Главный характер нашего языка состоит в чрезвычайной легкости, с которой все выражается на нем – отвлеченные мысли, внутренние лирические чувствования, искрящаяся шалость и потрясающая страсть». *А. Герцен*

«Берегите наш язык, наш прекрасный русский язык, этот клад, это достояние, переданное нам нашими предшественниками... Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса!»

И. Тургенев

Прошло более полутора столетий с момента рождения данных высказываний. В нынешнее время разрушается целостность и чистота литературных норм письменной и устной речи. Забыли о предостережении Толстого: «Обращаться с языком кое-как – значит и мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно».

Существует мнение: язык, дескать, самоорганизующаяся система, сама справится с нарушением норм, сама наведет порядок, естественным образом изжив, отбросив все наносное, лишнее, не соответствующее законам ее организации. Но речь – это не только абстрактная система; это и сам человек, личность, которая владеет языком. Человек поддается просветительскому воздействию и способен воспринять призыв беречь родной язык, совершенствовать его. В плачевном состоянии находится не язык; он как был, так и остается великолепным, с неисчерпаемым богатством выразительных средств. В плачевном состоянии находимся мы – его носители. Мы, не владеющие богатством языка, часто не знаем подлинных значений русских слов, не умеем их правильно употреблять и произносить, достойно выглядеть в разных ситуациях общения.

Слово дано для стремления к истине. Поэтому в произносимых нами словах – наша судьба. Всякое зло – от неясного, лживого, бранного слова.

Речь – это великий дар, это сила и оружие. Нужно отличать слово, употребленное во благо (светлое, просвещающее, созидающее) от слова, употребленного во зло (темного, замутняющего, разрушающего). Нужно уметь духовно противостоять суесловию, слову лживому. Нужно овладевать словом, речью для утверждения добра в жизни. Но всегда ли мы употребляем слово для утверждения добра?

«Слово – тончайшее прикосновение к сердцу, оно может стать и нежным, благоухающим цветком, и живой водой, возвращающей веру в доброе, и острым ножом, и раскаленным железом, и когтями грязи... Мудрое и доброе слово доставляет радость, глупое и злое, необдуманное и бестактное – приносит беду. Словом можно убить и оживить, рассеять сомнения, повергнуть в уныние, вдохновить и привести в оцепенение силы души».

В.А.Сухомлинский

Издревле примечено, что слово человеческое энергоемко, речь, чем она разумнее и ответственнее, тем и большего расхода сил требует.

Слово – не простое сочетание букв, звуков. Нет таких слов, которые может безнаказанно выбрасывать в мир человек. Вся жизнь – вечное движение, и это движение творят мысли человека. Надо признать, что нецензурная брань энергетически гораздо сильнее и бытового, и литературного языка. И негативная энергетика ее непредсказуемо отражается на нашем состоянии и состоянии окружающих. Постоянное негативное воздействие разрушает в конце концов защитное поле человека, деформирует его, вызывая различные формы депрессии. И не только...

Волновая генетика обнаруживает, что слова, используемые человеком, влияют на его генофонд. Добрые и красивые слова его выправляют и совершенствуют, бранные и нецензурные, разрушают. Такое поразительное открытие сделали ученые. И не только поразительное – предостерегающее. Ведь черное слово может убить саму жизнь! Вот вам и «Брань на воротах не виснет»! Еще как виснет! А с какой легкостью люди относятся к произнесению ругательств. Они явно убеждены, что в этом нет ничего страшного. Но, дав права черному слову, мы облегчаем путь черным делам и постепенно уродуем свой духовный мир. «Сквернословие – это склонность к совершению дурных поступков», – сказал Аристотель. Недаром, в древности сквернословов изгоняли из общества, как прокаженных. Древняя мудрость гласила: «Сквернословы подобны неразумным стрелкам, которые в населенном городе будут выпускать стрелы, не заботясь, куда они попадут». Сквернословие неприятно слушать абсолютно всем, даже тем, кто сам этим грешит. Скверна – это мерзость, гадость, пакость, все гнусное, противное, – так поясняет это слово толковый словарь. «Говорить нецензурными словами – это умываться грязью» (пословица). Энергия скверных мыслей и слов, как паутина или пыль, оседает на предметах и самом человеке, и так изо дня в день, образуя со временем несмываемые залежи. Если пыль можно вытереть, то последствия мысли или слова никем и никогда не могут быть уничтожены. Они будут лежать

до срока, и когда-нибудь начнет действовать, как говорится, обратный удар. У сквернословя очень быстро разрушается интеллект. Особенно опасно это для ребенка.

Озабоченность вызывает и проникновение в нашу речь неоправданно большого количества иностранных слов и выражений. Мы уже не соглашаемся, а «достигаем консенсуса», не сокращаем, а «секвестрируем», получаем трэвел-гранты, а не деньги на командировку, пьем «спрайт» вместо обычной газировки. Новые русские – это никакие не предприниматели, а сплошь «менеджеры», «бизнесмены», «дилеры».

Привычные заимствованные иноземные слова меняются на другие иностранные: бутерброд – «сэндвич», «биг-мак»; экран – «дисплей» и т.д. На таком «ученом» сленге пишутся книги, статьи, ведутся уроки, читаются лекции в студенческих аудиториях.

Русские же слова как будто затерялись среди англо-американских терминов, слов и словечек. Возникает справедливый вопрос: доколе? Корифеи русского языка вызывают к нам из глубины веков.

«Берегите чистоту языка, как святыню! Никогда не употребляйте иностранных слов. Русский язык так богат и гибок, что нам нечего брать у тех, кто беднее нас».

И.С. Тургенев

Все перечисленные беды русского языка отражаются прежде всего на подростках.

Проблема эта, к сожалению, не нова. Еще в «Живой этике» было сказано: «Молодое поколение слишком часто поддается в сторону грубости. Очень плачевно такое положение, когда требуется напряжение всех лучших сил. Очень нужно твердить, что каждая грубость неприемлема для эволюции».

Мы должны быть ответственны за наш родной язык, беречь его, оттачивать и шлифовать свою речь – развивать русский язык. Главная задача преподавания русского языка в школе – подготовить грамотных людей, владеющих основами науки о языке, разбирающихся в явлениях речи и умеющих претворять эти знания в навыки собственной речи, вполне грамотной и литературной.

На решение данной задачи направлена Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011-2020г., в которой одним из уровней представления результатов образования является функциональная грамотность учащихся.

Формирование функциональной грамотности рассматривается как условие становления динамичной, творческой, ответственной, конкурентоспособной личности. Особая роль отводится урокам русского языка. Каждый учащийся должен определить для себя, что на уроке русского языка он не просто учится грамотно писать по-русски, но и учится излагать свои мысли, говорить публично, познаёт действительность и приобщается к национальной культуре русского народа, т.е. он учится жить в обществе.

Пусть же сбудется пророчество великой русской поэтессы А. Ахматовой:

*И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово!*

Литература:

1. А.В. Текучев. Хрестоматия по методике русского языка. – Москва: Просвещение, 1982.
2. Актуальные проблемы русского языка - <http://www.languages-study.com/>
3. Государственная программа развития образования Республики Казахстан на 2011-2020 годы от 07.12.2010 №1118

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ ПСИХОФИЗИОЛОГИИ: ВКЛАД ЕВРОПЕЙСКИХ И ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ В ЕЕ РАЗВИТИЕ

Чернышёва Ольга Валериевна

кандидат социологических наук, доцент, кафедра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище (военный институт) имени генерала армии В. Ф. Маргелова,

HISTORY OF FORMATION PSYCHOPHYSIOLOGY: CONTRIBUTION OF THE EUROPEAN AND DOMESTIC SCIENTISTS IN ITS DEVELOPMENT

Chernysheva Olga, PhD in Sociology, Associate Professor, Department of Humanities and Natural Sciences, Ryazan Higher Airborne Command School (Military Institute) named General of the Army V.F. Margelov,

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются вопросы становления психофизиологии как науки и вклад европейских и отечественных ученых в ее развитие.

Ключевые слова: психофизиология; условные рефлексы; рефлекторная саморегуляция; ассоциативный процесс; типы высшей нервной деятельности.

ABSTRACT

This article discusses the formation of psychophysiology as a science and the contribution of the European and Russian scientists to its development.

Keywords: Psychophysiology; conditioned reflexes; reflexive self-regulation; associative process; types of higher nervous activity.

В начале XIX столетия стали складываться новые подходы к психике. Отныне не механика, а физиология стимулировала рост психологического знания. В становлении психофизиологии огромную роль сыграла плеяда выдающихся ученых.

Альберт фон Галлер (1708–1777) – швейцарский естествоиспытатель, врач и поэт, один из основоположников экспериментальной физиологии. Почетный член Петербургской Академии наук. Автор классической книги «Элементы физиологии» в восьми томах (1757–1766). Сделал значимые для науки выводы об автономном характере мышечной сократимости. А. Галлер ввел понятие «мышечная сила» (аналог механической), объединяя в нем раздражимость и нервную силу, установил существование собственных законов нервной деятельности, не зависящих от души как нематериального начала. Именно А. Галлеру принадлежит идея локализации психических функций в отделах головного мозга, откуда берут начало соответствующие нервы.

Георгий Прохазка (1749–1820) – чешский анатом и физиолог, доктор медицины. Автор работ: «Попытка эмпирического изложения полярного природного закона», «Трактат о функциях нервной системы», «Анатомический трактат о структуре нервов». Современники о нем писали: «С факелом анатомии в руке он ищет общие силы природы». Г. Прохазка создал учение о нервном аппарате и его функциях, в котором развил представление о нервном рефлексе, рефлекторной дуге, значении нервной системы как посредника между внешней средой и организмом.

Чарльз Белл (1774–1842) – автор «новой анатомии мозга», экспериментально установил различия между передними и задними корешками спинного мозга по функциям: передние – моторные нервы с двигатель-

ной функцией, задние – моторные нервы с чувствительной функцией. Данное открытие раскрывало анатомическую основу рефлекторной дуги как принципа построения спинного мозга, включающей этапы: возбуждение по чувствительному нерву – переработка в нервном центре – передача по эфферентному нерву к органу движения. Ч. Белл выделил регулирующую роль мышечного чувства в осуществлении движения: обнаружил нервы, которые ведут импульс от мышцы в мозг и сигнализируют о характере мышечного сокращения. Данное положение явилось основой идеи «нервного кольца»: раздражение – мозг – мышца – мозг.

Иоганнес Петер Мюллер (1801–1858) – немецкий физиолог, сформулировавший закон «специфической энергии органов чувств»: качество ощущения зависит от того, какой орган чувств возбужден. Исследования И. Мюллера, в целом, укрепляли научное воззрение на психику, показывая причинную зависимость ее чувственных элементов (ощущений) от объективных материальных факторов: внешнего раздражителя и свойства нервного субстрата. В работе «Руководство по физиологии человека» (1833–1840) он отразил результаты исследования проблем как общей физиологии, так и физиологии нервной системы. Развил учение о рефлекторном акте, рефлекторной природе работы спинного мозга, деятельности органов чувств.

Франц Галль (1758–1828) – известный австрийский врач, анатом. Занимался исследованиями морфологии мозга: впервые отличил серое вещество, составляющее кору и подкорковые образования, от белого вещества – проводящих волокон, связывающих отделы и участки головного мозга. Этим открытием Галль положил начало теориям, в которых кора головного мозга, а не его

желудочки, стала рассматриваться субстратом психической деятельности человека. Галль является создателем френологии – учения о связи психических особенностей человека или животного с наружной формой черепа.

Маршалл Холл (1790–1857) в 1832 г. в Лондонском зоологическом обществе зачитал «Краткое сообщение об одной части функции нервной системы», в котором доказывал, что источник мышечных движений – раздражение нервных окончаний в органах чувств. Через год в «Известиях Королевского общества» он защищает тезис, что спинной мозг – цепь сегментов, функциональными единицами которых являются рефлекторные дуги.

Клод Бернар (1813–1878) – французский ученый, автор множества открытий в различных разделах физиологии, выдающийся физиолог-экспериментатор. Он выдвинул концепцию о постоянстве внутренней среды организма – гомеостазе. Суть предложенной концепции заключается в утверждении принципа саморегуляции, а именно: внутренняя среда сохраняет свое постоянство, борется за него вопреки действию различных дестабилизирующих факторов.

Томас Лейкок (1812–1876) – английский профессор практической медицины, автор научной работы «Психика и мозг» (1859). Т. Лейкок ввел понятие «бессознательной церебрации», то есть неосознаваемой, но психической деятельности мозга. Поставил вопрос о необходимости распространить принцип рефлекса на деятельность головного мозга. Сделал заявление: «Нервные узлы внутри черепа должны управляться относительно реакции на внешние впечатления законами, тождественными с теми, которые управляют действиями спинного мозга и тех узлов, которые у низших животных аналогичны им».

Эдуард Пфлюгер (1829–1910) – немецкий физиолог, в работе «О сенсорных функциях спинного мозга позвоночных» (1853), основываясь на данных опытов, показал, что психические (сенсорные) функции, считавшиеся до этого свойством души, присущи спинному мозгу. На основании электрофизиологии сформулировал законы, названные впоследствии его именем. Проводя опыты на позвоночных, разрушил прежние представления о рефлексе: сенсорные функции свойственны не только головному мозгу, но и спинному. Произошло введение психического фактора как регулятора поведения организма.

Герман Гельмгольц (1821–1894) – немецкий естествоиспытатель. Основные работы: «О сохранении силы» (1847), «Учение о слуховых ощущениях как физиологическая основа теории музыки» (1875), «Физиологическая оптика» (1867). Обосновал закон сохранения энергии и положение о том, что живой организм представляет физико-химическую среду, в которой указанный закон точно выполняется. Измерил скорость распространения возбуждения в нервном волокне. Автор резонансной теории слуховых ощущений и трехкомпонентной теории цветового зрения, сформулировал теорию восприятия. В 1851 г. изобрел офтальмоскоп, с помощью которого исследуется глазное дно, и кимограф – прибор для определения скорости мышечных реакций, распространения нервного процесса.

Французский ученый-терапевт *Жан Буйо* (1796–1881), наблюдая за нарушением поведения больных с локальным поражением мозга, определил причину потери моторной речи в нарушении работы передних отделов мозга.

Представленные выше достижения ученых поставили вопрос о соотношении психологического и физиологического, решение которого определило формирование двух концепций: параллелизма и взаимодействия. На обозначенном фоне родились новые научные направления – психофизика и психометрия.

Основоположник отечественной медицины *С. П. Боткин* (1832–1889), рассматривая человеческий организм во взаимосвязи с внешней средой, представлял деятельность организма как рефлекторную. Он подчеркивал ведущую роль нервной системы в регуляции функций организма, в поддержании его целостности и адаптации к среде. На основе клинических наблюдений Боткин высказывал идею «нервизма», в которой обосновал роль психического фактора и других влияний через нервную систему в возникновении и развитии многих патологических нарушений и заболеваний, в их профилактике и терапии. Идея «нервизма», выражалась в непосредственной связи и влиянии нервной системы на деятельность всего организма как в норме, так и в патологии [2].

В разработке вопросов высшей нервной деятельности идейным вдохновителем И. П. Павлова являлся *И. М. Сеченов* (1829–1905). И. М. Сеченов впервые в истории естествознания высказал мысль о том, что сознание представляет собой лишь отражение реальной действительности и познание окружающей человека среды возможно лишь при помощи органов чувств, продукты которых являются первоначальным источником всей психической деятельности. И. М. Сеченов был глубоко убежден, что первопричина всякого человеческого действия лежит вне его. Наблюдая за поведением и формированием сознания ребенка, Сеченов показал, как врожденные рефлексы с возрастом усложняются, вступают в разнообразные связи друг с другом и создают всю сложность человеческого поведения. Он писал, что «... все акты сознательной и бессознательной жизни по способу происхождения суть рефлексы».

Однако И. М. Сеченов не отождествлял психические явления с рефлексами, он говорил лишь о рефлекторном происхождении психических процессов, об их закономерной детерминированности (обусловленности) воздействиями условий внешней среды и прошлым опытом человека, о возможности и необходимости их физиологического, то есть научного, анализа.

Произвольные движения, согласно И. М. Сеченову [1], формируются в процессе индивидуального развития организма путем повторных ассоциирований элементарных рефлексов. В результате организм обучается множеству таких действий, для которых ни плана, ни способа организации в его генетическом фонде нет. При помощи индивидуального опыта и повторения формируются простые и сложные навыки, знания; возникают представления, речь и сознание.

И. М. Сеченов пишет, что непосредственным началом рефлекса является чувственное возбуждение, вызываемое извне, а концом – движение, однако физиология должна изучать и середину рефлекторного акта, то есть «психический элемент в тесном смысле слова», который очень часто, если не всегда, оказывается, по существу, не самостоятельным явлением, а интегральной частью всего процесса в целом, развивающегося в мозге по принципу ассоциации.

Развивая понятие ассоциации в чисто физиологическом смысле как связь между рефлексами, И. М. Сеченов указывал, что процесс ассоциирования «представляет обыкновенно последовательный ряд рефлексов, в котором конец каждого предыдущего сливается с началом последующего во времени» [1, с. 65]. Цепь таких рефлексов обуславливается тем, что любая реакция организма на раздражения является, в свою очередь, источником новых раздражений, воздействующих на те или иные рефлекторные аппараты мозга и побуждающих их к ответной деятельности.

В этих положениях И. М. Сеченова о последовательной «стимуляции» рефлексов совершенно очевидно выражена идея рефлекторной внутренней и внешней замкнутости как функциональной основы связи между организмом и внешним миром. Дальнейшее конкретное свое развитие идея рефлекторного кольца получила в исследованиях Н. Л. Бернштейна (1896–1966), которые он начал в 1929 году, заложив позднее теоретические основы современной биомеханики.

В своих трудах («Рефлексы головного мозга», «Предметная мысль и действительность», «Элементы мысли», «Кому и как разрабатывать психологию?» и др.) И. М. Сеченов аргументировано раскрывает мысль о том, что ассоциативные процессы мозга чрезвычайно многообразны, крайне подвижны, взаимообусловлены, переплетены между собой. С каждым новым раздражением они усложняются, уточняются, приобретают качественно новый вид и новую форму. При этом обнаруживается, что малейший внешний намек на часть влечет за собой воспроизведение целой ассоциации.

Прогресс психики, согласно И. М. Сеченову, обусловлен усовершенствованием нервной организации мозга, его историческим (эволюционным) и индивидуальным развитием и осуществляется *по принципу усложнения ассоциативного процесса*. С деятельностью больших полушарий головного мозга И. М. Сеченов связывает четыре категории: *инстинкты* (внутреннее побуждение), *осмысленное чувствование*, *осмысленное движение* и *согласование двух последних в осмысленное действие* (поведение). Правда, за счет каких механизмов все это происходит, еще неизвестно, подчеркивает Сеченов.

Открытие одного из фундаментальных механизмов деятельности мозга – *центрального торможения* – механизма, совершенно необходимого для точной координированной деятельности нервной системы, а также экспериментальные факты и тонкая наблюдательность позволили И. М. Сеченову выдвинуть постулат о *непрерывном существовании по крайней мере трех основных механизмов, формирующих целостную деятельность мозга*. Это: 1) деятельность «чисто отражательного аппарата» (анализаторов), то есть совокупность структур, обеспечивающих преобразование воздействий среды в нервные сигналы, их переработку и передачу к исполнительным органам; 2) механизмы «центрального торможения»; 3) деятельность особых «станций усиления» рефлекторных актов.

И. М. Сеченову принадлежит особое место в становлении И. П. Павлова как ученого. И. П. Павлов называл своего старшего коллегу «отцом, патриархом, основателем отечественной физиологии», оценивая не только научные достижения, но и его высоконравственную лич-

ность. Замечательная книга И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», по выражению И. П. Павлова, «гениальный взмах русской научной мысли», перевернула мировоззрение целого поколения ученых, указала новые пути в науке. Идеи о рефлекторном принципе деятельности мозга, высказанные в ней, стали фундаментом учения о высшей нервной деятельности животных и человека, которое было создано И. П. Павловым и его физиологической школой.

Развивая идеи Сеченова, И. П. Павлов открыл совершенно особый класс проявлений работы головного мозга – *условные рефлексы*. Именно в этих рефлексах закрепляется и реализуется индивидуальный опыт высших живых существ от элементарных поведенческих актов до грандиозной системы специально человеческих речевых сигналов. Учение И. П. Павлова подняло рефлекторную теорию на качественно новую ступень, поставило эту теорию на незыблемую почву точных экспериментальных фактов.

Первоначально основное внимание И. П. Павлов сконцентрировал на изучении проблем физиологии пищеварения. Обширные и уникальные экспериментальные данные И. П. Павлов представил в книге «Лекции о работе главных пищеварительных желез», опубликованной в 1897 г. на русском, в 1898 г. – на немецком, в 1901 г. – на французском, в 1902 г. – на английском языках. Труд И. П. Павлова и его сотрудников стал достоянием физиологов и врачей всего мира. В 1904 г. И. П. Павлову присуждается Нобелевская премия за выдающиеся достижения в области изучения физиологии пищеварения. В процессе этого этапа исследований А. Нобель оказывал большую материальную поддержку работ по физиологии пищеварения.

Получившие высшее международное признание работы И. П. Павлова по физиологии пищеварения, послужили также толчком для развития нового направления в физиологии – физиологии высшей нервной деятельности. Этому направлению исследований И. П. Павлов посвятил 35 лет своей деятельности, создав метод условных рефлексов, с помощью которого изучение психических процессов у животных привело к созданию учения о высшей нервной деятельности и механизмах мозга, обеспечивающих высшие проявления психической деятельности животных.

В 1923 г. вышло в свет первое издание труда И. П. Павлова «Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных».

В 1925 г. физиологическая лаборатория при Академии наук была преобразована в Физиологический институт, директором которого стал И. П. Павлов. В 1926 г. под Ленинградом, в с. Колтуши, была создана Биологическая станция, где впоследствии развернулись исследования по генетике поведения и исследования высшей нервной деятельности на антропоидах.

Труды И. П. Павлова получили международное признание. В 1935 г. в нашей стране проходил 15-й Международный конгресс физиологов, на котором ученые всего мира называли Павлова «старейшиной физиологов мира».

Творчество И. П. Павлова и его школы имело далеко идущие последствия для многих отраслей физиологии и медицины, а также для психологии, педагогики и социологии и определило их дальнейшее развитие на многие годы.

Опыт жизни и деятельности И. П. Павлова, великого ученого, педагога и гражданина, представляет в истории России значимый феномен, основные сущностные характеристики которого в современных условиях должны быть переосмыслены современной наукой. Его идеи о рефлекторной саморегуляции жизнедеятельности организма, о динамике нервных процессов (возбуждение, торможение и др.), о типах высшей нервной деятельности оказали влияние на разработку широкого круга научных проблем, связанных с научением, развитием памяти, внимания, познавательных и эмоциональных процессов. Идеи И. П. Павлова стимулировали разработку психологами и педагогами экспериментальных методов исследования человеческой психики и деятельности, что позволило представить поведение человека в качестве целостного процесса, реализующего его взаимодействие со средой.

Авторитет научной школы И. П. Павлова оставался стабильным на протяжении XX века. Учение И. П.

Павлова о типах высшей нервной деятельности человека, способствуя определению индивидуальных различий между людьми, позволило обозначить новые подходы к психодиагностике. Идеи И. П. Павлова продолжили развитие в рамках дифференциальной психологии (типы темпераментов), легли в основу новой интегральной науки – нейропедагогики.

Имя Ивана Петровича Павлова находится в ряду имен выдающихся ученых, прославивших Россию. Фамилии русских ученых И. М. Сеченова, В. М. Бехтерева, И. П. Павлова известны всему миру, их вклад в физиологию оценен по достоинству.

Литература:

1. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946.
2. Чернышёва О. В. Психофизиология профессиональной деятельности: учебное пособие / О. В. Чернышёва, С. В. Булатецкий; под ред. О. В. Чернышёвой. – Рязань: РВВДКУ, 2013. – 252 с.

СВЯЗЬ ТИПОЛОГИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ СВОЙСТВ НЕРВНОЙ СИСТЕМЫ, ТЕМПЕРАМЕНТОВ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ТИПОВ

Дроздовский Александр Кузьмич

кандидат психологических наук, специалист Центра спортивной подготовки сборных команд России, Москва

THE CONNECTION BETWEEN TIPOLOGICAL COMPLEXES OF PROPERTIES OF THE NERVOUS SYSTEM, TEMPERAMENTS AND PERSONALITY TYPES

Drozowski Aleksandr, Candidate of Science, Sports Training Center for Russian Teams, Moscow

Резюме

На основе экспериментальных исследований предпринята попытка объединения в единой системе координат два исторически не пересекающихся научных направления в изучении природных особенностей человека: учение И.П.Павлова о свойствах нервной системы, типах высшей нервной деятельности и теорию психологических типов К.Г.Юнга; отмечается, что учение Павлова развивалось в России в рамках научного направления - дифференциальная психофизиология, теория Юнга - в работах известных американских исследователей И.Майерс и Д.Кейрси; предложена пространственная модель, позволяющая, на основе знаний о свойствах нервной системы человека, прогнозировать его темперамент и психологический тип в широком возрастном диапазоне.

Abstract

Based on experimental studies an attempt was made to combine the following two historically disconnected research directions in the study of the natural human traits into a single coordinate system: I.P. Pavlov's theory on the properties of the nervous system, as well as the types of higher nervous activity and C. G. Yung's theory on psychological types. It is noted that Pavlov's school of thought was developed by his followers in Russia within the scientific school of differential psychophysiology, while Yung's theory was developed through the works of well-known American researchers I. Mayers and D. Keirse. The spatial model that is presented here rests on the knowledge of the properties of the human nervous system and enables the prediction of temperament and psychological types of individuals belonging to a wide age range.

Ключевые слова: дифференциальная психофизиология; типологический комплекс; свойства нервной системы; психологические особенности; темперамент; психологический тип.

Keywords: differential psychophysiology, properties of the nervous system, typological complex of properties, psychological properties, temperament and psychological type.

Введение

В 20-х годах прошлого века произошли важные для науки о человеке события: русский физиолог И. П. Павлов, лауреат Нобелевской премии за 1904 год в области физиологии и медицины, предложил учение о свойствах нервной системы и типах высшей нервной деятельности; швейцарский психолог К.Г.Юнг разработал теорию психологических типов. Почти сто лет эти научные направления

развиваются параллельно. Типологический подход к природным особенностям человека, предложенный физиологом Павловым, развивался в России в рамках научного направления - дифференциальная психофизиология (Б.М.Теплов, В.Д.Небылицын, В.С.Мерлин, К.М.Гуревич, Е.П.Ильин, Э.А.Голубева, М.К.Кабардов). В психологии типологический подход, в соответствии с учением К.Г.Юнга о психологических типах, разрабатывался американскими

исследователями И.Майерс и Д.Кейрси. Текстовое описание типов, предложенное последователями Юнга, опирается на богатый эмпирический материал, применение которого можно существенно расширить, объединив рассматриваемые направления в науке о человеке в единой системе координат, что в нашем случае реализовано в пространственной модели связи типологических комплексов свойств нервной системы, темпераментов и психологических типов.

Краткая история вопроса

Начало изучения свойств нервной системы (как и введение самого этого понятия) было положено И.П.Павловым для объяснения различий в высшей нервной деятельности животных [9]. Затем факты, полученные на животных, были распространены Павловым и в отношении особенностей поведения и реагирования на внешнюю среду (то есть, типов темперамента) людей. Теория Павлова устанавливает, как основной принцип, положение о наличии у высокоорганизованной нервной системы ряда свойств, характеризующих динамику протекания в ней процессов возбуждения и торможения, составляющих основу поведенческих проявлений. Выделение Павловым свойств нервной системы было важным шагом в создании теории индивидуально-типических различий, послужив основой для формирования новой научной дисциплины – дифференциальной психофизиологии, которая в России развивается уже многие десятилетия. Не меньшее значение имела и разработка Павловым метода оценки темперамента по сочетанию типологических особенностей проявления свойств нервной системы.

Теория психологических типов К.Г.Юнга возникла примерно в одно время с учением И.П.Павлова о свойствах нервной системы и типах высшей нервной деятельности. Как известно, Юнг предложил различать людей в зависимости от степени выраженности каждой из четырех основных психических функций (ощущение, интуиция, мышление, чувство) в контексте их экстра- и интровертности [12]. На основе типологии Юнга исследователи К.Бриггс и И.Майерс разработали глубоко продуманный и оригинальный опросник для идентификации 16-ти различных типов характера и поведения [8]. На основе теории Юнга исследователь Д.Кейрси разработал свой оригинальный вариант опросника для определения четырех типов темперамента, а в каждом из них по четыре психологических типа [7]. Вместо описания 16-ти типов личности, И.Майерс и Д.Кейрси обозначают типы сочетаниями английских букв, выбранных из четырех пар противоположностей: Е или I, S или N, Т или F, J или P. Эти буквы обозначают следующие понятия: **Е**–экстраверсия (Extroversion), **I**–интроверсия (Introversion); **S**–ощущение (Sensing), **N**–интуиция (iNtuition); **T**–мышление (Thinking), **F**–чувство (Feeling); **J**–суждение (Judging), **P**–восприятие (Perceiving).

В процессе изучения физиологических основ индивидуальных различий между людьми в научных школах дифференциальной психофизиологии России осуществлялась разработка методик и соответствующего инструментария для измерения свойств нервной системы (далее - СНС). В настоящее время наиболее известны и используются для научных исследований два метода измерения СНС (силы, подвижности, уравновешенности) человека. Первый метод разрабатывался Б.М.Тепловым и В.Д.Небылицыным в 50-х годах прошлого века в Научно-исследовательском Институте общей и педагогической

психологии Российской Академии педагогических наук в лаборатории дифференциальной психофизиологии, где СНС определялись на основе данных об электрической активности головного мозга человека [11]. Альтернативный метод определения СНС на основе двигательных методик предложил в 1972 году Е.П.Ильин [6]. Научные исследования в психофизиологии свидетельствуют, что типологические особенности проявления свойств нервной системы человека генетически обусловлены, заданы при рождении [10]. В психофизиологии сформировались следующие определения свойств нервной системы:

Сила нервной системы - способность нервных клеток противостоять воздействию сильного раздражителя, не переходя в состояние запредельного торможения.

Подвижность процессов возбуждения и торможения определяется как скорость исчезновения одного процесса и смена его другим (высокой скорости соответствует подвижность, низкой – инертность нервных процессов).

Уравновешенность нервных процессов – соотношение процессов возбуждения и торможения по величине.

Отметим, что типологические особенности СНС во всех исследованиях, результаты которых представлены ниже, измерялись на специально разработанном нами приборном комплексе с программным обеспечением и электронным устройством для реализации двигательных методик Ильина [4, 5].

Метод кодирования типологических особенностей СНС

Для большей ясности и краткости последующего изложения результатов исследований, представляется удобным ввести и оперировать понятием «нейродинамический код», который в виде пятизначного числа символически отражает комплекс типологических особенностей проявления у данного испытуемого всех пяти СНС, диагностируемых на основе двигательных методик Ильина. Принято условно, что в «коде» первое по порядку число отражает показатель силы нервной системы, второе и третье числа отражают соответственно подвижность процессов возбуждения и торможения, четвертое и пятое числа характеризуют «внешний» и «внутренний» балансы нервных процессов [1]. Обозначив степень типологической выраженности каждого из пяти СНС цифрами 1,2,3, получаем следующие ряды:

- 1) *сила* нервной системы: 1 - сильная, 2 – средняя, 3 – слабая;
- 2) процессы *возбуждения*: 1 – подвижные, 2 – средней подвижности, 3 – инертные;
- 3) процессы *торможения*: 1 – подвижные, 2 – средней подвижности, 3 – инертные;
- 4) *баланс* «внешний»: 1 – преобладает возбуждение, 2 – уравновешенность, 3 – преобладает торможение;
- 5) *баланс* «внутренний»: 1 – преобладает возбуждение, 2 – уравновешенность, 3 – преобладает торможение;

Различные варианты нейродинамических кодов могут быть записаны как 11133, 33313 и т.д. Например, код 11133 может быть расшифрован так: сильная нервная система (1), подвижность процессов возбуждения (1) и торможения (1), по «внешнему» и «внутреннему» балансам преобладает торможение (сочетание балансов – 33). Код 33313 читается: слабая нервная система (3), инертность процессов возбуждения (3) и торможения (3), по «внешнему» балансу преобладает возбуждения (1), по «внутреннему» балансу преобладает торможение (3). Математически возможное число сочетаний СНС, то есть

число нейродинамических кодов в трехуровневой системе оценки степени выраженности каждого из пяти свойств – 243. Очевидно, что на практике оперировать таким большим числом сочетаний СНС трудно, их необходимо сгруппировать, выделив относительно небольшое число базовых сочетаний, что будет осуществлено ниже при обобщении результатов экспериментальных исследований.

Связь типологических особенностей СНС со свойствами темперамента

С целью изучения связей типологических особенностей СНС со свойствами темперамента, нами было проведено исследование, где экспериментальную группу образовали студенты разных факультетов Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена, г. Санкт-Петербург [2, 3]. Выборка студентов составила 453 человека, из них 369 девушек, 84 юношей, средний возраст – 22,2 года. Для диагностики СНС использовались двигательные методики Е.П.Ильина, для определения свойств темперамента – опросники Д.Кейрси и Г.Айзенка (EPQ, форма А). По результатам исследования были выявлены типологические комплексы СНС, обуславливающие выраженность следующих психических функций: *Ощущение* (S): нейродинамический код типологического комплекса – 31311.

Интуиция (N): код типологического комплекса – 13133.

Мышление (Т): вероятный код – 13132, что предполагает сочетания 13131 и 13133.

Чувство (F): вероятный код типологического комплекса – 31323, что предполагает возможные сочетания 31313 и 31333.

По результатам исследования также были выявлены типологические комплексы СНС, обуславливающие высокую или низкую выраженность следующих свойств темперамента (по Айзенку):

Нейротизм низкий: код типологического комплекса – 13331.

Нейротизм высокий: код комплекса – 31123, что дополнительно предполагает сочетания 31113 или 31133.

Экстраверсия (Е): код типологического комплекса – 33133.

Интроверсия (I): код комплекса – 11311.

В одном из наших экспериментальных исследований было доказано, что знание состава типологических комплексов, обуславливающих выраженность психологических феноменов, и знание типологических особенностей СНС человека, позволяют достоверно прогнозировать у него высокую или низкую выраженность этих феноменов [3].

Пространственная модель связи типологических комплексов свойств нервной системы, темпераментов и психологических типов

Выше, при рассмотрении результатов экспериментальных исследований в образовании, за основу были приняты четыре варианта сочетаний двух свойств: «внешнего» и «внутреннего» балансов нервных процессов (сочетания - 11, 33, 13, 31). Далее, полагая две степени выраженности «силы» нервной системы (сильная – слабая), а также две степени выраженности «подвижности» процессов возбуждения и торможения (высокая - низкая), все возможные варианты сочетаний СНС могут быть сведены к 16-ти базовым вариантам сочетаний СНС (типологические комплексы - ТК). Для установления соответствия всего многообразия ТК, сведенного нами к 16-ти основным сочетаниям СНС, с психологическими типами, рассматриваемых в учении К.Юнга (8 типов), а также в работах И.Майерс и Д.Кейрси (16 типов), требовалось найти для «комплексов» и «типов» объединяющую систему координат. Для этого наилучшим образом подошла схема сторон света – С,Ю,В,З. В данной схеме легко отразить как четыре основных сочетания двух свойств: «внешний» и «внутренний» балансы нервных процессов (сочетания 11,31,33,13), так и четыре психические функции, выделенные Юнгом: ощущение, интуиция, мышление, чувство. Сказанное отражено в пространственной «модели» на рисунке 1, где одновременно показана и «привязка» типологических особенностей СНС к схеме С,Ю,В,З.

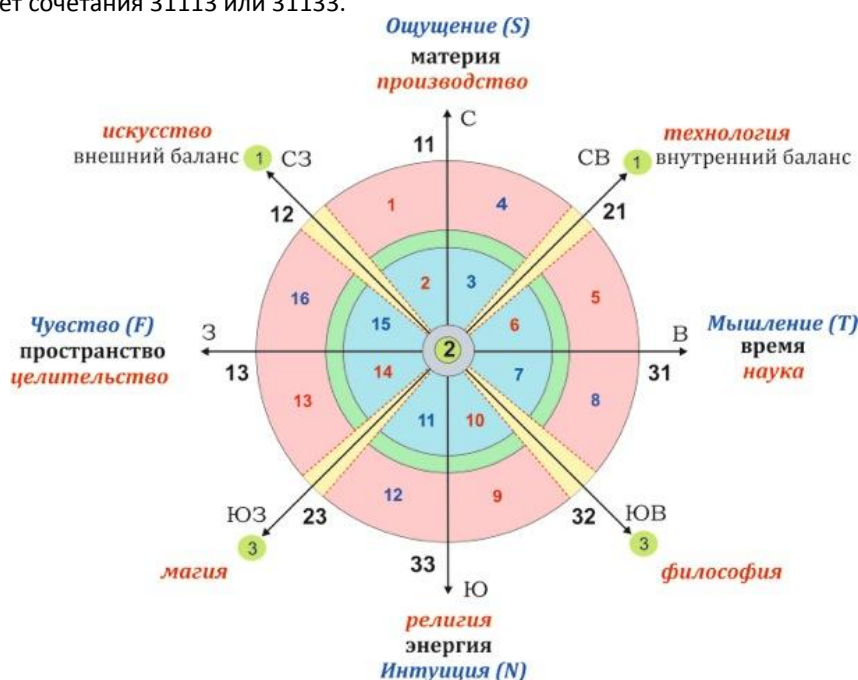

Рисунок 1. Пространственная модель связи типологических комплексов свойств нервной системы, темпераментов и психологических типов (пояснения в тексте и в таблице 1)

Для лучшего восприятия и понимания «модели» можно обратиться к таблице 1, где в схеме С,Ю,В,З отражена нумерация 16-ти зон. В каждой из них локализованы

типологические комплексы СНС, обуславливающие высокую выраженность соответствующих 16-ти психологических типов (ПТ), по четыре типа в составе четырех темпераментов (по Д.Кейрси).

Таблица 1

Связь типологических комплексов (ТК) свойств нервной системы (СНС), темпераментов и психологических типов (ПТ), отраженная в пространственной «модели» на рисунке 1

№ зоны в «модели»	Цифровой код ТК СНС	Буквенное обозначение ПТ	Название ПТ (по Д.Кейрси)	Название темперамента (по Д.Кейрси)
1	11111	ISFP	художник	ремесленник
2	31111	ESFP	актер	ремесленник
3	33311	ESTJ	администратор	страж
4	13311	ISTJ	инспектор	страж
5	11131	ISTP	мастер	ремесленник
6	31131	ESTP	тамада	ремесленник
7	33331	ENTJ	предприниматель	мыслитель
8	13331	INTJ	исследователь	мыслитель
9	11133	INTP	архитектор	идеалист
10	31133	ENTP	изобретатель	идеалист
11	33333	ENFJ	наставник	мыслитель
12	13333	INFJ	предсказатель	мыслитель
13	11113	INFP	романтик	идеалист
14	31113	ENFP	журналист	идеалист
15	33313	ESFJ	воспитатель	страж
16	13313	ISFJ	защитник	страж

Примечание к таблице 1: в пятизначном цифровом коде типологического комплекса СНС порядок следования свойств: 1) сила нервной системы (1-сильная, 3-слабая); 2) подвижность процессов возбуждения; 3) подвижность процессов торможения (1-высокая подвижность, 3-низкая подвижность); 4) «внешний» баланс; 5) «внутренний» баланс (1-преобладает возбуждение, 3-преобладает торможение).

Заключение

Представляется актуальным для будущих исследований определить в пространственной модели связи типологических комплексов свойств нервной системы, темпераментов и психологических типов вероятное расположение базовых философских категорий, как это отражено на рисунке 1: «материя» – на севере, «энергия» – на юге, «время» – на востоке, «пространство» – в западном направлении. Такое расположение категорий может указывать на соответствующие предпочитаемые сферы деятельности для 16-ти психологических типов: производство, технология, наука, философия, религия, магия, целительство, искусство. В структуре предлагаемой пространственной «модели» также просматривается идея о взаимосвязанности психологических типов как био-психо-социальных «зеркал», взаимодействующих по законам света и отражения, как это имеет место в физике, что может быть важно для понимания природы и реализации принципа «разумного сотрудничества» во взаимоотношениях людей в семье, команде, коллективе, обществе. Данная идея нуждается в отдельном исследовании на тех базовых принципах, которые заложены в структуру «модели». Представляется важным, что предложенная нами «модель» формировалась на основе экспериментальных исследований, направленных на обоснование возможности, на основе знаний о типологических особенностях про-

явления свойств нервной системы человека, прогнозировать его природные особенности, темперамент, психологический тип в широком возрастном диапазоне, не используя при этом вопросников. Это позволит каждому как можно раньше разобраться в себе, понять свои склонности и способности, строить личные отношения, а профессионалам – помогать людям в выборе профессии и в социальной адаптации.

Список литературы

1. Дроздовский А.К. Возрастные изменения нейродинамических характеристик учащихся. Материалы 3-го съезда Российского психологического общества, Санкт-Петербург, 25-28 июня, 2003.
2. Дроздовский А.К. Зависимость выраженности особенностей личности от сочетания типологических особенностей свойств нервной системы. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена: №5(23), Санкт-Петербург, 2006 (декабрь). С. 131-135.
3. Дроздовский А.К. Исследование связей свойств нервной системы с психодинамическими характеристиками личности. Дисс. ... канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2008.
4. Дроздовский А.К., Голуб Я.В. Программа экспресс-оценки типов высшей нервной деятельности и темпераментов на основе двигательных методик.

- РОСПАТЕНТ. Свидетельство №2014612679 о государственной регистрации программы для ЭВМ. Москва, 2014.
5. Дроздовский А.К., Носач А.Р. РОСПАТЕНТ. Свидетельство № 2002611802 об официальной регистрации программы «Прогноз 1.0» для ЭВМ. Москва, 2002.
6. Ильин Е.П. Психология индивидуальных различий. Санкт-Петербург: Питер, 2011.
7. Кейрси Д. Пожалуйста, пойми меня-2. Темперамент. Характер. Интеллект. Москва: Черная белка, 2011.
8. Майерс И.Б., Майерс К.Б. МБТИ: Определение типов. У каждого свой дар. Москва: Бизнес Психологи, 2012.
9. Павлов И.П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. Ленинград: Медгиз, 1951.
10. Равич-Щербо И.В. Роль среды и наследственности в формировании индивидуальности человека. Москва: 1988.
11. Теплов Б.М., Небылицын В.Д. Изучение основных свойств нервной системы и их значение для психологии индивидуальных различий // Вопросы психологии. 1963. № 5.
12. Юнг К.Г. Психологические типы. Санкт-Петербург: Ювента; Москва: Прогресс-Универс, 1995.

УЧЕБНАЯ УСПЕШНОСТЬ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ РАЗНОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Фурсова Дилара Викторовна

соискатель, Ставропольский государственный медицинский университет, г. Ставрополь

THE EDUCATIONAL SUCCESS OF STUDENTS-PSYCHOLOGISTS WITH DIFFERENT PROFESSIONAL ORIENTATION

Fursova Dilyara, Applicant, Stavropol state medical university, Stavropol

АННОТАЦИЯ

Специфика профессиональной деятельности психолога, её полифункциональность и полинаправленность делает необходимым изучение проблемы учебной успешности будущих психологов в связи с формированием у них потребности и готовности к выполнению определённого направления в будущей профессии. В статье представлен абрис решения обозначенной проблемы.

ABSTRACT

The specificity of the professional activities of a psychologist, it is multifunctional and polyarylenes makes necessary the study of the problems of the educational success of students-psychologists in connection with the formation of their needs and readiness to perform a certain direction in the future profession. The article presents an outline of the solution to this problem.

Ключевые слова: успешность; студенты-психологи; профессионально важные качества; профессиональная направленность.

Keywords: success; students-psychologists; important professional traits; professional orientation.

Успешность будущего специалиста, в том числе психолога базируется на их готовности к будущей профессиональной деятельности. Ведущей составляющей готовности к этому является психологическая готовность, которая понимается учёными (О.М. Краснорядцева, Н.В. Кузьмина, А.Э. Штейнмец, Л.Б. Юшкова) как комплексное устойчивое образование, как «сплав» функциональных, операциональных и личностных компонентов. Эффект комплексности состоит в том, что психологическая готовность включает в себя психологические, познавательные и личностные составляющие, которые во многом определяют логику последующей профессиональной самореализации [напр., 3].

В настоящее время существует достаточно большое количество исследований, связанных с выявлением психологических и личностных особенностей студентов, в том числе психологов, которые влияют на их будущую профессиональную успешность, на специфику их профессионального развития. Это и исследования их ценностных и смысложизненных ориентаций, и психофизиологические предпосылки их профессиональной деятельности, и

социально-психологические составляющие этого процесса, такие как дипломатичность в общении, подчинение своих интересов интересам другого и группы, нравственность, добросовестность, ответственность, смелость в решении практических вопросов (Л.И. Божович, И.В. Дубровина, В.В. Зацепин, Е.А. Климов, Л.М. Митина, А.М. Прихожан, Н.С. Пряжников и др.). Особый аспект проблемы психологической готовности к профессиональной деятельности психолога, несомненно, связан с изучением их общих способностей и интеллектуального потенциала. В этой связи интерес представляют работы по выявлению специфики социального интеллекта психологов как способности к пониманию других людей (В.Н. Куницына, Е.С. Сидоренко, Р.-Дж. Стернберг, Н. Кантор, Дж. Килстром, С. Гринспен, Дж. Дрискол), который оказывает влияние на профессионально-коммуникативный потенциал. Не меньший интерес для выявления особенностей готовности к профессиональной реализации психологов представляет собой эмоциональный интеллект, основной причиной для выделения которого в качестве самостоятельной способности или черты послужило частое

несоответствие уровня общего интеллекта и успешности личности во взаимодействии с социальной средой. Внимания к эмоциональному интеллекту, таким образом, обусловлено тем, что его измерение, в противопоставление академическому интеллекту, связывается с профессиональными успехами человека (карьерным ростом, заработной платой и пр.) [5].

Развитие и углубление представлений о феномене успешности связано со спецификой деятельности, в которую включён субъект, а также условиями и факторами её осуществления. Так, наиболее часто в поле зрения исследователей попадают проблемы профессиональной и учебной успешности (Г.Х. Баева, В.Н. Дружинин, Е.А. Климов, Н.В. Кузьмина, Я.С. Хаммер, В.Д. Шадриков). Под профессиональной успешностью понимается достижение человеком наивысшего успеха в области профессиональной деятельности, совокупность позитивных результатов, накопленных в течение всей карьеры, как в психологическом плане, так и в плане объективных профессиональных достижений. Необходимой предпосылкой успеха и эффективной профессиональной деятельности человека может выступать баланс субъективных и объективных детерминант личности специалиста [6]. Под успешностью учебной деятельности (учебной успешностью) студента понимается позитивный результат его деятельности по достижению значимых для него учебных целей. В качестве основных факторов учебной успешности рассматриваются интеллект, креативность, уровень обучаемости, ценностные ориентации, мотивы, локус контроля, отношение к собственному успеху, удовлетворённость учёбой, самооценка [1].

Существует понимание субъективной и объективной успешности учебной деятельности студента. Субъективная успешность определяется удовлетворённостью студента от результатов его учебной деятельности, выражающейся в осознаваемой степени согласованности запланированных им целей и полученных результатов этой деятельности (И.Л. Жирнова, 2012). Объективная успешность определяется внешней оценкой результатов учебной деятельности студента со стороны окружения, референтных лиц, выражающейся в виде различного рода поощрений (М.В. Теплинских, 2013).

Ведущими условиями, определяющими успешность учебной деятельности студента, рассматриваются следующие: внешние (требования учебного процесса, доступность учебного материала, характер взаимоотношений с преподавателями и одноклассниками, отношение референтных лиц к процессу обучения) и внутренние (индивидуально-психологические характеристики обучающихся, начальный уровень знаний и т.д.).

При этом внутренние условия включают в себя совокупность психологических особенностей, которые мы объединяем в соответствии с так называемой «психической триадой» (А.В. Юревич, 2005): когнитивные (когнитивно-стилевые особенности познавательной деятельности, абстрактный интеллект, уровень обученности), аффективные (аффективная сфера, уверенность в себе, удовлетворённость учёбой, способности к самоутвержде-

нию) и поведенческие (мотивационная сфера, ценностные ориентации, коммуникативные навыки, креативность) особенности.

Проведённый анализ исследований, посвящённым студентам-психологам (А.Г. Асмолов, Т.М. Буякас, И.В. Вачков, И.В. Дубровина, Н.С. Пряжников, В.В. Рубцов и др.), свидетельствует о наличии принципиальной проблемы выявления личностных профессионально важных качеств психолога, имеющих значение для успешной будущей профессиональной деятельности. Эти качества можно представить с трёх сторон – когнитивной (связанные с требованиями к знаниевой составляющей личности), аффективной (связанные с требованиями к эмоциональной составляющей личности) и конативной (связанные с требованиями к регулятивной составляющей). Анализ показал, что с учётом выполнения этих требований деятельность психолога будет успешна [4].

Необходимо отметить, что существует потребность изучения специфики проявлений учебной успешности студентов-психологов в зависимости от их профессиональной направленности, что может выступать предпосылкой трансляции профессионального потенциала в будущем для разных сфер профессиональной самореализации. На основе работ А.А. Бодалёва, Л.И. Божович, В.Н. Мясищева, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе и др. показано, что в науке в целом под направленностью понимается устойчиво доминирующая система мотивов, которые определяют основную линию поведения личности, избирательность отношений и активности человека; эта система индивидуальна и формируется в процессе развития личности. Исследованию профессиональной направленности личности посвящены работы А.А. Деркача, С.Т. Джанерьян, Э.Ф. Зеера, Л.А. Йовайши, Е.А. Климова, П.А. Шабира, В.Д. Шадрикова и др. В наиболее общем виде профессиональная направленность определяется как избирательно-положительное отношение к определённой профессии или роду профессиональной деятельности. Формирование профессиональной направленности образует основное содержание самоопределения, и именно в студенческом возрасте происходит становление направленности личности как устойчивой иерархической структуры мотивационной сферы. В структуре профессиональной направленности студентов-психологов можно выделить следующие компоненты: мотивы (учебной и профессиональной деятельности); общую направленность личности (на себя, на профессию, на общение); эмоциональную направленность (альтруистическую, коммуникативную, романтическую, гностическую, эстетическую, гедонистическую); направленность на различные виды профессиональной деятельности (практическую, исследовательскую, педагогическую и др.); ценности профессиональной деятельности [2].

Категория профессиональной направленности нами полагается и рассматривается максимально предметно и означает специфику личностных предпочтений студентов-психологов при профессиональной самореализации, ту их профессиональную специализацию, которую они как будущие психологи на сегодня сознают ведущей для реализации в своей профессии. В этой связи на основе

анализа работ Г.С. Абрамовой, Н.И. Гуткиной, И.В. Дубровиной, М.Р. Битяновой, Е.А. Климова, Л.В. Лежниной, В.Э. Пахальян, А.М. Прихожан и др., посвящённых исследованию профессиональной деятельности психологов, а также на основании изучения непосредственно образовательной практики подготовки психологов мы выделяем два типа их профессиональной направленности – научно-исследовательская и практическая со всем её многообразием (консультативная, диагностическая, психокоррекционная, психотерапевтическая). Таким образом, современные представления о совокупности профессионально важных качеств, требующихся психологу для успешного осуществления его профессиональной деятельности, необходимым образом должны отражать зависимость этих качеств от профессиональной направленности студента-психолога (ориентация на научно-исследовательскую или практическую деятельность, в рамках которой доминирующим может стать психотерапевтическое, диагностическое, консультативное или коррекционное направление).

В зависимости от того, какая профессиональная направленность для конкретного студента будет доминирующей, его учебная успешность будет специфично обусловлена мотивационным, ценностно-ориентационным и когнитивным критериями. В итоге такая дифференциация студентов-психологов по профессиональной направленности максимально эффективно решает задачу формиро-

вания и развития профессионально важных качеств, поскольку предполагает содержательную индивидуализацию этих процессов, что, в свою очередь, стратегически связано с ростом учебной успешности.

Список литературы:

1. Баева Г.Х. Ценностные ориентации в системе акмеологических факторов развития успешности учебной деятельности студентов: Дис. ... канд. психол. наук: 19.00.13. – СПб., 2012. – 187 с.
2. Деркач А.А. Методологические и прикладные проблемы обучения студентов-психологов // Акмеология. – 2014. – № 1 (49). – С. 6-16.
3. Краснорядцева О.М., Ваулина Т.А. Ценностная обусловленность типологических особенностей профессионального мышления психологов // Ценностные основания психологической науки и психология ценностей / Отв. ред. В.В. Знаков, Г.В. Залевский. – М., 2008. – С. 185-214.
4. Рубцов В.В. Социально-генетическая психология. – М.: МГППУ, 2008.
5. Фурсова Д.В. Учебная успешность и эмоциональный интеллект будущего психолога // Научно-практический журнал «Акмеология». СВ1-2/2014. – С. 229-230.
6. Шадриков В.Д. Деятельность и способности. – М., 1994. – 320 с.

ДЕТИ ГРУППЫ РИСКА ПО ФОРМИРОВАНИЮ РАССТРОЙСТВА ЛИЧНОСТИ И ПОВЕДЕНИЯ В ПОСЛЕДСТВИЕ БОЛЕЗНИ, ПОВРЕЖДЕНИЯ И ДИСФУНКЦИИ ГОЛОВНОГО МОЗГА

Калинина Наталья Васильевна

аспирант кафедры прикладной и теоретической психологии Челябинского государственного педагогического университета

Анализ статистических данных последних лет показывает, что в структуре психической патологии подростков 43,6% приходится на непсихотическое психическое расстройство, среди которых первое место занимают последствия органического поражения центральной нервной системы (ЦНС). В то же время известно, что клинически проявляющиеся формы резидуально-органической патологии мозга могут стать основой для патологического формирования личности. [5, 6, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 33, 34, 35]

В представленной статье мы хотим рассмотреть этот вопрос, как с точки зрения возникновения проблемы, так и с точки зрения раннего прогнозирования исхода имеющихся предпосылок расстройства личности и поведения.

Впервые описание резидуально-органических расстройств с поведенческими нарушениями было сделано А.Г. Ступод в 1883 году и названо «травматическим неврозом». Несколько позднее, в 20-30 годы подобные состояния, но уже в детском и подростковом возрасте, были описаны Е.А.Винокуровой, С.З.Галацкой, которые видели причинами формирующейся патологии личности

— рано перенесенные инфекции и мозговые травмы. Подобная эволюция взглядов на этиологию нарушенного формирования личности в сторону большего признания внешних (в том числе и травматических) факторов отмечалась в это же время и в зарубежной литературе (Эйе во Франции, Нобили в Италии, Трамер в Швейцарии и т.д.).

Параллельно этому учению на Западе активно исследовались состояния резидуально-органической природы, проявляющиеся в виде нарушений внимания, памяти, двигательной активности и поведенческим нарушениям. И в 60-ых годах прошлого столетия возник термин "легкая дисфункция мозга", который объединял различные взгляды на данную проблему (S.D.Clements, 1966; E.Beraer, 1997).

Все авторы соглашались с тем, что нервно-психические изменения были обусловлены перинатальными и другими повреждениями созревающей нервной системы.

По мнению Г.Н. Крыжановского: «Патологические процессы в нервной системе начинаются с ее повреждения. ...Вследствие повреждения возникают структурно-функциональные дефекты в нервной системе, нарушаются нервные связи, происходит распад физиологических

систем. Выраженность этих явлений зависит от характера и обширности повреждения». [23]

Немаловажную роль в возникновении внутриутробных поражений центральной нервной системы играют токсикозы беременности матери. [7] Д.Н.Исаев связывает с ними и психическую отсталость, и замедление усвоения школьных навыков, к числу которых относятся: дизлексия, недостаточная концентрация внимания, гиперактивность и другие. [15, 16] По данным Т.И.Покровской и Р.М.Нарициной [27] частота рождения детей с резидуальными нервно-психическими расстройствами от матерей, перенесших токсикоз беременности, повышается более чем на 30%.

Многочисленными исследованиями установлено, что чаще всего поражение происходит в пренатальном периоде. [2, 3, 30] По данным М.Б.Цукер [36], Л.О.Бадаляна [1] и других авторов в детском возрасте поражения нервной системы пре- и перинатального периода составляют 65–80%. М.Я.Студеникин [32] основными причинами считал асфиксию, постнатальный энцефалит и другие воздействия в пренатальном и постнатальном периодах. Ю.И.Барашнев [2, 3] определяет несколько отрицательных факторов (наследственность, особенности внутриутробного развития, экологические условия, питание беременной, условия жизни и др.) и только один фактор считает общим — гипоксию плода и новорожденного.

Ю.И.Барашнев, [2,3] изучая вопрос гипоксически-ишемической энцефалопатии новорожденных, говорит о том, что они представляют собой разнородные по степени тяжести поражения ЦНС. Но обращает внимание на то, что в большинстве случаев их объединяет причина возникновения. Чаще всего гипоксически-ишемическая энцефалопатия новорожденных, которая возникает в случаях «... когда матери относятся к группе повышенного или высокого риска: старые первородящие женщины с нарушениями репродукции, с патологически протекающей беременностью, с нередкими угрозами прерывания беременности и пр.».

Среди новорожденных особое место занимают недоношенные дети. Частота перинатальных повреждений нервной системы у недоношенных новорожденных колеблется от 40% до 70%. Недоношенность, наряду с аномальным течением беременности способствует патологическим изменениям в нервной системе плода и новорожденного. [4] Ю.И.Барашнев [4] в процессе восстановления недоношенных новорожденных выделяет четыре фазы. «1-ая фаза — острый период болезни, она может продолжаться до 1-го месяца и характеризуется синдромом угнетения ЦНС или же сочетанием общих и очаговых неврологических симптомов. В этот период категоричность того или иного прогноза бывает весьма сомнительна, т.к. при создании оптимальных условий выхаживания и лечения даже у детей с тяжелыми повреждениями может быть сохранена жизнь, а остаточные явления мозговых нарушений могут оказаться незначительными. Вторая фаза характеризуется улучшением общего состояния недоношенных детей, исчезновением или значительным ослаблением неврологических расстройств. Продолжительность этой фазы болезни — 2-й месяц жизни. Третья фаза заболева-

ния (фаза спастических явлений) характеризуется состоянием повышенной возбудимости, наступающей после короткого периода ложной нормализации состояния. Появляется гиперрефлексия, усиливается тремор и атетоз, поза ребенка становится скованной, обнаруживается мышечный гипертонус. Продолжительность этой фазы заболевания колеблется от 3-го до 7-9-го месяцев жизни. Четвертая фаза процесса (фаза завершения) характеризуется тем, что на 8-м, 9-м месяцах жизни происходит разделение всех наблюдавшихся детей на две группы: у 80% происходит полное или значительное восстановление функций ЦНС, у остальных 20% формируются те или иные психоневрологические расстройства».

В детской и подростковой психиатрии и медицинской психологии при различной нервно-психической патологии значение возрастного фактора остается центральным. [6, 24, 25, 19, 20, 21, 33, 34, 35] Авторы подчеркивают, что возрастная фаза может явиться одним из внутренних условий, способствующих возникновению психического заболевания, особенно если эта фаза протекает дисгармонично, меняя общую и специфическую реактивность организма.

В.В.Ковалев [20, 21, 22], исходя из биогенетической теории этапности индивидуального развития, схематически выделил 4 основных уровня нервно-психического реагирования у детей и подростков: 1) соматовегетативный (0–3 года); 2) психомоторный (4–7 лет); 3) аффективный (5–10 лет); 4) эмоционально-идеаторный (11–17 лет); а также периоды возрастных кризов: 2–4 года; 6–8 лет и пубертатный возраст 12–18 лет. Именно в эти кризовые периоды в связи с нарушениями физиологического и психологического равновесия возникают и выявляются различные формы психического дизонтогенеза.

Разными авторами, занимавшимися изучением вопроса расстройства личности и поведения (согласно Международной классификации болезней 10-го пересмотра МКБ — 10 определяется рубрикой F 07.0) рассматривалась проблема наличия динамики, этапности, возрастных границ, классификации и т.д. Из всех известных нам мнений хочется выделить предложенный подход Т.Б. Дмитриевой [14] к классификации динамических сдвигов возникающих как результат патологического течения онтогенеза. Автор определяет три варианта таких сдвигов: 1) патохарактерологический; 2) невротический; 3) реактивно-психотический. По ее мнению такие сдвиги: «...с одной стороны отражают этап развития заболевания и процессов адаптации и компенсации, а с другой - могут указывать на глубину психических расстройств».

В проведенной нами работе, направленной на изучение возникновения и течение патологических форм развития личности мы, обследовали группу подростков, у которых наблюдали ту или иную патологию пре-перипостнатального периодов.

Было изучено 115 подростков мужского пола в возрасте от 16 до 20 лет, госпитализированных в клинические отделения с расстройствами личности и поведения резидуально-органического генеза. Клиническое наблюдение осуществлялось одновременно в двух группах. В основную группу включено 80 подростков со стационарно установленным диагнозом органической психопатии.

Контрольную группу составили 35 подростков того же возраста с психопатоподобными синдромами церебрально-органического генеза без признаков формирования психопатии.

Одной из причин органического поражения головного мозга, согласно клинко-анамнестическим данным, являлись пре-, пери- и постнатальные неблагоприятные факторы, в основном травматического характера.

Основными методами данного исследования являлись: клинко-анамнестические, клинко-психопатологические и клинко-динамические. [30] Кроме того, использовались данные медицинской документации, характеристики родителей, воспитателей, педагогов, непосредственная оценка клинического статуса при периоди-

ческих поступлений обследуемых подростков в стационар до 18-летнего возраста, динамика психологических заключений.

Как было отмечено, одним из критериев отбора наблюдений являлось наличие резидуально-органической церебральной патологии, обуславливающей психопатологические проявления. Известно, что основную этиопатогенетическую роль в их возникновении играют внутриутробные, перинатальные и ранние постнатальные поражения мозга. [5, 6, 15, 16, 20, 22, 21, 28, 29, 33] Большое внимание отводилось: состоянию здоровья матери во все периоды беременности и, особенно, во второй период, течению родов, перенесенным ребенком в раннем возрасте заболеваниями. Анализ полученных данных приведен в табл.1, 2, 3.

Таблица 1

Характеристика пренатальных факторов

Вид патологии в период беременности	Количество наблюдений, чел.					
	Основная группа				Контроль ная группа	
	1 подгр. – выраженная степень		2 подгр. – умеренная степень			
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Токсикозы 1 и 2 половин	19	21,85	51	58,65	14	16,1
Угроза выкидыша	7	8,05	9	10,35	3	3,45
Психогении	6	6,9	8	9,2	2	2,3
Тяжелые соматогении	12	13,8	12	13,8	10	11,5
Интоксикация (алкоголь, вредное производство)	13	14,95	8	9,2	15	17,25

Таблица 2

Характеристика перинатальных факторов

Перинатальная патология	Количество наблюдений, чел.					
	Основная группа				Контрольная группа	
	1 подгр. – выраженная степень		2 подгр. – умеренная степень			
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Роды со стимуляцией	7	8,05	9	7,8	2	1,7
Родовспоможение, в т.ч. кесарево сечение	4	4,6	6	6,9	3	3,45
Родовая травма	6	6,9	9	10,35	3	3,45
Асфиксия	8	9,2	9	10,35	4	4,6
Недоношенность	6	6,9	6	6,9	2	2,3

Таблица 3

Характеристика постнатальных факторов

Заболевания до 5 лет	Количество наблюдений, чел.					
	Основная группа				Контрольная группа	
	1 подгр. – выраженная степень		2 подгр. – умеренная сте- пень			
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Тяжелые соматические заболевания	12	13,8	19	21,85	9	10,35
Токсические формы инфекций	4	4,6	6	6,69	6	6,69
Цепочка простудных заболеваний	9	10,35	13	14,95	7	8,05
ЧМТ	3	3,45	3	3,45	2	2,3
Нейроинфекции	1	1,15	1	1,15	–	–

В ходе работы были получены следующие результаты, которые могут, по нашему мнению, служить диагностическими критериями для возможного формирования расстройства личности.

Онтогенетически наиболее ранним является соматовегетативный уровень реагирования (0-3 лет). [20, 22] В результате анализа имеющихся сведений, полученных из медицинской документации, было обнаружено, что обследуемые первой подгруппы на этом этапе имели однотипные характеристики по многим показателям, что позволило выделить общие закономерности их развития. На первый план в клинической картине выступали явления сенсорной и моторной возбудимости, склонность к вегетативным нарушениям, диспептические явления, расстройства сна в виде парасомний. Реже преобладали истощаемость и сонливость. Моторные навыки и особенно тонко дифференцированные действия прививались с трудом и задержкой. В 9 (10,35%) случаях констатировалось запаздывание становления статокинетических функций. Они позже на 2–3 месяца начинали сидеть, стоять, ходить, длительное время проявляли неуклюжесть, медлительность и вялость. Во второй подгруппе подобные задержки имели место лишь в 5 (5,75%) случаях и были менее выраженными. Сроки развития речевых функций (появление слогов, слов, фраз) у 9 (10,35%) соответствовали возрастной норме, у 14 (16,1%) наблюдалась задержка речевого развития с дефектами произношения. Так, фразовая речь у 5 (5,75%) обследованных появилась к 2,5, и даже 3 годам. У них же, и еще у 4 (4,6%) обследованных, медленно осваивался и пополнялся активный словарь. В 2 (2,3%) наблюдениях отмечалось заикание. Описанные нарушения во второй подгруппе были зафиксированы только у 8 (9,2%) детей.

Кроме того, у 4 (4,6%) отмечались случаи снохождения и сноговорения, у 9 (10,35%) - неврозоподобные страхи, у 5 (5,75%) - энурез, у 2 (2,3%) - тикоидная симптоматика, у 3 (3,45%) - заикание.

Все это дает основание рассматривать описанный симптомокомплекс, как синдром органической невропатии. [16, 28, 29, 33, 34] Что отличает клиническую картину первого этапа становления органического расстройства личности (органической психопатии) [8, 9, 19, 20, 21, 22, 10, 11, 12, 13], характеризующейся малой специфичностью и полиморфизмом.

В возрастной критический период (3–4 года) невропатическая симптоматика не только сохранялась, но и в некоторых случаях утяжелялась, происходило более четкое структурирование синдрома с выделением его гиперстенического и гипостенического вариантов. В первом варианте (16 случаев -18,4%) на фоне двигательной расторможенности усиливалась аффективная возбудимость с преобладанием импульсивности и агрессивности. Аффективные вспышки сопровождались, как правило, вегетативными изменениями в виде: учащения пульса и дыхания, потливости, гиперемии. Подобные реакции носили непродолжительный характер и часто заканчивались вялостью, сонливостью, головными болями, а у 4 (4,6%) обследованных аффективно-респираторными судорогами. Во втором варианте (7 случаев – 8,05%) дети отличались

пассивностью, пугливостью, непереносимостью незнакомой обстановки, повышенной склонностью к плаксивости, а иногда и аффективными реакциям с последующим истощением. Во всех перечисленных случаях выявлялись нарушения сна, нервная диспепсия, анорексия и страхи (темноты и одиночества). Уже в этом возрасте больше, чем в половине наблюдений, отмечалась неспособность адаптироваться к условиям детских учреждений. По истечении первой критической фазы в большинстве случаев аффективная возбудимость с агрессивностью заметно уменьшалась, и на первый план во всех наблюдениях вновь выступала невропатическая симптоматика. Усложненная двигательным и речевым беспокойством, недостаточностью целенаправленной деятельности, нарушениями внимания и работоспособности, она усугубляла нарушения социального функционирования, особенно в тех случаях, где отмечались неправильные типы воспитания. Во второй подгруппе частота и уровень социальной дезадаптации были выражены слабее даже в условиях гипопеки. На фоне дизонтогенетических проявлений возникала первая патологическая симптоматика в виде патологических реакций и аффективной неустойчивости.

Таким образом, уже в раннем детстве выявлялись и другие признаки, отражающие взаимодействие первых психопатических радикалов с психоорганическими расстройствами. Соматовегетативной уязвимости сопутствовала дисрегулярность моторного и когнитивного развития: статических, локомоторных и речевых функций. Клинико-динамическое наблюдение позволило установить, что у всех обследуемых с гиперстеническим вариантом невропатии при дальнейшем становлении аномалий характера преобладали черты возбудимого типа с отчетливым их структурированием. В клинической картине наблюдалось гиперкинетическое расстройство с гиперактивным поведением. Гипостенический вариант определял структуру характерологических расстройств с преимущественными чертами тормозимости, где преобладали признаки органического эмоционально-лабильного (астенического) расстройства с когнитивным дефицитом. Сравнительный анализ с контрольной группой выявил определенное своеобразие динамических характеристик при становлении расстройства личности (органической психопатии) на этом этапе. Первые проявления и постепенное нарастание очерченных психопатических радикалов совпало с возрастным критическим периодом (3–4 г.). Их характерная особенность заключалась в актуализации и закреплении патологического способа реагирования. При этом наряду с отличительными свойствами, характерными для разных психопатических типов, они имели ряд общих закономерностей. Первые патологические (патохарактерологические) реакции, которые с полным основанием были отнесены к психопатическим, носили малодифференцированный, фрагментарный и изменчивый характер, возникали непосредственно вслед за стрессовым моментом, в большинстве случаев протекали по типу аффективных разрядов и быстро исчезали. Обращало на себя внимание достаточно частое включение в реакции истерических элементов.

Значительное усиление личностных отклонений было зафиксировано с началом обучения в школе (7–8

лет), что связано с вступлением детей в новые социально-психологические отношения, и с наличием в это время психогенных факторов (школьные нагрузки, требования дисциплины), и, наконец, с наступлением возрастного критического периода. В этот момент практически у всех первоклассников в той или иной мере обострилось, либо возникла впервые церебростеническая симптоматика в виде: быстрой утомляемости, эмоциональной лабильности, непереносимости шума, духоты и школьных нагрузок. Почти у двух третей детей с первых же дней пребывания в школе наблюдались реакции активного и реже пассивного протеста. Участились и стали более бурными аффективные реакции, во многих случаях отмечались агрессивные тенденции со склонностью к разрушительству. У 6 (6,9%) обследованных отмечены побеги и бродяжничество, которые в отдельных случаях сочетались со склонностью к воровству, поджогам, что свидетельствовало о расстройствах влечений. Уже в этом возрасте 7 (8,05%) обследованных пристрастились к курению, 5 (0,23%) были знакомы с алкоголем, в 3 (3,45%) наблюдениях аддиктивное поведение сочеталось. Патологические реакции приобретали более дифференцированный и однотипный характер в их клиническом содержании и оформлении, выявлялись не только общие, но и специфические черты. Реакции появлялись по любому незначительному поводу, чаще в трудной и более или менее продолжительной стрессовой ситуации. Специфический тип реагирования достаточно отчетливо отражал складывающийся преимущественный стиль поведения. Соматовегетативные расстройства определяли возникновение функциональных отклонений в состоянии здоровья, учащения простудных и аллергических заболеваний, актуализацию хронической соматической патологии. Отклонения в когнитивном функционировании сопровождались нарушениями школьных навыков, трудностями в обучении.

Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что дети получившие пре-пери- и постнатальные повреждения находятся в группе риска по формированию расстройства личности и поведения. Необходимо длительное наблюдение не только за темпом физического и нервно-психического развития ребенка, но и за типом его поведения, способом реагирования в различных ситуациях. Сопровождение семьи, в данном случае, должно быть направлено на профилактику конфликтных ситуаций, предупреждения выбора неэффективного стиля общения с ребенком, типа воспитания. Методическую и информативную помощь таким родителям необходимо оказывать медицинским работникам, педагогам, психологам, социальным работникам и др. специалистами.

Литература

- Бадалян Л.О. Детская неврология. – М., 1984: 306-359.
- Барашнев Ю.И. Гипоксически-ишемическая энцефалопатия новорожденных: вклад перинатальных факторов, патогенетическая характеристика и прогноз // Росс. вестник перинатологии и педиатрии. – М., 1996; 2: 29-35.
- Барашнев Ю.И. Компенсация нарушенных функций и значение стимулирующей терапии при перинатальных повреждениях головного мозга новорожденных // Российский вестник перинатологии и педиатрии. – М., 1997; 6: 7-9.
- Барашнев Ю.И., Озерова О.Е., Вьяскова М.Г., Сорокина З.Х. Компенсаторные возможности центральной нервной системы у недоношенных детей // Акушерство и гинекология. – М., 1990; 11: 49-53.
- Буторина Н.Е., Колесниченко Т.Н. Типология пограничных психических расстройств резидуально-органического генеза у детей младшего школьного возраста // Социальная и клиническая психиатрия. – М., 1996; 1: 12-14.
- Буторина Н.Е., Дедков Е.Д. Особенности девиантного поведения как клинического проявления пубертатного криза // Саморазрушающее поведение у подростков. – Ленинград, 1991: 21-29.
- Волгина С.Я. Педиатрия. – М., 1996; 5: 24-28.
- Гиндикин В.Я. Психопатии и патохарактерологические развития (роль внешних факторов в формировании и динамике) // Клиническая динамика неврозов и психопатий (тематический сборник). – Л., 1967: 152-182.
- Гиндикин В.Я., Геруин Л.Г. Актуальные вопросы психиатрии. – в. 3., Томск, 1987. – с. 27-30.
- Гурьева В.А. Дети с отклонениями в поведении. – М., 1986: 37-51.
- Гурьева В.А. Психогенные расстройства у детей и подростков. – М., 1996. – 207 с.
- Гурьева В.А. Психопатии в детском и юношеском возрасте. – М., 1971; 38 с. 1991; 3: 64-68.
- Гурьева В.А., Гиндикин В.Я. Юношеские психопатии и алкоголизм. – М., 1980; 272 с.
- Дмитриева Т.Б. Современные общепсихологические подходы к оценке психопатий // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова. – М., 1997; 5: 4-6.
- Исаев Д.Н. Психопатология детского возраста: Учебник для вузов. – СПб.: СпецЛит, 2001. – 463 с.
- Исаев Д.Н., Коган В.Е. Об этиопатогенезе органических аутистических психопатий у детей // Актуальные проблемы психоневрологии детского возраста. – М., 1973. – с. 173-176.
- Кербики О.В. К учению о динамике психопатий. 1961 // Избранные труды. – М., Медицина, 1971. – с. 163-187.
- Кербики О.В. Клиническая динамика психопатий и неврозов. 1962 // Избранные труды. – М., 1971. – с. 188-206.
- Ковалев В.В. О психогенных патологических формированиях (развитиях) личности у детей и подростков // Журнал невропатологии и психиатрии. – 1969, вып. №10, с. 1543-1549.
- Ковалев В.В. О разном понимании динамики становления психопатий // Журнал невропатологии и психиатрии. – 1979, вып. №11, с. 1598-1603.
- Ковалев В.В. Патологические формы девиантного поведения у детей и подростков. – М., 1989: 9-11.
- Ковалев В.В. Психогенные характерологические и

- патохарактерологические реакции у детей и подростков // Неврозы и нарушения характера у детей и подростков. – М., 1973. – с. 75-90.
23. Крыжановский Г.Н. Системные механизмы нервных и психических расстройств // Журнал неврологии и психиатрии им. С.С.Корсакова. – М., 1996; 6: 5-8.
24. Личко А.Е. Подростковая психиатрия. Руководство для врачей. – Л., 1985: 416 с.
25. Личко А.Е. Психопатии и акцентуации характера у подростков. – М., 1983: 255 с.
26. Попов Ю.В. Лонгитудинальное изучение психопатий и психопатоподобных нарушений непсихотического характера // Психопатические расстройства у подростков. – Л., 1987; 8-11.
27. Покровская Т.И., Нарицина Р.М. Сомато-психическое развитие детей в зависимости от антенатального периода. – Л., 1978. – 120 с.
28. Мнухин С.С., Исаев Д.Н. Об органической основе некоторых форм шизоидных и аутистических психопатий // Актуальные вопросы клинической психопатологии и лечения психических заболеваний. – Л., 1969. – с. 112-121.
29. Мнухин С.С. О резидуальных нервно-психических расстройствах у детей // Резидуальные нервно-психические расстройства у детей. Ленинградский педиатрический медицинский институт. Труды, Т. 51. – Л., 1968. – с. 5-22.
30. Морозов В.И. Последствия перинатальных поражений нервной системы у детей // Педиатрия. – М., 1998; 1: 35.
31. Морозов Г.В., Шубина К.К. К понятию о компенсациях при психопатиях // Реабилитация больных нервными и психическими заболеваниями. – Л., 1973. – с. 221-225.
32. Студеникин М.Я. Педиатрия (специальный выпуск). – М., 1994: 15-18 с.
33. Сухарева Г.Е. Клинические лекции по психиатрии детского возраста. – М., 1955: 57-74; 165; 275.
34. Сухарева Г.Е. Спорные вопросы в определении понятия психопатии // Журнал невропатологии и психиатрии. – 1972. Вып №10. – с. 1516-1520.
35. Ушаков Г.К. Пограничные нервно-психические расстройства. – М., 1987: 127-200.
36. Цукер М.Б. Клиническая неврология детского возраста. – М., 1986: 460 с.

КОПИНГ-ПОВЕДЕНИЕ РОДИТЕЛЬНИЦ УМСТВЕННО ОТСТАЛОГО РЕБЕНКА, В СИТУАЦИИ ВОСПИТАНИЯ ОДНОГО И ДВОИХ ДЕТЕЙ

Моисеева Светлана Николаевна

аспирант Шуйского филиала, ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет», г. Шуя

COPING BEHAVIOR OF MOTHERS OF MENTALLY RETARDED CHILD, IN THE SITUATION OF THE EDUCATION OF ONE AND TWO CHILDREN

Moiseeva Svetlana Nikolayevna, PhD student, Ivanovo State University, branch in Shuya

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию совладающего поведения родительниц, воспитывающих детей с умственной отсталостью.

Summary

The article deals with a coping behavior of the mothers raising a mentally retarded child.

Ключевые слова: совладающее поведение, копинг, копинг-стратегии, стиль совладающего поведения, матери, воспитывающие детей с умственной отсталостью.

Keywords: coping behavior, coping, coping strategies, style of coping behavior of a mother, mentally retarded child.

Ситуацию, когда в семье рождается ребенок с нарушением интеллекта, расценивается родителями как тяжелое жизненное испытание, которое своим длительным негативным воздействием оказывает влияние на смысловые ориентации родителей, на выбор стилей/стратегий совладающего поведения.

В своем исследовании мы обращаемся к изучению влияния хронического стресса на особенности совладающего поведения матерей, воспитывающих умственно отсталого ребенка.

В исследовании участвовало 105 матерей, воспитывающих детей с легкой умственной отсталостью (группа №1), и 105 матерей, воспитывающих детей с сохранным интеллектом (группа №2).

Нас заинтересовало, будут ли наблюдаться различия в выборе стилей/стратегий совладания у матерей

внутри группы №1, (воспитывающих одного ребенка с умственной отсталостью и двоих детей, из которых лишь один ребенок имеет умственную отсталость), а также внутри второй группы, где матери воспитывают одного или двоих детей не имеющих интеллектуальных нарушений.

Для диагностики стилей и стратегий совладающего поведения родительниц мы использовали опросник «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (CISS, КПСС), Н. С. Эндлер, Д. А. Паркер, адаптированный Т. Л. Крюковой и «Опросник способов совладания» (ОСС), разработанный Р. Лазарусом и С. Фолкманом, адаптированный Т. Л. Крюковой, Е. В. Куфтяк, М. С. Замышляевой.

Значимость различий в значениях признаков между полученными данными первой и второй групп определялись с помощью t-критерия Стьюдента.

Для матерей, воспитывающих одного умственно отсталого ребенка, характерно использование в трудной ситуации «эмоционально ориентированного» копинга ($t=-2,506$; $p<0,01$), «избегания» ($t=-2,425$; $p<0,001$); «конфронтативного» копинга» ($t=-2,744$; $p<0,007$). Они реже, чем матери второй группы, воспитывающие одного ребенка с сохранным интеллектом, обращаются к стратегии «принятия ответственности» ($t=2,835$; $p<0,006$).

Эмоционально сфокусированный копинг значительно меньше требует регуляторных усилий и связан с погружением в негативные переживания.

Матери, воспитывающие одного умственно отсталого ребенка, чаще пытаются избежать ответственности, стараются отстраниться от ситуации или от общения («избегание» $t=-2,425$; $p<0,006$). Этот способ реагирования малоэффективен и свидетельствует о некоторой боязни принимать решение, брать на себя ответственность.

Реже, чем матери второй группы, воспитывающие одного ребенка с сохранным интеллектом, они обращаются к стратегии «принятие ответственности» ($t=2,835$; $p<0,006$).

Они склонны чаще использовать агрессивные усилия по изменению ситуации, готовы к риску («конфронтативный копинг» $t=-2,744$; $p<0,007$).

Предпочтение отдают «эмоционально-ориентированному» копингу ($t=-2,506$; $p<0,01$), т.е. переживают чувство вины относительно случившегося, ощущают свою беспомощность, неспособность справиться с ситуацией. Они эмоционально относятся к проблеме, сосредотачиваясь на своих недостатках, испытывая нервное напряжение. Использование эмоционального копинга проявляется в виде: переживания протеста, возмущения, отреагирования чувств, вызванных болезнью, через слезы, сниженное настроение, раздражение и др.

Для матерей, воспитывающих двоих детей, причем умственную отсталость имеет только один из них, характерно частое использование стратегии «принятие ответственности» ($t=2,835$; $p<0,006$).

Если матери, воспитывающие одного умственно отсталого ребенка, чаще испытывают состояние изоляции, подавления, покорности, фатализма, начинают винить себя, реагируют раздражением, на ограничения, связанные с болезнью. То матери двоих детей, из которых только один имеет умственную отсталость, не боятся принять ответственность на себя, не «опускают руки». Чаще всего они прибегают к «положительной переоценке», «самоконтролю», «планированию решения проблем», но прибегают и к «бегству, избеганию» в трудной ситуации, стараясь уйти от сложностей.

Реже пользуются «конфронтативным» копингом, «дистанцированием», что говорит о попытках уйти от проблемы не так агрессивно, жестко отгораживаясь от окружения, поскольку наличие нескольких детей поневоле тягивает родительниц в круговорот общения, взаимодействия.

Таким образом, матери, воспитывающие одного умственно отсталого ребенка, предпочитают чаще прибегать к стратегиям «избегания», «эмоционально-ориентированному копингу», «конфронтации» и редко использовать «принятие ответственности».

Матери, воспитывающие двоих детей с сохранным интеллектом, чаще используют стратегию «избегание от-

ветственности» ($t=3,453$; $p<0,001$), «социальное отвлечение» ($t=4,857$; $p<0,000$), т.е. они стремятся избежать принятия важного решения, но с удовольствием вступают в контакт с другими людьми. В трудных ситуациях они снижают напряжение через общение, возможность находиться среди людей, при этом их общение не предполагает разрешение возникшей проблемы, а просто общение ради общения, но это уже дает возможность снизить напряжение.

Матери, этой подгруппы чаще используют «поиск социальной поддержки» ($t=2,597$; $p<0,011$). В трудных ситуациях они обращаются за помощью к другим людям, ищут социальной поддержки в виде советов, информации. Они проявляют себя более активно: общаются, советуются с другими, что помогает им эффективнее справиться с трудностями.

Матери, воспитывающие двоих детей с сохранным интеллектом, чаще используют стратегию «планирование решения проблемы» ($t=4,073$; $p<0,000$), у них более выражено стремление использовать сознательные, продуманные заранее, проблемно-фокусированные усилия по изменению ситуации, включающие планомерное рассмотрение вариантов решения проблемы. Это активная поведенческая стратегия. Родительницы пытаются использовать все имеющиеся у них личностные ресурсы, чтобы найти эффективный способ решения возникших трудностей.

Они чаще прибегают к «положительной переоценке» ($t=6,831$; $p<0,001$), т.е. направляют усилия на нахождение положительных моментов в сложившейся ситуации, стараются увидеть возможности самосовершенствования.

Матери, воспитывающие одного ребенка с сохранным интеллектом, чаще прибегают к стратегии «самоконтроля», стараясь «держаться в руках», «не показывать вида».

Так же как и родительницы, воспитывающие двоих детей, они используют стратегии «планирования решения проблем», «положительная переоценка». Реже прибегают к «избеганию», но чаще к «эмоционально-ориентированному копингу».

Таким образом, матери второй группы, воспитывающие двоих детей с сохранным интеллектом, чаще прибегают к активным проблемно-фокусированным стратегиям совладания: «поиск социальной поддержки», «положительная переоценка», «планирование решения проблем», хотя порой не прочь использовать и «избегание».

Проведенное исследование показывает, что в ситуациях, не поддающихся изменению (влиянию), матери умственно отсталых детей прибегают к эмоционально-фокусированным стратегиям преодоления стресса, выражающиеся в «отвлечении», «избегании», тогда как проблемно-ориентированные стратегии совладания и социальное отвлечение используются значительно реже.

Эмоционально-ориентированные стратегии помогают матерям уберечь свою психику от негативного воздействия стресса, но, в тоже время, они не дают возможность гибко осуществлять совладание, направленное на разрешение проблемы, что может привести к усилению напряженности, неэффективному поведению.

Поскольку родительницы умственно отсталых детей не могут повлиять на заболевание, изменить болезнь,

то использование эмоционально-ориентированного копинга позволяет снизить уровень собственного эмоционального напряжения.

Ситуация воспитания двоих детей, из которых только один имеет умственную отсталость, с одной стороны влияет на выбор продуктивного совладания – «планирование решения проблем», но с другой стороны не позволяет широко и активно использовать стратегии, связанные с обращением к социальному окружению.

Совладающее поведение матерей, воспитывающих двоих детей, из которых только один имеет умственную отсталость, носит более гармоничный характер, чем у матерей, воспитывающих одного умственно отсталого ребенка. Таким образом, факт наличия еще детей в семье является источником, благодаря которому родительницы черпают силы для преодоления трудностей, более четко ставят цели и видят перспективы в будущем.

Список литературы:

1. Зинкевич-Евстигнеева Т. Д., Нисневич Л. А. Как помочь «особому» ребенку. СПб.: Детство-Пресс, 2001. – 128 с.
2. Совладающее поведение: Современное состояние и перспективы / под ред. А. Л. Журавлева, Т. Л. Крюковой, Е. А. Сергиенко. М.: Институт психологии РАН, 2008. – 474 с.
3. Левченко И. Ю., Ткачева В. В. Психологическая помощь семье, воспитывающей ребенка с отклонениями в развитии. М.: Просвещение, 2006. – 114 с.
4. Ткачева В. В. Технологии психологической помощи семьям детей с отклонениями в развитии. М.: АСТ; Астрель, 2007. – 318 с.

ВЗГЛЯД И.А. СИКОРСКОГО НА ДЕТСКУЮ РЕЧЬ И ЕЕ РАЗВИТИЕ

Мурзина Елена Борисовна

кандидат. психол. н., доцент кафедры общегуманитарных и правовых дисциплин, Институт государственного управления, права, инновационных технологий, (НФ), г. Нижний Новгород

I.A. Sikorsky's views ON CHILD'S SPEECH AND HER DEVELOPMENT

Murzina Elena, Candidate of Science, assistant professor, Institute of state administration, right, innovative technologies, Nizhny Novgorod

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются взгляды И.А. Сикорского на проблему речевого развития детей. Раскрываются роль и значение речи как основы умственного развития ребенка.

Ключевые слова: детская речь; умственное развитие; периоды речевого развития; типы детской речи.

ANNOTATION

The article touches upon Sikorsky's views on the children's speech development. It throws light on the role and the meaning of speech in the mental activity.

Keywords: child's speech; mental development; periods of speech development; types of child's speech.

Выдающийся русский психиатр, психолог, невролог, педагог, видный общественный деятель Иван Алексеевич Сикорский (1842 - 1919) стал одним из первых отечественных ученых, показавших значение речи для умственного развития ребенка раннего возраста [2]. По мнению Сикорского, *речь* является орудием или субстратом мысли.

И.А. Сикорский глубоко изучил труды и проанализировал опыт предшественников и своих современников, которые исследовали *время появления речи; характер и значение первых звуков, произносимых и усваиваемых ребенком и последовательность в развитии звуковой гаммы*. Сикорский же сделал акцент на *историю развития речи и на механизм возникновения и усложнения звуковых комбинаций* (образование слогов и слов речи).

При изучении данного феномена им и его учениками были использованы методы исследования: 1) записи детской речи каждого ребенка, которые велись в течение нескольких месяцев; 2) сличение последовательных звуковых редакций, которые ребенок давал одним и

тем же словам. Объектом исследования выступали собственные дети, дети знакомых, а также дети Воспитательного дома.

Характеризуя детскую речь, Сикорский указал на ряд ее важнейших особенностей: 1) «Детская речь не содержит в себе многосложных слов, а состоит, большей частью из односложных или двусложных комбинаций. Обычно дети избирают какой-либо слог слова, и он служит для них представителем целого слова» [3, с.138]; 2) «Элементарная структура слога» [там же, с.140]. «Детский язык не выдерживает двух или трех согласных кряду, а допускает только один согласный звук с гласной или один гласный звук качестве представителя целого слога, из скольких бы звуков он не состоял» [там же]; 3) «Неясность и неотчетливость отдельных звуков в смысле специализированного говора взрослых. Гласные звуки произносятся часто с большим или меньшим смягчением; в детской речи часто встречаются укороченные гласные; согласные отличаются неопределенностью и неотчетливостью» [там же]; 4) Всеобщая мягкость детских консонантов. По мнению Сикорского, это наиболее важное явление детской

речи; 5) Замена одних звуков другими, удвоение или повторение звуков; 6) Перемещение слогов слова.

В развитии речи Сикорский выделял ряд периодов [3, с.90]: 1) Период изучения звуков (подготовительный период); 2) уразумение слов; 3) произнесение слов.

Первый период характеризуется способностью произносить отдельные, членораздельные звуки, которые слышатся из уст ребенка. В первое время (4-6 месяцев) дети издают протяжные, но не членораздельные звуки, а после 10 месяца у ребенка часто слышатся преднамеренные, не вполне отчетливые членораздельные звуки: тль, тля, гл, ам, ма, мам, аль и т.п. С этого времени (*второй период*) ребенок начинает вслушиваться в речь взрослых и в течение одного или двух месяцев быстро усваивает значение многих слышимых слов, т.е. связывает (ассоциирует) слова и их значение. К концу первого года жизни дети в основном уже понимают значение многих слов и, что говорится взрослыми. Однако ребенок еще не в состоянии произнести ни одного слова, поскольку речь знакома ему как внешнее впечатление, но не как двигательный акт.

Затем ребенок начинает сам произносить слова. Когда наблюдается замедление развития речи, оно касается чаще всего произнесения слов, но не их понимания. Этот факт, по мнению И.А. Сикорского, указывает на трудность изучения самих движений, требуемых речью. Наибольшую трудность представляет сама процедура соединения двух или нескольких звуков в слог. Произнесение отдельных звуков слова – процесс сложный и трудный, состоящий из произнесения звуков то губами, то гортанью, то языком. Эта возможность зависит от развития центра речи.

Сикорский указал на две важнейшие стороны речи – физиологическую и психологическую. «Выучив слова, ребенок может произносить их разумно. ...В уме ребенка непосредственно возникает значение слова и его смысл, или сокрытая в нем идея» [4, с. 106]. Понятие смысла и значение слова Сикорский рассматривал как сложный ассоциативный процесс, который очень важен для умственного развития ребенка. Он говорил о необходимости своевременного развития данного процесса, «чтобы звук слова легко вызывал за собой значение, и наоборот, чтобы внутренний образ предмета легко вызывал в памяти соответственное слово и название» [там же, с. 107].

В связи с этим важное значение И.А. Сикорский отводил родной речи, как орудию мысли: «Обучение речи есть в то же время и обучение мышлению вообще и словесному мышлению в частности» [там же]. Эти процессы развиваются параллельно. Достигнув своего развития, речь становится для ребенка психофизическим актом, которая рассматривается автором как материальная оболочка идей и представлений.

По представлению Сикорского, и мысль, и слово требуют обучения и

упражнения. Причем ученый указывал, что для полного закрепления слова требуется десятилетняя практика. Именно возраст до 10 лет Сикорский определил как наиболее сенситивный для речевого развития. Он сформулировал внутренние и внешние задачи развития речи в раннем и дошкольном возрасте. Задача «внешнего обуче-

ния» состоит в способствовании восприятию звуков и закреплению их в памяти. Для этого ребенок должен слышать медленную, отчетливую, внятную речь. Она запоминается скорее и глубже; дети по возможности не должны быть свидетелями беглой речи взрослых. По мнению педагога, родную речь нужно изучать раньше иностранной.

Задача «внутреннего обучения» – ознакомить ребенка со смыслом и значением слов. Ее решение требует продолжительного срока. И. А. Сикорский указал на педагогически целесообразные условия, помогающие решению этой задачи. Во-первых, следует постоянно пояснять словами все действия и предметы; во-вторых, постоянно пояснять слова, используя жесты, мимику, интонацию; в-третьих, способствовать подражательному усвоению ребенком начал выразительной речи. И. А. Сикорский показал, что обучение речи, начавшееся в раннем детстве, продолжается и в последующие годы – вплоть до 14-летнего возраста.

Таким образом, по И.А. Сикорскому, обучение всем видам и формам речи является важнейшим орудием умственного развития в детстве.

Сикорский сделал попытку обобщить данные своих наблюдений и определил индивидуальные различия детского лепета. Он выделил два главных направления, определяющие различные типы речи: «Дети уже очень рано специализируются: одни по преимуществу изучают звуки (с большой внимательностью схватывают и запоминают один или несколько звуков), другие – *слоговую* структуру слова (схватывают слоговой состав слова, мало обращая внимание на ознакомление со звуками)» [там же, с. 143].

Дети, избравшие *звуковое* направление, постепенно обогащаются звуками; недоступные для них звуки они заменяют другими уже усвоенными. Там, где ребенок в изучении речи следует слоговому пути, звуки заменяются одни другими без определенной последовательности. Внимание ребенка сосредоточено главным образом на сохранении надлежащей длины слова и общего очертания слогового состава. Вопрос о звуках, которыми наполняется слог, отступает на второй план. У этих детей чаще всего встречаются удвоения (конгломерации) тождественных слогов, которые представляют элементарный путь для заполнения определенного слогового скелета артикуляторными звуками. Кроме того, сущность слогового направления проявляется в том, что ребенок употребляет различные звуки для одного и того же слова. Изучение звуков этим детям дается трудно, но, тем не менее, они начинают говорить довольно быстро при помощи самого ограниченного запаса звуков.

Дети, следующие *звуковому* направлению, в трудных для них случаях опускают слоги целиком или оставляют в них гласные звуки, поэтому в их речи гораздо чаще встречаются однозвучные слоги, тогда как при слоговом направлении гласные звуки почти никогда не остаются одиночными, и слоги всегда заполняются согласными.

Две категории детского лепета довольно резко различаются между собой. Речь детей слогового направления кажется свободной и бойкой, а речь звукового типа кажется отрывистой и беспомощной. Но, по мнению Сикорского, одна речь не имеет преимуществ перед другой. Дети слогового направления несколько лучше усваивают первые элементы синтаксического построения, но

при изучении звуков они не обнаруживают больших успехов. В этом более успешны дети звукового направления. Однако фонетика одинаково трудна для детей обеих категорий [там же, с.146]. Это главные факты, характеризующие развитие речи детей, по Сикорскому.

Человеческая речь есть результат совместного действия трех различных механизмов: *дыхательного, голосового и членораздельного*. Совместная координация деятельности этих механизмов не является таковой с момента рождения ребенка, а возникает постепенно. Раньше всего начинается деятельность голосового аппарата: уже в момент рождения на свет голос является вполне развитой функцией и становится одним из важнейших эмоциональных проявлений ребенка. Затем, чуть позднее, появляются первые признаки развития членораздельного механизма. Сикорский соглашался с большинством исследователей, что уже в первые месяцы жизни ребенок выражает голосом различное эмоциональное состояние (комфортное состояние выражается голосом, имеющим специфический оттенок звука «а», дискомфортное состояние – сопровождается звуком «э»). В это же время появляются и другие гласные звуки, которые постепенно приобретают все более ясную форму, потом вскоре согласные «м» и «б», другие губные.

К моменту рождения ребенка, по представлению Сикорского, координация между гортанным и дыхательным аппаратами вполне созрела, но, между дыхательным и артикуляционным она остается еще не установилась и в первые месяцы находится в зачаточной форме.

С 3-4-го месяцев жизни ребенка развитие речи вступает в новую фазу – впервые появляются слоги (группы звуков, произносимых с одним самостоятельным непрерывным выдохом воздуха). Каждый звук обладает индивидуальной силой и продолжительностью. Это свойство состоит в том, что каждый звук требует особенной, свойственной ему одной силы и продолжительности дыхания. При произнесении слова, состоящего из нескольких слогов, возникает две категории экспираторных колебаний – слоговые (первичные) и звуковые (вторичные) волны. При произнесении слова каждый звук должен стать на свое место, т.е. должен быть артикулирован в тот самый момент, когда наступает соответствующая ему экспираторная волна.

Сравнивая два типа развития речи (звуковой и слоговой), Сикорский различия между ними видел в том, что в одном случае на первый план выступает практика ребенка в артикуляционной экспирации, а во втором – упражнение в произнесении звуков (в строгой артикуляционной работе). Этот факт доказывает самостоятельность и независимость отдельных механизмов речи. Их взаимная координация совершается постепенно в течение долгого времени и остается незаконченной на протяжении всего второго и третьего года жизни ребенка. При этом усложнение звукового состава слога происходит через промежуточную фазу.

Детская речь в течение долгого времени сохраняет характерный оттенок детского лепета, благодаря неточному произнесению отдельных звуков, заменам одних звуков другими.

Главная трудность артикуляционной работы состоит в сложности сочетания различных движений, а не в

их абсолютной силе. В артикуляционной работе, по представлению Сикорского, главную роль играют осязательные ощущения сталкивающихся и соприкасающихся при движении органов и частей. Эти ощущения значительно важнее, чем мышечное чувство.

Сикорский проанализировал данные из области патологии речи, рассмотрел механизмы формирования слова и синтез мысли. Он попытался сгруппировать научные материалы и собственные наблюдения по вопросу об афазиях, агнозиях, апраксиях. По его убеждению, в основе данных нарушений лежит выпадение функции, что является противоположным явлением по отношению к процессу возбуждения. Процесс выпадения или ослабления ассоциаций строго следует порядку анатомических мозговых локализаций. По характеру поражения можно установить особенности афазий и по особенностям конкретных афазий характер поражения какого-либо мозгового центра.

Обращаясь к нормальному функционированию мозговых центров, Сикорский подчеркивал феномен системности, который заключается в том, что различные модальности: зрительные, слуховые, осязательные, представляют собой целостную структуру. Свобода и возможность пользоваться ассоциациями различных модальностей появляется при наличии внутренней устойчивой структуры восприятия. Системность проявляется в том, что обращение к одной модальности ведет за собой содержания, присущие другим. Системность обеспечивает свободное владение всеми сферами восприятия и всеми отделами представления, которые поставляют все необходимые для мышления образы. Высказанная таким образом концепция Сикорского относительно нарушений речевого аппарата сохраняет свое значение в настоящее время [1].

Анализ взглядов Сикорского И.А. позволяет говорить о том, что речь ребенка в своем развитии проходит сложный путь, начиная с простейшего типа слоговой координации, постепенно переходя в более сложные формы, достигая полной свободы в группировании и сочетании звуков. Знание истории развития речи, понимание механизма возникновения и усложнения звуковых комбинаций (образование слогов и слов речи), является важным при организации процесса речевого развития детей. Таким образом, высказанные И.А. Сикорским идеи нашли свое подтверждение в теориях современной науки и могут быть признаны актуальными и в настоящее время.

Литература:

1. Логопедия: Учеб. для студ. дефектол. фак. пед. высш. учеб. заведений / Под ред. Л.С. Волковой, С.Н. Шаховской. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2003. – 680 с.
2. Мурзина Е.Б. Психологические воззрения в творческом наследии И.А.Сикорского. Дисс.....канд. психол. наук, М., 2011.
3. Сикорский И. А. О развитии речи у детей. Санкт-Петербург, 1881. - 18 с.
4. Сикорский И.А. Психологические основы воспитания и обучения. Киев, 1909. - 112 с.

ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ У СТУДЕНТОВ ВУЗА

Шагивалеева Гузалия Расиховна

кандидат психологических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Елабуга,

Бильданова Вилия Рустемовна

старший преподаватель, Казанский федеральный университет, г. Елабуга

THE PROBLEM OF THE FORMATION OF SOCIAL AND PROFESSIONAL COMPETENCIES OF UNIVERSITY STUDENTS

Shagivaleeva Guzalia Rasikhovna, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor, Kazan Federal University Yelabuga,

Bildanova Vilya Rustemovna, Senior Teacher, Kazan Federal University, Yelabuga

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена исследованию компетентности у современных студентов как важному условию их профессиональной подготовки. В работе обосновывается актуальность исследования, рассматриваются социально-профессиональные компетенции. Большое значение уделяется социальным, познавательным, операционным и специальным компетенциям.

ABSTRACT

This paper investigates the severity of competence in modern students as an essential condition of their training. In the paper the relevance of the study is justified, social and professional competence are considered. Great importance is given to the social, cognitive, operational and special competencies.

Ключевые слова: компетентностный подход; компетентность; компетенция; системный подход; самоактуализация; социальные, познавательные, операционные и специальные компетенции, личностное и профессиональное развитие.

Key words: competence approach; competence; competency; systematic approach; self-actualization; social, cognitive, operational and special competence, personal and professional development.

Современный этап развития мирового сообщества характеризуется стремительно разворачивающимися инновационными процессами, причём инновации всё более приобретают статус генерального индикатора культурного развития. Условием прогресса становится готовность общественного и индивидуального сознания к переменам во всех сферах жизни социума и принятия нового как ценности. С позиций новой социокультурной парадигмы личность рассматривается как активный субъект, способный воздействовать на социальное развитие, создавать новое пространство жизни, духовный мир науки, культуры, нравственные нормы, задавать новые направления общественного развития.

В концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р, прописано, что «стратегическая цель государственной политики в области образования - повышение доступности качественного образования, соответствующего требованиям инновационного развития экономики, современным потребностям общества и каждого гражданина [4, с.42].

Для реализации этой цели следует обеспечить компетентностный подход, взаимосвязь академических знаний и практических умений.

«...компетентностный подход рассматривается как системное образование и, что самое главное, имеет в качестве объекта приложения также системное явление (в данном случае – образовательный процесс), что в другом (общепедагогическом) контексте отмечалось Н.В. Кузьминой, В.А. Сластениным и многими другими исследователями образования (Н.А. Селезневой, А.И. Субетто, В.Д. Щадриковым и др.)» [7, с. 22].

В отечественной педагогике и психологии компетентностный подход отчетливо обозначен в трудах отечественных психологов В.В. Давыдова, П.Я. Гальперина, Э.Ф. Зеера, В.Д. Щадрикова, П.М. Эрдниева, И.С. Якиманской,

В.И. Байденко, И.А. Зимней, Г.И. Ибрагимов, В.А. Кальней, А.М. Новикова, М.В. Пожарской, С.Е. Шишова, А.В. Хуторского и др.

Компетентностный подход – приоритетная ориентация на цели, которые включают обучаемость, самоопределение, самоактуализацию, развитие индивидуальности. Компетентность и компетенция выступают в качестве инструментальных средств достижения.

Б.Н. Герасимов определяет компетентность как «способность специалиста решать типовые задачи в какой-либо профессиональной области» [3, с. 66]. Реализация компетенций происходит при выполнении разнообразных видов деятельности, которые позволяют студенту решать теоретические и практические задачи. Целью нашего исследования является изучение социально-профессиональных компетенций будущего специалиста.

Для эмпирического исследования была использована методика «Экспертная оценка социально-профессиональных компетенций учащихся» [6]. Выборку составили 120 студентов первого и пятого курсов. Нами были выявлены социальные, познавательные, операционные, специальные компетенции.

Социальные компетенции включают в себя способность к ведению дискуссий, готовность к согласованным действиям, направленным на достижение поставленных целей. Под социальной компетенцией Р. Вундерер и П. Дик подразумевают способность (умение) и готовность (желание) людей относиться к себе и своим партнерам конструктивно, независимо, со стремлением к сотрудничеству и с учетом сложившейся ситуации [2, с. 106]. Рассмотрим как данные умения и способности проявляются у исследуемых студентов.

Результаты наших исследований показывают, что 46% студентов первого курса и 96% студентов пятого курса отметили в себе такое качество, как способность к сотрудничеству; 62% (первый курс) и 82% (пятый курс) студентов могут подчинять свои интересы группе; 36% студентов

первого курса и 76% пятого курса умеют улаживать конфликты и разногласия; проявлять эмоциональную устойчивость в ситуациях социально-профессиональной напряженности 43% и 83% (соответственно); проявлять терпимость к другим мнениям и позициям отметили 40% первого и 80% студентов пятого курса.

В процессе обучения и воспитания студентов в вузе необходимо формировать направленность на освоение социальных ролей, которые должны представлять собой определенную модель личности будущего специалиста и служить для студентов своеобразным ориентиром. Освоение социальных компетенций происходит при включении студентов в реальные социальные отношения в процессе которых происходит социализация личности.

Познавательные компетенции - готовность к систематизации и оценке учебно-профессиональной информации, готовность к дальнейшему повышению профессиональной квалификации. Наиболее выраженными из познавательных компетенций у студентов первого курса являются: умение переносить освоенные способы учения в новые ситуации (53%); учитывать индивидуальный тип учения (53%); устанавливать взаимосвязь межпредметных знаний (40%), быть готовым к учению (46%). Менее выражены такие компетенции, как: правильно обращаться с аудиторной техникой (35%); концентрироваться на учебе или работе (37%). Студенты пятого курса отметили, что могут переносить освоенные способы учения в новые ситуации (93%); концентрироваться на учебе (87%); устанавливать взаимосвязи между межпредметными знаниями (80%), определять собственный (индивидуальный) тип учения (73%), быть готовым к учению (83%), находить источники информации (77%), правильно обращаться с аудиторной техникой (70%).

Операционные компетенции – способность и готовность к целеустремленному и планомерному выполнению профессиональных заданий на основе освоенных методов работы, способов мышления.

У студентов первого курса операционные компетенции распределились таким образом: выявлять проблему (65%); уметь противостоять неуверенности и неопределенности (65%); оценивать реальность и возможность решения проблемы (63%); находить методы решения проблемы (60%), и только 23% оценили такое качество, как умение принимать решения и осуществлять решения. У студентов пятого курса операционные компетенции получили следующую выраженность: находить методы решения проблемы (80%), уметь противостоять неуверенности и неопределенности (80%), оценивать реальность и возможность решения проблемы (73%), выявлять проблему (73%).

Специальные компетенции – способность самостоятельно решать возникающие задачи в конкретной практической ситуации на основе полученных знаний с соблюдением соответствующих норм.

В группе специальных компетенций мы получили также различную выраженность у студентов первого и пятого курсов, а именно: у студентов первого курса умение использовать новые технологии информации и коммуникации выражено у 67%, на пятом курсе – 90%; применять знания и умения на практике - 61% у студентов первого курса и 98% пятого курса;

обладать профессиональной активностью - 46% и 85 % (соответственно); использовать профессиональную терминологию отметили 39% на первом курсе и 90% на пятом курсе.

Таким образом, мы получили, что у студентов первого и пятого курса имеются различия в умениях, способностях в социально - профессиональных компетенциях. Профессиональная компетентность – важный элемент в структуре личности педагога, от выраженности которой зависят возможности профессионального развития, достижения вершины профессионализма.

Профессионально-педагогическая деятельность включает в себя диагностику профессиональной направленности, личностно ориентированное профессиональное обучение, социально-профессиональное воспитание, внеучебную воспитательную работу. Проводя диагностику личностных качеств, студент может совместно с преподавателем обсудить полученные результаты, наметить пути реализации тех или иных планов. Компетенции, которые мы выявили, обеспечивают продуктивность различных видов деятельности и не могут быть изолированы от конкретных условий ее реализации. Диагностика и самодиагностика таких компетенций важна как на начальном этапе обучения, так и в конце вузовского обучения.

Существенные перемены в образовании невозможны без кардинальных изменений профессионального сознания будущего специалиста. Проблема подготовки компетентного специалиста становится все более актуальной. Задача педагогов – создавать такие условия, которые бы давали возможность студентам осваивать различные виды деятельности и формировать социально - профессиональные компетенции.

Компетентностный подход должен обеспечивать как личностное, так и профессиональное развитие специалистов, способствовать повышению уровня их социально-профессиональной мобильности, конкурентоспособности в различных сферах производственной деятельности.

Литература:

1. Боярский Е.А. Компетенции: от дифференциации к интеграции //Высшее образование сегодня. – 2007. – №1. – С. 8–11.
2. Вундерер В., Дик П. Ключевая роль социальной компетенции в концепции сопредпринимательства. //Проблемы теории и практики управления. – 2003. – №5. – С.15-24.
3. Герасимов Б.Н. Компетентность и профессионализм управленцев //Вопросы теории и практики формирования личностной, профессиональной направленности и компетентности человека в новых условиях системы образования и трудовой деятельности: монография. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2011. – 128 с.
4. Инновационная Россия – 2020 (Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года) Минэкономразвития России, Москва, 2010, С.105.
5. Зеер Э.Ф. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования. //Высшее образование в России. – 2005. - № 4. – С. 23-30.
6. Зеер Э.Ф., Павлова А.М. Психология профессионального образования: практикум: Учебное пособие. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 144 с.
7. Зимняя И.А. Компетентностный подход. Каково его место в системе подходов к проблемам образования //Высшее образование. –2006. – №8. – С. 21–26.

ЛИЧНОСТНО-ОРИЕНТИРОВАННАЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОДГОТОВКА КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПЕДАГОГА

Сорокоумова Светлана Николаевна,

доктор психологических наук, профессор кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет», г. Нижний Новгород;

Егорова Полина Александровна,

аспирантка ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», г. Нижний Новгород;

Щелоков Сергей Александрович,

аспирант ФГБОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет имени Козьмы Минина», г. Нижний Новгород

STUDENT-CENTERED PSYCHOLOGICAL PREPARATION TEACHER COMPETENCE

Sorokoumova Svetlana, the doctor of psychological sciences, the senior lecturer of psychology of the chair of social pedagogy and psychology equipment, professor; Nizhny Novgorod State Arhitektturno-stroitelnyj University, Nizhny Novgorod;

Egorova Polina, graduate student Ulianov «Nizhny Novgorod State Pedagogical University named Kozma Minin», Nizhny Novgorod;

Schelokov Sergey, graduate student Ulianov «Nizhny Novgorod State Pedagogical University named Kozma Minin», Nizhny Novgorod

Аннотация

Статья посвящена профессиональной личностно-ориентированной подготовке будущих педагогов в высшей школе. Согласно отечественной концепции педагогического образования акцентируется особое значение развитию компетенций по проектированию и организации будущей профессиональной деятельности.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, проектирование педагогической деятельности, педагог.

Abstract

The article is devoted to the professional person-centered training of future teachers in high school. According to the domestic concept of teacher education emphasizes the importance to the development of competencies in the design and organization of future professional activity.

Keywords: training, designing teaching activities, teacher.

Подготовка будущего педагога в вузе, связана не только с усвоением предметной системы знаний, но и что важно с развитием его личности и поведения, проявлением себя в общественной жизни, со становлением его ценностных ориентаций, то есть со всем, что относится к психологии личности.

В русском языке слово «личность» близко к понятиям «лицо» и «личина» (маска) — то есть относится скорее к внешним проявлениям психики, чем к внутренним психическим процессам. В английском языке слово *personality* происходит от лат. *persona*, обозначавшего маску, которую надевали актеры в античных представлениях. Таким образом, понятие личность отражает внешний социальный образ, который принимает человек, играющий определенные жизненные роли [1].

«Личность, — пишет Маклаков А.Г., — это конкретный человек, взятый в системе его устойчивых социально обусловленных психологических характеристик, которые проявляются в общественных связях и отношениях, определяют его нравственные поступки и имеют существенное значение для него самого и окружающих» [4].

Личность постоянно развивается (в общении, в социальном окружении, трудовом коллективе, семье и т.д.). «Личность есть формирующаяся в течение жизни совокупность индивидуальных психологических особенностей, которые определяют своеобразное для данного человека отношение к себе, обществу и окружающему миру в целом» [1].

Понятие «личность» в педагогической психологии связано с развитием личности в процессе учебно-познавательной деятельности.

Процесс обучения и воспитания в вузе обладает широкими возможностями для развития и совершенствования, всех структурных компонентов личности: самосознания, направленности, характера, способностей и задатков, психического опыта личности и т.д.

Процесс этот целенаправленный и имеет целью подготовку компетентного специалиста, отвечающего запросам общества.

Согласно личностно-ориентированному подходу, образовать человека означает помочь ему стать субъектом культуры, исторического процесса, собственной жизни, научить жизнетворчеству.

«...Конечной целью современного обучения в вузе, — пишут В.В. Мартынов и З.В. Свестельник, — является формирование личности специалиста, обладающего определенным уровнем профессионального сознания, то сама вузовская подготовка как высшая ступень профессионального обучения должна быть направлена на овладение студентами методами профессиональной деятельности, позволяющими формировать определенные способы специализированного мышления. Для этого необходима перестройка обыденного мышления студентов, начиная с первых стадий обучения. Начало такой перестройки должно быть связано не с изложением и накоплением определенного объема информации, а с постановкой и

решением профессионально значимых задач, овладением профессиональными методами деятельности» [5].

У будущих педагогов важно сформировать компетенции по проектированию и организации своей деятельности, — отмечает В. Карапетян и А. Саргсян, а именно: «*знание и понимание* ключевых особенностей начального, основного и среднего (полного) общего образования, отражающих их преемственность и инновационность; концептуальных основ формирования трехкомпонентной системы требований к результатам освоения основных общеобразовательных программ; методологии построения основных образовательных программ, особенностей их структурных компонентов; характерных особенностей нового содержания образования и технологий достижения обучающимися планируемых результатов; *умения* разрабатывать учебно-методические материалы, в частности рабочие программы, программы внеурочной деятельности; разрабатывать задания, упражнения для формирования универсальных учебных действий; составлять контрольно-измерительные материалы для диагностики предметных и метапредметных результатов; отслеживать личностные достижения учащихся» [3].

В педагогическом вузе осуществляющем подготовку молодых педагогов, процесс обучения и воспитания особенно важен и ответственен, так как личность выпускника-педагога будет оказывать влияние на учащихся. И передать им она (личность педагога), сможет только то, что усвоила и впитала. То есть результат воспитания учащихся напрямую зависит от воспитанности, богатства личности самих педагогов.

Поэтому, на наш взгляд, в вузах, особенно педагогических, должно уделяться большое внимание формированию личности студентов, их ценностно-нравственных идеалов, формированию критической самооценки студентов, умению абстрагироваться и разбирать ситуацию не предвзято, а как бы «со стороны».

Личностно-ориентированный подход в педагогическом вузе следует рассматривать, как целенаправленный управляемый процесс культурно-социальной адаптации и индивидуализации, творческой самореализации будущего педагога, как процесс, в рамках которого происходит приобщение к профессиональным и общечеловеческим ценностям, вхождение в профессиональную культуру, развитие творческих способностей личности студента и осознание возможностей их реализации в будущей профессиональной деятельности.

Личностно-ориентированная психолого-педагогическая подготовка в педагогическом вузе предусматривает организацию учебно-профессиональной деятельности студентов в ходе учебных занятий и педагогических практик, формирование профессиональной культуры личности в ходе воспитательного воздействия, освоение студентами инновационно-рефлексивной деятельности, основанной на применении на практике инновационных технологий обучения, осознание их целесообразности и выборе оптимальных методов, на основе развития собственных рефлексивно-творческих способностей.

Рефлексия — механизм самоосознания человека, направленного на выявление оснований, оценку и контроль собственных психических актов, оценку и анализ процессов общения. В ней заложены механизмы планирования и корректировки собственной деятельности, механизмы самообразования, анализа и оценки собственных качеств и характеристик. Самоанализ, самомотивация

и самоорганизация студента педагогического вуза, совершенствуются в условиях обеспечения свободопроявления личностной позиции, выбора вариативной части образования, анализа и переосмысления собственной профессиональной деятельности в ходе педагогических практик.

Огромное значение в подготовке будущего педагога имеют педагогические практики, на которых обязательно должны присутствовать как педагог-куратор, так и школьные учитель предметник. После проведения студентом занятия, обязателен разбор каждого занятия, который мы предлагаем начинать с самоанализа студентом, проведенного им занятия, своей деятельности, что задумывалось, что удалось или не удалось осуществить, причины неудач. И только после озвучивания самим студентом, своей оценки, педагоги дают свою оценку, делают замечания, и подсказывают, как эффективнее было действовать в той или иной ситуации. С точки зрения использования новейших педагогических технологий, неопределима помощь и куратора и школьного учителя, реализующего эти технологии на практике и имевшего возможность оценить их целесообразность. А вот с точки зрения, педагогического общения с классом, индивидуального подхода к учащимся, школьный учитель, может оказать неоценимую помощь, так как работает с данными учащимися и уже успел их оценить. В идеале конечно, желательно присутствие на занятиях, которые проводит студент и психолога (вузовского или школьного), который смог бы оказать помощь при возникших организационных или поведенческих трудностях. Но здесь кроется «подводный камень необъективности». Как правило при большом скоплении учителей на уроке, учащиеся ведут себя по-другому, нежели при личном общении с начинающим педагогом. Здесь бы мы рекомендовали использовать современные информационные технологии, которые позволяют дистанционно присутствовать на уроке, или например, для психолога, который не может, в силу временных ограничений присутствовать на каждом уроке, просматривать материалы урока в записи. Да и для самого студента запись его не только дисциплинирует, но и позволяет просмотрев ее лучше оценить свои достижения и ошибки.

Для молодых учителей наиболее трудной является работа с педагогически запущенными детьми. Здесь будет опять же неоценима помощь школьного психолога, который знает этих детей, их трудности, и возможно уже подобрал пути решения возникшей ситуации.

В.А. Кан-Калик (1987) отмечает, что молодые учителя так же испытывают затруднения в: организации взаимоотношений с учителями и испытывают затруднения в ходе первого знакомства с классом.

Отношения в педагогическом коллективе, не являясь целью нашего исследования, но во многом зависят от мудрости и тактичности более старших коллег.

К первому знакомству с классом (классами), можно подготовить уже в стенах вуза. Этому способствует большая практика публичных выступлений, развитие организаторских способностей, способностей действовать в стихийно развивающейся ситуации (например, в ходе психологических тренингов), разбор сложных педагогических ситуаций на групповых практических занятиях студентов, или разыгрывание в ходе деловой игры ситуаций требующих быстрого принятия решений и т.д.

Во многом успех урока зависит от умения педагога создать рабочий, доброжелательный эмоциональный фон в классе, от умения поддерживать темп урока, делать

необходимые акценты в учебном материале урока, умения переключать внимание учащихся. Но все это приобретает со временем, в ходе своей практики, адаптации к своей деятельности практики более опытных коллег.

О.П. Шахматова (2003) выделяет пять стадий процесса профессионального роста, это профессиональная адаптация, индивидуализация профессионального опыта, профессиональная зрелость, профессиональное мастерство и профессиональное творчество (креативность).

Педагоги-мастера, по наблюдениям И.И. Петровой (1989), в процессе общения обнаруживают глубокое понимание психологии ученика, проникновение в его внутренний мир, а применение ими дисциплинирующих воздействий отличается корректностью, проявлением уважения к учащемуся.

Успешность взаимодействия учителей с учащимися зависит не только от развитости эмоциональной сферы, но и от социального статуса и особенностей личности педагога.

Поэтому важно прививать студентам-педагогам, культуру общения, навыки делового этикета, воспитывать чувство уверенности в себе и своих действиях. Студентам нужно дать понять и уяснить, важность развития не только в профессиональной предметной сфере, но и в необходимости постоянно расширять кругозор, изучать и овладевать новейшими информационными технологиями. Так как, лишь компетентность и профессионализм, позволят молодым педагогам завоевать авторитет, любовь и уважение своих учеников. Учитель должен быть в курсе актуальных проблем политики, культуры, молодежной субкультуры, психологии личности и т.д. Чтобы найти ключик к каждому учащемуся, а ключик этот кроется в понимании потребностей и личностных интересов учащегося.

По мнению Р. Буша (Busch, 1973), учителя, ориентированные на личность учащихся, обладают высокой эмпатийностью и коммуникабельностью. То есть учитель в идеале должен стать для учащихся не только тьютером, но и старшим товарищем, к которому можно прийти и получить совет или поддержку. Именно доверительное общение оказывает наибольшее воспитывающее действие на учащихся, особенно на подростков.

Практическая подготовка будущего педагога как субъекта воспитательной деятельности школьников, — отмечает Н.В. Анненкова, — обеспечивается посредством следующей совокупности психолого-педагогических условий:

- субъектно-личностная направленность и рефлексивность профессионального обучения;
- активное использование личностно и практико-ориентированных педагогических технологий;
- сочетание традиционных форм обучения с инновационными, ставящими педагога в условия, максимально приближенные к реальной жизненной ситуации, и с моделированием предполагаемых событий;
- связь теории с практикой;
- приоритет субъект-субъектных отношений в педагогическом процессе;
- опора на ценностный потенциал содержания образования, интеграцию предметов философского, культурологического, психолого-педагогического, организационно-методического блоков;
- использование отечественного культурного наследия как эффективного средства подготовки педаго-

гов к работе по воспитанию молодежи, способствующему самоопределению личности в системе гуманистических ценностей.

- включение личностного опыта в процесс обучения [2].
- Мы полагаем, что психологическая готовность будущего педагога к воспитательной деятельности с подростками включает в себя:
- систему профессионально значимых личностных качеств (эмпатийность, коммуникабельность, доброжелательность);
- профессиональное гуманистическое мировоззрение, проявляющееся в наличии профессиональных ценностей, направленных на развитие личности подростков;
- систему социально-педагогических действий по прогнозированию осуществления воспитательной деятельности.

Педагог как и врач, должен оценивать необходимость того или иного воспитательного приема и прогнозировать последствия которые он повлечет.

Как отмечает Т.В. Драгунова (1973), воспитание школьников-подростков базируется либо на нормах взрослой «морали равенства», либо на принципах детской «морали послушания».

При доминировании у классного воспитателя «морали послушания» он относится к подросткам как к детям; отсюда игнорирование прав ученика, нежелание считаться с его мнением, безапелляционность в суждениях и решениях, касающихся жизни класса. Как следствие деструктивные процессы в коллективе, конфликты между учащимися и педагогом, рост пассивности класса.

В случае если отношения классного воспитателя с учащимися строятся как отношения взрослой «морали равенства», товарищеские, в которых педагог в силу большого социального опыта и знаний выступает как старший товарищ, уважительно относящийся к нормам жизни ученического коллектива. Это не исключает его требовательности к учащимся, но это требовательность не вообще, она согласуется с конкретными ситуациями жизнедеятельности коллектива.

Только личностно-ориентированное взаимодействие учителя с учащимся, способствует развитию ребенка, раскрытию его потенциалов, в том числе и морально-нравственных.

Современный выпускник педагогического вуза должен четко осознавать, что от его компетентных действий зависит, отношение ученика не только к процессу обучения, но и к процессу социализации в общество.

Литература

1. <http://pro-psichology.ru/>
2. Анненкова Н.В. Педагогические условия формирования практической готовности будущего учителя как субъекта воспитательной деятельности <http://scientific-notes.ru/pdf/008-07.pdf>
3. Карапетян В., Сарсян А. Проблемы современной вузовской педагогической практики: международный контекст / 2013, №. 2 (14) — С.55-61.
4. Маклаков А.Г. Общая психология — СПб: Питер, 2001. — 592 с: ил — (Серия «Учебник нового века»)
5. Мартынов В.В., Свестельник З.В. Некоторые аспекты методики преподавания спецдисциплин в подготовке дизайнеров // №48_53.pdf

ОСОБЕННОСТИ САМОАКТУАЛИЗАЦИИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

Степанова Наталья Владимировна

кандидат психологических наук, доцент, Оренбургская государственная медицинская академия, г. Оренбург

SPECIAL FEATURES OF SELF-ACTUALIZATION OF MEDICAL STUDENTS

Stepanova Natalja, Candidate of Psychological Sciences, assistant professor of Orenburg State Medical Academy, Orenburg

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблеме особенностей самоактуализации личности студентов медицинского вуза. Методика исследования: «Самоактуализационный тест» Ю.Е. Алёшиной, Л.Я. Гозмана и др. По результатам исследования выделено 4 группы испытуемых: 1) испытуемые, достигающие уровня самоактуализации (24%); 2) испытуемые, попавшие в норму (16%); 3) испытуемые с нестабильными показателями (44%); 4) испытуемые с показателями ниже нормы (16%).

ABSTRACT

The article deals with the special features of self-actualization of medical students at the university. Research method: «Self-actualization test» by J.Y. Aleshina, L.Y. Gozman et al. According to the study, examinees were divided into four groups: 1) examinees, reaching the level of self-actualization (24%); 2) examinees who get into normal rates (16%); 3) examinees with unstable rates (44%); 4) examinees with rates below normal (16%).

Ключевые слова: студенты медицинского вуза; самоактуализация; уровни самоактуализации.

Keywords: medical students; self-actualization; self-actualization levels.

Актуальность изучения проблемы самоактуализации личности обусловлена возрастающей потребностью общества в творческих людях, профессионалах своего дела, умеющих принимать решения и действовать в типичных и нестандартных ситуациях, адаптироваться к постоянно изменяющимся обстоятельствам жизни. Изучением проблемы самоактуализации и самореализации личности занимались как зарубежные (А. Адлер, К. Гольдштейн, А. Маслоу, Г. Оллпорт, К. Роджерс, Э. Фромм и др.), так и отечественные (К. Абульханова - Славская, А.Г. Асмолов, Е.Е. Вахромов, Д.А. Леонтьев, Н.И. Петрова, А.А. Реан, И.В. Туркова и др.) учёные.

Нами была поставлена цель изучить особенности самоактуализации студентов медицинского вуза. Исследование проводилось в 2014 году на базе Оренбургской государственной медицинской академии, выборка составила 108 человек в возрасте 17-20 лет (студенты 1 курса лечебного факультета).

В научной литературе проблема самоактуализации в основном представлена в рамках гуманистического направления психологии, приоритет в разработке теории самоактуализации принадлежит А. Маслоу. Самоактуализация - это сложное понятие, включающее в себя всестороннее и непрерывное развитие творческого и духовного потенциала человека, максимальную реализацию всех

его возможностей, адекватное восприятие окружающих, мира и своего места в нем, богатство эмоциональной сферы, высокий уровень психического здоровья и нравственности. Согласно А. Маслоу, самоактуализация - особенность людей, которые отличаются от большинства тем, что они более полно реализуют в жизни свой потенциал, используют свои силы и способности. Среди свойств самоактуализирующейся личности автор выделял следующие: «более комфортабельные отношения с реальностью»; «принятие себя, других, природы»; «спонтанность, простота, естественность»; «центрированность на задаче (в отличие от центрированности на себе)»; «автономия, независимость от культуры и среды»; «чувства сопричастности, единения с другими»; «более глубокие межличностные отношения»; «демократическая структура характера»; «самоактуализирующееся творчество» [2].

Для изучения особенностей самоактуализации использовался «Самоактуализационный тест» Ю.Е. Алёшиной, Л.Я. Гозмана и др [1]. Тест САТ представляет собой русскоязычную адаптацию опросника POI Э. Шострома. В тесте 126 вопросов и 14 шкал, каждая из которых соответствует определённому свойству самоактуализирующейся личности.

Результаты теста самоактуализации по отдельным шкалам представлены в таблице 1.

Таблица 1.

Результаты теста самоактуализации по шкалам (в %)

шкалы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
уровни самоактуализации														
псевдо-самоактуализация	5	3	1	2	4	5	0	4	0	2	2	2	4	4
самоактуализация	25	23	16	20	15	19	30	19	32	27	22	22	20	14
норма	36	38	45	39	45	34	40	39	30	24	46	36	30	42
ниже нормы	35	36	38	39	36	42	30	38	38	47	30	40	46	40

1. шкала компетентности во времени
2. шкала поддержки
3. шкала ценностных ориентаций
4. шкала гибкости поведения
5. шкала сензитивности к себе
6. шкала спонтанности
7. шкала самоуважения

8. шкала самопринятия
9. шкала представлений о природе человека
10. шкала синергии
11. шкала принятия агрессии
12. шкала контактности
13. шкала познавательных потребностей
14. шкала креативности

Результаты свидетельствуют о том, что большая часть испытуемых находится на позициях «норма» (от 24% до 46% по разным шкалам, средний показатель составляет 37%) и «ниже нормы» (от 30% до 47% по разным шкалам, средний показатель составляет 38%). Уровня самоактуализации достигают от 14% до 32% испытуемых по разным шкалам, средний показатель составляет 22%. От 1% до 5% испытуемых демонстрируют псевдосамоактуализацию по разным шкалам, что говорит о сильном влиянии на результат обследования фактора социальной желательности.

По результатам исследования можно выделить четыре группы испытуемых. В первую группу вошли 24% (26 человек), из них 12 % (13 человек) достигают уровня самоактуализации по двум базовым шкалам, 12% достигают уровня самоактуализации по одной из шкал, по другой достигают нормы. Испытуемых данной группы можно охарактеризовать как хорошо ориентированных во времени, не откладывающих жизнь на завтра, не «застревающих» в прошлом, целеустремлённых, естественных, независимых, руководствующихся в жизни собственными целями, убеждениями и принципами.

Вторая группа (16%, 17 человек) - испытуемые, которые попадают в норму по обоим базовым шкалам, что характеризует их как людей «психической и статистической нормы».

Третья группа (44%, 48 человек) имеют нестабильные показатели: 30% испытуемых (33 человека) достигают

нормативного показателя по одной из двух шкал, по другой имеют показатель ниже нормы; 14% (15 человек) показывают такие сочетания базовых шкал, как самоактуализация по одной шкале и ниже нормы по другой, псевдосамоактуализация по одной шкале и норма или ниже нормы по другой.

Четвёртая группа (16%, 17 человек) - испытуемые, которые имеют показатели ниже нормы по обоим шкалам, что характеризует их как людей, ориентирующихся на один из отрезков временной шкалы, конформных, не-самостоятельных, с внешним локусом контроля.

Таким образом, примерно четвёртая часть всех испытуемых либо демонстрируют уровень самоактуализации, либо стремятся к нему, достигая самоактуализации по одной из шкал; более половины студентов имеют разное сочетание уровней самоактуализации по базовым шкалам.

Список литературы:

1. Гозман, Л.Я. Самоактуализационный тест / Л.Я. Гозман, М.В. Кроз, М.В. Латинская. - М., 1995.
2. Маслоу, А. Дальние пределы человеческой психики / А. Маслоу. - СПб: Евразия, 1999.
3. Маслоу, А. На подступах к психологии бытия / А. Маслоу. - М: «Рефл-бук», 1997.

ПРОГНОЗ И РАЗВИТИЕ СПОСОБНОСТЕЙ И ХАРАКТЕРА В ХОДЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

Забегалина Светлана Викторовна

канд. психол наук, ст.преподаватель, Ульяновский государственный университет, г. Ульяновск

Чигарькова Анна Владимировна

психолог войсковой части, г.Ульяновск

FORECAST AND DEVELOPMENT OF ABILITIES AND THE CHARACTER OF THE PSYCHOLOGICAL PREPARATION OF MILITARY MEN

Zabegalina Svetlana, Candidate of Sciences, lecturer Ulyanovsk State University, Ulyanovsk

Chigar'kova Anna, psychologist military unit Ulyanovsk

АННОТАЦИЯ

В статье мы рассматриваем особенности развития способностей и характера в ходе специальной психологической подготовки и под влиянием специфики военной деятельности, военной среды. Описываются целенаправленные методы и роль ненаправленного воздействия на психологию военнослужащих, особенно в первый период службы. Подчеркиваются основные направления целенаправленного воздействия, обрисовываются основания для прогноза развития способностей и характера военнослужащих.

ABSTRACT

In this article we investigate the peculiarities of the development of abilities and the nature of the special psychological training and under the influence of specific military activities, military environment. Describes the methods and the role of targeted non-directional effects on military men 's psychology, particularly in the first period of service. Highlights key areas of purposeful action, outlines the basis for the prediction of the development of abilities and character of the military men.

Ключевые слова: психологическая подготовка, способности, характер, военнослужащий

Keywords: psychological training, ability, character, military man

Принято считать, что формирование способностей происходит на основе задатков, врожденных анатомо-физиологических особенностей человека, прежде всего центральной нервной системы. При этом различают врожденные и наследственные задатки. Первые могут быть обусловлены не только наследственностью, но и условиями развития; вторые включают в себя то, что передается

индивиду от его предков.

В связи с этим развитие способностей подчиненных в процессе военно-профессиональной деятельности является важнейшей задачей офицера.

Формирование способностей должно начинаться с целенаправленного их изучения уже в первые периоды

службы. Первичную информацию о способностях военнослужащих можно получить из результатов профессионального психологического отбора. Однако эти результаты должны получить подтверждение на практике.

Можно выделить несколько критериев, которые подтверждают или опровергают психологический прогноз в отношении способностей военнослужащего. Одним из таких критериев является успеваемость военнослужащего на занятиях по боевой подготовке. Успеваемость — это производительность, эффективность учебного труда обучаемых и обучающихся, иначе говоря, количественная и качественная сторона процесса обучения. В количественном отношении она показывает уровень подготовки, в качественном — характеризует успеваемость, полноту, прочность и систематизированность знаний, степень автоматизированности, точность, прочность и пластичность навыков и разносторонность умений. В этот период играет важную роль развитие прогностических способностей, так как значимо не только получить результат, а предвидеть последствия [2].

Ни у одного военнослужащего военное обучение не может пройти совсем без ошибок. Наиболее способным военнослужащим является тот, кто в процессе обучения не делает грубых ошибок и быстро освобождается от менее существенных, не повторяя одно и то же ошибочное действие много раз, т. е. не допускает стойких ошибок. Офицер, со своей стороны, должен не только тщательно учитывать ошибки, совершаемые обучаемыми, но и систематически, глубоко и всесторонне изучать их. Изучая ошибки подчиненного, офицер должен решить главный вопрос — каким образом в кратчайший срок его обучить. При этом офицер должен учиться не только сам анализировать и понимать ошибки военнослужащих, но и учить подчиненных понимать свои ошибки и их причины. Только научившись понимать причины ошибочных действий других людей, человек сможет научиться понимать причину ошибки, совершенной им самим.

Для развития способностей важное значение имеет правильно организованная психологическая подготовка. Развитие способностей в процессе учебно-боевой подготовки может вызвать у некоторых офицеров неверную установку на стихийность развития способностей военнослужащего в процессе его обучения и неоправданные возражения против целенаправленного формирования этих способностей. Специальные исследования показали, что неблагоприятные, например, для летной деятельности психологические качества, в частности замедленное переключение внимания и эмоционально-моторная неустойчивость, во время летного обучения могут оставаться неизменными за счет усиления их другими, хорошо развитыми качествами. Такое восполнение не только не снижает необходимости целенаправленного формирования компенсированного качества, а, напротив, подчеркивает его необходимость [6]. Целенаправленное формирование личностных черт и особенностей, определяющих способности военнослужащего, может эффективно применяться при соблюдении следующих общих психологических правил:

- Способности должны формироваться в процессе конкретной воинской деятельности, причем лучше не в одной, а в различных сферах: учебной, спортивной, общественной и т.д.
- Упражнения необходимо проводить систематически, сознательно, с постепенным усложнением. Они

должны быть трудными, но посильными, обязательно связанными со стремлением к улучшению показателей в учебе и на учениях на основе учета и анализа результатов выполняемых упражнений.

Соблюдение этих общих правил и обеспечивает успешность целенаправленного информирования как способностей в целом, так и каждой черты личности, входящей в них.

В процессе воспитания военнослужащих следует исходить из того, что характер человека обусловлен его общественным бытием, т. е. теми социальными условиями, в которых он живет и действует. Это общественное бытие воздействует на него как непосредственно, так и опосредствованно. Поэтому, с одной стороны, качества характера представляют собой продукт общественно-исторических условий. С другой стороны, индивидуальное, неповторимое своеобразие жизненного пути, условий жизни и деятельности каждого отдельного человека формирует индивидуальные особенности характера, приводит к развитию и упрочению в характере индивидуальных черт.

Первоначально та или иная черта характера возникает как временное психическое состояние. Затем, если это психическое состояние возникает достаточно часто и систематически усиливается, оно постепенно закрепляется и становится чертой характера. Из временных психических состояний смелости, решительности и т.п. возникают смелость, решительность как черты характера. Таким образом, воспитание характера заключается в преднамеренном создании целой системы таких ситуаций, которые вызывали бы у военнослужащих необходимые психические состояния [3].

Молодой человек приходит в Вооруженные силы с уже более или менее сложившимся характером. Прошлый опыт обусловил у него определенное отношение к миру, к предстоящей службе, к другим людям и к себе. У него выработаны определенные личностные черты, умения и привычки. Он усвоил правила общественного поведения и нравственные нормы. При этом многие из имеющихся у него привычек и усвоенных им правил поведения в условиях военной службы носят негативный характер, а чем больше негативных черт характера, тем сложнее и тяжелее будет проходить процесс адаптации военнослужащего [5].

Но для большинства юношей подлинной школой мужества, школой формирования воли становится служба в Вооруженных силах. В процессе военно-профессиональной деятельности у юноши формируется осознание необходимости соблюдать требования законов и воинских уставов, способность преодолевать трудности на пути достижения поставленной цели. Особая роль в воспитании волевых качеств военнослужащих принадлежит офицеру, который обязан служить для своих подчиненных образцом выполнения служебного долга.

Например, отношение человека к окружающему миру может проявляться в наличии определенных убеждений или же в беспринципности. Эта категория черт характеризует жизненную направленность личности, т. е. ее материальные и духовные потребности, интересы, убеждения, идеалы и т. д. Направленность личности определяет цели, жизненные планы человека, степень его жизненной активности. В сформировавшемся характере ведущим компонентом является система убеждения. Убежденность определяет долгосрочную направленность по-

ведения человека, его непреклонность в достижении поставленных целей, уверенность в справедливости и важности дела, которое он выполняет. Другой важной группой черт характера сложившееся отношение человека к деятельности. При этом имеется в виду отношение человека и к конкретному виду выполняемой работы, но и к деятельности вообще, т.е. может быть деятельным или бездеятельным. Он может заниматься и общественно значимыми видами деятельности или только деятельностью, направленной на удовлетворение собственных потребностей. Решающим фактором для понимания характера служит взаимоотношение между общественно и лично значимым [4].

Следовательно, характер — это не просто любое проявление твердости, упорства и т. п., а направленность на общественно значимую деятельность. Именно направленность личности в деятельности лежит в основе единства, цельности и силы характера. Наличие жизненных целей — главное условие образования характера. Бесхарактерному человеку свойственно отсутствие или разбросанность целей. Но следует отметить, что характер и направленность личности — это не одно и то же. Деятельным может быть как порядочный, высоконравственный человек, так и человек с низкими, нечистоплотными помыслами.

С началом службы начинается новый этап становления характера молодого человека. Военский порядок ставит его перед необходимостью подчинять свое поведение строгим правилам и обязанностям, предусмотренным уставами, инструкциями, приказами и распоряжениями начальников. Требования общевоинских уставов, выполнение служебных задач, по боевому дежурству и караульной службе воспитывают у военнослужащего такие черты характера, как дисциплинированность, целеустремленность, ответственность, настойчивость, аккуратность, организованность и др. [1].

В процессе повторяемости действий, поступков, поведения накапливается знание и это преломляется в сфере сознания. И если вначале действие является результатом понимания необходимости или даже результатом желания избежать наказания, то затем вследствие многократного повторения оно становится привычкой.

Глубокое осознание необходимости действовать в точном соответствии с требованиями присяги, уставов, образцово выполнять возложенные обязанности — залог ответственного поступка в любой обстановке мирного и военного времени. Именно на этой основе военнослужащим приобретает опыт целесообразного поведения при выполнении воинского долга, вырабатывается привычка во всем соблюдать уставные положения, добросовестно выполнять свои обязанности.

Большое значение в этом отношении имеют стиль работы командира, уставный порядок в подразделении, организация, приемы и методы воспитательной работы, единство требований к воинам, предъявляемым командирами и начальниками, систематический контроль за служебной и учебной деятельностью воинов и их поведением, правильное применение поощрений и взысканий.

В формировании основных черт характера военнослужащего большую роль играет и воинский коллектив. Отношения содружества и товарищеской взаимопомощи, контроль и требования, которые воинский коллектив предъявляет к своим членам, формируют у военнослужащего сознание гражданского и воинского долга, ответственности, товарищества и готовности к взаимной выручке. Эти черты придают всему характеру общественную направленность и высокие волевые качества [7].

Юноша, оказавшийся в воинском коллективе, не всегда может самостоятельно планировать и организовывать свою деятельность и поведение. К нему предъявляются конкретные требования, которые жестко регламентируют всю его жизнь, учебу и службу. В то же время воинская деятельность требует от него несравненно более сознательного и активного отношения к окружающей действительности, чем до службы. Иногда военнослужащий вынужден перестраивать свое привычное отношение к миру, к труду, к другим людям и к себе. Поэтому нередко, особенно на первых порах, его поведению свойственны противоречия, неустойчивость, борьба мотивов.

В процессе воспитания характера военнослужащего огромное значение имеет личный пример командира, его отношение к выполнению воинского долга. Военнослужащий, сопоставляя служебную деятельность своего командира, его поступки и действия со своими, вырабатывает у себя определенные убеждения, создает собственное представление об отношении к делу. Подражание положительному образцу становится сознательным испытанием своих сил, воли и целеустремленности, критической проверкой самого себя и своей деятельности по выполнению воинского долга, своих обязанностей.

Большой вклад в воспитание характера военнослужащих может и должно вносить физическое воспитание. Особую роль в формировании характера играет самовоспитание военнослужащего, осознание им своей ответственности. Офицеры должны руководить процессом, побуждать военнослужащих вырабатывать у себя черты характера, необходимые для успешных действий в современной войне. С этой целью следует направлять самовоспитание воинов на самосовершенствование личных качеств с использованием таких методов и приемов, как самоубеждение, самовнушение, самокритика, следование положительному примеру, высокому духовному идеалу, упражнение, самопоощрение и даже самопринуждение.

Литература:

1. Волосников, А. Н. Человек в экстремальной ситуации своей профессии / А.Н. Волосников, В.С. Мухина. - М.: Наука, 2003. - 97 с.
2. С.В. Забегалина, А.В. Чигарькова Особенности и детерминанты прогностических способностей у военнослужащих по контракту // Известия Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота: психолого-педагогические науки (теория и методика профессионального образования).— Калининград: Изд-во БГАРФ, 2013. — № 3 (25). — С.75 — 84.
3. Лопань, А.В. Психологические аспекты военной службы. Учебное пособие/ А.В. Лопань. — М.: МАИ, 2004. - 120 с.
4. Лысакова, Е.Н. Методологические проблемы отечественной авиационной психологии // Российский научный журнал. - 2009.- №2. - с. 100–105.
5. Маклаков, А.Г. Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях// Психологический журнал.- 2001.- Т. 22, №1.- 16-24 с.
6. Пономаренко, В.А. Психология человеческого фактора в опасной профессии. — Красноярск: Поликом, 2006. — 629 с.
7. Щербакова, Е.А. Личностные особенности военного летчика высокого класса //Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология.- 2011.- № 2.- с.214 — 218.

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ НА СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В КИТАЕ

Григорьева Идалия Евгеньевна

Студентка 4 курса факультета мировой экономики и мировой политики
Национальный исследовательский университет – Высшая Школа Экономики, г. Москва

THE IMPACT OF ECONOMIC REFORMS ON THE SOCIAL INEQUALITY IN CHINA

Idaliya Grigoryeva, 4th year student, World Economy Department, National Research University – Higher School of Economics
Moscow, Russia

АННОТАЦИЯ

Взросшее социальное неравенство в Китае часто рассматривается как негативное последствие экономических реформ, учитывая достаточно низкие показатели общественной дифференциации при Мао Цзэдуне. Но можно ли сводить социальную справедливость только к индексу Джини и децильному коэффициенту? Далее представлен альтернативный анализ последствий рыночных реформ через призму расширившихся экономических свобод и возможностей социальной мобильности. Экономическая и социальная либерализация позволили китайцам гражданам самостоятельно принимать решения относительно места жительства, работы, также расширился доступ к социальным услугам, увеличился уровень жизни, появились новые механизмы социальной мобильности, что свидетельствует о большей социальной справедливости в современном Китае, чем при Мао Цзэдуне.

ABSTRACT

Many researchers view an increase in social inequality in China as a negative consequence of the market liberalization taking into consideration a lower level of inequality in the egalitarian Maoist society. But can we measure social justice only by Gini index and decile ratio? We present an alternative view of economic reforms' impact in terms of the expanding economic freedoms and social mobility. Marketization and social liberalization enable Chinese citizens to decide where to live and work themselves, and to have access to higher-quality social services. A continuously increasing standard of living and improved social mobility lead us to consider the contemporary China as a more socially just society than that in the Maoist era.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная справедливость, рыночные реформы в Китае.

Keywords: social inequality, social justice, economic reforms in China.

Социальное неравенство неспроста является широко обсуждаемой темой. Это связано не с чисто гуманистическими мотивами, а имеет серьезное экономическое обоснование: социальное неравенство связано с внутренними экономическими дисбалансами в стране, которые в свою очередь влияют на экономический рост. Для Китая эта проблема на данный момент очень актуальна, так как уже признано, что для обеспечения высоких темпов роста экономики Китая в долгосрочной перспективе необходимо расширять внутренний спрос, что непосредственно связано с борьбой с неравенством и повышением уровня жизни.

Рассматривая динамику неравенства в Китае, четко выделяется тенденция его роста в период проведения экономических реформ – речь идет о реформах открытости (“gaige kaifang”), которые начал проводить Дэн Сяопин в 1978 году [6, р. 229]. Хотя в целом реформы оцениваются положительно (экономический рост, повышение уровня жизни, сокращение бедности), именно они привели к резкому росту неравенства среди китайского населения. Этот факт может вызвать негативную оценку реформ теми, кто восхищается эгалитарностью общества, существовавшей при Мао Цзэдуне. В свете этих разногласий в оценках важно ответить на вопрос, являлось ли общество при Мао более справедливым, чем сейчас. Были ли у людей такие

же возможности при Мао, какими они обладают в современном Китае?

Для ответа на эти вопросы не достаточно просто посмотреть на динамику индекса Джини или децильного коэффициента, необходимо проанализировать механизмы горизонтальной и вертикальной мобильности, изменения в социальной политике и доступ граждан к необходимым услугам. Именно такой анализ и будет представлен в следующих разделах.

Современная ситуация

Для начала рассмотрим, как обстоит ситуация с неравенством в Китае на данный момент. Во-первых, встает вопрос о динамике. Как уже было сказано, в Китае наблюдался рост неравенства, что вы можете видеть на графике 1.

График 1. Динамика коэффициента Джини в Китае с 1990 года по 2013 год.

Действительно, на имеющемся интервале данных, то есть с 1990 года вплоть до 2008-2009 гг., наблюдается рост неравенства: значение коэффициента Джини возросло с 34% в 1990 году до пика 49.1% в 2008 году. За весь период децильный коэффициент вырос с 9,0 в 1990 году до 25,7 в 2013 году, что является экстремально быстрым ростом за относительно короткий период.

Источник: Global Market Indicators Database (GMID) Euromonitor <http://www.portal.euromonitor.com/>

Наблюдаемые на графике при общем повышательном тренде кратковременные снижения индекса Джини связаны с усилением реформ в сельской местности, но каждый раз ускорение урбанизации вновь приводило к росту неравенства [4, р. 14]. Стоит отметить, что темпы роста неравенства значительно сократились в период с 2003 по 2008 год, а в 2009 году тенденция вообще была переломлена, начиная с 2009 г., наблюдается плавное снижение индекса Джини, что является положительной динамикой.

В целом динамика неравенства в Китае соответствует кривой Кузнеца. Наблюдения последних лет ставят вопрос, произошел ли окончательный перелом от возрастающей части кривой к убывающей или нет. Несмотря на то что на данный момент сложно дать однозначный ответ на вопрос, можно отметить, что в экономике Китая уже наблюдаются макроэкономические процессы, которые будут удерживать рост неравенства в будущем.

С одной стороны, некоторые драйверы неравенства сохраняются, однако с другой стороны, уже наблюдается смягчение региональных дисбалансов и разрыва между городским и сельским уровнем жизни, что во многом способствует сокращению неравенства по стране в целом. Среди процессов, способствующих снижению неравенства, во-первых, выделяют прохождение Китаем поворотной точки по Льюису, что заключается в исчерпании избыточной рабочей силы в сельской местности, а соответственно, сокращение ее перетока в города и потенциальный рост доходов в деревнях [3]. Есть разные оценки относительно того, был ли уже совершен этот переход или он еще предстоит, однако большинство экспертов сходятся во мнении, что это произойдет в декаде 2010-2020 гг. [4, р. 14].

Во-вторых, ограниченность трудовых и прочих ресурсов приведет к перемещению производств из уже более развитых восточных прибрежных провинций и их крупных городов вглубь Китая – в центральные и западные провинции. Это будет способствовать сокращению региональных дисбалансов между провинциями, что также позволит снизить неравенство.

В-третьих, можно отметить рост информированности и ожиданий китайского населения [4, р. 15], что потенциально повышает приоритет борьбы с неравенством для китайского правительства, чтобы избежать возможных социальных потрясений.

Все вышеперечисленное будет ограничивать рост неравенства в Китае, соответственно, можно предположить, что вершина кривой Кузнеца пройдена. В целом для Китая это значит, что эффект роста неравенства от «маркетизации» эгалитарной экономики, существовавшей при Мао, уже смягчается и сходит на нет, в то время как появляются новые экономические механизмы и стимулы ограничения и борьбы с неравенством.

Наследие дореформенной социалистической экономики

Был ли такой быстрый рост неравенства неизбежен в Китае? Этот вопрос многие ученые-социологи ставят в своих исследованиях и чаще всего ответ один – да, это было неизбежно. Плановая экономика с ее уравнительными механизмами, насаждавшаяся при Мао Цзэдуне, не создавала никаких материальных стимулов к труду, полностью ограничивала частный и иностранный секторы, что делало экономику Китая низкоэффективной и снижало возможности роста. Для обеспечения роста необходимы были кардинальные рыночные реформы, что неизбежно привело к усилению неравенства. Джон Найт пишет, что рост неравенства по доходам «был необходим для создания материальных стимулов в экономике, проходившей переход от плановой к рыночной» [4, р. 1].

Итак, реформы, которые сначала сокращали неравенство [9, р. 85] за счет активной сельской политики, с конца 1980-х годов обусловили рост дифференциации в обществе. Такая динамика создала основу для критики экономических реформ Дэн Сяопина и его последователей, несмотря на множество других показателей, свидетельствующих об их эффективности.

Давайте рассмотрим, что представляло собой уравнительное общество при Мао. Во-первых, в Китае тогда был очень низкий доход на душу населения, это была бедная, в основном аграрная страна (80% населения проживали в деревнях [6, р. 230]). Сравнительно низкие доходы даже у верхней группы населения снижали потенциальный разрыв между слоями в разы.

Государственная плановая экономика гарантировала занятость большей части населения, причем введенная в 1960 году система подворной регистрации (“hukou”) обеспечивала привязку сельского жителя к месту рождения, а городского жителя к определенному предприятию, к которому он был приписан.

Внутри общества действительно были менее заметны различия: работники одной фабрики, жители одной деревни, сотрудники одного органа управления – все

они между собой различались незначительно по уровню дохода и условиям жизни. Ограниченная мобильность, как географическая, так и между предприятиями, учреждениями и т.п., также способствовала снижению остроты восприятия неравенства, так как окружение человека сводилось к его семье, бригаде, коллегам, соседям. Также отмена экзаменов в университет и введение порядка приема, основанного на рекомендациях от коллег и начальников, а не на академических успехах, практически ликвидировали такой институт социальной мобильности, как высшее образование.

В основном неравенство выражалось не в доходах и наличии собственности, а в разном доступе к редким товарам, услугам и особым привилегиям [6, р. 230], который зависел от уровня организации, к которой человек прикреплен, и от места проживания – существовала огромная разница между уровнем жизни в городах и деревнях. Уайт пишет: «Социализм не выровнял и не перераспределил [доходы, возможности] между городскими организациями и разными региональными единицами (*locales*)» [6, р. 230], напротив, существовали огромные различия между, например, жителями крупного города, прикрепленными к организации высокого уровня и жителями мелкой деревушки из малоразвитой провинции.

Социальное неравенство VS. справедливое устройство общества

Подход к общественному устройству кардинально меняется вскоре после смерти Мао Цзэдуна в 1976 году. Новый глава государства Дэн Сяопин считает, что уравнивательные механизмы, внедренные Мао, уничтожают стимулы и экономическую заинтересованность, и что «полезно позволить некоторым сначала разбогатеть» [7, р. 274], так как это создаст стимулы для остальных прикладывать усилия, чтобы также увеличить свое благосостояние.

В таком духе и начали проводиться реформы в 1978 году, которые были направлены на обеспечение перехода китайской экономики от плановой к рыночной, в которой поощряется конкуренция и существуют методы вознаграждения (как для организаций и населенных пунктов, так и для отдельных людей) для стимулирования производительности и экономического роста.

Реформы не с самого начала привели к серьезному росту неравенства. В первые годы реформ особый акцент ставился на сельской политике, повышении уровня доходов в деревнях, также были смягчены ограничения по сельской миграции в города. Это позволило обеспечить улучшение положения сельских жителей, что дало быстрый эффект и привело к сокращению неравенства в первые годы реформ.

Однако с конца 1980-х годов с ускорением темпов урбанизации, экономического роста в городах на побережье за счет притока иностранных инвестиций и открытия экономики Китая внешнему миру, неравенство начало расти. Это связано с тем, что уже лучше работали рыночные механизмы и проявились эффекты частичной либерализации экономики, наблюдался рост разрыва между городом и деревней, а также усиление региональных дисбалансов, связанных с акцентом на развитии восточных приморских провинций в то время.

Как уже было отмечено, рост неравенства происходил на всем периоде реформ вплоть до 2008 года. В по-

следние годы, хотя неравенство и сокращается, но происходит это достаточно медленно и разрыв между бедными и богатыми остается огромным. Все это ставит под вопрос если не эффективность экономических реформ в целом, то, по крайней мере, их последствия для социального устройства. Так можно ли сказать, что общество было менее дифференцированным, а главное более *справедливым* при Мао? Имели ли китайцы в существовавшей плановой экономике такие же возможности, какие сейчас им предоставляет рыночная экономика и реформированные институты?

Как и ряд авторов (Уайт, Янг, Найт и другие), я считаю, что нет. Несмотря на формальную эгалитарность до-реформенного общества, в нем отсутствовали институты социальной мобильности, как горизонтальной, так и вертикальной, многие были лишены доступа к основным социальным услугам, таким как образование и медицинское обслуживание, отсутствовали институты социальной защиты граждан (пенсии, выплаты по безработице и др.), и в целом уровень благосостояния был низким. Вряд ли с этим многие будут спорить. В таком случае, зададим новый вопрос. Можно ли сказать, что эти проблемы были решены за счет реформ и «маркетизации» китайской экономики? Проанализируем все по порядку.

Во-первых, рассмотрим институты социальной мобильности. Стоит отметить два типа изменений, которые обеспечили большие возможности для китайских граждан по изменению своего дохода и социального статуса. В рамках мобильности путем миграции из сельской местности в города, фактически запрещенной системой подворной регистрации с 1966 года, произошли серьезные изменения. До сих пор идут реформы этой системы с регулярными послаблениями для сельских жителей. С 1978 года это обеспечило возможность уже более чем 200 млн. сельских жителей мигрировать в города в попытках найти работу. Теперь они даже особый класс рабочих-мигрантов из сельской местности (*“nongmingong”*). Кроме того, в 1977 году была восстановлена система всекитайских университетских экзаменов [6, р. 231] и отменены ограничения для выпускников школ при поступлении. Так был восстановлен еще один институт вертикальной мобильности.

Во-вторых, активно развиваются государственные социальные программы. Несмотря на трудности, возникшие в этой сфере сразу после начала реформ из-за сокращения государственного финансирования школ и больниц, правительством вскоре были приняты адекватные меры. В итоге это обеспечило повышение продолжительности жизни в деревнях, покрытие около 90% китайских крестьян медицинской страховкой к 2010 году. Кроме того, на данный момент почти все дети в деревнях получают неполное среднее образование [6, р. 231] (в 1986 году ввели как обязательные 9 лет школьного обучения). Также внесены существенные изменения в порядок пенсионных выплат. Теперь они доступны не только работникам государственных предприятий, а всем гражданам. Появились программы финансирования пенсий и для сельских жителей [2]. На данный момент, однако, всего лишь около 50% взрослого населения Китая имеют или будут иметь пенсии, поэтому в этой сфере проводятся серьезные реформы и в настоящее время, чтобы увеличить долю охваченного программами населения. Совсем недавно, в феврале 2014 года, была заявлена инициатива по созданию единой пенсионной системы в Китае [2].

Вышеперечисленные меры, принятые китайских правительством в течение периода реформ, а также проект реформ на будущее свидетельствуют о значительной социальной переориентации политики государства, расширении доступа населения к образованию, медицинскому обслуживанию и социальным выплатам, а также значительно возросшие возможности социальной мобильности. Все это наводит на мысль о том, что, несмотря на возросшее неравенство по доходам, социальное устройство китайского общества более справедливо сейчас, нежели при Мао.

Выводы

Вначале работы мы задались вопросами о том, как изменилось социальное неравенство в Китае в последние 30 лет во время проведения реформ и к чему эти изменения привели. В частности нас интересовал вопрос сопоставления эгалитарного общества при Мао Цзэду и рыночной экономики с возросшим неравенством, характерной для Китая на данный момент.

Несмотря на то что экономические реформы, начавшиеся в 1978 году, действительно объективно обусловили рост неравенства в китайском обществе, оказывается, что в сравнении с обществом времен Мао современный Китай можно считать обществом с более справедливым социальным устройством. Это связано с тем, что сейчас уменьшилась зависимость от места рождения и бюрократического назначения, существует гораздо больше возможностей для социальной мобильности: переезд из деревни в город, получение высшего образования, прохождение переквалификации, свободная смена места работы. Также был повышен общий уровень жизни (значительно возрос ВВП на душу населения как в целом по стране, так и отдельно для городской и сельской местности), расширен доступ населения, особенно сельских жителей, к лучшему образованию и более качественному медицинскому обслуживанию. Больше возможностей обеспечивают большую свободу человеку изменить свой социальный статус и подняться по социальной лестнице.

Что касается непосредственно динамики социального неравенства, то важно отметить замедление его ро-

ста с 2003 года и перелом динамики в 2009 году, когда неравенство стало постепенно сокращаться. Можно предположить, что Китай прошел переход от роста неравенства к его снижению в соответствии с кривой Кузнеца. Хотя точных оценок нет, существуют макроэкономические процессы, которые действительно смогут обеспечить сокращение неравенства и в дальнейшем.

Список использованной литературы

1. China Just Approved A New Plan To Crush Income Inequality (2013). *Business Insider portal* <http://www.businessinsider.com/chinas-new-income-distribution-plan-2013-2#ixzz2zU2Weumz>
2. China to Create Unified Pension System (2014). *The Wall Street Journal Online*. <http://online.wsj.com/news/articles/SB10001424052702304680904579368453430854082>
3. Fan, S., R. Kanbur, and X. Zhang (2008). "Regional Inequality in China: an Overview." *China's Regional Disparities: Experience and Policies*. NY: Cornell University Press.
4. Knight J. Inequality in China: An Overview (2013). Oxford University Press on behalf of the International Bank for Reconstruction and Development.
5. Wang M. Emerging urban poverty and effects of the Dibao program on alleviating poverty in China (2007). *China & World Economy*, Vol.15, No.2, pp. 74-88.
6. Whyte M.K. China's Post-Socialist Inequality (2012). *Current History*, pp. 229-234.
7. Whyte M.K. Myth of the Social Volcano: Popular Responses to Rising Inequality in China (2011). In: Kirby WC *The People's Republic of China at 60*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center.
8. Yang Du, Albert Park, Sangui Wang. Migration and rural poverty in China (2005). *Journal of Comparative Economics*, No. 33, pp. 688-709.
9. Zhu C., Wan G. Rising Inequality in China and the Move to a Balanced Economy (2012). *China & World Economy*, Vol. 20, No. 1, pp. 83-104.
10. Статистическая база данных Euromonitor – Global Market Information Database (GMID) <http://www.portal.euromonitor.com/>

ГЕНДЕРНЫЙ ЭФФЕКТ

Малахова Юлия Витальевна

кандидат социологических наук, Институт пищевых технологий и дизайна, филиал ГБОУ ВО «Нижегородский государственный инженерно-экономический институт»

Хохлова Валентина Васильевна

доктор социологических наук, доцент, Нижегородский государственный технический университет им. П.Е. Алексеева, Нижний Новгород

Штольц Маргарита Витальевна

кандидат философских наук, Нижегородский институт управления, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Нижний Новгород

THE GENDER EFFECT

Malakhova Julia, Candidate of sociology, Food Technologies and Design Institute, department of "The Nizhny Novgorod State Engineer-Economic Institute", Nizhny Novgorod

Khokhlova Valentina, doctor of sociological sciences, , professor of the chair "Public Relations, Marketing and Communications" of the Nizhny Novgorod State Polytechnic University, Nizhny Novgorod

АННОТАЦИЯ

Основным предметом обсуждения в статье являются особенности женской управленческой модели. Новые требования к менеджменту организаций: кооперация и синергия – обусловлены социальным вызовом. Переоценка роли полов способствует внедрению гуманистических моделей менеджмента с надеждой на женское лидерство.

ABSTRACT

The main subject of the article discussing is particular qualities of women management model. The new requirements to the management of organizations: cooperation and synergy – are due to the social challenge. Reassessment of gender roles facilitates the introduction of humanitarian management's models with the hope of women's leadership.

Ключевые слова: модель мышления; этажи власти; стиль руководства; гендерные различия.

Keywords: the model of thinking; the level of government; style of management; gender differential.

Женщины угадывают всё. Они ошибаются только тогда, когда рассуждают. **Альфонс Карр.**

Эмоциональность, способность к сотрудничеству, деловая ориентация являются принципами менеджмента будущего. Мужчина должен учиться этому. У женщин это в крови. «Лаской почти всегда добьёшься больше, чем грубой силой», – сказал Эзоп. Переоценка роли полов в менеджменте идёт полным ходом: кто-то трубит последнюю атаку, другие считают благом сохранение традиций, третьи готовы, хотя и с оговорками, к перераспределению ролей.

Важное понятие менеджмента будущего – социальная компетенция. Стоит согласиться с мнением, что так называемые «soft qualities» (мягкие способности) или «key qualifications» (ключевые квалификации) присущи в большей степени женщинам. Возможно, в ближайшем будущем канут в Лету те менеджеры, мышление и деятельность которых программируются исключительно экономичностью и личным тщеславием. Будет востребована такая модель мышления, которая позволит менеджеру оценивать не прибыли и потери, а комплексную деятельность фирмы в сплаве социальных, политических, экологических, экономических, сервисных аспектов. Линейность в мышлении заменяется дивергентностью, отступлением от традиционной логики и охватом всех сторон проблемы. Женщины с их способностью отличать нюансы, которых мужчина просто не заметит, чья «догадка обладает большей точностью, чем мужская уверенность» [Р. Киплинг], скорее и увереннее завоюют кубок первенства на этом игровом поле. Интерес к одиозной теме «Женщина-руководитель» растёт не без основания: фирмы предъявляют к менеджерам новые требования, а женщины со специфическими особенностями их социализации наиболее точно им отвечают. Происходит рождение новой ключевой квалификации – «женская сила». В обозримом будущем предпосылкой для карьерного успеха будет сохранение женской сущности под девизом: «Сила женщины – в слабости!». Не «подгонка» женского естества под мужские нормы и мерки, когда его укладывают в Прокрустово ложе жёсткой отношенческо-поведенческой мужской модели, но женское влияние на существовавшие до сих пор правила игры в менеджменте могли бы стать новыми целевыми установками социокультурного взаимодействия в этой важнейшей социальной сфере.

Изменившиеся требования к когорте менеджеров в гендерном аспекте становятся ярким примером меняющихся социальных парадигм. Идеал далеко не найден:

сталкиваются традиционные мужские претензии и инновационные женские притязания. Но закрывать глаза на факты нельзя: постепенно, прежде всего, в сфере услуг, женщины заполняют этажи власти, хотя число их пока ограничено. Зато гораздо чаще, чем их коллеги-мужчины, они под прицелом и на линии огня. Бесспорно: мужской и женский стили руководства отличны друг от друга. Без оглядки на неизбежные обобщения можно обозначить и оценить эту разницу. Женщина-менеджер способна к интеграции и открытой коммуникации, к созданию настоящей команды и её высокой мотивации; оценивается, прежде всего, женская чувствительность и интуиция в общении с людьми. Она часто привносит более человечный тон в общение – он вдохновляет и побуждает к активности даже тех членов команды, которые, стоя на самых нижних этажах структуры, не имеют никаких шансов взобраться на более высокие. Но эти способности определяют возможность для женщины-менеджера добраться только до среднего руководящего звена. Путь в высшие сферы власти открыт, как правило, только мужчинам: на них ставят за их настойчивость в достижении цели, готовность к риску и стойкость к конфликту, способность «держат удар», доминантность и ментальность победителя. Женщины начинают думать о карьерном взлёте, когда стартовать в номинации «Карьера» уже слишком поздно. Они редко ставят себе стратегические цели с их последовательной реализацией, больше надеясь на «Его Величество Случай», что для мужчин совершенно исключено. Многие высококвалифицированные женщины терпеливо ждут, когда их кто-нибудь заметит и откроет их таланты. Некоторые ждут этого всю жизнь.

«У них полностью отсутствует пробивная сила, им не свойственно тщеславие, они и представления не имеют ни о какой карьере, а если имеют, то извращённое!» В этой мужской оценке и снисхождение, и презрение. «Им нечего делать на вершинах власти!» – защищают свои рубежи топ-менеджеры.

А между тем социально-экономические перемены требуют изменений и в образе мышления, ибо следующим шагом в менеджменте будущего станут кооперация и синергия. И тогда «заиграют» особенности женского менеджмента: «сеть в сети»; ориентированность на человека и на процесс; отношения на основе доверия; открытость в деловом и скрытность в межличностном общении; информационный трансфер для оптимальных коммуникаций; привлечение персонала в процесс поиска и нахождения решения; предпочтение признания и похвалы; использование и разделение власти; инструктирование и

поддержка; склонность к интеграции и кооперации; при-
дание меньшего значения символам статуса; приоритет-
ность «Мы» перед «Я»; допущение эмоций; задушевность
в отношениях; создание помех конфликтам; точка зрения
на менеджмент как на работу с человеком [2].

Основные гендерные различия сводятся к следую-
щим. *Мужчины*: больше ориентированы на производ-
ство, успехи по службе, формально-деловые отношения.
По их самолюбию сильнее бьёт недооценка способностей
в сфере их трудовой деятельности. Они в первую очередь
заботятся о своём собственном карьерном продвижении
и об укреплении позиции. Не позволяют другим приобре-
тать влияние, особенно, если это – женщина. Они яростно
защищают свой окоп: их самих и их деятельность оцени-
вают по результату – неважно, какими средствами они
пользовались для его достижения.

Женщины: более чувствительны к отношениям на
работе, могут предпочесть хорошие отношения хорошей
зарплате. Похвала или порицание – основные регуляторы
их профессиональной деятельности и трудовой активнос-
ти. Более самокритичны, чем мужчины, но иногда это до-
ходит до чрезмерного преувеличения страха перед труд-
ностями. Обстановка на работе менее формальна. Гиб-
кость неформальных отношений между женщинами мо-
жет сыграть положительную роль при реорганизациях.
Женщины больше ценят такт, чуткость, внимательность
руководителя. Они более отзывчивы и благодарны. Но
могут легко и надолго выйти из равновесия от неудачного
слова. Вовлекая своих коллег в общее дело, они не тре-
буют безоговорочной и полной отдачи только делу и ни-
чему больше – ценят свободу и предоставляют её другим.
Они высоко оплачивают усилия коллег по улучшению и
оптимизации производственных процессов. Признают чуж-
ие достижения, что может стать нежелательным препят-
ствием для их собственной карьеры.

В различных культурах нормы, позволяющие жен-
щинам и мужчинам вести себя тем или иным образом, иг-
рать определённые роли в семье и обществе, т.е. гендер-
ные роли, достаточно различны. Гендерные стереотипы
есть представления о гендерных ролях, допустимых в дан-
ной культуре, сформированные у представителей других
культур, стран, этносов. Гендерные автостереотипы ука-
зывают на то, как гендерные роли воспринимаются пред-
ставителями этой же культуры, то есть на самих себя. Ген-
дерные роли, стереотипы, автостереотипы и связанные с
ними социальные установки регулируются на глубинном
ментальном уровне общественного сознания и сами влия-
ют на него как наиболее стабильные, уходящие корнями
в далёкое прошлое, передающиеся из поколения в поко-
ление, менее подверженные изменениям в ходе разви-
тия общества. Этот ментальный уровень формируется в
ходе долгой истории цивилизационного развития и имеет
самые различные аспекты: исторический, социальный,
экономический, культурный, религиозный, политический.
Есть мнение, что женские гендерные роли – один из
наиболее значимых показателей общественной психоло-
гии [1].

Концепция гендерного потока (gender-role spill-
over, автор – Барбара Гутек) признаёт фактор пола доми-
нирующим: он является более мощным, чем другие фак-
торы, в том числе и лидерство, как бы «заливая», подобно
поток, всё вокруг. Возникает так называемый *гендерный
эффект*, когда пол становится более значимым, чем все

другие факторы. Восприятие лидера зависит, прежде
всего, от его пола. Установлено, что женщины восприни-
мались как менее компетентные лидеры [6].

Теория гендерного отбора лидерства [5] исходит из
допущения, что люди предъявляют различные требова-
ния по отношению к лидерам разного пола. К женщинам
эти требования выше: чтобы получить ту же менеджер-
скую должность, что и мужчина, женщина должна проде-
монстрировать гораздо более высокую компетентность,
чтобы снять влияние предубеждений против неё.
Предубеждения не позволяют части женщин занять ли-
дерскую позицию, что порождает гендерную диспропор-
цию среди лидеров в организации.

На групповую динамику оказывает влияние и про-
порция представителей различных культурных категорий
в группе, в частности, по гендерной принадлежности. Эта
проблема разработана в концепции *токенизма*
(*tokenism*), предложенной Розабет Кэнтер [3]. В асиммет-
ричной группе большинство по какому-то из признаков
членов – доминанты, а те, кто количественно лишь симво-
лически представлен в группе, *токены* (символы). Токены
из-за своей малочисленности мало заметны, более сте-
реотипно воспринимаются, их характеристики преувели-
чиваются по сравнению с доминантами. Женщины в муж-
ской группе и женщины-лидеры в мужском деловом мире
выступают в качестве токенов, играя одну из четырёх не-
формальных ролей: «матери» (от неё ждут эмоциональ-
ной поддержки, а не деловой активности); «соблазни-
тельница» (*seductress* – сексуальный объект мужчины с
высоким должностным статусом, вызывает негодование у
коллег-мужчин); «игрушки», «талисмана» (*pet, mascot* –
милая, не деловая женщина, приносящая удачу); «желез-
ной леди» (*iron maiden* – неженская жёсткость, особенная
изоляция от группы). Все эти роли мешают женщинам за-
нять положение равных доминантов в группе, что снижает
их возможности служебного роста, и изменить эту ситуа-
цию может лишь увеличение их числа среди лидеров.

Своё неблагоприятное положение в группе токены
могут компенсировать, используя *впечатляющий ме-
неджмент* (*impression management*) – способ повлиять на
других людей, сформировать у них впечатление о себе с
помощью вербального (слово) и экстралингвистического
(действие, мимика, пантомимика) воздействия [8]. Одним
из проявлений такого менеджмента является инграциа-
ция (*ingratiation*): способность человека быть привлека-
тельным для других, вызывать их симпатию и любовь. Ин-
грациатор может быть как лидером, так и последовате-
лем. Его роль лучше исполняется женщиной, чем мужчи-
ной [12].

Странники фрейдизма традиционно негативно от-
носились к женскому лидерству, связывая его сугубо с
маскулинной гендерной ролью. Лидеры-женщины счита-
лись обладателями нездоровой гендерной идентичности
[10], а их стремление к лидерству, называемое «фалличе-
ским», рассматривалось как проявление неполноценно-
сти женщин, завидующих мужчинам [4].

Нарциссизм, рассмотренный с позиций психоана-
лиза, присущ как мужчинам, так и женщинам-лидерам.
Различается нарциссизм нормальный, отражающий уни-
версальную потребность человека в любви и поддержке,
и патологический: явно выраженный эгоцентризм, повы-
шенная тревожность, когда любая фрустрационная ситуа-

ция вызывает гнев, проективная тенденция (неспособность признавать свои слабости, ошибки и во всём винить других), а также недостаток эмпатии и фантазии грандиозности, проявляющиеся в форме высокомерия, доминантности и обесценивания других людей [7].

Очень популярна метафора о «стеклянном потолке» (glass ceiling). На эту невидимую, но очень реальную преграду наталкивается женщина-лидер, пытающаяся достичь вершин власти или успеха. Мужчины такой преграды не знают, она существует только для женщин [9].

Недостаток власти, дефицит лидерства заставляют женщин прибегать к защитным стратегиям. Одна из них – так называемый *гендерный менеджмент*.

Он характеризуется:

- ✓ сверхфункционированием на работе – по времени и усилиям;

- ✓ использованием специфически женских способов деловых переговоров с мужчинами: кокетства, принижения своих способностей – джентльмены, как известно, предпочитают блондинок;

- ✓ применением «маски» – стремлением скрыть свою эмоциональную и личную жизнь за строгим и индифферентным деловым фасадом из-за опасения получить ярлык неэффективного работника.

Такое поведение женщины на службе может сослужить ей дурную службу: Оно ставит под угрозу её психическое здоровье [11].

И всё же женское лидерство всё чаще становится реальностью. В этом состоит сегодня и социальный заказ. Общество устало от мужчин-лидеров, которые зачастую оказываются малоэффективными на своих высоких постах и слишком часто погружаются в коррупцию. Кроме того, многие компании озабочены царящими в них отчуждением и цинизмом и внедряют гуманистические модели менеджмента, возлагая надежду на женское лидерство. Женщины-менеджеры обучаются за счёт фирм по специальным лидерским программам, а некоторые организации на Западе заслужили репутацию «лучших компаний для женщин», причём не только в сфере услуг.

В Японии, где женщина традиционно занимает подчинённое положение, в последнее время предпочитают использовать в качестве менеджеров женщин, которые, по мнению японцев, по деловым качествам превосходят мужчин. Результативность этой должности определяют самообладание, высокая самооценка, решительность – черты сугубо мужские, которые, тем не менее, становятся всё более характерными и для женщин.

Мужчины по природе своей – экспериментаторы, создатели нового, двигатели прогресса, ибо мужское начало «Янь» активно. Женщины консервативны, осторожны, податливы, ибо женское начало «Инь» – пассивно. В них меньше ЭГО, но зато больше ЧУВСТВА. Они собирают, сохраняют и передают детям лучшие открытия, сделанные мужчинами. Всем нам рассказывали сказки и пели колыбельные мягкие и уютные бабушки; а усатый нянь – сюжет для комиксов и комедий.

Женщины не так широко и глобально, как мужчины, смотрят на проблемы и явления, тоньше отражают мир, ориентируясь на детали и нюансы. Женская стихия – мир отношений. Интуиция позволяет женщине лучше разбираться в людях, тогда как мужчины царствуют в мире

вещей. Лучшие мастера в любой сфере деятельности, какую ни возьми – кулинария, парикмахерское и швейное дело, медицина, образование, строительство, – мужчины. Если перед выходом в театр, на концерт, на большое собрание публики Вы стоите перед выбором, в чьё кресло сесть и позволить сделать с Вашей головой нечто этакое, какого мастера Вы выберете – мужчину или женщину? Если Вам срочно понадобился новый костюм, в руки какого модельера Вы отдадите Ваше стройное или не совсем тело? Если Вам нужен самый вкусный и красивый торт, кому Вы его закажете – кондитеру-мужчине или кондитеру-женщине? А если речь идёт о хирургическом вмешательстве, кому вы доверитесь – мужчине или женщине? Вопросы почти риторические.

Превосходят мужчин в ловкости рук, скорости восприятия, реакции, беглости речи – женщины. Но уступают мужчинам в скорости и координации движений, ориентации в пространстве, понимании механических отношений, в математических суждениях. Постоянная тема для анекдотов – женщина за рулём: в экстремальной ситуации нервничает, паникует и теряется, хотя в обычных условиях мужчины уступают ей в осторожности. «Женщина-математик» и «сахарь, синий чулок» традиционно почти синонимичны.

Если основные личностные черты мужчин – агрессивность, достижительность, эмоциональная стабильность, то у женщин – эмоциональность, тревожность, социокультурная ориентированность. Женская интуиция – понятие уже хрестоматийное. Женщины кожей чувствуют опасность. Мужской антиципации препятствуют рациональность, прямолинейность, упёртость, «тупая слоновость».

Самооценка женщины чаще занижена, она самокритичнее. Мужчина

больше доволен собой, он тщеславен, он всегда победитель, даже если терпит – временное! – поражение от женской неприступности. Его самооценка далеко не адекватна реальной, он чересчур Адам, чтобы недооценивать себя.

Большая, чем у мужчин, степень развитости правого полушария мозга стимулирует богатство женских фантазий, образность восприятия и мышления, глубину интуиции, минорность настроения. Преобладание активности левого логического полушария у мужчин приводит к тому, что с возрастом, когда ослабевает активность левого полушария, они чаще брюзжат и впадают в пессимизм больше, чем женщины.

Что чаще всего мешает профессиональной карьере женщины? Оказывается, недостатки её менталитета, способностей мышления и восприятия, психологические особенности. Женщины поздно решаются делать карьеру. Приблизительно после десяти лет работы у каждой женщины, как правило, происходит переосмысление своих профессиональных целей – делать ли личную карьеру, чтобы занять более высокое положение, или оставаться «девочкой на побегушках». Разумеется, это слишком поздно для карьеры.

Большинство из них слишком пассивны, не осознают себя хозяйкой собственной судьбы, позволяют случайным событиям оказывать существенное влияние на свою жизнь. Они хуже информированы в смежных профессиональных и коммерческих областях.

Женщины переоценивают влияние личных способностей и природных задатков на свою карьеру – рассчитывают только на себя. Сквозь века из зелени райских кущ им улыбается, кивает и подмигивает их прародительница Ева. Они недооценивают роль неофициальных межличностных отношений, протекции, информационных каналов, взаимной полезности, – того, чем активно пользуются мужчины. Мужская солидарность объединяет мужчин в команду, тогда как женщина, видя в других соперниц, не рассчитывает на поддержку. Женщины видят в карьере личный рост и самосовершенствование. Мужчины – престижные должности, более высокий общественный статус со всеми присущими ему символами власти, высокий оклад.

Общественные взгляды заставляют женщину изначально мириться с подчинённой ролью в семье и на работе. Даже в пословицах и поговорках заложено уничижительное содержание: «Курица – не птица, баба – не человек». Мужчине традиционно отведена роль «кормильца», главы семьи, защитника – неважно, отвечает он этим авансам или нет.

Жизнь мужчины немыслима без работы и карьеры, каждый из них претендует на ту или иную должность. Женщина должна постоянно доказывать себе и окружающим, что занимается своим делом, подразумевая, что другие в этом сомневаются. Выполняя свои обязанности, женщины обычно преследуют цель сделать дело как можно лучше, не ища личных выгод. Мужчины, постоянно думая о будущей карьере, решают задачи, руководствуясь вопросом: «А что мне это даст?» Женщины оценивают риск как всегда отрицательный момент и не любят рисковать. Избегают новой работы, боясь не справиться с ней. Мужчины оценивают риск как потерю или прибыль; победу или поражение; опасность или счастливый шанс. Их кредо, как известно, «Кто не рискует, тот не пьёт шампанское!»

Женщина эмоциональнее мужчины, обидчивее, болезненно реагирует на критику и личные оскорбления. Слишком часто её подводит нетерпимость: «Он/она мне не нравится, я не могу/не хочу с ним/с ней работать!» Во главу угла она ставит личные качества людей, а не их профессиональные возможности, свои симпатии и антипатии к ним. Превалирующий тип взаимоотношений по модели «женщина – женщина»: соперничество, поэтому очень часто их удел – одиночество. Примерно треть нервных расстройств женщин происходит от столкновения её социальных ролей руководителя на работе и исполнителя – дома [10]. Главная помеха в личной карьере женщины – в неумении девочек, а затем и женщин ладить между собой, играть «в команде», быть снисходительными к недостаткам других людей. Типичная женская ария в опере на этот сюжет: «Как ты можешь так мирно беседовать с ней, уважать, помогать в работе, если она такой неприятный человек?» И речетатив: «Не понимаю, как можно быть такими лицемерами?»

Женщины, осознавшие и победившие в себе эти недостатки, добиваются успеха. Они не платят за карьеру слишком дорогой ценой, жертвуя плюсами личной жизни и семьи.

Карьерные амбиции заставляют честолюбивых женщин-менеджеров и внешне походить на своих коллег-

мужчин: резко очерченное лицо, крепкая стать и сильный голос, короткая стрижка и серый колер в одежде. В этом случае женщина имеет равные шансы взобраться наверх и сделать карьеру, возможно, подставив ножку своим конкурентам мужского пола. Такой имидж женщины-менеджера определён психологами и имидж-мейкерами, считающими слишком женственным и мягкий тип, длинные волосы, дружелюбное выражение на круглом лице препятствующими карьере.

Не очень приятная картина. Честолюбие и амбициозность очень часто убивают женственность. Но ещё менее привлекательна мысль о том, что всё останется на своих местах: сверкающие вершины власти и умопомрачительные топ-зарплаты – сладкий, но запретный плод и недосыгаем для лакированных коготков. И поэтому: сотрите резко очерчивающий лицо макияж! Смените серый брючный костюм на шелковую блузку и мягкую юбку! Тряхните пышными волосами! Пришло время поменять предпочтения. Даёшь женщин-менеджеров с меньшим ЭГО, но с **большим** чувством. В этом их сила.

Литература:

1. Митина О.В., Петренко В.Ф. Кросскультурное исследование стереотипов женского поведения // Вопросы психологии. 2000. № 1. С. 68-86.
2. Хохлова М.В. Сильному полу принадлежит будущее / Региональная конференция «Менеджер XXI века»: Тезисы докладов. Н.Новгород, 2000.
3. Bartol K.M., Martin D.C. Women and Men in task groups / Ashmore R.D., Delboca F.K. (eds). The social psychology of female-made relations. N.Y.; L.: Acad. Press, 1986. P. 259-310.
4. Cherari S. Female psychology: A review / Walsh M.R. (ed.). The psychology of women. On-going debates. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1987. P. 22-38.
5. Eagly A.H., Karan S.J., Makhijani M.G. Gender and effectiveness of leaders: A meta-analysis // Psychol. Bull. 1995. V. 117. N 1. P. 125-145.
6. Gerber G.L. Social acceptability of hypothetical married couples and their relationships // J. Psychol. 1989. V. 124. N 5. P 575-586.
7. Jorstad J. Narcissism and Leadership: Some difference in male and female leaders // Leadership and Organization Devel. J. 1996. V.17. N 6. P. 17-23.
8. Luz, Hans-Peter. Die Moderations-Methode. In: Gablers Magazin, 1996. № 10.
9. Powell G.N. One more time: Do female and male managers differ? // Acad. Manag. Executive. 1990. V. 4. N 3. P. 68-75.
10. Walsh M. R. (ed.) The psychology of women. On-going debates. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1987.
11. Walsh M.R., Cassel C. Ensuring women's psychological well-being at work: Integrating clinical and organizational perspectives / Peiro J.M., Pricto F., Melia J.L., Luque O. (eds). Work and organizational psychology: European contribution of the nineties. L., Erlbaum, 1995. P. 101-110.
12. Wayne S.L., Liden R.C., Sparrowe R.T. Developing leader - member exchanges. The influence of gender and ingratiation // Am. Behav. Sci. 1994. V. 37. N 5. P. 697-714.

УПРАВЛЕНИЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОЦИОЛОГИИ

Кобыляцкий Николай Григорьевич

кандидат социологических наук, заместитель министра труда и социальной защиты населения Ставропольского края, г. Ставрополь

THE DIRECTION FROM THE POINT OF VIEW OF THE SOCIOLOGY

Kobylyatskiy Nikolai Grigorievich, Candidate of Science, The deputy minister of the labour and the social protection of the population of the Stavropol kray, Stavropol

АННОТАЦИЯ

В статье на примере обычной ситуации из жизни рассматривается с точки зрения методологии социологии управления и дается определение понятию «управление».

ABSTRACT

The article is devoted to the formation of the definition “direction” from the point of view of the methodology of the sociology on the common situation of life.

Ключевые слова: управление; взаимодействие; осознанное; целенаправленное.

Keywords: direction; cooperation; realized; purposeful.

Представим себе картину: ко входу в офисное здание одновременно подошли два человека и остановились перед дверью. Возникла проблема: кто войдет первым? Ситуация универсальная, которая может сложиться в любой стране, в любом населенном пункте. Однако разрешить проблему может по-разному в зависимости от социокультурного контекста. Допустим, это мужчина и женщина. В Европе мужчина распахнет перед женщиной дверь и пропустит ее первой. На Востоке женщина может уступить дорогу мужчине. В США мужчина может пропустить женщину вперед, но дверь перед ней не откроет, опасаясь обвинения в харассменте, если вдруг женщина окажется феминисткой.

Как бы ситуация ни разрешилась, общее в ней следующее: это взаимодействие, пусть и фрагментарное, двух социальных акторов. Оба движимы одной, не единой, не общей, но одинаковой целью, при этом возникает конкуренция, столкновение интересов. Ситуация неразрешима без принятия взаимоприемлемого решения, устраивающего, в конечном счете, обе стороны, хотя, возможно, одну из них и не до конца. Возникает необходимость в управленческом действии на основе анализа сложившегося положения вещей. Кто примет решение в данной ситуации, примет на себя ответственность за ее исход и станет субъектом управления, а кто подчинится чужому, становящемуся теперь общему решению и станет объектом управления?

Вот так элементарная эпизодическая ситуация, многократно фрагментарно возникающая и повторяющаяся, уже несет в себе элементы управленческих отношений. Но можем ли мы здесь говорить об управлении как таковом, как о полноценном социальном феномене?

Вспомним определение А.В.Тихоновым объекта социологии управления: «социальное управление как сознательно создаваемый людьми механизм организации их совместной деятельности для достижения общественно значимых результатов» [8, 206]. Имеем ли мы здесь в ситуации прохода через дверь в офисное помещение «общественно значимый результат»? Ведь «общественно значимый результат» получается тогда, когда удовлетворяется какая-то социально значимая человеческая потребность. В данной ситуации мы можем говорить

лишь о мимолетном удовлетворении чьей-то потребности в самоутверждении, признании социального статуса, что и проявляется в приоритете прохода в помещение. Хотя уже после проникновения в помещение оба социальных актора получают возможность удовлетворить какие-то, возможно, основные свои потребности, и это может привести в дальнейшем к получению «общественно значимого результата».

При этом здесь непосредственно отсутствуют другие признаки управления и как социального процесса, и как социального института – организованность, устойчивость и повторяемость. В то же время при возобновлении ситуации они могут проявиться, поскольку подобные ситуации опосредованно регулируются через социокультурные нормы и санкции.

Вся описанная картина, конечно, не дает нам окончательного ответа на вопросы: есть ли в ситуации у дверей управление? что такое управление? когда оно появляется во времени и в социальном пространстве? каковы границы распространения управления на социальные отношения, социальные процессы, элементы социальной структуры? – однако помогает эти вопросы поставить.

Социологию, как науку об обществе, интересует социальное управление, но иногда слово «социальное» в текстах, даже научных, по умолчанию опускается, и остается только «управление», поэтому возникает путаница с пониманием сферы распространения этого понятия, и происходит его накладывание на природные явления, когда несоциальные регулятивные механизмы тоже именуется управлением. В связи с этим рассуждение об управлении в социальных системах логично начать с его отличия от других регулятивных механизмов в природных, механических и биологических системах и установления временных рамок факта появления самого управления как такового.

В природных системах наряду с броуновским осуществляется упорядоченное, чаще всего циклическое, движение в самых разнообразных формах, таких как вращение небесных тел, фотосинтез, размножение и т.д., вызванное причинами, называемыми нами физическими, химическими, биологическими законами, которыми оно и регулируется.

В механических системах регулирование тоже имеет место, иначе хаотичное неупорядоченное движение имело бы своим финалом их саморазрушение или, как минимум, приостановление их функционирования, которое осуществляется по заранее заданной человеком программе. В связи с этим об управлении в механической системе можно говорить лишь с определенной долей семантической условности, обусловленной языковой традицией (например, водитель управляет машиной), и только в том случае, если система является не полностью механической, а имеет социальную компоненту – человеческое воздействие.

В биологических системах действуют эффективные регулятивные механизмы, в стае животных формируется определенная структура и иерархия, подчас весьма гармоничная и всегда адаптивная к окружающей среде. Некоторые животных, ведущих не индивидуальный, а групповой образ жизни, например, тех же обезьян, даже иногда называют социальными животными, подчеркивая организованность их уклада. Однако коренное качество этих механизмов состоит в том, что они подчинены действию стихийных, в первую очередь биологических, законов природы, диктуются, прежде всего, инстинктами.

В социальных системах, в отличие от природных, механических, биологических, регулятивный механизм приобретает благодаря новому параметру – наличию сознания и разума – совершенно новое качество, когда элементами этих социальных систем осознаются, хотя и в разной степени, цель, средства и пути ее достижения, и преднамеренно организуется упорядоченное взаимодействие. Степень осознания общности целей, уровня организации и упорядоченности взаимодействия, как непременных признаков управляемости социума, здесь рассматривается как норма, и всякие проявления отклонения и дисфункции управленческих институтов заслуживают отдельного рассуждения.

Поэтому мы можем утверждать, что управление в человеческом обществе, как таковое, возникло вместе с появлением сознания, когда, собственно, структурировались сами социальные отношения, и, в том числе, развернулась совместная целенаправленная деятельность. Люди стали не только осознавать необходимость совместных действий и упорядоченности этих действий для достижения своих целей и получения желаемых результатов, но и проектировать, хотя бы в самой примитивной форме, и на практике это осуществлять. Этот процесс проходит ряд этапов своего развития одновременно с развитием человеческих отношений и форм жизнедеятельности социума, включая общественное разделение труда, отделение умственного труда от физического, выделение такой общественной функции, как профессиональная управленческая деятельность, формирование таких его социальных институтов, как государство, гражданское общество и т.д.

«Социологию интересует управление социальными системами, иначе говоря, социальное управление» [7, с. 168], которое отличается от управления в других системах тем, что общество «определяется как обособившаяся от природы часть материального мира, совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей... выступает как особая форма, высшая ступень развития живых систем, которая проявляется в функционирова-

нии и развитии социальных организаций, институтов, индивидов, групп, ассоциаций и т.п.» [5, с. 114]. «Общество как особый вид социальной системы достигает высшего уровня самодостаточности как системы в отношении к ее окружающим средам» [5, с. 114].

После того, как мы обозначили отличие управления как социального феномена от других регулятивных механизмов, которых тоже иногда называют управлением, но не являющихся в таком случае социальным, пора перейти к определению управления, обратившись к научной литературе по социологии управления.

Смотрим определение управления у П.Д.Павленка: «Социальное управление в широком смысле слова – управление общностями, а также в определенных пределах – социальными процессами и явлениями; в узком смысле – основанная на определенных принципах деятельность субъекта управления, направленная на постановку перед объектом управления целей, задач и организацию их решения путем использования разнообразных средств, приемов и методов воздействия на него. В отличие от управления в технических и биологических системах социальное управление характеризуется, прежде всего, сознательной постановкой целей, которые дифференцируются в зависимости от уровня и масштабов объекта управления...

Управление – свойство, внутренне присущее обществу на любой ступени его развития. Оно имеет всеобщий характер и вытекает из системной природы общества, из общественного, коллективного труда людей, из необходимости взаимодействовать, общаться в процессе труда и жизни, обмениваться продуктами своей материальной и духовной деятельности» [7, с. 168].

Свои определения управлению дают: Е.М.Бабосов [1, с. 9-10], А.В.Сергейчук [6, с. 38], А.И.Кравченко и И.О.Тюрина [4, с. 4], Г.Е.Зборовский и Н.Б.Костина [2, с. 85] и другие авторы. Мы ограничимся их упоминанием, отметив, что они указывают на такие существенные черты управления, как наличие взаимодействия между элементами системы управления и то, что управление – это социальный процесс, и в любом обществе – это важнейший социальный процесс.

Если попытаться сформулировать кратко, оставив за рамками дефиниции управления подразумеваемые как само собой разумеющиеся социокультурную обусловленность и конкретное социальное пространство, в котором оно происходит, то для социологии управление – это осознанное целенаправленное взаимодействие субъекта и объекта для получения социально значимого результата.

Почему **осознанное и целенаправленное**? – «Человеку как индивиду присущи все свойства живых организмов. Однако появление новой, отличающей его от животных структуры психики – разума существенно изменило систему самоорганизации как человеческого организма, так и видового сообщества людей.

С появлением разума связано зарождение того, что мы называем управлением. Все, что было и есть вне человеческой деятельности – только самоорганизация. Разделение всего природного, дочеловеческого на субъекты и объекты «управления» весьма условно. Действительно, можно ли считать субъектом управления Луну, со сменой фаз которой связаны морские приливы и отливы, меняются состояния внутренней среды живых организмов, их

поведение? С некоторым допуском можно было бы отнести к управлению действия лидеров (вожаков) в животном мире, но и они, являясь продуктом жестко детерминированной подсознательной программы, все же являются компонентами систем самоорганизации. Только действия, связанные с целенаправленным, осознанным изменением структуры объекта, результатом которого является переход системы в заданное состояние... могут быть названы управленческими. Именно для таких действий, сознательно направленных на приспособляемость к среде и ее приспособление, и предназначен разум» [5, с. 102-103].

Почему **взаимодействие**, а не просто воздействие субъекта на объект? Потому, что объект тоже играет активную и важную роль в достижении общей цели в данной структуре взаимодействия с обязательным наличием обратной связи от объекта к субъекту, а о первичности субъекта во взаимодействии говорит само его название.

Социальное взаимодействие вообще является одним из ключевых понятий в социологической теории, «потому что все социальные явления (социальные отношения, процессы, изменения, социальная структура, статусы, роли и пр.) возникают в результате социального взаимодействия. Оно складывается из отдельных, направленных друг на друга социальных действий. Поэтому социальное взаимодействие предполагает взаимные действия как минимум двух акторов. При этом действие может быть инициировано самим актором (индивидом, группой) и рассматриваться как «вызов», а может быть ответной реакцией на действия других – «ответ на вызов».

Сущность социального взаимодействия заключается в том, что лишь во взаимодействии с другими людьми человек может удовлетворить подавляющее большинство своих потребностей, интересов, ценностей. Да и само по себе взаимодействие является основной жизненной потребностью человека» [3, с. 127].

Таким образом, в процессе взаимодействия, составляющего сущность процесса управления, на выходе, в качестве **социально значимого результата** выступает удовлетворение комплекса человеческих потребностей.

В центре взаимодействия субъекта и объекта находится управленческое решение. Именно принятие управленческого решения субъектом управления, исполнение решения объектом управления, обратная связь от объекта к субъекту об исполнении решения составляют основу функционирования механизма управления и содержание процесса управления.

Далее. Управление может выступать перед социологами не только как социальный процесс, но и как социальный институт, со всеми его специфическими признаками, но это тема для отдельного разговора.

Литература:

1. Бабосов Е.М. Социология управления. Минск, «Тетра системс», 2001.
2. Зборовский Г.Е., Костина Н.Б. Социология управления. Москва, 2004.
3. Козырев Г.И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль // «Социологические исследования», 2005, № 8.
4. Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социология управления. Москва, 2004.
5. Общая теория управления. Москва, 1994.
6. Сергейчук А.В. Социология управления. Санкт-Петербург, 2002.
7. Социология. Отв. ред. П.Д.Павленок. Москва, 2002.
8. Тихонов А.В. Теоретико-методологические основания социологии управления как отраслевой научной дисциплины: Диссертация на соискание ученой степени доктора социологических наук по специальности 22.00.08. Санкт-Петербург, 2000.

КРИТЕРИИ И ФАКТОРЫ СЕГМЕНТАЦИИ РЫНКА СТРАХОВЫХ УСЛУГ

Макарова Наталия Сергеевна

к.э.н., доцент кафедры финансы и кредит института экономики и бизнеса Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского, кандидат экономических наук, доцент,

CRITERIA AND FACTORS SEGMENTATION OF THE INSURANCE MARKET

Natalia Makarova, PhD in Economics, Associate Professor of "Finance and Credit" of Institute "Economy and Business" of Moscow State University of Technology and Management of K.Razumovsky.

Аннотация

В статье определены и сформулированы критерии и факторы сегментации рынка страховых услуг. Определены и активизированы риски страховщика и страхователя, по которым страховые компании могут инициировать качественные преобразования на рынке.

Annotation

The article identifies and defines the criteria and factors of segmentation of the insurance market. Defined and activated risks insurer and the insured, in which insurance companies can initiate a qualitative transformation in the market.

Ключевые слова: критерии и факторы сегментации рынка страховых услуг; риски страховщика и страхователя; реакция потребителей на новые виды страховых услуг; предпочтение видов страховых услуг.

Keywords: criteria and factors segmentation of the insurance market; risks of the insurer and the insured; consumer response to new types of insurance services; preferred types of insurance services.

Необходимость, основные идеи, модели, механизмы, инструменты пенсионной системы прошли достаточно тщательную проработку в широких научных кругах, общественным мнением, правительственных структурах, оценивались специалистами-практиками. Однако претворение их в жизнь встретило серьезные трудности и на сегодняшний день привело к минимальным результатам. Очевидно, что проведение современной пенсионной реформы в России оказалось куда более сложным процессом, чем казалось ранее.

Ее итоговый результат – воспроизводство пенсионных накоплений на рыночной основе – требует для своего осуществления взаимодействия множества социальных, экономических и финансовых институций, включая интеграцию и развитие фондового, страхового и кредитного рынков при активном участии населения.

Главное назначение финансовых рынков состоит в обеспечении эффективного распределения накоплений между конечными потребителями финансовых ресурсов. Решение этой задачи сложно в силу объективных и субъективных причин, т.к. учитываются разные порой диаметрально противоположные интересы участников финансового рынка, большие риски выполнения финансовых обязательств.

Особая роль в обеспечении эффективного распределения накоплений отводится страховому рынку:

1. Страховой рынок стимулирует развитие цивилизованных рыночных отношений.
2. Развитие страхового рынка повышает деловую активность экономических субъектов.
3. Страховой рынок улучшает инвестиционный климат, являясь важным фактором экономического роста страны, гарантом стабильности.

Объективная основа развития страхового рынка – необходимость обеспечения бесперебойности воспроизводственного процесса путем оказания денежной компенсации застрахованным в случае неблагоприятных обстоятельств изложенных в страховом договоре. Страховой рынок можно рассматривать также как форму организации

финансовых отношений по формированию и распределению страхового фонда предназначенного для управления рисками обеспечения страховой защиты общества, как совокупность страховых организаций (страховщиков), которые принимают участие в оказании соответствующих страховых услуг [1].

Роль страхового рынка возрастает в период экономических реформ, когда существенно увеличиваются неопределенность и риски.

Основой страхового рынка является страховая услуга, которая, представлена нами в виде треугольника. В вершине этого треугольника стоит риск: пожара, кражи аварии, материальной ответственности, старости смерти. (Рисунок 1)

Глядя на этот треугольник с точки зрения страхователя, мы видим, что:

- страхователь знает природу риска;
- страхователь описывает природу риска страховщику в заявлении;
- страхователь пытается найти необходимый ему вид страхования, для этого он и выходит на страховой рынок, пытаясь удовлетворить свои нужды в передаче риска на страхование;
- при выборе на страховом рынке предоставляемых услуг, страхователь учитывает такие факторы как: надежность, характер предоставляемых услуг, и основной фактор – цена.

Если мы рассмотрим данный треугольник с точки зрения страховщика,

то увидим, что:

- страхователь предоставляет ему информацию о риске;
- страховщик проводит собственное расследование (экспертизу) по изучению риска, чем сложнее риск тем более широкий круг инфраструктуры страхового рынка;
- страховщик принимает решение о том, какой объем страхового покрытия он готов предложить страхователю;
- страховщик определяет цену, которая отражает стоимость риска [2].

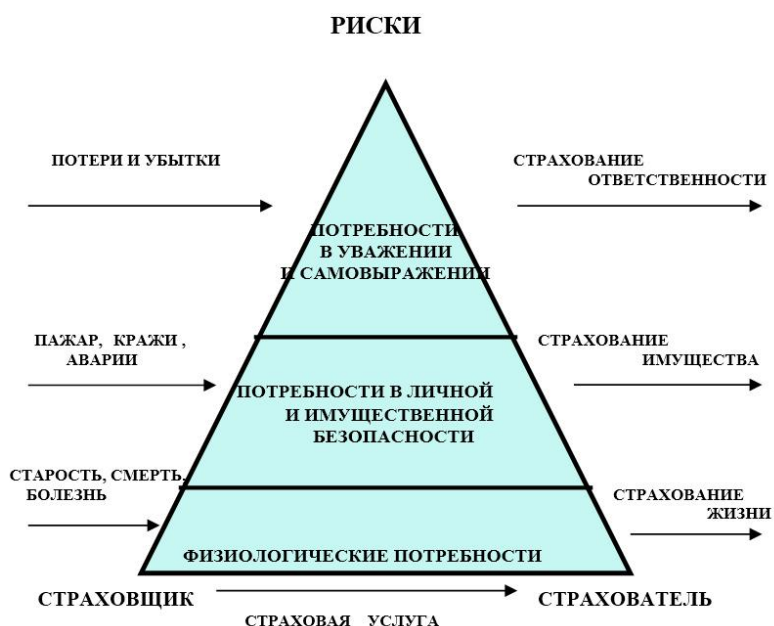

Рисунок 1. Пирамида потребностей во взаимодействии с рисками и видами страхования.

С развитием Российской экономики потребность в страховых услугах возрастает с ростом объёмов хозяйственной деятельности. Это относится, в частности, к инвестициям в жилищное строительство, которое инвестируется ипотечным кредитом и гарантируется в значительной части страхованием жизни заёмщика в пользу кредитора. Поэтому более чем скромные объёмы страхования не свидетельствуют об отсутствии у него огромного потенциала развития.

Возникает необходимость изменить роль и место страховщика в системе экономических отношений: страховые компании должны превратиться в полноправных субъектов хозяйственной жизни. При этом должно действовать обязательное условие существования страхового рынка, это наличие потребности на страховые услуги и наличие страховщиков, способных удовлетворить эти потребности.

Используют специфические критерии описания потребителей. Эти критерии связаны с спецификой рассматриваемого рынка и конкретных ситуаций на нём с субъективной оценкой того или иного вида страховой услуги. Одному и тому же клиенту может быть дорог его автомобиль, но к собственному имуществу он равнодушен. Или же наоборот, владелец недорогого автомобиля может быть владельцем редчайшей коллекции холодного оружия.

Так по мотивации выделяем группы потребителей тех или иных видов страховых услуг с ориентацией: на низкие тарифные ставки, дополнительные условия, льготные тарифные ставки.

По реакции потребителей на новые виды страховых услуг выделяем:

- остро нуждающихся в данной страховой услуге;
- приобретающие после подробного разъяснения;
- приобретающие после того, как новаторы

В отличие от сегментации рынка физических лиц, где большое внимание уделяется психографическим критериям, характеризующим поведение потребителей.

Для сегментации рынков страховых услуг физических лиц значение имеют экономические и технологические критерии. К их числу относятся:

- отрасли (промышленность, транспорт, сельское хозяйство, строительство, культура, наука, здравоохранение, торговля);
- форма собственности (государственная, частная, коллективная, иностранных государств, смешанная);
- сфера деятельности (НИОКР, основное производство, производственная и социальная инфраструктура);
- размер предприятия (малое, среднее, крупное);
- расположение (районная инфраструктура).

Сегментация служит базой для разработки маркетинговой программы (включая выбор вида услуг, ценовую и рекламную политику), ориентированной на конкретные группы клиентов.

Процесс сегментации состоит из нескольких этапов:

- формирование критериев сегментации;
- выбор метода и осуществление сегментации рынка;

- интеграции полученных сегментов;
- выбор целевых рыночных сегментов;
- позиционирование страховой услуги;
- разработка плана маркетинга.

В качестве единицы наблюдения для построения сегментации, как правило, используется отдельный индивидум. Выбор единицы наблюдения критериев сегментации зависит от вида услуги, фазы развития рынка, на котором осуществляется сегментация. На начальных этапах развития конкретного страхового рынка, страховая компания должна концентрировать усилия на уровне услуги; с увеличением числа конкурентов предприятия вынуждено дифференцировать предложение. Начинается поиск сегментов. Сегменты могут быть сформированы на основе предпочтения различных условий, правил страхования. Следовательно, с развитием рынка страховых услуг повышается степень необходимости выделения отдельных сегментов, а также повышаются требования к обоснованности выбора критериев сегментации.

На этапе формирования критериев сегментации рынка необходимо, прежде всего, ответить на вопрос, кто является основными потребителями страховой услуги, и в чём их сходство и различие.

Контингент потребителей того или иного вида услуги определяется на основе анализа демографических и социально-экономических характеристик, делается попытка связать интенсивность приобретения страховой услуги с определёнными условиями в правилах.

Довольно большое значение при сегментации рынка имеют социально-экономические факторы. Доходы сами по себе не обеспечивают достаточно такой сегментации. Однако вместе с социальным положением, жилищными условиями, культурными факторами они имеют определённое значение. Для сегментации рынка по имущественным видам страхования, поиска потенциальных потребителей, большое значение имеет степень оснащённости (обеспеченности) клиентов различным имуществом длительного пользования (автомобили, бытовая аппаратура, драгоценности, коллекции, жильё).

Следующим важным вопросом при формировании критерии сегментации является выбор характеристик и требований к виду услуги:

- потребительские предпочтения и намерения при выборе той или иной услуги по сравнению с аналогичной страховой услугой конкурирующих фирм;
- характеристика вероятного способа на новый вид услуги.

Предпочтения потребителей относительно тех или иных правил (объём страховой ответственности, страховой тариф, страховые суммы, права и обязанности сторон).

Информация о потребительских оценках (мнениях, предпочтениях) может быть получена в результате социальных исследований (анкетного опроса, тестирования, наблюдения).

Для определения потребительских предпочтений могут использоваться три группы оценок: альтернативные, прямые бальные и относительные.

Структура маркетингового исследования.

Методы исследования	Способ связи с аудиторией	План составления отбора	
Наблюдение		Единица отбора	Механические устройства
Опрос	Почта, телефон	Размер выборки	Анкета
Эксперимент	Личный контакт	Структура выборки	

Структура предпочтения относительно страховых видов – аналогов определяется с помощью альтернативных оценок. Эти оценки основываются на подсчёте положительной и отрицательной реакции населения на каждый вид услуги. Определение той же структуры с помощью бальных оценок проводится по соответствующей шкале.

Проведение работы по выявлению оценок изучаемого вида услуги позволит получить комплексную информацию в степени его соответствия требованиям различных групп потребителей.

Одним из теоретических критериев для построения системы социальной защиты может послужить классификация рисков, которым подвергаются люди в процессе своей жизнедеятельности по критерию настоятельности потребности, находящихся на различных уровнях пирамиды потребностей: физиологических, потребностей в личной и имущественной безопасности, в уважении и самовыражении.

При этом универсальным методом управления рисками на всех уровнях иерархии потребностей в условиях развитой рыночной экономики становится страхование, тогда как первоначально оно было призвано обеспечить преимущественно материальные интересы, связанные с владением различными видами имущественных объектов и благ [3].

Литература:

1. Официальный сайт Международной организации труда: [http://www.ilo.org/global/lang--en/index.htm](http://www.ilo.org/global/lang-en/index.htm).
2. Макарова Н. Конкурентоспособность пенсионных продуктов в период кризиса// Аудит и финансовый анализ. – 2011, - №1. С. 77-85.
3. Макарова Н. Необходимость моделирования рынка пенсионного страхования// Аудит и финансовый анализ. – 2011, - №10.С. 35- 42.

СМЕНА ЭКСТРЕМАЛЬНОГО ПРИНЦИПА РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА – СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Поленин Владимир Иванович

доктор воен. наук, профессор, Военный учебно-научный центр ВМФ «Военно-морская академия»,
г.Санкт-Петербург

CHANGE OF THE EXTREME PRINCIPLE OF DEVELOPMENT OF THE SOCIETY - SOCIAL ASPECT

Polenin Vladimir, The doctor milit.. Sciences, the professor Military учебно-centre of science of the Navy
"Naval academy" St.-Petersburg

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является объяснение сущности экономического устройства России и мира. Экономика подчиняется экстремальному принципу максимальной прибыли, который, реализуясь в конкуренции, с одной стороны способствует экономическому развитию, с другой – неизбежно ведет к истощению ресурсов, нарастанию социально-экономического неравенства и, в конечном счете, к ускорению гибели человечества. Разум человечества дает ему возможность, которая наиболее реальной представляется в России, создать общество всеобщего равенства и гармонии, способное сохранить Землю и Жизнь.

ABSTRACT

Article purpose is the explanation of essence of the economic device of Russia and the world. The economy submits to an extreme principle of the maximum profit which, being realised in a competition, on the one hand promotes economic development, with another – inevitably conducts to an exhaustion of resources, increase of a social and economic inequality and, finally, to acceleration of destruction of mankind. The reason of mankind gives the chance to it which is represented to the most real in Russia, to create a society of general equality and the harmony, capable to keep the Earth and Life.

Ключевые слова: экономика; экстремальный принцип; жизнь на Земле.

Keywords: Economy; an extreme principle; life on the Earth.

Россия и Мир...

Что было, что есть, и что будет...

Вот вопросы, которые, тревожат они или не тревожат, важны для каждого из нас, жителей России. Вопросы, на которые мы попытаемся ответить. Ответить, игнорируя устоявшиеся идеологические, религиозные и социальные стереотипы. Ответить на основе логических умозаключений по общеизвестным и объективным знаниям, интуиции и логике...

Я не нашел знания и понимания современных проблем России, понимания на уровне способности аргументированного объяснения и доказательства, ни в одном из своих собеседников. А нашел только лишь идеологические лозунги и штампы из когда-то изучавшихся дисциплин и нынешних публикаций с общеизвестной им ценой. Получается, что изданная еще в 1999 году книга А. Паршева [1], содержащая катехизис современного состояния политической экономики России, т.е. их изложение как основ учения в форме вопросов и ответов, либо не читана, либо напрочь забыта.

Это дает право на изложение некоторых прописных истин, которые играют ключевую роль в понимании как сущностей современного экономического устройства России, так и путей выхода из очевидного кризиса: не мира – России! Поистине не снижается актуальность российского исторического вопроса: «Что делать?».

Заметим – ни слова о политике. Только об экономике!

1. Основные черты Человечества

Человечество в целом характеризует сочетание биологического, которое свойственно всему живому, и нравственного, свойственного только Человеку.

У человечества биологическое проявляется в формах экономического и социального.

Биологическое влечет естественный отбор, стремление к выживанию, соперничеству, подразделению на хищника и жертву, а с учетом разума *Homo Sapiens*, с учетом проявления в форме экономического, – к созданию общества изощренного социального господства и рабства, насилия и обмана, наживы и нищеты, социально-экономического неравенства, общества, господствующие классы которого соподчиняют заботу о будущем Земли и человечества только служению идее своего господства и благополучия. Согласно дарвинизму, право на жизнь и воспроизводство имеет только победивший в отборе и внутривидовой борьбе [2].

Экономическое подчиняется экстремальному принципу максимальной прибыли, порождая конкуренцию.

С одной стороны **конкуренция – условие максимальной скорости сбалансированных¹ технического прогресса и экономического развития, основной закон развития**. Этот закон является неоспоримым аргументом в руках политической власти стран и народов, определяя путь строительства государства и общества свободного предпринимательства, демонаполизации основных сырьевых ресурсов и средств производства, фритредерства².

С другой стороны конкуренция – сродни соперничеству, созданию общества изощренного социального господства и рабства, насилия и обмана, наживы и нищеты, социально-экономического неравенства, общества, где все социальные институты – национальная самобытность, религия, культура, права человека – лишены приоритетной значимости и соподчинены экстремальному принципу максимальной прибыли.

Таково проявление биологического начала в формах экономического и социального.

Нравственное проявляется через социальные идеи и идеалы человечества, идеалы социальной справедливости и равенства, наиболее яркое отражая общественную природу человека. При господстве экстремального принципа максимальной прибыли нравственное оказывается соподчиненным, вторичным.

Таким образом, господствующий принцип максимальной прибыли, реализуясь в конкуренции, с одной стороны способствует экономическому развитию, являясь прогрессивным, с другой стороны неизбежно ведет к истощению ресурсов, нарастанию социально-экономического неравенства, экологической катастрофе и, в конечном счете, к ускорению гибели человечества.

2. Тот ли приоритет?

От сопутствующих ему растительных и животных форм Человечество радикально отличает Разум.

Бог или Природа, наделяя Человечество разумом, дают ему шанс отличиться от дикой природы с биологическими инстинктами, отличиться за счет своего разума и создать общество всеобщего равенства и гармонии, способное сохранить Землю и самое Жизнь как высшую цель существования живого... Но для этого нужно отказаться от экстремального принципа максимальной прибыли в пользу планового экономического развития, обобществления, национализации основных сырьевых ресурсов и средств производства, с устранением из этой сферы конкуренции.

Конкуренцию нельзя исключить полностью, вне сферы основных сырьевых ресурсов и средств производства, хотя бы потому, что она является условием сбалансированного развития. Известным недостатком социалистического планового хозяйства в СССР являлся диктат Госплана абсолютно во всех сферах, вплоть до планового производства пуговиц различных фасонов и размеров.

Спрашивается в задаче: что предпочло бы Человечество и, в частности, население России, если ему открыть глаза и поставить вопрос о предпочтительной альтернативе предельно просто и доступно:

1) разрешение частной собственности на основные сырьевые ресурсы и средства производства и свободного предпринимательства (конкуренции) в этой сфере как условие максимальной скорости технического прогресса и экономического развития, при неизбежном истощении ресурсов, нарастании социально-экономического неравенства и, в конечном счете, экологической катастрофы и ускоренной гибели человечества;

2) обобществление, национализация основных сырьевых ресурсов и средств производства, разрешение

¹ Сбалансированных в том смысле, что устраняются перекосы, свойственные строго плановой экономике.

² От «Free trade» – свободная торговля (англ.).

свободного предпринимательства лишь вне этой сферы и, как следствие – снижение скорости технического прогресса и экономического развития, однако при одновременном снижении социально-экономического неравенства, риска и сроков наступления экологической катастрофы.

Социально-экономическое неравенство неустрашимо по своей онтологической сущности, объективному существованию множества причин расслоения людей по социально-экономическим нишам. Однако при национализации основных сырьевых ресурсов и средств производства, разрешении свободного предпринимательства лишь вне этой сферы, это неравенство не будет иметь характера, доведения расслоения общества до антагонистических классов, с одной стороны, финансово-промышленных олигархов, с другой – нищих и рабов.

Если иметь в виду господствующий класс, политическую и экономическую олигархию, то очевидно, что будет выбран первый вариант ответа на этот вопрос.

Если же ориентироваться на основную массу населения, находящегося в положении социально-экономического неравенства, то следует ожидать выбор в пользу второй альтернативы.

3. Мир не переделать. Шанс смены приоритета остается у России

Однако вряд ли можно рассчитывать на всемирное демократическое по форме разрешение этого вопроса на основе квалифицированного большинства: господствующий класс не допустит ни референдума, ни осуществления сделанного им выбора.

Остается надеяться на Россию, поскольку:

– такое общество наиболее соответствует чаяниям народов, населяющих территории с трудными природными и климатическими условиями, подобно тем, что характерны для большей части России;

– экономика России в составе глобальной экономики неконкурентоспособна и инвестиционно непривлекательна, поскольку две трети территории РФ – вечная мерзлота и суровые холода зимой [1];

– наша цивилизация лишь однажды и именно в России сделала масштабную дерзкую попытку использовать этот шанс, попытку, которая в случае успеха означала бы крах социального господства и рабства, а потому вызвала звериную ненависть и противодействие господствующим мировым режимов. Немудрено, что попытка завершилась ее неудачей, тем более что первопрородчество в обществе социальной справедливости не могло не содержать ошибки и недостатки, в том числе фатальные.

Итак, мы – люди, единственный вид на Земле, наделенный разумом и нравственностью. Разумом, который дает возможность понять причины неудачи, с тем, чтобы преодолеть их в будущем. Нравственностью, которая дает возможность подняться над животным миром с его биологическими инстинктами не только познанием и освоением мира, но и социальной организацией общества равенства и справедливости...

Возможность, которая наиболее реальной представляется в России.

Литература

1. Паршев А. Почему Россия не Америка – Крымский мост-9Д, 1999.
2. Юркин А. Анти-Дарвин. – Новый Петербург, №23, 11.6.2003.

ПРОБЛЕМЫ ИСЧИСЛЕНИЯ ВРЕМЕНИ В РОССИИ

Поленин Владимир Иванович

*доктор воен. наук, профессор, Военный учебно-научный центр ВМФ «Военно-морская академия»,
г. Санкт-Петербург*

PROBLEMS OF COMPUTATION OF TIME IN RUSSIA

*Polenin Vladimir, The doctor milit.. Sciences, the professor Military uchebno-centre of science of the Navy
"Naval academy", St.-Petersburg*

АННОТАЦИЯ

В России постоянно ведется борьба за установление того или иного режима времени. Здесь и декретный час, и зимнее, и летнее время. Принимаемые правительством решения не удовлетворяют пожелания большинства населения и объективно не соответствуют наилучшим условиям нормального суточного цикла жизни. Как решить этот вопрос наилучшим образом, каким критерием следует руководствоваться? Главной целью публикации является выход на такой вариант и уровень решения вопроса со стрелками часов, который позволил бы удовлетворительно ответить на эти вопросы.

ABSTRACT

In Russia struggle for an establishment of this or that mode of time is constantly conducted. Here both hour established by decree, and winter, and summertime. Decisions made by the government do not satisfy a wish of the majority of the population and objectively do not correspond to the best conditions of a normal daily cycle of life. How to solve this question in the best way, it is necessary to be guided by what criterion? A publication overall objective is the exit on such variant and level of the decision of a question with hands which would allow to answer these questions well.

Ключевые слова: поясное время; стрелки часов.

Keywords: zone time; hands.

Условия нормального суточного ритма жизни человека

Социальный ритм жизни в любой стране определяется режимом времени, устанавливаемым правительством с помощью системы исчисления (счета) времени (СИБ). В соответствии с этим режимом на производстве, в учреждениях и организациях определяется время начала и продолжительности рабочего (учебного) дня, которое и характеризует социальный ритм жизни общества.

Жизнедеятельность человека подчинена суточному циклу «бодрствование-сон». Человек – существо дневное. Его деятельность осуществляется в светлое время суток, а сон – в темное. От того, насколько это реализуется на самом деле, зависит физическое и психическое состояние человека, а потому – и качество его деятельности и сна, здоровье, работоспособность и продолжительность жизни.

Эти положения бесспорны, потому что они подтверждаются самой эволюцией человека и человеческого общества. Они многократно подтверждены целым рядом зарубежных и отечественных ученых.

Из этих положений следуют основные условия нормального суточного ритма жизни человека, которые в наиболее обобщенном и систематизированном виде сформулированы СПб комитетом «За восстановление в России жизни по поясному времени». Именно этому комитету принадлежит экспертная оценка Закона «Об исчислении времени» (Федеральный закон № 107-ФЗ от 2011 г. «Об исчислении времени»), согласно которой этот закон нарушает статьи 2, 7, 38, 41 и 72, а особенно п. 2 ст. 21 Конституции РФ.

По мнению экспертов СПб комитета, при решении вопроса о выборе удовлетворительной системы исчисления времени, из числа этих условий принципиально важным является условие пробуждения человека не раньше восхода Солнца. Это условие соответствует главному критерию выбора СИБ.

Можно согласиться с бесспорностью этого условия при одном небольшом его смягчении: пробуждение человеком плохо воспринимается не до восхода Солнца, а до рассвета, а наступление темноты – не с заходом Солнца, а с окончанием вечерних сумерек. Человек – дневное существо, и ориентироваться нужно на светлое время суток, что приводит к учету в светлом времени утренних и вечерних сумерек.

О том же свидетельствует кандидат географических наук, доцент географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова А.В. Панин: «Для объективной оценки необходимо договориться о критериях. Человек по своей биологической сути – существо дневное, нуждающееся в солнечном свете. Поэтому главным критерием для сравнения разных СИБ рационально считать эффективность использования светлого времени суток – насколько полно освещен естественным светом период дневной активности населения» [1].

Продолжительность сумерек возрастает с увеличением широты. По мере увеличения широты Солнце встает

позже, но рассвет при этом длится дольше. Поэтому само изменение момента начала светлого времени суток менее значительно, чем изменение времени восхода Солнца. Следовательно, такой подход одновременно снижает остроту проблемы.

Кроме того, следует иметь в виду условие приблизительно двухчасового промежутка времени между моментом пробуждения и началом дневной деятельности (работы, учебы), необходимого для утренних гигиенических процедур, завтрака и перехода (переезда) к месту работы или учебы.

Итак, **принципиально важным условием, иначе говоря, главным критерием, является условие пробуждения человека с рассветом или позже.**

Другое важное условие состоит в наибольшей, по возможности, продолжительности светлого времени суток после работы и учебы. Это условие является вспомогательным, соподчиненным критерием.

В основном условии пробуждения человека не ранее рассвета уже содержится одна из норм установления суточного режима времени: нужно исходить из обеспечения пробуждения человека не раньше рассвета в самый короткий день года – 22 декабря. Это обеспечивает пробуждение человека в светлое время суток как зимой, так и летом.

В силу очень большой разницы в длительности светлого времени суток зимой и летом в России как страны высоких широт (от 41° с. ш. до широт далеко за Полярным кругом), моменты как пробуждения людей, так и начала работы испытывают большие колебания относительно момента наступления рассвета. На широте Москвы (55-56° с. ш.) разность самого продолжительного дня летом и самого короткого дня зимой составляет около 10 часов, а на широте Санкт-Петербурга (60° с. ш.) – свыше 16 часов. Этим и вызван переход к летнему времени в одной трети стран мира.

С учетом всех этих обстоятельств возникает вопрос о том, как установить исчисление времени в России? И есть ли возможность установления такого режима, который, будучи ориентирован на человека, компромиссно отвечал бы главному критерию и другим требованиям?

Историко-географический обзор суточного режима времени

До последней четверти XIX века все люди практически жили по местному, среднему солнечному, времени – своему для каждого меридиана Земли. И условия такого суточного ритма жизни являлись вековым спутником и условием эволюции человека.

Однако с развитием промышленности, торговли, транспорта и связи местное среднее время становится неудобным: при каждом передвижении от данного меридиана на восток или на запад пришлось бы непрерывно переводить стрелки часов. Поэтому на Всемирной Вашингтонской конференции 1884 года было рекомендовано к применению **поясное время** – общее время для всей территории каждого из 24 часовых поясов (по числу часов в сутках).

Каждый из этих поясов, на которые была разделена поверхность Земли, простирается по долготе на 15 градусов, а по времени – на один час. Внутри каждого пояса используется время его среднего меридиана. Нулевой пояс – гринвичский, для него таким является Гринвичский меридиан. Границы поясов проведены либо по меридианам, кратным 7,5 градусам, либо по государственным или административным границам, либо по естественным рубежам – рекам, горным хребтам.

Было введено понятие «времени по Гринвичу» GMT (Greenwich Mean Time), впоследствии чисто технологически названным универсальным координированным временем UTC (Universal Time Coordinated).

Согласованное время во всех других поясах исчисляется с учетом их порядкового номера. Так поясное время Москвы и Петербурга, находящихся в третьем часовом поясе, отличается от всемирного (гринвичского) на три часа: когда в Лондоне 12 часов, у нас уже 15 часов. Московское поясное время имеет значение MSK = UTC/GMT + 3 часа. С учетом декретного часа с 27 октября с. г. это уже московское поясное декретное время MSK = UTC/GMT + 4 часа.

Наряду с поясным временем, применяется и летнее время – DST (Daylight Saving Time), которое устанавливается на определенной территории только в летний период года. Обычно оно опережает поясное на один час. Переход на режим летнего времени связан со стремлением более полного использования дневного света в целях экономии электроэнергии.

Имеется два способа введения летнего времени: только на летний период или в течение всего года. В последнем случае такое время не называется летним, иногда его называют «декретным». Второй способ кажется целесообразным, поскольку не требует ежегодных хлопот с переводом стрелок часов. Но тогда возникает другой недостаток: зимой нужно просыпаться задолго до восхода Солнца, что считается вредным для организма.

Выгодность введения летнего времени обусловлена традицией значительно смещать время сна относительно темного времени суток: человек просыпается обычно в начале светового дня или перед рассветом, а ложится спать гораздо позже, чем заходит Солнце. С учетом этой традиции, сдвинув летом время человеческой активности на час назад путем перевода стрелок часов на час вперед, т.е. отследив своим режимом более раннее утреннее время, общество получает увеличение светлого времени в вечернее время. Это соответствует упомянутому выше вспомогательному критерию.

Сейчас поясное время применяется в 154 странах, отдельных территориях и зонах мира, что составляет две трети от их общего числа 240. Оставшаяся треть стран применяет, главным образом находящихся в тропической или субтропической зоне, применяет либо круглогодичное декретное время, опережающее поясное на один час весь год, либо евроамериканскую СИВ, при которой в зимнее полугодие население живёт по поясному времени, а на лето стрелки часов сдвигаются на час вперёд.

По российской СИВ образца до 2011 г. – сочетанию круглогодичного декретного времени и летнего сдвига стрелок часов ещё на час вперёд – живут ещё 8 государств мира: Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Испания, Андорра, Аргентина и Чили. И только в Грузии с 2005 года, а с 30 октября 2011 года – и в России, введено круглогодичное время, которое опережает поясное на 2 часа.

Таким образом, в целом, «коллективный разум» человечества голосует за режим жизни по поясному времени, а в отношении стран с достаточно высокими широтами (северными или южными) – и за «летнее время».

Но, вопреки «коллективному разуму», с 30 октября 2011 года и в России введено круглогодичное время, которое опережает поясное на 2 часа [2].

Нынешний российский разлад с Природой по времени – самый вредный в мире. Ни одна из стран, имеющих заполярные территории, не применяет круглогодичный «декретный час», кроме России. А ныне Россия применяет уже «круглогодичное двухчасовое декретное время».

Критерии и здравый смысл

Известно, что проблема «стрелок часов» породила множество выступлений и публикаций, которые расходятся во взглядах на нее. При этом все расхождения по сути сводятся к тому, какой критерий считать главным, а какой – вспомогательным: либо критерий пробуждения человека в светлое время суток, либо критерий максимальной длительности светлого времени после работы (учебы). Очевидно, что во всех этих выступлениях и публикациях содержится здравый смысл.

Вот как отстаивают свою точку зрения сторонники критерия максимальной длительности светлого времени после работы (учебы).

М. Лукашова приводит следующую аргументацию в защиту нынешнего круглогодичного сдвига часовой стрелки на +2 часа, введенного указом президента Медведева [4]: «... сдвиг стрелок часов на 2 часа вперед – то, что мы имеем сейчас – помогает нам полнее использовать дневное время. И это не голословное утверждение. Такой порядок жизни дарит петербуржцам дополнительно 372 часа светлого времени. Москвичи получают дополнительно 200 часов. Конечно, эти дополнительные часы незаметны летом, когда в Петербурге и так «...одна заря сменить другую спешит, дав ночи полчаса» или зимой, когда долгота дня составляет всего 6 часов, и подобно тришкину кафтану, как не натягивай, но или утром до работы, или вечером после работы будет темно. В основном такой подарок в виде дополнительного светлого времени заметен весной и осенью, когда так хочется вечером после работы еще при свете прогуляться по парку или заняться играми с детьми на улице» [3].

По мнению А. Панина [1], при одинаковой длительности освещенности периода дневной активности человека в разных СИВ, можно руководствоваться следующим тезисом: «Светлое время вечером важнее, чем светлое время утром... в короткий зимний день мы в любом случае просыпаемся затемно, а в разгар лета – когда Солнце

уже встало или на рассвете. Основная борьба света и тьмы разворачивается вечером... Мы будем больше бодрствовать в светлое время суток. А значит, в частности, будет меньше ДТП, и мы сохраним человеческие жизни».

Здесь верно то, что при сдвиге стрелок часов на два часа вперед происходит как бы соответствующая отсрочка захода Солнца, поэтому весной и осенью продолжительность светлого времени на отдых и досуг увеличивается. Здравый смысл авторов этих высказываний состоит в том, что для большинства людей увеличение продолжительности светлого времени после работы и учебы действительно является желанным, а принимаемые для этого меры гуманны.

Но при этом забыт «подарок» другого рода: в зимний период и пробуждение работников и детей, и начало работы и учебы происходят при такой же отсрочке восхода Солнца и наступления рассвета на два часа позже, т.е. в глубокой темноте.

Медицина утверждает, что это вредно для здоровья, а М. Лукашова видит в этом «...подарок в виде дополнительного светлого времени замечен весной и осенью, когда так хочется вечером после работы еще при свете прогуляться по парку или заняться играми с детьми на улице». Что важнее? Вопрос не простой.

В пользу сторонников критерия вечернего светлого времени можно указать их верную для России с ее северным положением и декретным часом мысль: «в короткий зимний день мы в любом случае просыпаемся затемно» (А. Панин), «подобно тришкину кафтану, как не натягивай, но или утром до работы, или вечером после работы будет темно» (М. Лукашова). Если принять этот аргумент, то действительно остается приспособлять СИВ лишь к вечерним выгодам в светлом времени.

Но в спорных вопросах всегда найдутся сторонники различных точек зрения. И вот что говорят сторонники критерия пробуждения человека в светлое время суток.

Якушевская С.А., пос. Пограничный Приморского края (2007): «Я не раз была в Китае, в ближайшем к нашему поселку городе Суйфэнхэ. Летом у нас с ними разница во времени 3 часа, а зимой 2, хотя ехать от нас до Суйфэнхэ всего полчаса... Когда их школьники, выпавшие и улыбающиеся, идут утром в школу, наши бедолаги уже заканчивают четвертый урок. Может, отсюда и начинаются психозы, нежелание учиться, плохая успеваемость, агрессия?».

Важно то обстоятельство, что высказано мнение, которое, во-первых, отражает не взгляд на привлекательность светлого времени для досуга и развлечений, а жизненно важный аспект, и во-вторых, оценивает не просто российские правила исчисления времени, а сопоставляя их с зарубежными. Здравый смысл говорит о том, что тут уж не до того, чтобы «прогуляться по парку или заняться играми с детьми на улице». Представляется бесспорным, что для громадного большинства населения потеря весенне-осеннего вечернего «подарка» дополнительного светлого времени не является столь проблематичной,

сколько необходимость пробуждения, особенно детей, и начала работы и учебы в полной темноте.

Вот еще авторитетное мнение: «Академия медицинских наук дала заключение, что... самая важная для сна фаза – утренняя. Это от пяти до семи часов» [5].

Таким образом, с помощью здравого смысла представляется обоснованным, что главным критерием следует все же считать условие пробуждения человека не раньше утреннего рассвета. Критерий максимальной длительности светлого времени после работы (учебы) может играть только вспомогательную роль.

При двух соподчиненных критериях наука рекомендует выполнить условия по главному критерию с максимальной возможной уступкой по вспомогательному критерию. Применительно к России, в отношении рассматриваемых критериев эта рекомендация сводится к установлению такой системы исчисления времени, чтобы:

- приурочить время пробуждения и начала работы и учебы к максимально раннему, но светлому времени суток, за исключением, возможно, одного-двух зимних месяцев с самыми короткими днями;
- тем самым обеспечить максимальную продолжительность длительности светлого времени после работы (учебы) времени.

Сопоставление систем исчисления времени в России и других странах с похожими географическими условиями

Российские проблемы с поясным временем объясняются влиянием высоких широт, в пределах которых расположена территория России, что обуславливает короткий период светлого времени зимой. Причем, чем севернее мы живем, тем короче зимний день: зимой в Петербурге Солнце восходит позже, а заходит раньше, чем в Москве. К северу от Северного полярного круга зимой – круглосуточная полярная ночь.

Принятый ныне для России круглогодичный сдвиг стрелок часов на два часа будет очень заметен и болезнен в зимнее время. В этом можно убедиться, обратившись к диаграмме организации жизни населения США, Германии и России в самый короткий день года – день зимнего солнцестояния (рисунок 1).

Диаграмма представляет собой графики временных факторов в системе координат «широта места» – «время суток». Выделенные пунктирные прямоугольники отражают:

- по вертикали – период активной жизни населения от пробуждения до окончания работы и учебы;
- по горизонтали – интервалы географических широт, занимаемых территориями этих стран.
- Диаграммы характеризуют принятые системы исчисления времени:
- в США и Германии – евроамериканскую систему поясного времени в сочетании с сезонным «летним временем», опережающим поясное время на один час только в летний период;
- в России – принятый ныне «круглогодичный двух-часовой декретный час».

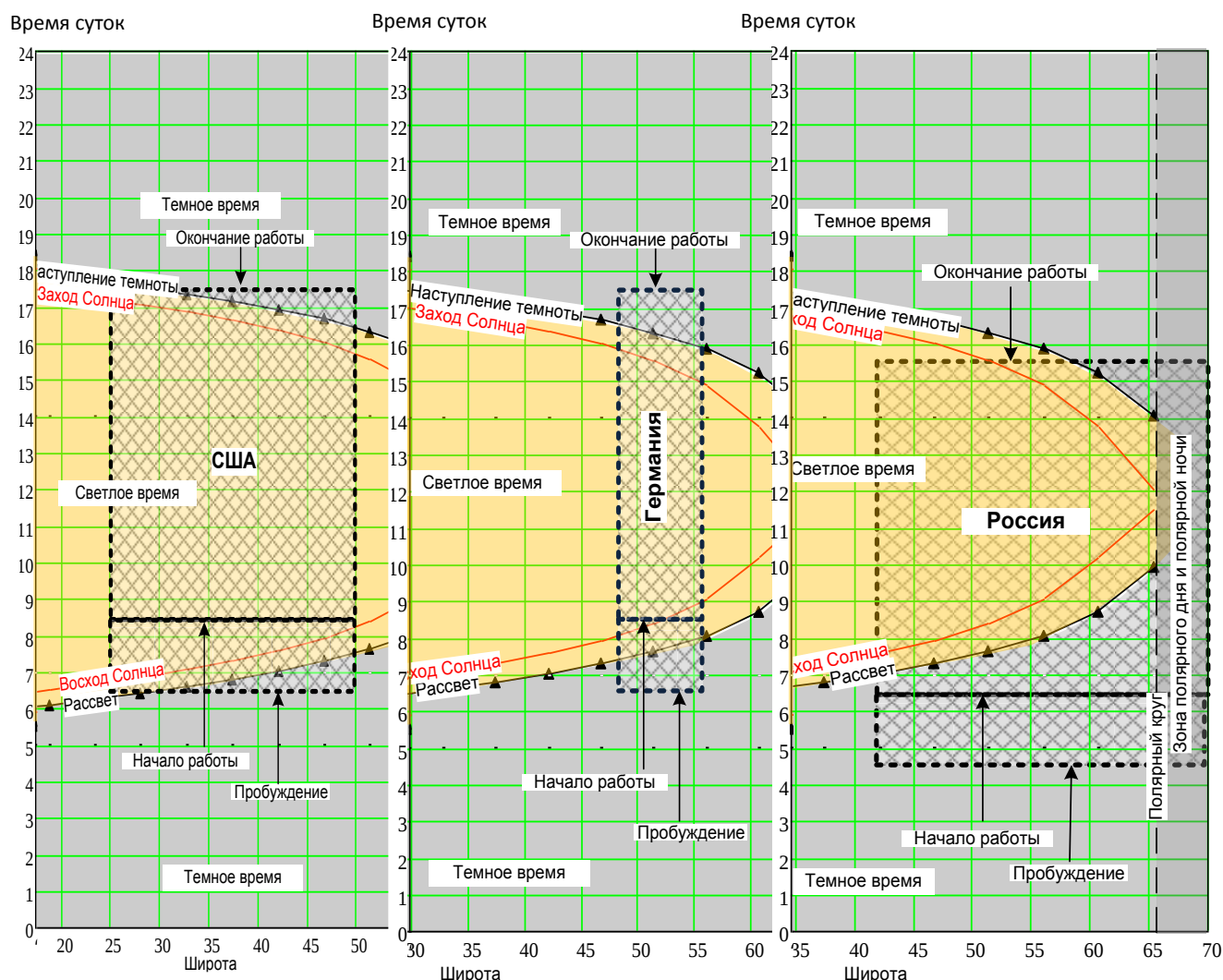

Рисунок 1. Диаграмма организации жизни населения США, Германии и России на день зимнего солнцестояния

Для сопоставления режимов повседневной жизни в разных странах следует ориентироваться на принятое в них время начала рабочего дня и учебы.

В США рабочий день, как правило, начинается в 8 или 9 часов и заканчивается в 16 или 17 часов соответственно. Начало занятий в университетах в 8 часов утра, уроки в школах начинаются очень рано: в начальных в 8 утра, а в Middle School и High school в 7-30.

В Германии рабочий день начинается, по обыкновению в 8, реже – в 9 утра, а школы начинают работу даже в 7 часов. Это дает возможность людям после работы пройтись по магазинам, которые обычно работают до 20 часов, и соответствует второму критерию, за который выступают А. Панин и М. Лукашева.

В России производственные предприятия начинают работу, в основном, в 8 часов, остальные учреждения, а также школы и вузы – в 9 часов.

Таким образом, для сравнительной характеристики организации повседневной жизни в этих странах, в среднем можно принять начало работы и учебы в 8.30. Погрешность этого среднего времени составляет $\pm 0.5..1$ час.

Нижние грани прямоугольников определяют на шкале суточного времени рубеж пробуждения работников, средние – начало работы, верхние – окончание работы. Между пробуждением и началом работы принят промежуток времени 2 часа, что соответствует среднему времени личной гигиены и дорожных затрат по пути к месту работы или учебы. Средняя продолжительность рабочего времени, с учетом часового обеденного перерыва, принята 9 часов.

США, территория которых расположена в интервале широт 25° - 50° с. ш., живут по поясному времени с переходом в летний период на летнее время (+ 1 час). Из диаграммы видно, что жители США в самый короткий зимний день просыпаются на рассвете, а работу и учебу начинают после восхода Солнца.

Германия, территория которой расположена в интервале широт 48° - 54° с. ш., так же живет по поясному времени с переходом в летний период на летнее время (+ 1 час). В день зимнего солнцестояния немцы просыпаются в темное время суток, но работу и учебу начинают после рассвета.

Из этих стран наиболее северной является Россия. Самая южная точка России расположена на широте 41° с.

ш., а самая северная – далеко за Полярным кругом. Рабочий день в России начинается за 1-3 часа до рассвета.

Наряду с Россией, в мире есть только одно государство, принявшее аналогичную систему исчисления времени, двухчасовой «декретный» сдвиг – это Грузия. Но Грузия расположена между широтами 41° и 43° с. ш., где последствия такого сдвига являются минимальными. На диаграмме ее можно вообразить как левый край прямоугольника России. Видно, что в самый короткий зимний день жители Грузии начинают работу и учебу не в полной темноте, как в России, а практически на рассвете.

И только Россия вынуждает свои народы в зимний период просыпаться и начинать работу до наступления рассвета, вынуждает вопреки Конституции РФ, гласящей: «Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам». То,

что это – опыты, подтверждает то обстоятельство, что Россия – единственное государство в мире, которое, вопреки своему северному географическому положению, ввело «круглогодичное двухчасовое декретное время».

К чему привел бы переход на поясное время

Стоит посмотреть, к каким изменениям в организации жизни россиян привел бы переход на круглогодичное поясное время.

Если обратиться к самому короткому дню года, то для этого достаточно на рисунке 1 мысленно переместить российский прямоугольник на два часа вверх. Чтобы это было наглядно, ниже приводится рисунок 2 с диаграммами организации жизни населения России при переходе на круглогодичное поясное время.

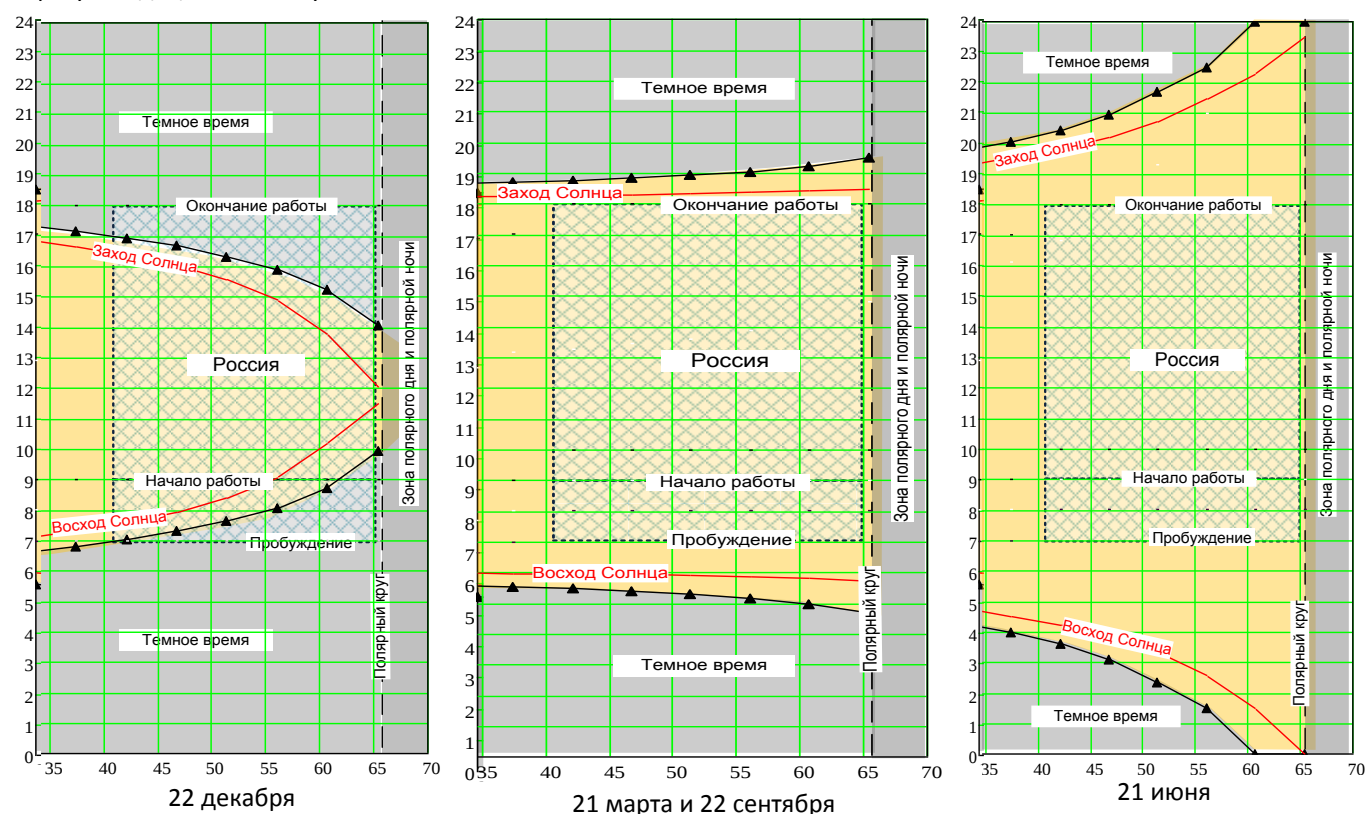

Рисунок 2 – Диаграммы организации жизни населения России при переходе на круглогодичное поясное время

Видно, что в зимний период, но только в декабре, на пробуждение продолжает приходиться темное время, а в ноябре и январе – на грани рассвета. Начало же работы и учебы в эти три месяца сместится на светлое время во всех регионах России вплоть до широты Санкт-Петербурга. В октябре-ноябре и феврале уже в пробуждение будет после рассвета, а с марта по сентябрь – после восхода Солнца. Поскольку детей обычно будят за час-полчаса до начала учебы, их положение будет еще более благоприятным. Главный критерий пробуждения человека не раньше утреннего рассвета оказывается выполненным и проблема утреннего пробуждения населения задолго до рассвета значительно уменьшается, можно сказать – снимается вовсе.

При этом население России начинает проигрывать по второму критерию – максимальной длительности светлого времени после работы (учебы). Окончание работы и учебы в декабре-январе приходится на темное время. Но в целом устанавливается определенный баланс между периодами темного времени по утрам и вечерам, в чем можно убедиться, рассматривая диаграммы в целом.

Что касается весенне-осенней и летней поры, то весь этот цикл полностью укладывается в солнечное время. Вот здесь стоит подумать о цели, провозглашенной А. Паниным и М. Лукашовой: увеличить период светлого времени после работы и учебы. Для этого должен быть введен, по образу и подобию США и Германии, сезонный переход на «летнее время». Конечно же, одновременно появляются неудобства сезонного перевода

стрелок часов. Но это уже не проблема, а вопрос второстепенной важности.

И, наконец, о СИБ областей России в высоких широтах, например, к северу от Полярного круга. Поскольку здесь полгода – день, полгода – ночь, то и часовые пояса, и перевод времени являются проблемой чисто умозрительной. Так что время для этих районов устанавливается чисто административно.

Таковы итоги анализа проблемы исчисления времени, которая оказалась исключительно актуальной как из-за расположения территории России в высоких северных широтах, так и вследствие непродуманных шагов правительства.

Литература

1. Панин А.В. Распоясавшееся время. Россия может превратиться в страну темных вечеров. Независимая газета, 26.05.2010.
2. Апрельев В.П. Игра со здоровьем на большие деньги. – MailList. – <http://archives.maillist.ru/26125/885365.html>
3. Лукашова М. Вперед – в прошлое? – Санкт-Петербургские ведомости, вып. № 189 от 03.10.2012.
4. Указ Президента Российской Федерации от 4 июня 2008 г. № 889 «О некоторых мерах по повышению энергетической и экологической эффективности российской экономики».
5. Н. Герасименко, первый заместитель председателя комитета ГД РФ по охране здоровья, "Единая Россия", доктор медицинских наук, академик РАМН. – 1-й канал ТВ, передача «Судите сами», 10.02.2011. – http://www.1tv.ru/sprojects_edition_p/si=5691&fi=7652

НАЦИОНАЛИЗМ И СОЦИУМ: ОТ ДЕВИАНТНОСТИ К МНОГООБРАЗИЮ

Русанов Виктор Алексеевич

*доцент кафедры Гуманитарных наук Энгельсского технологического института
Саратовского государственного технического университета им. Гагарина Ю.А.*

Иван Тургенев заметил, что мы довольно легко можем понять, как вращаются планеты, сияют далёкие звёзды, но решительно отказываемся понять, как это другой человек сморкается иначе, чем мы. С известной долей условности можно предположить, что многие религиозные войны в прошлом, межэтнические конфликты современности являются следствием эмоционального восприятия представляющегося девиантным, поведения оппонента. Социальная динамика влечёт изменения в поведении людей и в восприятии этого поведения. Демонстративный коллективизм советских времён, например, на наших глазах сменяется воинствующим индивидуализмом.

Важнейшей задачей государства и гражданского общества в этих коллизиях представляется снижение эмоционального фона в восприятии социально-психологических новаций. Редукция пассионарности, демонстративности позволяет гражданскому обществу объективно оценивать суть происходящих изменений, выражающихся в девиантном поведении отдельных индивидов, пресекать социально опасные проявления девиантного поведения и стимулировать полезные для общества изменения. Лишь практика социального самоуправления и саморегуляции может служить критерием в определении полярности. Методами социологии и социальной психологии можно с высокой степенью надёжности осуществлять мониторинг девиантных флуктуаций в социальном управлении.

Одним из наиболее существенных свойств человеческого поведения является то, что оно социально, оно формируется и реализуется в обществе. Другой важной особенностью поведения человека является его связь с речью и целеполаганием. В целом поведение личности отражает процесс ее социализации — интеграции в социум. Социализация, в свою очередь, предполагает адаптацию к социальной среде с учетом индивидуальных особенностей.

В науке и в обыденной жизни под нормальным поведением, как правило, понимают социально-одобряемое поведение, не связанное с какой-либо патологией, к тому же, характерное для большинства людей. Анормальное поведение можно разделить на: нормативно-неодобряемое, патологическое, нестандартное.

личностного потенциала в нем являются основой индивидуального развития.

Суть отклоняющегося поведения в том, что это устойчивое поведение личности, не соответствующее наиболее важным социальным нормам и причиняющее реальный ущерб обществу и самому индивиду. Оно сопровождается социальной дезадаптацией личности. Искоренение, полное исключение возможности отклоняющегося поведения как социального явления вряд ли возможно. Более того, их правомерно уподобить генетическим мутациям, вызывающим прогрессивные изменения

в генотипе организмов. В этом смысле девиации нормальны и полезны для общества, поскольку стимулируют прогрессивные изменения в нем.

На индивидуальном же уровне девиантное поведение выглядит более проблематичным, так как оказывается связанным с такими негативными феноменами, как реальный ущерб для жизни самой личности или окружающих людей, конфликт девиантной личности с социальным окружением, ее социальная дезадаптация.

Следовательно, на личностном уровне отклоняющееся поведение – это нестандартная социальная позиция личности, выступающая в форме девиантного стиля и образа жизни. Разумеется, большинство людей при желании вполне могут изменить свою позицию по отношению к обществу.

Социальная норма закрепляет исторически сложившийся в конкретном обществе интервал дозволенного или обязательного поведения людей, а также социальных групп и организаций. В отличие от естественно-научной, социальная норма может соответствовать или не соответствовать объективным законам развития. В последнем случае аномальна сама норма, как, например, законы тоталитарного общества и нормальны отклонения от нее. Таким образом, социальные отклонения могут быть не только негативными, нарушающими функционирование системы, но и позитивными, стимулирующими ее прогрессивное развитие, например в форме научного и художественного творчества, общественной деятельности.

При всем многообразии проявлений социальные нормы являются исторически выработанным, обобщенным социальным предписанием, обязательным для выполнения всеми людьми в обычной ситуации.

Отрыв от привычной социальной среды, новый, часто далеко не доброжелательный характер отношений в принимающих мигрантов регионах Российской Федерации, подталкивает мигрантов к поиску хоть каких-то опор и ориентиров в новой социальной реальности. Такими опорами и ориентирами становятся национализм и религия, преимущественно в фундаменталистском варианте.

Сложности определения и типологии самого феномена национализма как определенного способа интерпретации "национальных интересов" связаны со сложной структурой национального самосознания. Данное понятие нельзя выбросить из аппарата научного анализа тех конфликтов, которые называются национальными, этническими, этнополитическими. При этом конструировать толерантную политику можно только при условии выполнении ряда его требований. Данная концепция в явной или скрытой форме воплощается в законодательстве и административной практике, решающим образом определяя атмосферу каждодневной жизни индивидов, принадлежащих к различным этническим группам, даже если формально им предоставляется право гражданства. В

силу такого подхода эти "негосударственные" этносы ставятся в положение "подозреваемых", вынужденных постоянно доказывать свою "лояльность".

Фактическое единство националистических процессов не дает оснований к постулированию двух типов наций - "нации как согражданства" и "нации как этносы", нация есть в любом случае воплощаемая в социальную практику идея гомогенного государства с унифицированной идентичностью граждан. Поскольку этническое - это сущностные структуры личности, постольку они принципиально влияют на любую ее активность. Проявления этнического в человеке способствуют отнюдь не только разрушениям (как это, к сожалению, слишком часто происходит в наше время), но прежде всего созиданию. Вместе с тем на рубеже тысячелетий мы имеем как данность большое количество этнополитических конфликтов и настоящих "этнических войн" в самых различных точках земного шара.

Приходится признать, что незавидное наследие последних десятилетий в виде "национального вопроса" и агрессивного национализма человечество, к сожалению, берет с собой и в век XXI. По крайней мере, пока нет оснований полагать, что удалось хоть как-то обуздать распространившийся по планете этнический радикализм, требующий "привести в соответствие" политические и этнические границы (независимо от того, изменять ли при этом те, либо другие).

Сами по себе активность соответствующих экстремистских организаций, агрессивный этнический радикализм, этносепаратизм и сецессия, этнополитические кризисы и межэтнические конфликты - это все же лишь социальные феномены, т.е. явления, за которыми скрыта некая сущность. Эту-то сущность и требуется вскрыть.

Как представляется, решению этой задачи также может способствовать философско-антропологический подход, подразумевающий рассмотрение агрессивной этничности с точки зрения процессов, происходящих в описываемой ситуации в этнических структурах личности. В качестве объяснительной модели предлагается феномен этнической деструктивности.

Сразу же нужно подчеркнуть, что деструктивность не присуща этносу изначально, деструктивный потенциал не является атрибутом этничности и дело здесь вовсе не в "традиционном" этноцентризме. Феномен этнической деструктивности исторический, возникший на определенном этапе всемирно-исторического процесса и обусловленный именно перипетиями истории, которые вызвали вхождение этноса в политику. Поэтому не случаен и сам термин "этническая деструктивность", поскольку он отражает явление, которое имеет, в общем-то, схожие механизмы и динамику с исследованным Э. Фроммом явлением индивидуальной человеческой деструктивности - последняя также не присуща человеку как таковому изна-

чально, а вызревает из определенных исторических предпосылок по мере исторического развития общества, культуры и цивилизации³.

Очевидно, что в ситуации конфликта идентичностей люди фактически становятся маргиналами, оказываясь в неопределенном состоянии между принадлежностями к своему этносу и к строящейся нации. Индивиды, вынужденные выбирать между двумя идентичностями, стремятся во что бы то ни стало выйти из ситуации отчуждения с обеих сторон и обрести достойный социальный статус, что нередко может приводить к беспокойству, девиантному поведению, радикализму в решениях, а также к агрессивности и жестокости (душевное бремя маргинальности весьма тяжело!). Активизируется своеобразный механизм этнического самосохранения, резко нарастает уровень этнического сознания; в этих условиях политика нациестроительства однозначно воспринимается как ассимиляция и этноцид. "Там, где еще существует народ, - писал Ф. Ницше - не понимает он государства и ненавидит его как дурной глаз и посягательство на исконные права и обычаи"⁴. Разворачивающиеся в ходе нациестроительства процессы деэтнизации и аккультурации неизбежно сталкиваются с мощным противодействием. Так в ходе внутри личностной коллизии накапливается потенциал этнической деструктивности.

Этничность уходит своими корнями в подсознательные пласты психики, отвечающие за разделение человечества на "Мы" и "Они", а потому импульс нетерпимости, к сожалению, объективно намного сильнее импульса толерантности:

Многонациональность имманентна российской социальной структуре и закреплена конституционными нормами существующей политико-правовой системы. Анализ советского и современного российского опыта свидетельствует о том, что национальную политику можно рассматривать только в комплексе всех сфер жизни общества, поскольку и национальная, и экономическая, и все прочие аспекты социальной динамики являются элементами единой социальной системы.

Сейчас укрепление, совершенствование федеративного устройства страны происходит преимущественно посредством административно-ресурсного уравнивания в статусе национальных и территориальных субъектов федерации. Второй, опосредованный путь совершенствования федерализма, также становится всё более популярным и общественно-полезным. Это — деятельность национально-культурных центров, автономий, объединений. По уже сложившейся практике национально-культурные объединения выступают ходатаями по вопросам развития культуры, образования в диаспоре перед органами власти, организуют помощь нуждающимся, покровительствуют экономической деятельности представителей

диаспоры. При решении приватно-бытовых проблем, за советами в правовой сфере от 40 до 60% (по результатам социологических исследований ПАГС) членов национальных общин в Приволжском федеральном округе обращаются прежде всего к руководителям национально-культурных автономий, объединений. Таким образом, эти общественные организации выступают не только как хранители и пропагандисты национальной культуры в диаспоре, но и выполняют посреднические и протекционистские функции между государством, муниципальным образованием и своей этносоциальной группой.

Как свидетельствуют экспертные опросы и управленческая практика, деятельность национально-культурных объединений и автономий способствует скорейшей адаптации новых членов диаспор, предотвращению деструктивных конфликтов и воспитанию толерантности в обществе.

Вместе с тем концентрация всех экономических, политических, приватно-экзистенциальных потребностей только в фокусе национально-культурных объединений не только обедняет весь социум, но и может привести к некому подобию социально-культурного коллапса, превращению диаспоры в гетто.

Снижению напряжённости в межнациональных отношениях, быстрой и полной адаптации индивидов в полиэтнической среде служит развитое, правильно организованное самоуправление. Разумеется, что основой оптимизации местного самоуправления должны стать учёт национально-культурных интересов в системе социально-территориальной общности и содействие развитию экономической, в том числе коммунальной, транспортной, рекреационной инфраструктуры.

Комплекс социальных связей отдельного этнофора максимально расширяется за счёт хозяйственно-управленческих связей в местном самоуправлении и организационно-методических, возникающих из-за членства в партиях и движениях. В конечном счёте насыщение социума разнообразными социальными связями и обеспечит создание в России гражданского общества и определённую переструктуризацию социальных ценностей и политических целей этнонациональных общностей.

Несмотря на определенное сходство, социальные отклонения отличаются от отклоняющегося поведения личности. В первом случае имеет место социальный феномен, а во втором — психологий. Некоторые социальные отклонения одновременно являются и отклоняющимся поведением личности: алкоголизм, самоубийство, преступное деяние и т.п. Другие отклонения выступают в качестве только социального феномена - геноцид, коррупция, бюрократизм. Таким образом, девиантное поведение выступает и как индивидуальный акт, и как элемент социального бытия.

³ Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 1.

⁴ Ницше Ф. Так говорил Заратустра: Книга для всех и ни для кого. С.42.

электоральной практике.

В масштабном исследовании социологического центра «РОСС-XXI» определены главные причины конфликта людей с законом и представителями власти.

Конфликтность интенциональна правовой системе, Закону, поскольку право является основанием, механизмом и средством принуждения в защите интересов общества, равно как и человека и гражданина. Показателем эффективности и высокой степени проработанности права, а также зрелости общества является низкий уровень правовой конфликтности, что означает высокую степень саморегуляции общества и его системных составляющих – социальных групп, общностей, граждан.

В ответе на вопрос анкеты, «Каковы главные причины конфликта людей с законом и представителями власти», мнение основной массы граждан практически совпадает с мнением представителей экспертных групп – государственных и муниципальных служащих. Около 60%

считают, что главной причиной является незнание законов. Лишь эксперты – юристы заметно меньше оценивают фактор правового невежества. Лишь 47% этой экспертной группы признают главной причиной властно – общественной конфликтности незнание законов.

Иллюстрацией многообразного спектра правового нигилизма является распределение ответов жителей Саратовской области на вопрос исследования, «В каких случаях можно нарушать закон»? Допустимым нарушение закона считают 35% жителей малых городов и сельской местности и 41% жителей областного центра, если он противоречит морали и справедливости. Причём наиболее выражено это мнение у молодых людей в возрасте 18 – 30 лет – 41% и наименее – старшей возрастной категории (50 и более лет) – 26%.

Очевидно, что современную Россию Господь убеждает от напастей межнациональных распрей при взаимноуважительном взаимодействии государства и общества, чиновников и граждан.

ISSN 3385-8879

Национальная ассоциация ученых (НАУ)

Ежемесячный научный журнал

№ 2 / 2014

Ответственный редактор — д.ф-м.н. Филесин Т.А.
Секретарь конференции — д.ю.н. Аракелян Л.Т.
Редакционная коллегия
Березин Л.С.
Гордиенко С.В.
Дочев Д.Т.
Ильинский В.И.
Киварова В.М.
Миронина Т.С.
Невский А.А.
Опарина В.П.
Оленин К.А.
Параска Б.Д.
Рыжков Л.П.
Симоненко Д.К.
Тимофеев В.Г.
Трошев А.Е.

Ответственный редактор

д.ф-м.н. Филесин Т.А. (Российская Федерация)

Художник: Венерская Виктория Александровна

Верстка: Коржев Арсений Петрович

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Адрес редакции: 620144, г. Екатеринбург, улица Народной Воли, 2, оф. 44

Адрес электронной почты: info@national-science.ru

Адрес веб-сайта: <http://national-science.ru/>

Учредитель и издатель Национальная ассоциация ученых (НАУ)

Тираж 1000 экз.

Отпечатано в типографии 620144, г. Екатеринбург, улица Народной Воли, 2, оф. 44